

2019. Is. 2

ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

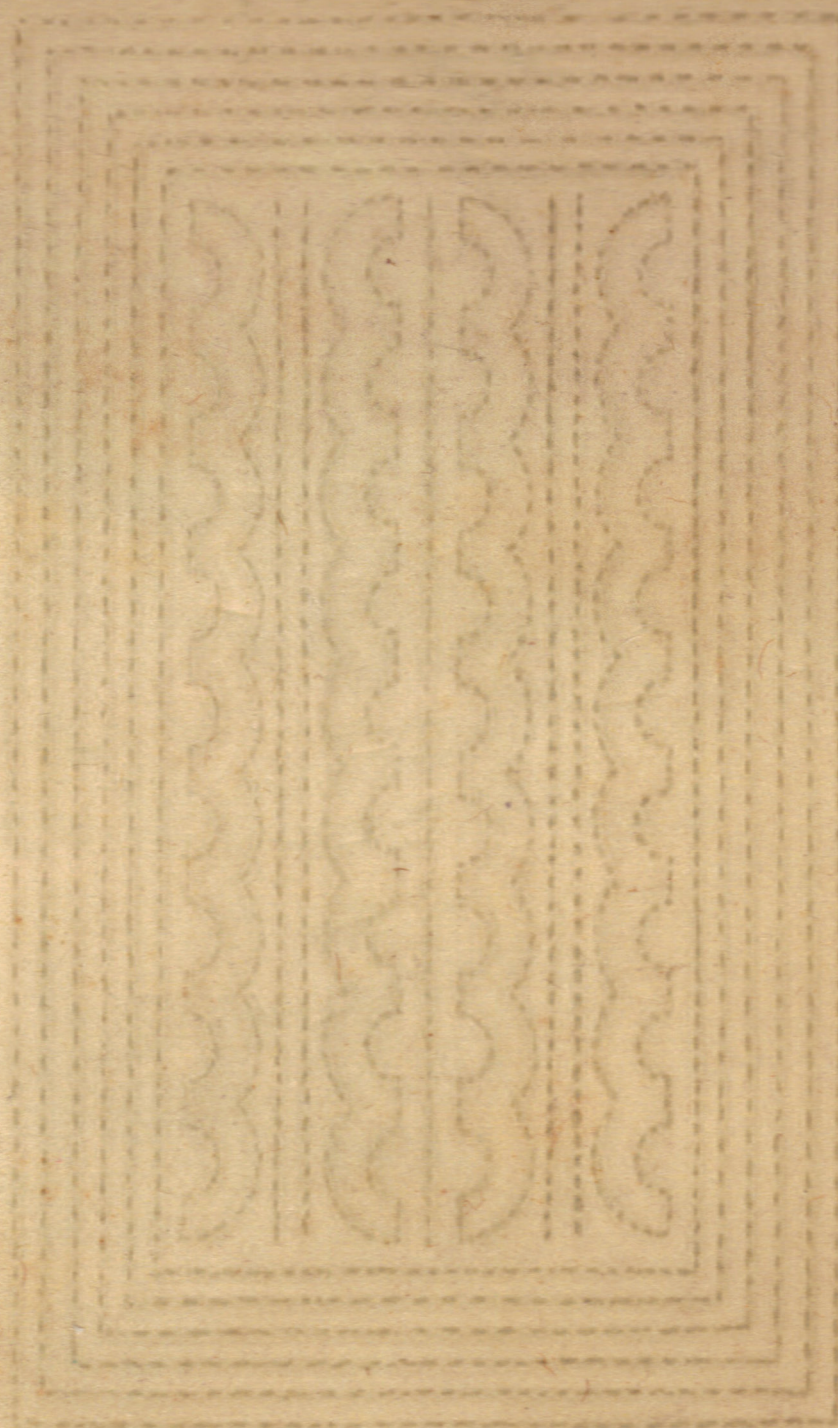


oriental Studies (Elista)

ФГБУН "Калмыцкий научный центр Российской академии наук"

(Вестник КИГИ РАН)

Ориентальные исследования





2019. № 2

ᠮᠤᠩᠭᠡᠨ ᠪᠣᠯᠦᠳᠡ

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов и определяющих их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

История (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
Языкознание; Литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 27 сентября 2017 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство СМИ ПИ № ФС77-71236

Выходит 6 раз в год

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук», 2019
- © Коллектив авторов, 2019

Oriental Studies is the reviewed scientific journal of open access, publishing results of complex researches on oriental studies problems in the field of the historical and philological sciences, devoted to history and the culture of eastern peoples and defining their unique sociocultural shape.

Mission of the *Oriental Studies* journal is to provide development of domestic and foreign oriental studies; publication of original and translated articles, reviews on oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings and to increase the level of scientific research and development of the international scientific cooperation within current problems of oriental studies.

The **purpose** of the journal consists in formation of high level of the Orientalist scientific research relying on modern scientific approaches and the most wide range of available sources and field materials, apprehension of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to development of various debatable aspects of history and the culture of the Turkic-Mongolian peoples, their place in Russia and in the world and also to the comparative-historical analysis of interaction and interference of nomadic cultural communities. The editorial board welcomes cross-disciplinary researches and the academic polemic on pages of the journal, considering it as the platform for the presentation of various points of view, world outlook concepts, methodological approaches to the solution of problems of oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with Asian studies: history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, as well as review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; it introduces archival documents into scientific discourse; it provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on September 27, 2017.

Registration number PI No. FS77-71236

Published six times a year

Founding Institution, Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:

8, Ilishkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia

Phone No. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор
канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Баря-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук, д-р филол. наук *А. А. Бурыкин*, Институт лингвистических исследований РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
проф. антропологии *Ц. Дариева*, Берлинский университет (Германия, г. Берлин);
чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
акад. РАН *Г. Г. Матишов*, Южный научный центр РАН (Россия, г. Ростов-на-Дону);
канд. филол. наук *Д. Н. Музраева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдиков*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстана (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *С.-Х. Д. Сыртыпова*, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
проф. антропологии *К. Хамфри*, Кембриджский университет (Великобритания, г. Кембридж);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Астана);
акад. Академии общественных наук КНР *Чжао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чжао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р ист. наук *Н. Хишигт*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро).

Редактор: *Р. Г. Саряева*
Переводчик: *С. В. Джагрунов, В. М. Ситник*
Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов, А. Ю. Кюкеев*

Editor-in-chief of the Editorial board

Cand. of Philol. Sc. *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy editor-in-chief of the Editorial board

Doct. of Hist. Sc. *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial board

- Doct. of Hist. Sc. *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
- Doct. of Hist. Sc. *S. Arutyunov*, Professor, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Ph.D. in History, *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph.D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
Acad. of Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*,
Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Ulan-Bator, Mongolia);
- Doct. of Hist. Sc. *N. Bugay*, Institute of the Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Doct. of Philol. Sc., Doct. of Hist. Sc. *A. Burykin*,
Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation);
Ph.D. in Philology *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Ph.D. in Philology *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Academy of Sciences of Mongolia *S. Chuluun*,
Institute of History and Archeology (Mongolia, Ulan Bator);
- Prof. of Anthropology *Ts. Darieva*, Humboldt Berlin University (Germany, Berlin);
Doct. of Philol. Sc. *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Prof. *C. Humphrey*, University of Cambridge (Great Britain, Cambridge);
- Doct. of Hist. Sc. *N. Khishigt*, Institute of History and Archeology (Mongolia, Ulan Bator);
Doct. of Philol. Sc. *V. Klyaus*, Institute of the World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
- Doct. of Philol. Sc. *I. Kulganek*, Institute of the Oriental Manuscripts of the RAS (Saint Petersburg, Russia);
Doct. of Geogr. Sc. *G. Matishov*, Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russia);
Cand. of Philol. Sc. *D. Muzraeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Doct. of Hist. Sc. *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Doct. of Hist. Sc. *I. Popova*, Institute of the Oriental Manuscripts of the RAS (Saint Petersburg, Russia);
Doct. of Philol. Sc. *G. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Ph.D. in History *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute of Social Anthropology (Berlin, Germany);
Doct. of Philol. Sc. *E. Skribnik*, University of Munich (Munich, Germany);
Ph.D. in History *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State Pedagogical University (Ulan-Bator, Mongolia);
- Doct. of Hist. Sc. *S.-H. Syrtyanova*, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation);
Doct. of Hist. Sc. *A. Sytdikov*,
Institute of Archeological Studies of Acad. of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Doct. of Hist. Sc. *V. Trepavlov*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Doct. of Philol. Sc. *A. Tsendina*, Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities,
National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies (Moscow, Russia);
Doct. of Hist. Sc. *N. Tsyrempilov*, Nazarbaev University (Astana, Kazakhstan);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Ph.D. in History *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
Ph.D. in Philology *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center, Hokkaido University (Japan, Sapporo);
- Doct. of Hist. Sc. *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia).

Editor: *Rayma G. Saryeva*

Translator: *Sanal V. Dzhaqrunov, Valentina M. Sitnik*

Design and page layout: *Dzhangar V. Tatninov, Anatoliy Yu. Kyukeev*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Китинов Б. У., Люлина А. Г.</i> Первые регенты-тулку Тибета и их роль в управлении страной	164
	<i>Кузьмин С. Л.</i> Взятие монгольскими повстанцами столицы Барги (Хулунбуира) в 1917 г.	174
	<i>Турдалай Раднаасэд.</i> Влияние земельно-пастбищных отношений на территориально-административное деление в Монголии в процессе формирования сельскохозяйственных объединений (1935–1959 гг.)	183
Отечественная история	<i>Топалова Д. Ю.</i> Общественно-культурная деятельность калмыцкой эмиграции (1920-е – начало 1930 гг.)	195
	<i>Гунаев Е. А.</i> Размежевание территорий с Астраханской областью и возвращение населения в период восстановления автономии Калмыкии в 1957–1958 гг.: административно-управленческий и гуманитарный аспекты	207
Археология	<i>Буратаев Е. Г.</i> Позднесарматские погребения могильника <i>Дюкер</i> Республики Калмыкия	220
Этнология	<i>Неманова Э. А.</i> Обрядовый текст и контекст культа Белого старца в культуре монголоязычных народов	245
	<i>Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М.</i> Личная и общественная гигиена в понимании и в жизни кочевников	255
Источниковедение	<i>Цендина А. Д.</i> Монгольское сочинение о гадании по приметам из собрания Рукописного фонда Института восточных рукописей РАН	263
	<i>Митруев Б. Л.</i> Расшифровка надписей в Петербургском буддийском храме	279
Языкознание	<i>Урунова Р. Д., Ягафарова Л. Т.</i> Местоимения как средство выражения связей слов в языках разных типов	292
	<i>Гедеева Д. М.</i> Животноводческая лексика в языке калмыцких законодательных памятников (XVII–XIX вв.)	298
Фольклористика	<i>Хуббитдинова Н. А., Юлдыбаева Г. В., Абдрафикова Г. Х., Салихов А. Г., Ханова Г. С.</i> Народные социально-бытовые байты у башкир: особенности композиции и художественно-эстетическое своеобразие	307
Литературоведение	<i>Ханинова Р. М.</i> Поэтика баллады в калмыцкой поэзии XX в. (Д. Кугультинов, М. Хонинов)	320
Рецензия	<i>Терентьев В. И.</i> Рец.: Цыпилова С. С. Женский вопрос в государственной политике Монголии (1924–2000-е гг.). Улан-Удэ: Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филлипова, 2015. 181 с.	334

CONTENTS

World History	<i>Kitinov B., Lyulina A.</i> The First Tulku-Regents of Tibet and their Role in Governing the Country	164
	<i>Kuzmin S.</i> The 1917 Conquest of the Capital Town of Barga (Hulunbuir) by Mongolian Guerillas	174
	<i>Turdalai Radnaased.</i> Mongolia's Administrative Division during the Formation of Agricultural Associations (1935–1959): the Impact of Land and Pasture Issues	183
National History	<i>Topalova D.</i> Socio-Cultural Activities of the Kalmyk Expatriate Community (1920s – early 1930s)	195
	<i>Gunaev E.</i> The 1957–1958 Reestablishment of Kalmykia's Autonomy: Division of Territories with Astrakhan Oblast and Return of the Native Population. Administrative and Humanitarian Aspects	207
Archaeology	<i>Burataev E.</i> The Dyuker Burial Ground (Republic of Kalmykia): Late Sarmatian Burials	220
Ethnology	<i>Nemanova E.</i> A Cult of the White Old Man in Mongolic Cultures: the Ritual Text and Context	245
	<i>Nanzatov B., Sodnompilova M.</i> Personal and Public Hygiene of Nomads: a Case Study of Related Concepts and Practices	255
Sources Studies	<i>Tsendina A.</i> A Mongolian Manuscript on Divination by Omens from the Collection of the Manuscript Fund of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS	263
	<i>Mitruev B.</i> Deciphering Inscriptions from St. Petersburg Buddhist Temple	279
Linguistics	<i>Urunova R., Yagafarova L.</i> Pronouns as a Means to Express Relations of Words in Different Types of Languages	292
	<i>Gedeeva D.</i> Revisiting a Lexical-Semantic Group of Names of Livestock Species in Kalmyk Legislative Monuments: 17th to 19th Centuries	298
Folklore Studies	<i>Khubbitdinova N., Yuldybaeva G., Abdrafikova G., Salikhov A., Khanova G.</i> Folk Social and Household Baits of the Bashkirs: Features of Composition and Artistic-Aesthetic Originality	307
Literary Studies	<i>Khaninova R.</i> 20th-Century Kalmyk Poetry: Poetics of the Ballad (a Case Study of Works by D. Kugultinov and M. Khoninov)	320
Review	<i>Terentyev V.</i> Book Review: Tsybilova S. S. Zhenskiy vopros v gosudarstvennoy politike Mongolii (1924–2000-e gg.) [Women's Issue in the State Policy of Mongolia (1924–2000s)]. Ulan-Ude: Filippov Buryat State Academy of Agriculture, 2015. 181 p.	334



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 2, pp. 164–173, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-164–173
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 35.08/930

Первые регенты-тулку Тибета и их роль в управлении страной

Баатр Учаевич Китинов¹

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, научный сотрудник
 ORCID: 0000-0003-4031-5667. E-mail: kitinov@mail.ru

Анастасия Геннадьевна Люлина^{2,3}

² Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, ассистент
³ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
 научный сотрудник
 ORCID: 0000-0003-0634-8844. E-mail: alyulina88@gmail.com

Аннотация. *Цель и материалы исследования.* В статье с использованием цинских источников рассмотрены фигуры трех регентов-тулку (Дэмо тулку Джампел Гелег, Цемолинг тулку Нгаванг Цультам, Тацак тулку Еше Гонпо), чья роль в управлении Тибетом во второй половине XVIII в. – начале XIX в. была велика. Цель данного исследования — обращаясь к истокам регентства в Тибете, выявить основные причины восстановления этой должности в новом статусе (тулку) в период расцвета цинского администрирования; выявить особенности положения первых регентов-тулку в правительстве, а также оценить их роль в управлении Тибетом. *Заключение.* Анализ исторических фактов, касающихся деятельности трех представителей института регентства и их функций в правительстве, позволяет сделать вывод, что дэсриды и регенты с 1642 г. имели исключительное положение. Дэсрид при Далай-ламе V не только являлся главой гражданской и политической администрации, но и выполнял роль личного советника, хотя не относился к тулку. Регента выбирали Далай-лама или хошутский хан, его статус был законодательно обоснован. Цинское правительство в тех или иных решениях действовало в рамках указанных категорий и с учетом особенностей структуры и управления тибетского правительства. Вероятно, инспирированный императором институт регентов-тулку, с одной стороны, стал проводником их влияния в Тибете, с другой — восстановил и укрепил значение регента в целом в правительстве Далай-ламы, его роль в принятии решений по поиску, интронизации и сопровождению власти тибетского иерарха.

Ключевые слова: Тибет, империя Цин, институт регентства, тулку, Гелуг, Далай-лама

Для цитирования: Китинов Б. У., Люлина А. Г. Первые регенты-тулку Тибета и их роль в управлении страной. *Oriental Studies*. 2019;(2):164–173. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-164–173.

UDC 35.08/930

The First *Tulku*-Regents of Tibet and their Role in Governing the Country

*Baatr U. Kitinov*¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation) Cand. Sc. (History), Research Associate

ORCID: 0000-0003-4031-5667. E-mail: kitinov@mail.ru

Anastasiya G. Lyulina^{2 3}

² Peoples' Friendship University of Russia (6, Mikluho-Maklay Str., Moscow 117198, Russian Federation) Cand. Sc. (History), Assistant

³ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation) Research Associate

ORCID: 0000-0003-0634-8844. E-mail: alyulina88@gmail.com

Abstract. *Goals and materials* of the research. The article investigates Qing sources and studies the personalities of three *tulku*-regents (Demo Tulku Jampel Geleg, Tsemoling Tulku Ngawang Tsültrim, Tatsak Tulku Yeshe Gonpo) considered to have played great roles in the management of Tibet in the mid-to-late 18th and early 19th centuries. Examining the origins of the regency in Tibet, the study aims to identify the main reasons for the restoration of this position in the new status (*tulku*) during the heyday of Qing Administration; characterize features of the position of the first *tulku* regents in the government, as well as assess their role in the management of Tibet. *Conclusion.* The analysis of the historical facts relating to activities of the three representatives of the regency institute and their functions within the government concludes that *desrids* and regents had gained exceptional position since 1642. The *desrid* under the 5th Dalai Lama became not only the head of the civil and political administration but also a personal adviser, not even being a *tulku*. The regent whose status was established by law was selected by the Dalai Lama or by the Khoshut khan. The Qing Government functioned within the frame of the mentioned categories and with due regard to peculiarities of the structure and administration of the Tibetan Government. Presumably inspired by the Emperor, the *tulku*-regency institute became the guide of the Qing's influence in Tibet, on the one hand; and on the other hand, it restored and reinforced the importance of the regent in general in the Dalai Lama's government, the regent's role in making decisions regarding search, enthronement and maintenance of the Tibetan hierarch's power.

Keywords: Tibet, Qing Empire, regency institute, *tulku*, Gelug, Dalai Lama

For citation: Kitinov B., Lyulina A. The First *Tulku*-Regents of Tibet and their Role in Governing the Country. *Oriental Studies*. 2019;(2):164–173. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-164–173.



Введение. Институт регентства в Тибете XVII–XVIII вв. Основные периоды

История института регентства в Тибете остается малоисследованной. В своей работе «Далай-ламы и регенты Тибета: хронологическое исследование» Л. Петех выделил три основных периода развития этого института [Petech 1959]. С 1642 г. по 1706 г. регент (*дэсрид*, *дэси*) возглавлял гражданскую и политическую администрации, мог

временно занимать должность главы правительства. Кандидатура регента утверждалась хошутским ханом или Далай-ламой. После правления Лхавсан-хана (1706–1717) регента как главы администрации не было, осталось только положение правителя Тибета, а религиозные обязанности выполнял Панчен-лама. На период отсутствия Далай-ламы VII в Лхасе (1728–1735) был назначен регент для выполнения религиозно-дисциплинарных обязанностей [Petech 1959: 377–378]. С 1751 г. Далай-лама VII

самостоятельно управлял Тибетом при поддержке Кашага из четырех министров. После смерти Далай-ламы VII (с 1757 г.) регент (*гьялцаб*) выбирался Генеральной Ассамблеей из числа *тулку* для исполнения светских и дисциплинарных обязанностей [Petch 1959: 378–379].

Придерживаясь этой периодизации, рассмотрим фигуры некоторых регентов, проявивших наибольшую активность в политических делах Тибета, подробнее остановимся на последнем периоде и уточним статус и обязанности регентов-тулку.

Материалы

В работе были использованы материалы следующих источников: цинские указы из сборника «Управление Тибетом со стороны центрального правительства и система перевоплощений живых будд. Сборник исторических материалов со времен Цин» (на кит. языке), «A Collection of Historical Archives of Tibet» (на кит. и англ. яз.), сведения из биографий Далай-лам на китайском языке [Я Ханьчжан 1999], переводы фрагментов тибетских источников на английском языке, выполненные Л. Петехом [Petch 1959] и П. Швигером [Schwieger 2015], а также перевод тибетских материалов, в том числе из биографии регента Нгаванга Цультима, представленные в работе В. Дивей [Dewey 2017]. Информация о регентах-тулку в цинских источниках очень фрагментарна и поверхностна, в основном имеется в документах, касающихся Далай-лам. Более детальные сведения представлены в источниках на тибетском языке.

Современные российские исследователи обращались к теме тибетских регентов-тулку сопутствующе — в контексте комплексных исследований. Материалы зарубежных исследователей (в том числе представителей тибетского ламства) пока остаются труднодоступными в России ввиду закрытого характера информации по отдельным темам, связанным с Тибетом.

Регенты при Далай-ламе V

Формально история регентства началась в 1642 г. со времени правления Далай-ламы V Нгаванг Лобсанг Гьяцо (*Ngag dbang blo bzang rgya mtsho*, 1617–1682). Однако нужно отметить, что еще в источниках XIII в. сохранились сведения о регентах во времена правления школы тибетского буддизма Сакья. Ламы монастыря Сакья

были духовными правителями Тибета. Для ведения светских дел монгольские правители династии Юань назначали регентов, так называемых «Великих правителей». Шакья-Зангпо (*Sha kya bzang po*) — первый светский правитель Тибета, который был назначен Хубилай-ханом при Пагба-ламе в ранге регента (*dpon chen*) для управления областями Центрального Тибета Уй и Цзан (1275 г.) [Пагсам-Джонсан 1991: 36, 83]. В последующем роль «правителей» была нивелирована, и они фактически не назначались.

Политическое устройство Тибета в период XVII–XVIII вв. характеризовалось рядом особенностей. Главой государства с 1642 г. являлся Далай-лама V, правивший при поддержке Гуши-хана (1582–1654), главы этнополитического объединения хошуттов. Правительство Далай-ламы Ганден Пходранг (*dGa'-ldan pho-brang*) имело дуальную структуру и основывалось на идее «религия и государство» (*Chos-srid, lugs gnyis*), при этом религия и буддийская этика играли первостепенную роль в решении дипломатических и государственных вопросов. На время поисков и малолетства последующего перерождения Далай-ламы назначался дэсрид (регент)¹ для исполнения административных обязанностей.

Первым регентом при Далай-ламе V был Сонам Чойпел (занимал должность в 1642–1659 гг.), который сыграл ключевую роль в установлении связей между ойратами-хошутами и иерархами Гелуг [Китинов 2004: 96–97]. Несмотря на то, что фигура дэсрида всегда была в тени, его роль в управлении страной существенно возросла. Символичным является то, что во время церемонии инаугурации Далай-ламы в зале Ташилунпо были установлены три трона: для Далай-ламы, для «царя Тибета» Гуши-хана и советника Сонам Чойпела. Их политический союз также называют «триумвиратом» [Елихина 2010: 136].

Дэсрид Сангье Гьяцо (занимал должность 1679–1703 гг.) после смерти Далай-ламы V (1682 г.) долгое время самостоятельно управлял Тибетом, скрывая факт смерти монарха. Декрет Далай-ламы V 1679 г. о

¹ На протяжении истории регентства тибетские наименования этой должности были разными. Подробнее см.: [Dewey 2017: 36–56].

назначении Сангье Гьяцо главой правительства (*Sde-ba*) вызвал пристальное внимание китайских властей в 2011–2012 гг. в связи с назначением Далай-ламой XIV Лобсанг Сангая сикёнгом, т. е. главой (президентом) Центральной тибетской администрации в Индии. В зарубежной прессе тогда появились статьи, в которых сравнивалось положение двух этих регентов, и на основе аналогии высказывались предположения по вопросу поиска реинкарнации Далай-ламы XIV и о развитии последующих событий [Barnett 2011].

Отношения между указанными тремя политическими фигурами (Далай-лама, дэсрид, «царь Тибета») были уникальными, однако для сохранения субординации обязанности каждой стороны и роль в процессе управления были разграничены законодательно.

В трех документах от 1643 г., 1653 г. и 1681 г. говорится о положении Далай-ламы по отношению к регенту и Гуши-хану. В первом законе указано, что отношения между «милостынедателем и адептом» должны быть оформлены в письменной форме. По мнению В. Д. Шакабпы, здесь речь идет о Гуши-хане и о регенте Сонам Чойпеле соответственно [Shakabpa 1984: 119].

Следующий закон 1653 г. о «милостынедателе и адепте» раскрывал историю отношений между монгольскими ханами и предыдущими воплощениями Далай-ламы, благодаря которым тибетский буддизм укрепился в Монголии. Третий закон 1681 г. (十三法典 — «13 уложений») был составлен с участием дэси Сангье Гьяцо и прославлял Далай-ламу как хранителя Тибета. Несмотря на то, что Далай-лама получил светскую и духовную власть как подношение от Гуши-хана, сам хошутский правитель не мог принимать никаких важных решений по Тибету без санкции Далай-ламы [Ishihama 2003: 541–545]. Более того, Далай-лама являлся воплощением бодхисаттвы Авалоки-тешвары, что также возвышало его перед регентом и Гуши-ханом. По мнению Л. Петеха, изначально хошутский хан продвигал регента для доступа через него к исполнительной власти. Однако со временем Далай-лама стал полновластным правителем Тибета [Petech 1959: 378]. Такая система правления отражала принципы «Буддийского правительства»: светский правитель

нуждался в легитимации своей власти посредством религии, а религия в свою очередь нуждалась в покровительстве со стороны политической элиты [Sinha 1968: 20].

Политический кризис

Дэси Сангье Гьяцо, столкнувшись с Лхавсаном, претендовавшим на полную политическую власть в стране, ушел в отставку, уступив свою должность Нгавангу Ринчену, своему сыну. Тем не менее Сангье Гьяцо в 1705 г. был казнен. Очередным противником хошутского хана стал Далай-лама VI Цаньянг Гьяцо (*Tshangs dbyangs rgya mtsho*, 1683–1706), которого Лхавсан обвинил в «фальшивости». Ситуация в Тибете осложнилась. Вот что пишут современные тибетские ученые: «Далай-лама VI Цаньянг Гьяцо вззошел на трон в 1697 году. В то время должность дэси занимал Сангье Гьяцо. Между дэси и потомком Гуши-хана Лхавсан-ханом возник конфликт. Далай-лама правил уже 13 лет, когда был свергнут Лхавсан-ханом и умер по пути в Пекин, приняв приглашение посланника цинского императора» [Bod mi'i khirms 2002: 33].

Нгаванг Ринчен, также отправленный в изгнание с Цаньянг Гьяцо, смог добраться до Пекина и по указу императора был поселен недалеко от столицы [Petech 1972: 17].

Тем временем ситуация в Лхасе продолжала осложняться [Китинов 2018: 20–28]. Многие ламы не воспринимали решения хошутского хана, особенно когда он посадил на трон в Потале своего ставленника — «настоящего» «шестого» Далай-ламу Нгаванга Еше Гьяцо (*Ngag dbang ye shes rgya mtsho*). Воспользовавшись внутривластным и религиозным кризисом в Лхасе и вообще в Тибете, джунгарский правитель Цеван-Рабтэн (1697–1727) в 1717 г. вступил в Лхасу. Лхавсан погиб в бою близ Поталы.

В 1720 г. ввиду приближения большой маньчжурской армии джунгары оставили Лхасу. На престол Поталы был посажен Далай-лама VII Кэлсанг Гьяцо (*bskal bzang rgya mtsho*, 1708–1757). Маньчжурские власти намеревались восстановить светское правление хошутов, как было при Гуши-хане. Император выступал в качестве покровителя Тибета и Далай-лам, тибетская и кукунорская аристократия ждали от него привилегий [Petech 1972: 76].

Однако разногласия среди хошутов по вопросам правления и дальнейшего устрой-

ства власти требовали более пристального внимания со стороны Цин. Император Цин, пытаясь разобраться во внутритибетских событиях (смерти регента, правлении Лхавсан-хана, вопросе с несколькими кандидатурами Далай-лам), несколько раз отправлял чиновников-наблюдателей в Тибет. В Лхасе было организовано временное военное правительство во главе с генералом Ян-синем. Далай-лама VII, несмотря на духовный авторитет, все еще не мог приступить к управлению государственными делами, так как он еще был молод и неопытен, и сам отказался принять управление Тибетом [Солощева 2013: 61].

В 1721 г. временное правительство было распущено и создан Совет министров (*bka-bshag*)², который состоял из четырех калон, местом резиденции служил монастырь Джоканг в Лхасе. Фактически Кашаг заменил институт регентов. Во избежание концентрации власти в руках клики Далай-ламы его полномочия были ограничены религиозными вопросами, политическая власть в основном принадлежала расколотому совету министров. Противоречия среди министров привели к гражданской войне в 1727 г. [Солощева 2014: 198–121].

Политический кризис в Тибете привлек внимание Цин, которая получила возможность политического влияния в этом направлении. Главным фактором действий Цин в регионе стало присутствие нескольких политических сил, имевших геополитические интересы в Тибете, а именно — джунгаров и хошут, брачные союзы между которыми могли способствовать объединению сил против Цинской империи [Ishihama 1997: 421]. Положение Далай-ламы, Панчен-ламы и в целом институт тулку стали для Цин ключом к политическому влиянию в регионе.

Регенты при Далай-ламах VII и VIII

После Лхасского мятежа 1750 г. цинское правительство, пересмотрев свои взгляды

² Несмотря на то, что Кашаг был утвержден императором, его нельзя считать цинским институтом власти. Во-первых, похожая система с двумя министрами была при Далай-ламе V, во-вторых, претенденты в калоны избирались Далай-ламой и амбанями и далее утверждались императором. Кашаг просуществовал в Тибете до 1959 г., сейчас является Советом министров «Тибетского правительства в изгнании».

на ситуацию в Тибете, инспирировало реформы тибетских институтов власти. Основным направлением стала патронизация религиозной власти. Далай-лама VII был восстановлен в статусе светского правителя Тибета. В структуре Ганден Пходранг получили развитие новые вспомогательные ведомства, призванные упорядочить разрозненную после междоусобиц систему управления. Изменения были внесены в «Уложение о ликвидации последствий бунта в Тибете в 13 статьях»³ [УТЦП 1996: 29].

В 1751 г. в Тибете было восстановлено теократическое правление. После смерти Далай-ламы VII (1757) временным религиозным главой стал Панчен-лама VI Лобсанг Палден Еше (1738–1780). Он провел поиск и интронизацию Далай-ламы VIII Джампэл Гьяцо (1762–1804). Джампэл Гьяцо не проявлял интереса к политическим делам, поэтому временным главой правительства был назначен регент Дэмо Тулку Джампэл Гьяцо (*De mo Ngag dbang 'jam dpal bde legs rgya mtsho*, 1724–1777) [Я Ханьчжан 1999: 78–88].

Джампел Гелег Гьяцо был в регионе Кам шестым тулку линии Дэмо хутухту, которая имела тесные связи с Гелуг и монастырем Дрепунг [Dewey 2017: 29–30]. В Лхасе он получил монашеские обеты от Далай-ламы VII, а после смерти иерарха по ходатайству Чанкья хутухты Ролпэ Дордже (*Lcang skya rol ba'i rdo rje*)⁴ был назначен регентом (1757). Император Цяньлун пожаловал ему золотую грамоту и серебряную печать с надписью «办理藏事宏扬佛教吉祥诺门罕之印» — «Печать благословенного Номун-хана⁵, управляющего делами Тибета и распространяющего буддийское учение» [Се Тин Цзе, Лобсанг Цюнь Цзюэ 2000: 171].

Джампел Гелег построил монастырь Теньелинг (Tenyeling), который стал первым из четырех лхасских монастырей-колледжей (四大林). Несмотря на продолжительное пребывание у власти, о нем в источниках сохранилось очень мало сведений. В императорских декретах, помимо вышесказанно-

³ Кит. 钦定西藏善后章程十三条.

⁴ Подробнее о Чанкья-хутухте Ролпэ Дордже см.: [Wang 2000].

⁵ Номун-хан (Номин-хан) — монг. понятие, означает «король Дхармы». Цин использовали его как титул для именитых тулку Гелуг. См.: [Schwieger 2015: 121].

го, имеются только упоминания об участии Дэмо тулку в тех или иных событиях, связанных с Далай-ламой. Так, в декрете Цяньлуна 1761 г., адресованном Дэмо хутухту, калонам и амбаням, говорится о подготовке приглашения Далай-ламы в Поталу для интронизации. В декрете 1762 г., адресованном Панчен-ламе VI, написано, что он вместе с Дэмо тулку должен доставить Далай-ламу VIII в Поталу для возведения на трон и пр. [УТЦП 1996: 165–166; СНАТ 1995: 42]

Процедура избрания регента-тулку, который также мог называться Гьялцабом (*Gyaltsab*), была следующей: он выбирался на Ассамблее Цонду (*Tsongdu*) из числа инкарнаций высших лам четырех лхасских монастырей: Кунделинг (*Kundeling*), Тенъелинг (*Tenyeling*), Цechoлинг (*Tsecholing*), Цомолинг (*Tsomoling*), или других крупных монастырей Центрального Тибета [Бу Цюн 2004; Rahul 1969: 31].

Кандидатура утверждалась императором Цин на 7 лет. Поиск и назначение тулку на должность регента контролировались императором посредством амбаней. Регенты имели определенную власть в светских делах, в отдельных случаях присутствовали на заседаниях Кашага, но в основном консультировались с Цонду. Регентам принадлежал Лабранг (*Labrang*)⁶. Лабранг (как и власть в целом) не контролировался единственной линией перерождений — гьялцаб каждый раз выбирался из различных линий инкарнаций (которых было всего шесть с 1757 г.: Дэмо (*Demo*), Цемолинг (*Tsemonling*), Ретинг (*Reting*), Кунделинг (*Kundeling*), Дирту (*Ditru*), Тактра (*Taktra*)) [Goldshtein 1973: 448].

Регентская система, при которой кандидатуры выдвигались из числа тулку и назначались с санкции императора Цин (позже — республиканского правительства), просуществовала до 1950 г.

В 1777 г. после смерти регента Кашаг предложил передать полное руководство страной Далай-ламе VIII, но тот еще не завершил религиозного образования и отказался.

⁶ Лабранг — казна, основное хранилище финансовых средств и другого имущества. М. Голдштейн говорит о Лабранге не просто как о казне, а представляет ее более сложной структурой с религиозным содержанием, владеющей монастырями и значительным имуществом. См.: [Goldshtein 1973: 449–450].

На должность регента претендовали два тулку, бывшие в доверии императора Цяньлуна, они же попеременно правили в последней четверти XVIII — начале XIX вв. Одним из них был Нгаванг (Агван) Цультим (*Ngag dbang tshul khrims*) из монастыря Сэра (регент в 1777–1785, 1790–1791 гг.). Он провел около пятнадцати лет при дворе Цяньлуна в качестве личного наставника [Dewey 2017: 33].

Нгаванг Цультим (1721–1791) был приглашен в Пекин по ходатайству Ролпэ Дордже и в течение 14 лет исполнял обязанности настоятеля монастыря Юнхэгун. В 1777 г. он был направлен в Тибет и получил должность регента. В совместной работе с амбанем и калонами он инспектировал различные области Тибета, провел реформирование хозяйственной сферы. Он также участвовал в идентификации инкарнации шестого Панчена, в 1778 г. стал 61-м Ганден-трипой⁷. После смерти Чанкья хутухты Ролпэ Дордже снова был вызван в Пекин на замещение его обязанностей. К этому времени (1785) закончился семилетний срок его регентства. Далее Далай-лама VIII правил единолично в течение трех лет. В китайских источниках неоднократно отмечалась его некомпетентность в политических делах, неспособность предотвратить войну с гуркхами и, как следствие, подчеркивалась необходимость назначения нового сильного ламы-регента в Тибете, коим стал Тенпэ Гёнпо (восьмой Тацак тулку Еше Лобсанг Гонпо, *Rta-tshag VIII Ye-shes-blo-bzang-bstan-pa'i-mgon-po*, также известный как *Bstan-pa'i-mgon-po*, правивший 1789–1790, 1791–1810 гг.).

Тенпэ Гёнпо во время своего обучения в Чэндэ познакомился с Ролпэ Дордже, от которого принял монашеские обеты гецула (*dge tshul*)⁸ в 1772 г. был представлен императору в Пекине, получил от него высокий монгольский титул «джасак» (тиб. *tham ga bla ma*) [Tsem Rinpoche 2018]. В 1781 г. он отправился в колледж Гоманг монастыря Дрепунг, где проходил обучение под руководством Далай-ламы VIII. Цинское прави-

⁷ Ганден-трипа — титул духовного лидера школы Гелуг и настоятель монастыря Ганден, выборная должность.

⁸ Принятие монашеских обетов «гецула» считается частичным посвящением, полное посвящение происходит с принятием обетов «гелонга».

тельство доверило ему руководство делами Тибета в 1789 г., как говорилось выше, в связи с некомпетентностью Далай-ламы в политических делах. Он получил от императора Цяньлуна титул «博勒图诺门罕之名号和扎萨克大喇嘛» («Болэту Номун-хан, джасак лама») [Ту Ся 2001]. В цинских источниках он фигурирует как Джебдрунг хутухту (济咙呼图克图). Регентство Тенпэ Гёнпо прервалось в 1790 г., когда из-за поддержки брата Далай-ламы, нарушавшего закон в Тибете, он был вызван в Пекин [СНАТ 1995: 47].

По завершении войны с гуркхами предыдущий регент Нгаванг Цультим снова вернулся в Тибет, будучи назначенным гьялцабом во второй раз. После смерти был назван первым тулку Цемолинг. Таким образом Нгаванг Цультим объединил в своем лице три функции: являлся дисциплинарным наставником Далай-ламы, регентом и Ганден-трипой [Цзинь Лэй 2007: 313].

В архивных документах сохранилась его петиция императору с рекомендациями о назначении нового министра-монаха на вакантную должность в Кашаге и обращение министров к гьялцабу («Ганден-трипа Номун-хан») о поддержке продовольствием тибетской армии в войне с гуркхами [СНАТ 1995: 44–45].

Последующие 20 лет у власти снова был Тенпэ Гёнпо, в тесном взаимодействии с министрами он провел работу по восстановлению экономики Тибета после войны, его позиции остались прочными после реформы по реорганизации правительства 1793 г. Он получил во владение монастырь Кунделинг, построенный императором в честь завершения войны с гуркхами. В дальнейшем линия инкарнации Татсак также называется Кунделинг хутухту [Tsem Rinpoche 2018].

Его позиции еще более усилились после кончины Джампэл Гьяцо, восьмого Далай-ламы, в 1804 г. В частности, он принял решение о материальной и финансовой поддержке жителей Тоха (западный Тибет), сильно пострадавших в ходе войны с гуркхами. Ввиду недовольства определенной части тибетцев присутствием китайцев и маньчжуров, регент предложил новому императору Цзяцзину (1796–1820) сократить гарнизон, как и вообще количество офицеров, что и было сделано после инспекционной поездки чиновников из Пекина [Shakabpa 1984: 171].

В 1807 г. регент принял активное участие в поиске и признании новой девятой инкарнации Далай-ламы, который был интронизирован в 1808 г. как Лунгток Гьяцо (*Lung rtogs rgya mtsho*, 1805–1815), причем его выбор (из двух мальчиков-претендентов) был осуществлен самими тибетцами, без использования золотой урны. Сохранился декрет императора Цзяцина 1808 г., где он дает разрешение на утверждение кандидатуры Далай-ламы IX, минуя процедуру жеребьевки из Золотой урны [УТЦП 1996: 177]. Регент в этом случае, вместе с Панчен Эрдени, был ответственным за процесс избрания и воспитания Далай-ламы.

Заключение

Анализ исторических фактов, касающихся деятельности трех представителей института регентства и их функций в правительстве, позволяет сделать вывод, что дэсриды и регенты с 1642 г. имели исключительное положение. Дэсрид при Далай-ламе V не только являлся главой гражданской и политической администрации, но также выполнял роль личного советника, хотя не относился к тулку. Регента выбирали Далай-лама или хошутский хан, его статус был законодательно обоснован. Длительный период отсутствия регентов при правителе (1706–1757) совпал со временем глубокого политического кризиса в Тибете. Во время отсутствия Далай-ламы VII в Лхасе (1728–1735) был назначен чиновник, выполнявший религиозно-дисциплинарные обязанности. С 1751 г. Далай-лама самостоятельно управлял Тибетом при поддержке Кашага. Далее, с 1757 г. регент (гьялцаб) уже выбирался Ассамблеей из числа тулку для «временного исполнения светских и дисциплинарных обязанностей, ... для опеки суверенитета Далай-ламы» [Petech 1972: 242]. Такое определение указывает Л. Петех в своих работах, так как именно такие функции были предписаны регенту в цинских источниках. Однако, исходя из изложенного, мы можем заключить, что гьялцабы Дэмо Джампел Гелег, Нгаван Цультим и Тенпэ Гёнпо фактически «правили» Тибетом в сложный период деполитизации Далай-ламы и тибето-непальского противостояния, их авторитет в кругах тибетской властной элиты был подкреплён титулами и обращениями, данными императором Цин (хутухту, номун-хан, джасак).

Из указанных текстов видно, что во всех решениях, связанных с Далай-ламой, и в организации важных тибетских событий участвовали первые лица правительства, среди которых регент-тулку играл важную роль. Его фигура в тибетском политическом устройстве Ганден Пходранг была обособлена и фактически составляла отдельный институт, находящийся над религиозной и светской ветвями власти, на одном уровне с Далай-ламой и амбаном. Однако нельзя утверждать, что институт регентов в этот период являлся частью системы цинского администрирования в Тибете. Положение гьялцабов определялось не только спецификой изменений в структуре правительства и внешнеполитической обстановки, но и под воздействием следующих религиозно-политических факторов: «Буддийское правительство» Далай-ламы с 1642 г. функционировало на основе единения религии

и политики (*Chos-srid*), характеризовалось дуальностью управления (светский чиновник — монах); власть духовного правителя всегда имела поддержку в лице светского лидера, что подкреплялось союзом «наставник-покровитель» (*mchod-yon*); институт высших *тулку* являлся ядром политической системы Тибета, был тесно связан с ведущими монастырями Гелуг. Цинское правительство в тех или иных решениях действовало в рамках указанных категорий и с учетом особенностей структуры и управления тибетского правительства. Вероятно, инспирированный императором институт регентов-тулку, с одной стороны, стал проводником их влияния в Тибете, с другой — восстановил и укрепил значение регента в целом в правительстве Далай-ламы, его роль в принятии решений по поиску, интронизации и сопровождении власти тибетского иерарха.

Источники

- Пагсам-Джонсан 1991 — Пагсам-Джонсан: история и хронология Тибета / пер. с тибет. яз., предисл., коммент. Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, 1991. 264 с.
- УГЦП 1996 — Циндай илай чжунъян чжэнфудуй Сицзан дэ чжилю юй хофо чжуаньши чжиду шиляо хуэйцзи (= Управление Тибетом со стороны центрального правительства и система перевоплощений живых будд. Сборник исторических материалов со времен Цин) / Ред. Чжао Сюэни, Чан Вэйминь. Бэйцзин: Хуавэнь чубаньшэ, 1996. 546 с. (На кит. яз.)
- CHAT 1995 — A Collection of Historical Archives of Tibet. Beijing: Cultural Relics Publishing House, 1995. 107 p. (In Eng., in Chin.)

Sources

- [Administration of Tibet by the central Government (of China) and the system of reincarnate 'living Buddhas'. Coll. historical materials: from the Qing period (to the present)]. Zhao Xueni, Chang Weimin (eds.). Beijing: Huawen Publ., 1996. 546 p. (In Chin.)
- [Pag Sam Jon Zang: History and Chronology of Tibet]. R. E. Pubaev (transl., annot., comment.). Novosibirsk: Nauka, 1991. 264 p. (In Russ.)
- A Collection of Historical Archives of Tibet. Beijing: Cultural Relics Publishing House, 1995. 107 p. (In Eng. and Chin.)

Литература

- Бу Цюн 2004 — Бу Цюн. Ласа сы да «линь» дэ лиши юлай (= Истоки четырех великих монастырей Лхасы) [электронный ресурс] // Бэйцзин: Сицзан яньцзю, 2004. № 2. http://www.tibet.cn/periodical/xzyj/2004/02/200705/t20070514_235691.html (дата обращения: 15.02.2019).
- Елихина 2010 — Елихина Ю. И. Культы основных бодхисаттв и их земных воплощений в истории и искусстве буддизма. СПб.: Нестор-история, 2010. 292 с.
- Китинов 2004 — Китинов Б. У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.) / под общ. ред. Бонгард-Левина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004. 190 с.
- Китинов 2018 — Китинов Б. У. Тибетский контекст в хошутско-цинских отношениях: от равенства к подчинению // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 2. С. 20–28.
- Се Тин Цзе, Лобсанг Цюнь Цзюэ 2000 — Се Тин Цзе, Лобсанг Цюнь Цзюэ. Сицзан Чандудили ганьяо (= История и география тибетского Чамдо). Лхаса: Сицзан женьминь чубаньшэ, 2000. 370 p.
- Солощева 2013 — Солощева М. А. Кукунорский мятеж 1723–1724 гг. и его значение для истории Тибета // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. 2013. № 1. С. 58–67.

- Солощева 2014 — *Солощева М. А.* Политика империи Цин в отношении Тибета в период правления императора Юнчжэна (1723–1735 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 221 с.
- Ту Ся 2001 — *Ту Ся.* Чанду Циндай дэ сы да хутукэту (= Четыре великих хутухту Чамдо в эпоху Цин) [электронный ресурс] // Бэйцзин: Чжунго цзансюэ, 2001. № 4. URL: <https://www.docin.com/p-1638754923.html> (дата обращения: 15.02.2019). (На кит. яз.)
- Цзинь Лэй 2007 — *Цзинь Лэй.* Люши баньчань эрдэни Баньдань Иси (= Панчен-лама VI Палден Еше) // Цзанчуань фоцзяо, хофо чжуаньши чжиду яньцзю луньвэньцзи (= Сборник статей по изучению тибетского буддизма и системы реинкарнации тулку) / гл. ред. Га Дава Цайжэнь. Бэйцзин: Чжунго цзансюэ чубаньшэ, 2007. С. 293–317. (На кит. яз.)
- Я Ханьчжан 1999 — *Я Ханьчжан.* Далай-лама чжуань (= Биографии Далай-лам). Бэйцзин: Хуавэнь чубаньшэ, 1999. 389 с. (На кит. яз.)
- Barnett 2011 — *Barnett R.* The Dalai Lama's 'Deception': Why a Seventeenth-Century Decree Matters to Beijing [электронный ресурс] // NYR Daily. April 6, 2011. URL: <https://www.nybooks.com/daily/2011/04/06/dalai-lamas-deception/> (дата обращения: 15.02.2019). (На англ. яз.)
- Bod mi'i khriims 2002 — *Bod mi'i khriims mthun gzhung dga' ldan pho brang dbu brnyes nas lo 360 'khor ba'i bka' drin rjes dran dang ma ongs mdun bskyod kyī kha phyogs* (= К 360-летию основания центрального правительства Ганден Пходранг). Dharamsala: LTWA, 2002. Vol. 1. (На тибет. яз.)
- Dewey 2017 — *Dewey W. A.* Union of Religion and Politics: The Tibetan Regency of Ngawang Tsültrim: dissertation for the Doctor of Philosophy in Religious Studies. Santa Barbara: University of California, 2017. 298 p. (На англ. яз.)
- Goldshtein 1973 — *Goldshtein M. C.* The Circulation of Estates in Tibet: Reincarnation, Land and Politics // The Journal of Asian Studies. Cambridge, 1973. Vol. 32. No. 3. 448 p. (На англ. яз.)
- Ishihama 1997 — *Ishihama Y.* New Light on the "Chinese Conquest of Tibet" in 1720 (based on the new Manchu sources) // PIATS VII. 1997. P. 419–426. (На англ. яз.)
- Ishihama 2003 — *Ishihama Y.* On the Dissemination of the belief in the Dalai-lama as a Manifestation of the Bodhisattva Avalokitesvara // The History of Tibet. The Medieval Period: 850–1895. The development of Buddhist Paramountcy. London; New York, 2003. P. 541–545. (На англ. яз.)
- Petech 1972 — *Petech L.* China and Tibet in the early XVIIIth century: history of the Establishment of the Chinese Protectorate in Tibet / Luciano Petech. Leiden: Brill, 1972. 309 p. (На англ. яз.)
- Petech 1959 — *Petech L.* The Dalai-Lamas and Regents of Tibet: A Chronological Study // T'oung Pao. Second Series. Leiden, 1959. Vol. 47. P. 368–394. (На англ. яз.)
- Rahul 1969 — *Rahul R.* The Government and Politics of Tibet. Delhi: Vikas Publications, 1969. 160 p. (На англ. яз.)
- Schwieger 2015 — *Schwieger P.* The Dalai Lama and the Emperor of China: A Political History of the Tibetan Institution of Reincarnation. New York: Columbia University Press, 2015. 342 p. (На англ. яз.)
- Shakabpa 1984 — *Shakabpa W. D.* Tibet. A Political History. New York: Potala Publications, 1984. 369 p. (На англ. яз.)
- Sinha 1968 — *Sinha, Nirmal C.* Chos Srid Gnyis Ldan (англ.) // Bulletin of Tibetology. 1968. Vol. 5. № 3. P. 13–27. (На англ. яз.)
- Tsem Rinpoche 2018 — The Eighth Tatsak Jedrung, Yeshe Lobzang Tenpai Gonpo [электронный ресурс] // Treasury of Lives. August 3, 2018. URL: <https://www.tsemrinpoche.com/tsem-tulku-rinpoche/great-lamas-masters/the-eighth-tatsak-jedrung-yeshe-lobzang-tenpai-gonpo.html> (дата обращения: 15.02.2019). (На англ. яз.)
- Wang 2000 — *Wang Xiangyun.* The Qing Court's Tibet Connection: Lcang skyā Rol pa'i rdo rje and the Qianlong Emperor // Harvard Journal of Asiatic Studies. 2000. Vol. 60. № 1. P. 125–163. (На англ. яз.)

References

- [To celebrate the 360th Anniversary of the foundation of the Central Government (of Tibet) — Ganden Phodrang]. Dharamsala: LTWA, 2002. Vol. 1. (In Tib.)
- Barnett R. The Dalai Lama's 'Deception': Why a Seventeenth-Century Decree Matters to Beijing. *NYR Daily*. April 6, 2011. An Internet resource: <https://www.nybooks.com/daily/2011/04/06/dalai-lamas-deception/> (accessed: 15 February 2019). (In Eng.)
- Bu Qiong. [The Four Great monasteries of Lhasa: origins]. Beijing: Xizang Yanjiu, 2004. No. 2. An Internet resource: http://www.tibet.cn/periodical/xzyj/2004/02/200705/t20070514_235691.html (accessed: 15 February 2019). (In Chin.)

- Dewey W. A. Union of Religion and Politics: The Tibetan Regency of Ngawang Tsültrim. Dissertation for the Doctor of Philosophy in Religious Studies. Santa Barbara: University of California, 2017. 298 p. (In Eng.)
- Elikhina Yu. I. Cults of Main Bodhisattvas and their terrestrial reincarnations in the history and art of Buddhism. St. Petersburg: Nestor-Historia, 2010. 292 p. (In Russ.)
- Goldstein M. C. The Circulation of Estates in Tibet: Reincarnation, Land and Politics. *The Journal of Asian Studies*. Cambridge, 1973. Vol. 32, No. 3. 448 p. (In Eng.)
- Ishihama Y. New Light on the 'Chinese Conquest of Tibet' in 1720 (based on the new Manchu sources). *PIATS VII*. 1997. Pp. 419–426. (In Eng.)
- Ishihama Y. On the Dissemination of the Belief in the Dalai-lama as a Manifestation of the Bodhisattva Avalokitesvara. *The History of Tibet. The Medieval Period: 850–1895*. The development of Buddhist Paramountcy. London; New York, 2003. Pp. 541–545. (In Eng.)
- Jin Lei. The 6th Panchen Lama Palden Yeshe. [Investigating Tibetan Buddhism and the 'tulku' reincarnation system: collected articles]. Beijing: Zhongguo Zangxue Publ., 2007. Pp. 293–317. (In Chin.)
- Kitinov B. U. Sacred Tibet and martial steppe: Buddhism among the Oirats (13th – 17th centuries). G. M. Bongard-Levin (ed.). Moscow: KMK Scientific Press Ltd., 2004. 190 p. (In Russ.)
- Kitinov B. U. The Tibetan context in Khoshut-Qing relations: from equality to subordination. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*. 2018. Vol. 36, No. 2. Pp. 20–28. (In Russ.)
- Petech L. China and Tibet in the Early 18th Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. Leiden: Brill, 1972. 309 p. (In Eng.)
- Petech L. The Dalai-Lamas and Regents of Tibet: A Chronological Study. *T'oung Pao*. Second Series. Leiden, 1959. Vol. 47. Pp. 368–394. (In Eng.)
- Rahul R. The Government and Politics of Tibet. Delhi: Vikas Publications, 1969. 160 p. (In Eng.)
- Schwieger P. The Dalai Lama and the Emperor of China: A Political History of the Tibetan Institution of Reincarnation. New York: Columbia University Press, 2015. 342 p. (In Eng.)
- Shakabpa W. D. Tibet. A Political History. New York: Potala Publications, 1984. 369 p. (In Eng.)
- Sinha, Nirmal C. Chos Srid Gnyis Ldan. *Bulletin of Tibetology*. 1968. Vol. 5. No. 3. Pp. 13–27. (In Eng.)
- Soloshcheva M. A. The Koko Nor Rebellion of 1723–1724 and its significance for the history of Tibet. *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2013. Vol. 13, No. 1. Pp. 58–67. (In Russ.)
- Soloshcheva M. A. [Policies of the Qing Empire towards Tibet during the Yongzheng Emperor's reign (1723–1735)]. A Cand.Sc. (history) thesis. St. Petersburg, 2014. 221 p. (In Russ.)
- The Eighth Tatsak Jedrung, Yeshe Lobzang Tenpai Gonpo. *Treasury of Lives*. August 3, 2018. An Internet resource: <https://www.tsemrinpoche.com/tsem-tulku-rinpoche/great-lamas-masters/the-eighth-tatsak-jedrung-yeshe-lobzang-tenpai-gonpo.html> (accessed: 15 February 2019). (In Eng.)
- Tu Xia. [The Four Great Khutukhtus of Qamdo during the Qing era]. Beijing: Zhongguo Zangxue, 2001. No. 4. An Internet resource: <https://www.docin.com/p-1638754923.html> (accessed: 15 February 2019). (In Chin.)
- Wang Xiangyun. The Qing Court's Tibet Connection: Lcang skya Rol pa'i rdo rje and the Qianlong Emperor. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 2000. Vol. 60. No. 1. Pp. 125–163. (In Eng.)
- Xie Ting Jie, Luosang Qun Jue. [Qamdo, Tibet: history and geography]. Lhasa: Xizang Renmin Publ., 2000. 370 p. (In Chin.)
- Ya Hanzhang. [Biographies of the Dalai Lamas]. Beijing: Huawen Publ., 1999. 389 p. (In Chin.)





Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 2, pp. 174–182, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-174-182
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 930(517+470)

Взятие монгольскими повстанцами столицы Барги (Хулунбуира) в 1917 г.

Сергей Львович Кузьмин¹

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник
 ORCID: 0000-0001-9544-1359. E-mail: ipe51@yahoo.com

Аннотация. Цель статьи заключается в анализе малоизученного вопроса — взятия монгольскими повстанцами столицы Барги г. Хайлар в мае 1917 г. *Результаты:* изучены российские разведывательные и дипломатические документы из Архива внешней политики Российской империи и Российского государственного военно-исторического архива с привлечением других источников; проведена реконструкция взятия Хайлара повстанцами; обсуждаются причины и следствия этого события. *Выводы.* Проведенный анализ позволяет заключить, что, хотя повстанцы действовали согласно советам их японских инструкторов, взятие Хайлара было вызвано их собственными мотивами. Последние были связаны с недовольством монголов и соловьев властью в Барге даурского меньшинства, которое объявило монгольских повстанцев грабителями Монголии, хотя они сами считали себя борцами за освобождение своего народа; подготовкой прежним руководством Барги боевых действий против повстанцев, в том числе с помощью Китая; стремлением повстанцев вовлечь Баргу в движение за восстановление маньчжурской монархии.

Ключевые слова: Монголия, Барга, Хулунбуир, Китай, Маньчжурия, Япония, харачинское движение, Бавужав, независимость, автономия, международные отношения

Для цитирования: Кузьмин С. Л. Взятие монгольскими повстанцами столицы Барги (Хулунбуира) в 1917 г. *Oriental Studies*. 2019;(2):174-182. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-174-182.

UDC 930(517+470)

The 1917 Conquest of the Capital Town of Barga (Hulunbuir) by Mongolian Guerillas

Sergius L. Kuzmin¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation)
 Dr. Sc. (History), Cand. Sc. (Biology), Leading Research Associate
 ORCID: 0000-0001-9544-1359. E-mail: ipe51@yahoo.com

Abstract. *Goal.* The work aims to analyze one understudied problem — the capture of Hailar, a capital town of Barga (Hulunbuir), by Mongolian guerrillas in May of 1917 — and studies Russian

intelligence and diplomatic documents contained in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (Rus. *AVPRI*) and the Russian Archive of Military History (Rus. *RGVIA*) involving some other sources. The paper reconstructs the conquest of the town by the rebels and discusses causes and consequences of the event. *Conclusion.* The analysis makes it possible to conclude that although the rebels acted on the advice of their Japanese instructors, it was their personal motives that stood behind the capture of Hailar. The motives were related to dissatisfaction of the Mongols and Solons with the power of the Daurian minority in Barga who declared Mongolian rebels to be 'robbers of Mongolia' while the latter viewed themselves as fighters for Mongolian people's liberation; the preparation of the former authorities of Barga to struggle against the rebels, including the aid of China; the desire of rebels to involve Barga into the Manchu monarchy restoration movement. The root of the 'Kharachin issue' was not machinations of the Japanese but the deprivation of the local Mongols of a right to self-determination in the aftermath of the Qing Empire's collapse and during the formation of nation-states of Mongolian and Chinese peoples. As a result, members of Inner Mongolia's national liberation movement were bound to use any opportunity that seemed useful for the achievement of independence from China. The Japanese used the 'Kharachin issue' for their own purposes but they were not its creators.

Keywords: Mongolia, Barga, Hulunbuir, China, Manchuria, Japan, Kharachin, Kharchin, Babujab, independence, autonomy, international relations

For citation: Kuzmin S. The 1917 Conquest of the Capital Town of Barga (Hulunbuir) by Mongolian Guerillas. *Oriental Studies*. 2019;(2):174-182. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-174-182.



Введение

После провозглашения независимости Монголией в 1911 г. в течение ряда лет продолжалась национально-освободительная борьба монголов за независимость, хотя после подписания Кяхтинского соглашения 1915 г. руководство независимой Монголии согласилось с признанием своей автономной власти только над Внешней Монголией под сюзеренитетом Китайской республики. Один из отрядов монгольских повстанцев, первоначально состоявший в значительной части из монголов-харачинов, представлял собой серьезную силу во Внутренней Монголии и в монгольской области Барге (Хулунбуире) на границе с российским Забайкалем, Маньчжурией, Внешней и Внутренней Монголией.

После гибели своего командира Бавужава этот отряд несколько месяцев находился у границы Барги с Внешней Монголией, в основном на зимовке на берегу р. Халх-гол (подробнее см.: [Кузьмин 2018]¹). По Русско-китайскому соглашению 1915 г. Барга (ранее объявившая о присоединении к независимой Монголии) являлась автономией под сюзеренитетом Китая. Столица Барги

Хайлар была важной станцией на Китайско-восточной железной дороге (КВЖД), принадлежавшей России вместе с полосой отчуждения. Весной 1917 г. монгольские повстанцы захватили Хайлар и сменили баргинское руководство.

Этот эпизод истории изучен очень слабо. Лишь в работе Е. В. Ностасовой [Ностасова 2010] об этом говорится относительно подробно, однако детальная реконструкция по документальным свидетельствам не проводилась.

Материалы

Ценные данные «из первых рук» на эту тему содержатся в Российском государственном военно-историческом архиве (далее — РГВИА) (прежде всего, это донесения Разведки Заамурского округа Пограничной стражи, сохранившиеся в виде рукописных и машинописных материалов, а также типографских оттисков) и в Архиве внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ) (прежде всего, фонд [Вице-] Консульство в Хайларе, откуда вице-консул П. К. Усатый регулярно посылал донесения о текущей обстановке, в том числе по личным наблюдениям, в основном в российскую миссию в Пекине). Важное значение имеет сохранившаяся в АВПРИ копия отчета 1-го секретаря российской миссии в Пекине В. В. Граве о его командировке в Хайлар «в связи с нашествием на Баргу шайки

¹ В данной статье в нескольких местах неверно указан номер: «Д. 29». Следует читать: РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 33. Л. 211–213; 223–225; РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 33. Л. 211–213; РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 33. Л. 240–241.

харачин» в июне–августе 1917 г. [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397].

Предлагаемая статья представляет попытку реконструкции по архивным документам взятия Хайлара монгольскими повстанцами в 1917 г.

Основная часть

Большинство в Барге составляли тогда монголы-баргуты; численность других народностей была ниже. Существенную часть коренного населения составляли эвенки-солонны. Одно из меньшинств составляли дауры — монголоязычная народность, происхождение которой остается неясным. Дауры считались в начале XX в. более развитыми и образованными, чем баргуты, в связи с чем власть находилась в их руках [Цыбенков 2012: 28, 77–78]. Эти особенности, как будет видно далее, оказали существенное влияние на захват Хайлара монгольскими повстанцами и последующие события.

Хотя монгольские повстанцы после смерти Бавужава поддерживали тесную связь с Хайларом (прежде всего, для снабжения своего отряда и вербовки) и иногда заявляли о желании квартировать там, их замыслы по захвату столицы Барги проявились весной 1917 г., когда отросла трава и для конных операций повстанцы могли покинуть свой зимний лагерь на р. Халх-гол.

Понимая угрозу вторжения, баргинские власти занялись мобилизацией. К середине апреля они содержали 1 800 ополченцев, продолжали вербовку, просили оружие у российских властей в Хайларе. 8 мая² 1917 г. вышел приказ по российскому Хайларскому гарнизону: ввиду угрозы харачинов надлежало поставить два поста, организовать заставы и патрулировать окраины русского поселка; оружие употреблять только в крайнем случае самообороны; усилить охрану рот и команд, вести усиленную разведку и т. д. [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 10–10об.]. Однако местные российские силы были недостаточны. По отзыву управляющего КВЖД Д. Л. Хорвата, начальник Заамурского округа Пограничной стражи не располагал достаточными силами для усмирения харачинов. Он предполагал вызвать отряд из Иркутского военного округа. Численность монгольских повстанцев оценивалась до 4 000 чел. при

40 японцах, которые ведали артиллерией и пулеметами [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 19; Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 92]. В приложении к отчету Граве сохранился список из нескольких японских офицеров, «принимавших участие в харачинских беспорядках в Барге»: Сэки, Сатакэ, Мияко, Ока, Оиси, Хатакэяма³, Вадац, Кавасима, Сакамото, Хасака, Хисаицзуми, Окамото, Идзо [АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 61].

В связи с этим товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов рекомендовал вице-консульству в Хайларе использовать все средства мирного воздействия, чтобы предупредить столкновение баргутов и харачинов, считал полезным ввести отряд в русский поселок для охраны колонии и поддержки баргутов, указывал снести по этому поводу с начальником Заамурского округа [Телеграмма Нератова в вице-консульство в Хайларе от 10 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 22].

Между тем 300 вооруженных харачинов двинулись на север и к 9 мая прибыли в местность Хонгоджин в 135 верстах южнее Хайлара; в самом Хайларе скопилось еще около 200 вооруженных людей [Кузьмин 2018]. В российской прессе в Маньчжурии в мае 1917 г. концентрация харачинов в урочище «Хончалчин» (так в источнике. — С. К.) трактовалась как междоусобица из-за наделов земли: якобы харачины считали баргутов пришлым элементом, спустившимся с гор, и претендовали на это урочище и Хайларский округ в целом [События в Хайларе... 2017: 64]. Из дальнейшего будет видно, что это не так.

10 мая повстанческий отряд, выйдя из Хонгоджина, занял соседние с Хайларом деревни Ситунь и Наньтунь, 11 мая — сам Хайлар. Правитель Хулунбуира Шэнфу обратился за помощью к российским властям. Части российского гарнизона было приказано занять и защищать *ямьнь* (административное здание). Это приказание не только не было выполнено, — напротив, российские солдаты приняли участие в раз-

² Здесь и ниже даты в донесениях указаны по старому стилю.

³ По-видимому, тот самый К. Хатакэяма, который позже командовал японскими наемниками у барона Р. Ф. Унгерна и бежал из отряда перед штурмом Урги в 1920 г.

граблении харачинами Старого Хайлара [АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 67–119]. Это было прямым следствием нараставшего революционного брожения в России, в том числе на КВЖД: раньше ничего подобного там не случалось.

В то время в Хайларе отсутствовал П. К. Усатый, вице-консульством ведал управляющий Поликарпов. Он экстренно сообщил следующее. Баргинские чиновники с семьями укрылись в русском поселке. «Баргинские войска разбежались. Начались грабежи, захвачен мост, есть убитые, в плену оба начальника отделений и сын амбана⁴. Харачины держатся вызывающе, предъявляя свои личные требования. Русский поселок в безопасности, но неприятие решительных мер может вызвать катастрофу. Нам доставлены два орудия и пулеметы, но военные власти не уверены в способности малочисленного здешнего отряда. Баргуты обратились в Цицикар о вызове китайских войск» [Телеграмма управляющего вице-консульством в Хайларе Поликарпова в миссию в Пекине от 11 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 16; Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 90]. Китайское правительство официально уведомило российского посланника в Пекине князя Н. А. Кудашева, что на основании ст. 4 соглашения о Барге от 1915 г. оно посылает войска «для усмирения монгольских мятежников» [Телеграмма Кудашева в МИД от 14 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 94]. Правда, заявление о посылке китайских войск не подтвердилось.

Согласно воззванию российского райсовета солдатских депутатов в Хайларе от 13 мая 1917 г., они с возмущением узнали о грабеже ямыня в Старом Хайларе. «В грабеже, как выяснилось, принимали участие и граждане России». Предлагалось все награбленное принести в бюро хайларской милиции. Поликарпов 12 мая 1917 г. издал следующее объявление: «Российское вице-консульство настоящим доводит до сведения русских граждан, что ввиду грабежей и угона скота у местных монголов харачинами, покупка рогатого скота, баранов, лошадей, а также всякого рода имущества от харачин является покупкой заведомо краденого, и, во избежание нежелательных последствий, вице-консульство предлагает не совершать

никаких сделок по покупке скота и имущества у харачин» [АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 52–57].

Монгольские повстанцы захватили Хайлар довольно быстро, небольшими силами, хотя разбежавшиеся баргинские войска не были малочисленны (см. выше). В Хайларе тогда жило свыше 100 харачинов; прибывшие с Халхин-гола около 100 чел. заняли деревню в 10 верстах от Хайлара и в город не входили. Баргинские власти сами покинули город, после чего, по предложению харачинов, один из баргутских ухэрид⁵ временно взял власть в свои руки, о чем письменно сообщил российскому вице-консульству, прося содействия в восстановлении порядка. Сообщение помечено 9-м годом правления Сюаньтун⁶ [Телеграмма Усатого в миссию в Пекине и в 4-й отдел МИД от 18 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 27].

Как отмечалось, японцы оказывали помощь монгольским повстанцам. По мнению П. К. Усатого, «японцы, находившиеся между харачинами и получавшие указания от военных властей Квантуна — указания, идущие подчас вразрез с политикой японского МИД, — натолкнули харачинов на поход на Баргу, воспользовавшись отказом правителя Хулунбуира Шэнфу провозгласить монархию в Барге и обращением его к китайскому правительству с просьбой о присылке войск, чтобы отогнать харачинов от границ области» [АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 7–119].

Чем же объясняли захват Хайлара сами харачины?

После захвата город был украшен цинскими флагами. 17 мая П. К. Усатый говорил с одним из харачинских командиров — Сэбджингэ. По словам последнего, харачины «требуют устранения Шэнфу, Линшэна и Гуйфу, и, после выбора нового фудутуна⁷, который обязан будет принять на себя обязательство содействовать монархическому движению, они оставят город» [Телеграмма Усатого в миссию в Пекине и в 4-й отдел

⁵ Правитель, имевший права дзасака, то есть удельного князя.

⁶ То есть последнего маньчжурского императора Пуи (1917 г.).

⁷ Наместник, пользовавшийся правами губернатора.

⁴ Гражданского губернатора Барги.

МИД от 18 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 27].

Баргинского ухэриду, принявшего власть после переворота, звали Бангунжав. Сохранилось «Сообщение ухэриды Бангунчжаба, временно принявшего казенное управление Хулунбуира и других»:

«Консулу великого Российского государства в Хайларе. Посылается по поводу покровительства на основе дружбы. 3-го числа этого месяца фудутун нашей земли Шэнфу, утратив власть и подвергнув тревоге все имеющиеся хошуны, вместе с чиновниками и солдатами, оставив управление, удалился. Признавая весьма важным решение дел, успокоение мыслей и отношение к иностранному государству, сановник ухэриды и имеющиеся чиновники, до приезда всех чиновников, приняли 5-го числа этого месяца пустое управление. Но ввиду того, что наша земля приняла покровительство великого Российского государства, просим укрепить в нашей стране спокойствие и усугубить дружбу двух государств. Кроме сего, уведомляем, что, так как печать нашего управления взята сановником Шэнфу, печать на сем не приложена. Сего ради по дружеским отношениям послано» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 20 (монг. ориг.). Л. 21 (рус. перев.)].

Дополнительные сведения содержатся в разведсводке Заамурского округа Пограничной стражи. По дороге на Хайлар харачины арестовали ухэриду олётв в районе р. Халх-гол, производили грабежи и насилия. Одновременно 200 харачинов собрались в Старом Хайларе, захватили северные ворота, выставили свои караулы и стали грабить баргутов в городе и окрестностях. Харачины были хорошо вооружены. Главный повод движения их на Хайлар — желание отстранить хулунбуирские власти из дауров, которые неприязненно относятся к харачинам, в частности Шэнфу, от которого требуют извинений за какое-то оскорбление в бумаге хулунбуирских властей, а также денежные претензии на 60 000 руб. Баргуты обратились к российским властям одновременно в Хайларе и в Харбине, к китайским — в Цицикаре. На указания российских властей японский генеральный консул в Харбине старался уклониться от принятия мер. Переговоры русских с харачинами закончились обещанием харачинов, что рус-

ские и их имущество в полосе отчуждения будут в безопасности, а повстанцы отойдут обратно. На переговорах был и один японский офицер. Тэргун-сайд⁸ Сэбджингэ там говорил:

«Главари Хулунбуирского округа после вооружения своих войск начали льстить нам и уверять в своей дружбе. В то же самое время они, хулунбуирцы, очень умело нарисовали русскому консулу в Хайларе, что восставшие монголы, продолжающие дело Бавужава, на самом деле есть грабители земли монгольской, а не борцы за освобождение монгольского народа. Консул поверил словам чинов Хулунбуирского округа и прислал нам, восставшим монголам, письменное приказание, чтобы мы, кроме одного представителя и 10 солдат, немедленно оставили Хайлар. Мы выполнили первое приказание хайларского консула, но он, консул, этим не удовлетворился и еще требовал, чтобы мы не проживали по правому берегу реки Халха-гол, а жили бы по левому. Что он, консул, этим хочет сказать, нам пока неизвестно. Река, о которой говорит хайларский консул, находится от Хайлара в 250 верстах.

Я, Сэбджингэ, довожу до сведения русских властей с просьбой о их снисхождении, что последнее требование консула не могло быть выполнено, во-первых, потому что скоро будет разлив названной реки, который не позволит нам получать жизненные продукты из Хайлара, которые уже закуплены и скоро будут отправлены за выше-названную реку, а во-вторых, потому, что район реки Халха-гол предоставлен нам для жизни Егузэр-хутухтой (второе лицо после Хутухты)⁹ еще в позапрошлом году.

Чины Хулунбуирского округа называют нас, восставших монгол, хунхузами, но мы не хунхузы, а борцы за свободу и равенство восставших 49 монгольских княжеств.

В 1915 г., когда нам предложили германцы 50 000 руб.¹⁰, то мы не польстились

⁸ Высокий сановник, министр.

⁹ Имеется в виду Егузэр-хутухта Галсандаш — один из высших лам Внешней Монголии, активно поддерживавший ее монарха — Джебцундамба-хутухту VIII и одно время являвшийся наместником Восточного края. Восточная граница этого края проходит в районе р. Халх-гол (Халхин-гол).

¹⁰ Так в источнике; по другим документам — 50 000 руб.

на эти деньги и не дали согласие провести германцев за Хинган, а дали знать властям друзей наших русских о появлении злоумышленников, цель которых была разрушить КВЖД. Когда мы увидели, что приехавшие германцы до прибытия русских властей стали удаляться от нас, то мы перебили германцев и доказали русским, передав им захваченные вещи, что германцы действительно были¹¹.

Выступление против Пекина, которое мы полагаем вести, будет согласовано с Шаньдуном и Жэхэ¹², о чем уже ведутся переговоры через японцев и монголов, причем движение это предположено начать в последних числах июня месяца сего года» [Разведка Заамурского округа Пограничной стражи, Харбин, 15 мая 1917 г. РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 33. Л. 242–243].

Итак, главными поводами взятия столицы Барги были отстранение от власти дауров, обида на то, что монгольские повстанческие отряды были объявлены шайками разбойников, а не борцами за свободу Монголии, присоединение Барги к движению за восстановление цинской монархии. Последнее означало, что после переворота Барга становилась не автономией под сюзеренитетом Китайской республики (как в Русско-китайском соглашении 1915 г.) и не частью независимой Монголии под властью Богдо-гэгэна Джебцундамба-хутухты VIII (которую баргуты признали в 1912 г.), а цинским вассалом, как до Синьхайской революции 1911–1912 гг., уничтожившей Цинскую империю. Примечательно, что при свержении власти дауров харачины апеллировали не только к монголам, но и к эвенкам (солонам).

Вскоре после занятия Хайлара, 2-го числа 5-го месяца 9-го года Сюаньтуна, «сановник по иностранным делам, гун Сэбчжингэ и его товарищ гун Минбо» написали послание. По их словам, от чиновников и солдат

солонцов поступило донесение, что дауры лишь одни ведали делами. В настоящее время ухэрида Гуйфу, ротные командиры (перечислено 12 имен), поручики (перечислено 14 имен) «и другие, занимая главные должности, положили начало вражде с монгольскими властями и войсками (так баргуты называют харачин), возбудили ряд неприятностей, допустили обманы и достигли того, что монгольские солдаты вошли в город. Кроме того, несмотря на то, что монгольские солдаты совершенно не прибегали к оружию, дауры немедленно оставили важные присутственные места и, жалея только себя и свои семьи, выехали. Из этого ясно видно, что наших чиновников и войско они жалеть не думали. Если бы они, рискуя жизнью, остались на посту, то это было бы естественно. Но они охраняли только себя и семью. То положение, в котором очутились мы, является результатом их дел». Повстанцы решили просить власти, чтобы солонские знамена (хошуны) управлялись согласно просьбе солонцов.

Далее в письме сказано, что в 1917 г. Линшэн отправился в Пекин, чтобы привести китайские войска для уничтожения войска харачинов, что вызвало возмущение. Писарь Фулин в присутствии японских чиновников заявил о намерении убить сановника, перед Шэнфу дауры ругали солонцов, баргутов и олётгов, что они «состоят в сообществе с монгольскими солдатами и что непременно надо привести китайских солдат для истребления. Питая к нам явную злобу, они скрывали ее. <...> Ныне, ввиду того, что, к счастью, почтенный консул, по согласованию с сановниками монгольских солдат, установили временную самостоятельность и к общему желанию и успокоению поставили на должность правителя, уведомляем об удовлетворении просьбы чиновников и солдат солонского племени о смещении с должностей даурских чиновников, о замещении этих должностей выборными от солонского племени и о приноравливании знамен и рот к прежнему порядку». Шэнфу и чиновники скрылись, свергли страну в смуту — это немалое преступление, «они не могут быть оставлены без строгого наказания <...> Поэтому, по нашему мнению, главному и строгому наказанию подлежат восемь человек, а именно: Шэнфу, Гуйфу, Фушан, Фулин, Вэньмин, Нангу, Анчуан и

¹¹ Имеется в виду уничтожение отрядом Бавжуава немецкой диверсионной группы В. Р. Фон Паппенгейма в марте 1915 г. во Внутренней Монголии.

¹² Имеются в виду провинции Шаньдун, где жил генерал-монархист Шэн Юнь, и провинция Жэхэ в Маньчжурии, где монгольские повстанцы взаимодействовали с маньчжурскими и китайскими монархистами, стремившимися восстановить династию Цин.

Чишин, которых, вследствие нахождения под охраной почтенного консула, просим немедленно арестовать, препроводить к нам для принятия надлежащего наказания в пример одним и для успокоения преданных подчиненных и для того, чтобы легко найти путь к восстановлению мира» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 4–6]. Как и следовало ожидать, российские представители бывших баргинских чиновников-дауров не выдали.

Японские консулы старались объяснить российской стороне поведение повстанцев неверным поведением баргинских властей. По-видимому, им потребовалось некоторое время для выработки консолидированной позиции. Японский консул в Харбине уехал оттуда 16 мая, не дождавшись находившегося в Пекине П. К. Усатого. Японский консул в Цицикаре заявил, что не может принять каких-либо мер против японцев, находящихся у харачинов. «Никаких мер по улаживанию происшествия японские консулы не приняли, ограничившись составлением протокола со слов японцев, копию которого Нихей сообщил мне». Вот перевод этого протокола.

«Мы, нижеподписавшиеся японские консулы в Цицикаре и Харбине, позволили себе изложить нижеследующее, для чего, чтобы в точности передать Вам для сведения то, чем харачины объясняют цель наступления на Хайлар.

Причины столкновения:

Весною минувшего 1916 г., когда Бабучжаб [Бавужав] направился к югу, Шэнфу, а равно и подчиненные ему чины приняли репрессивные меры против тех, кто приехал из Урги в Хайлар и хотел присоединиться к Бабучжабу. Подобное деяние местных чинов произвело среди харачинов значительное негодование, и когда они зимою прошлого года вернулись в Хайлар, отношения между ними и властями Барги сделались неблагоприятными. Далее, весною сего года Фушань [Фушан] несколько раз ездил в Пекин и в Цицикар и ходатайствовал перед начальством о высылке войск, указав о необходимости предпринять поход на харачинов, притом последовало усиление военной охраны в Хулунбуире, ввиду чего харачины стали заранее готовиться тайно против означенных мер. В начале сего мая н. ст. Шэнфу усилил войска и предпринял

нападение на харачинов. Как только Тин, штаб-офицер Хэйлунцзянской провинции, пребывавший до того времени в Хайларе, выехал отсюда, получив от губернатора Би Гуйфана предписание немедленно возвратиться в Цицикар, так как в скором времени будет выслано 2 000 войск, узнавшие об этом харачины командировали 200 чел. во главе с Дарчжий [Дорж] для разведки по дороге, ведущей от Чжаланьтуня к Хайлару. Дарчжий прибыл в Хонхардий [Хонгоджин] 21 мая н. ст. и просил у находившегося там командира отряда Шэнфу разрешить остановиться там на несколько дней, чтобы отдохнуть. На это командир шэнфуского отряда не только не дал разрешения, но стрелял и убил двух командированных. Поэтому Дарчжий, будучи крайне возмущен этим, сразу очистил село от названного отряда и направился в Хайлар для того, чтобы потребовать объяснений Шэнфу. 22 сего мая японец Куан, посетив Шэнфу, объяснил ему, что эти выходки против харачинов мешают миру с харачинами. В это время пришло сведение о столкновении в Хонхардии, ввиду чего Куан немедленно отправил туда двух хулунбуирских чиновников, четырех харачинов и одного японского офицера для мирных переговоров. Между тем, Шэнфу уже отправил в Хонхардий 300 солдат. Названные семь посланных 22 мая утром встретились с Дарчжием в с. Яомань, находящимся в 50 верстах от Хайлара, где и вели переговоры. В это время хулунбуирский отряд окружил их и стал расстреливать харачинов, не обращая внимание на требование прекратить стрельбу, а потому Дарчжий занял с. Нин-дун [Наньтунь]. Хулунбуирские войска все куда-то скрылись, полицейские же чины в числе 40 чел. остались на своих местах и сдались харачинам. Правители ямыня бежали в Новый город.

24-го мая харачины заняли 10-ю человеками пустой ямынь. Наблюдалось спокойствие. Дарчжий в настоящее время стоит в с. Нан-дунь. В Старом городе стоит Субчинга [Сэбджингэ] с войсками, находящимися до сего времени в Хайларе. Полицейские чины охраняют порядок в городе.

Желания харачинов на будущее. Харачины ненавидят Шэнфу, поэтому они не желают, чтобы он правил. Они намерены эвакуировать Хайлар и возвратиться в глубину страны только в том случае, когда ад-

министративная власть Хулунбуира будет находиться в руках какого-нибудь баргута, пользующегося доверием харачинов, и тем самым они могут быть обеспечены продовольствием. Против России харачины в данное время вражды не питают и КВЖД не угрожают. Но допускается, что, если со стороны русских будет оказано на харачинов какое-либо движение, то они, вероятно, допустят что-либо против России неблагоприятное.

Подлинную подписал: и. д. начальника штаба полковник Баранов. С подлинным верно: адъютант подполковник Титов» [Приложение № 1 к Разведке Штаба Заамурского округа отдельного Пограничного корпуса № 17, 1917 г. РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 33. Л. 313 (типографский оттиск); АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 23–26об. (рукопись на рус. яз.)].

В Хайларе в то время находились П. К. Усатый и Д. Л. Хорват [Телеграмма Кудашева от 15 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 95]. Были сведения, что японцы подговаривают харачинов занять русский поселок, но харачины не хотят этого. По заявлению начальников русского отряда, они могли выставить в Хайларе 644 штыка — только для защиты. По их оценке, гарнизон был ненадежен, еще менее — дружинные части Иркутского военного округа, откуда возможно было ждать подкрепление. При таких условиях никаких активных действий против харачинов в помощь баргутам российские части оказать не могли, деятельность следовало направить на мирное улаживание инцидента. «Полагал бы возможным пойти на уступки, согласившись на выборы нового фудутуна на основании соглашения 1915 г.» [Телеграмма Усатого в миссию в Пекине и в 4-й отдел МИД от 18 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 27].

Кудашев стал склоняться к тому, чтобы не препятствовать китайцам, если баргуты попросят их очистить Баргу «от монгольских шаек, предлагал МИДу открыто признать российско-китайскую кооперацию, ходатайствовать об оказании КВЖД провоза китайских войск в Хайлар <...> так как мы сами не можем восстановить порядок в Барге» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 86; Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 33]. Затем он пе-

редал в Петроград просьбу оказать содействие КВЖД в перевозке китайских войск в Хайлар [Телеграмма Кудашева от 22 мая 1917 г. в российское консульство в Цицикаре. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 107].

Последовала и реакция автономной Внешней Монголии, куда двинулась волна баргинских беженцев по берегам р. Керулен, преимущественно в хошуны восточного Цэцэнханского аймака [РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 29. Л. 29–31].

Харачины пересекали границу Внешней Монголии еще до занятия Хайлара, грабили поселенных там монгольским правительством баргутов [Телеграмма министра иностранных дел России послу в Токио от 10 января 1917 г. по данным Усатого. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 17].

Спасаясь от харачинов, орудовавших в Хайларе и в баргинских хошунах, в 1917 г. около 1 460 ново-баргутов (240 семей) откочевали вслед за своими предводителями Базаргарьд-цорджи-ламой, Очирвани-гуном и Джамбал-гуном. Затем, перезимовав в хошуне Очирбаян-Мунх на востоке Внешней Монголии, они двинули на запад к Урге. Там они стали шабинарами (религиозными учениками) ее теократического монарха Джебцундамба-хутухты VIII и были поселены в Тушэтуханском аймаке [Цолмон 2016: 26].

Власти Внешней Монголии обвинили Россию в отказе защищать Баргу. Джебцундамба-хутухта приказал военному министерству собрать солдат Цэцэнханского и Тушэтуханского аймаков, поручил МИД ходатайствовать перед Россией об отправке им обещанного оружия и патронов. Российский генеральный консул в Урге А. А. Орлов тоже считал необходимым дать оружие [Телеграмма Орлова от 17 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 97–98].

Монгольский МИД решил командировать в Хайлар вице-министра иностранных дел — баргинского даура Цэнд-гуна для наблюдения «за движениями харачин» и попросил А. А. Орлова оказать ему содействие [Телеграмма Орлова из Урги от 24 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 39]. В связи с этим на совещании у премьер-министра Внешней Монголии Сайн-ноён-хана было прин-

ципиально решено послать к границе Барги отряд в 1 500 человек при 2 орудиях и 4 пулеметах. Монголы просили прислать из Иркутска хотя бы 18 000 трехлинейных винтовок [Телеграмма Орлова из Урги от 30 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 223].

21 июля российский генеральный консул в Урге А. А. Орлов телеграфировал российскому вице-консулу в Хайларе П. К. Усатому, что монгольский отряд в составе 1 500 человек при 2 орудиях и 2 пулеметах под командой 7 младших инструкторов и Васильева прибыл в хошун монгольского князя Далай-вана на востоке Внешней Монголии [Телеграмма вице-консула Усатого из Хайлара управляющему Российским генеральным консульством в Харбине от 21 июля 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 85].

Выводы

Итак, в чем же причина похода монгольских повстанцев на Хайлар, приведшего к перевороту? Граве писал в Петроград, что японцы натолкнули харачинов на поход на Баргу с целью оказания давления на китайцев для подписания ими договора с харачинами и для создания определенного

впечатления в российских кругах в связи с распространявшимися тогда слухами о сепаратном мире России с Германией. Играя на чувствах и трудном положении харачинов, японцы содействовали возникновению харачинского вопроса (цит. по: [Ностаева 2010: 45]). С последним выводом можно согласиться, но лежащие в его основе приведенные заключения Граве не доказываются архивными материалами.

Корни харачинского вопроса — не в происках японцев, а в невозможности для внутренних монголов реализовать свое право на самоопределение в период распада империи Цин и становления национальных государств — монгольского и китайского (ханьского). В результате представители национально-освободительного движения Внутренней Монголии вынуждены были пытаться использовать любые возможности, которые, как им казалось, открывались для достижения независимости от Китая. Японцы использовали харачинский вопрос в своих целях, но не были его создателями. Приведенное выше объяснение монгольских повстанцев своему походу на Хайлар следует признать наиболее правдоподобным.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
Russian State Archive of Military History.

Литература

Кузьмин 2018 — Кузьмин С. Л. Положение повстанцев Внутренней Монголии после смерти их лидера Бавужава в 1916 г. // *Oriental Studies*. 2018. № 6. С. 2–14
Ностаева 2010 — Ностаева Е. В. Харачинский вопрос в Барге (1917 г.) // *Восточный архив*. 2010. № 1(21). С. 43–48.
События в Хайларе ... 1917 — События в Хайларе принимают серьезный характер // *Китай и Япония (Хабаровск)*. 1917. № 256–257. С. 64.
Цолмон 2016 — Цолмон Г. Страницы истории барга-монголов // *Регион в приграничном*

пространстве: мат-лы междунар. науч. конф. Ч. 1. Чита: ЗабГУ, 2016. С. 22–27.

Цыбенков 2012 — Цыбенков Б. Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2012. 252 с.

References

Conditions in Hailar turn sour. Kitai i Yaponiya (Khabarovsk). 1917. No. 256–257. Pp. 64. (In Russ.)
Kuzmin, S. L. Guerillas of Inner Mongolia after the death of their leader Babujab in 1916. *Oriental Studies*. 2018. No. 6. Pp. 2–14. (In Russ.)
Nostaeva E. V. The Kharachin issue in Barga (1917). *Vostochnyi arkhiv*. 2010. No. 1 (21). Pp. 43–48. (In Russ.)
Tsolmon G. The Barga Mongols: pages of history. [Regions in a Border Space]. Conf. proc. Part 1. Chita: Transbaikal State Univ., 2016. Pp. 22–27. (In Russ.)
Tsybenov B. D. [Daur of China: history and culture. Historical and ethnographic accounts]. Ulan-Ude: East Sib. State Univ. of Technology and Management, 2012. 252 p. (In Russ.)





Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Is. 2, pp. 183–194, 2019
DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-183-194
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(517)+332.2.021

Влияние земельно-пастбищных отношений на территориально-административное деление в Монголии в процессе формирования сельскохозяйственных объединений (1935–1959 гг.)

Турдалай Раднаасэд¹

¹ Академия наук Монголии, Институт международных отношений (д. 1, ул. Премьер-министра А. Амара, 14200 Улан-Батор, Монголия)
научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-7775-3682. E-mail: turdalair@mas.ac.mn

Аннотация. *Цель статьи* — рассмотреть влияние земельно-пастбищных отношений на особенности формирования сельскохозяйственных объединений (СХО) в 1935–1959 гг. в аспекте административно-территориального деления. *Результаты.* В связи с одновременным существованием частной и государственной кооперативной собственности в результате формирования и развития сельскохозяйственных кооперативов, повлиявших на земельно-пастбищные отношения, в МНР был поднят ряд актуальных вопросов. Такие предприятия государственного и кооперативного типа, как сельскохозяйственные кооперативы, госпредприятия, машинно-тракторные станции, фермерские кооперативы, пришли к необходимости детальной регламентации земельно-пастбищных отношений и реорганизации территориального управления МНР. В истории Монголии в период с 1950 по 1960 гг. была осуществлена крупнейшая реорганизация административного деления Монголии на 1568 багов, 330 сомонов и 21 аймак. Основную роль в этой ситуации сыграла политика регулирования землепользования и обеспечения пастбищ для 255 сельскохозяйственных кооперативов, 17 совместных кооперативных предприятий, 9 совместных кооперативов и 90 государственных предприятий, просуществовавших до 1990 г. *Выводы.* Земельные отношения как основа развития скотоводства в процессе формирования сельскохозяйственных объединений и в период после ликвидации сельскохозяйственных объединений были изменены в МНР коренным образом. Однако земля как объект общего пользования находилась в юрисдикции государства, и им осуществлялось управление земельными отношениями и системой сельскохозяйственных объединений. Таким образом, имелся общий регулятор в виде государства. Это являлось преимуществом перед сегодняшним положением, когда интересам многочисленных скотоводов не соответствует преобладание земель общего пользования.

Ключевые слова: процесс присоединения к сельскохозяйственным объединениям, земельные отношения, земельные угодия, административно-территориальное деление

Для цитирования: Турдалай Раднаасэд. Влияние земельно-пастбищных отношений на территориально-административное деление в Монголии в процессе формирования сельскохозяйственных объединений (1935–1959 гг.). *Oriental Studies*. 2019;(2):183-194. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-183-194.

Mongolia's Administrative Division during the Formation of Agricultural Associations (1935–1959): the Impact of Land and Pasture Issues

Turdalai Radnaased¹

¹ Mongolian Academy of Sciences, Institute of International Relations (1, Prime Minister A. Amar Str., Ulaanbaatar 14200, Mongolia)

Research Associate

ORCID: 0000-0001-7775-3682. E-mail: turdalair@mas.ac.mn

Abstract. The *goal* of the article is to consider the impact of land and pasture issues on peculiarities of formation of the agricultural cooperatives in 1935–1959 concerning the administrative-territorial division. *Results.* The co-existence of private and state cooperative property resulting from the emergence and development of agricultural cooperatives that had a certain impact on land-pasture relations in the MPR gave rise to a number of essential issues and difficulties. State and cooperative organizations, such as agricultural cooperatives, state enterprises, machine-tractor stations, farmer cooperatives, finally required detailed regulations for land-pasture relations to be accompanied by a reorganization of the territorial-administrative division of the MPR. That proved the biggest reorganization in the history of Mongolia from 1950 to 1960, and the country was administratively divided into 1568 bags, 330 soums and 21 aimags. The wealth creation, land exploitation and pasture policy for the 255 agricultural cooperatives, 17 joint cooperative enterprises, 9 joint cooperatives and 90 state enterprises that had existed until 1990 played the key role in the situation. *Conclusion.* Land-pasture relations as the basis for cattle breeding were drastically changed in the MPR during the formation of agricultural cooperatives and in the post-liquidation period. However, the land as common amenities was within the jurisdiction of the state, which governed land matters and the system of agricultural cooperatives.

Keywords: process of joining agricultural cooperatives, land relations, lands, administrative-territorial division

For citation: Turdalai Radnaased. Mongolia's Administrative Division during the Formation of Agricultural Associations (1935–1959): the Impact of Land and Pasture Issues. *Oriental Studies*. 2019;(2):183-194. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-183-194.



Введение

В Монголии отсутствие специального государственного закона о воде до начала 1950-х гг., то есть до создания сельскохозяйственных объединений (СХО), негативно влияло на защиту колодцев и различных водных источников, правильную эксплуатацию водных источников, снабжение пастбищ водой, повышение емкости (вместимости) пастбищ и орошение полей и сенокосных площадей. Главной причиной указанных трудностей являлось абсолютное отсутствие внимания к границам багов, сомонов, аймаков в МНР. Араты создавали большие проблемы, перекочевывая по

своей воле по территориям других багов и сомонов, эксплуатируя пастбища не в соответствии со своими территориями и выгоняя свой скот на пастбища, которые были в резерве аратов из других багов [МУУТА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 994. Л. 55–58].

Цель статьи — рассмотреть влияние земельно-пастбищных отношений на особенности формирования сельскохозяйственных объединений в 1935–1959 гг. в аспекте административно-территориального деления.

Материалы

В 1942 г. в МНР был утвержден закон о землепользовании. Но в обществе преобла-

дало традиционное землепользование; народные собственники (араты) и члены СХО в течение 10 лет, с 1940 по 1950 гг., занимали под пастбища большую часть эксплуатируемой земли. Площади на сенокос и пахоту имели три основных части.

Как показывают архивные документы, до 1942 г. по всей стране пастбища не разделялись на предназначенные для народных собственников и членов СХО. Продолжал бытовать обычай пользоваться пастбищами сообща. В Монголии участки для пастбищ официально не распределялись по подушевому принципу, однако в середине XX в. на местах появлялись попытки организации рационального пастбищепользования. Так, организовывали работу по пастбищепользованию в зависимости от времени года и защите пастбищ для зимовки, что означало ограждение от выпаса скота в теплое время года. Это было самым важным мероприятием по пастбищепользованию в истории монголов, которые занимались кочевым скотоводством, отличавшимся большой зависимостью от климата и в целом — от природных условий.

Несмотря на то, что в законе о землепользовании 1942 г. было обращено специальное внимание на статус народных производственных объединений и государственных организаций по землепользованию, практически отсутствовали общая плановая политика в регулировании вопросов по пастбищам для народных собственников и членов СХО, а также эффективное управление с использованием достижений науки. До 1954 г., когда была создана профессиональная служба по вопросам земли в МНР, отсутствовала и связь между аймаками и сомонами по вопросам земельных отношений. Такая ситуация негативно влияла на развитие сельского хозяйства в Монголии, на качество и количество скота и на прекращение частых споров и конфликтов между членами СХО и народными собственниками по пастбищепользованию.

Отсутствие окончательного решения вопросов об увеличении числа водных источников и обеспечении пастбищ орошением с начала XX в. по сей день является главным препятствием в рациональном использовании пастбищ и извлечении максимальной пользы от них. До начала 1950-х гг. не было специального закона о

водных источниках, что особенно негативно влияло на защиту колодцев и водных источников и их правильное использование, увеличение вместимости пастбищ и орошение полей и площади для сенокоса. Главной проблемой, определившей трудности и испытания для скотоводов, являлось нарушение установленных границ багов, сомонов и аймаков в МНР аратами, которые кочевали самовольно по пастбищам, принадлежавшим другим, неправильно эксплуатировали пастбища. Повсеместно наблюдались случаи, когда пастухи одного бага пасли свой скот на пастбище другого бага, которое находилось в запасе на зиму и весну, и это создавало большие трудности в развитии скотоводства [МУУТА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 994. Л. 55–58]. При появлении актуального испытания общих сил в виде ремонта колодцев или тушения пожара имели место уход от ответственности и поиск виновных среди других пользователей [МУУТА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 994. Л. 55–58].

Араты предпочитали кочевать по их сложившимся обычаям, протестовали против обновленного местного территориально-административного деления, и распространенным было мнение, согласно которому считалось неправильным четкое определение границ багов, сомонов. Например, председатель 3 бригады сомона Уулбаян Сухбаатарского аймака Жамбалсурэн говорил: «...Границы для багов и сомонов будут не соответственными. Это ограничит свободные кочевки аратов», а арат из Сухбаатарского аймака Шаравдорж так выразил недовольство обновлению и изменению территориально-административного деления и призывал к игнорированию политики по регулированию пастбищ: «...Здесь, где кочевки очень частые, лучше быть без границ. Если будут такие границы, появится, наверно, много конфликтов» (цит. по: [Na. Jiybaral 1953: 97]). Таких примеров были десятки.

Кроме проблемы пастбищ, в указанный период стоял остро и другой вопрос — в отношении площадей для сенокоса. С 1940 по 1950 гг. нарушение закона в виде тайных аренд площади для пахоты и сенокоса встречалось очень часто. Народные собственники, у которых число голов скота увеличивались, переезжали в другой сомон в поисках пастбищ и сталкивались с нема-

лыми трудностями в поисках земли для сенокоса. В таких случаях люди во многих аймаках договаривались между собой, и одни косили сено в пади и делили сено с другими в соотношении 50/50 процентов. Для регулирования таких незаконных отношений по вопросу о пастбищах и сенокосных землях осуществлялись попытки внедрять три основных метода по распределению земель на сенокос:

- 1) земельные участки распределялись с учетом численности голов скота;
- 2) в некоторых местах распределялись земли по запланированному (определенному) числу голов скота;
- 3) при распределении земель для сенокоса число голов скота определяли по головам крупного скота [МУУТА. Ф. 1. Оп. 5. Д. 294. Л. 25].

Для защиты сенокосной земли пастбище распределялось на четыре части в соответствии с 4 сезонами года, и для урегулирования земельных отношений стада должны были находиться под постоянным присмотром, предполагалось содержать караулы (с выплатой зарплаты) у границ территорий багов, сомонов, а также отметить границы камнями или определить границы по природным объектам. Однако в этот период официальное детальное измерение и межевание земли не имело распространения. Как пишет Н. Жагварал, единственный случай, когда осуществили измерение площади для сенокоса, имел место в урочище Улаан бургас вблизи города Алтанбулаг [Na. Jiybaral 1953: 101].

В период с 1940 по 1950 гг. владение пахотной землей в МНР имело важное значение. Как отмечалось в отчете исследования научного сотрудника Научного комитета Сандуйжава, в 1951 г. более 40 организаций и учреждений в Улан-Баторе имели подсобное хозяйство в виде овощных хозяйств, которые находились вдоль реки Левоу Сэлбэ.

В то время выращиванием овощей занимались часто китайцы, так как монголы не сажали овощей, хотя государственные организации, хозяйственные и производственные предприятия владели огородами и пахотными землями [МУУТА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 145. Л. 131–133].

Согласно «Закону о землепользовании» иностранцы должны были платить аренду на землю в случае землевладения и земле-

пользования и получать специальную лицензию, однако в реальной жизни этот параграф закона фактически не реализовался [Жагварал 1958].

Китайцы выращивали овощи для частных лиц или предприятий с получением за это зарплаты или заключали договор с определенной организацией на условиях сдачи половины урожая организации, с тем чтобы другая половина оставалась им. Они не платили подоходный налог, ссылаясь, что имеется договоренность с организациями, — и это являлось серьезным нарушением закона МНР. Таким образом, организация земельных отношений в исследуемый период была очень слаба, и очень проблематичным являлось осуществление единой политики и контроля.

Наряду с процессом формирования СХО, активизировались и процессы урбанизации, в результате которых частные собственники стали переезжать в город и селения, несмотря на то, обобществлялся или нет их скот с 1950 г.

Следствием таких процессов стали срывы плана по увеличению поголовья скота и заготовке сырья для государства, вместе с тем никто не нес за это ответственность. Поэтому кредит (впоследствии он превратился в большой долг в 11,5 млрд американских долларов) и помощь Советского Союза были направлены на осуществление политики по уравновешенному развитию сельского хозяйства наряду с развитием индустрии, культуры, образования, здравоохранения, а также обороны.

С середины 1950-х гг. до середины 1980-х гг. ЦК МНРП и Совет министров осуществляли программы, направленные на развитие сельской местности. Так, для мотивации людей создавались различные лозунги, которые призывали молодежь в сельскую местность. Молодым людям выдавали ревсомольские путевки, выдавали помощь и кредиты и т. д. Было создано много произведений искусства по сельской тематике (сняты художественные и документальные фильмы, написаны романы, повести, рассказы, стихотворения, песни и т. д.).

Однако все эти мероприятия не остановили миграцию, направленную в селения и урбанизированные места, что подтверждается историческим фактом провала государственной политики по прекращению про-

цесса продолжительного увеличения числа населения городов Улан-Батор, Эрдэнэт и Дархан в XX в.

В данной связи необходимо отметить актуальность изучения фактов, документов и богатой информации, содержащейся в архивах и в центральном ведомстве статистики, связанной с гражданами, которые переселились в г. Улан-Батор и другие крупные населенные пункты во время формирования СХО [БНМАУ-ын 1921–1958 онуудын... 1960; БНМАУ-ын улс ардын ... 1981; ХХ зуун эмхэтгэл 2006; Статистикийн эмхэтгэл 2006].

Таким образом, изучение процесса формирования СХО может способствовать выяснению влияния этого процесса на структуру монгольского общества [Авирмид 1960; БНМАУ-ын нийгмийн бүтэц... 1984], а также на его общественные, этнические и культурные процессы.

В 1970-е гг. указанные процессы в определенной мере изучались в исследованиях этнологического, социологического характеров среди жителей города Улан-Батора. Однако изучение в этом направлении не велось непрерывно и до настоящего времени находится в неудовлетворительном состоянии.

Ученые имеют принципиальные разногласия по вопросу о влиянии периода формирования СХО на общество, экономику, культуру и вопросу об исторических результатах указанного периода. Особенно различаются заключения научных исследований в части оценки изменений в традиционном стиле пастбищепользования. Немало ученых, которые критически относятся к реальному общественно-экономическому влиянию формирования СХО.

Так, Ц. Шагдарсурэн отмечает, что по мере интенсификации урбанизации в МНР и внедрения сельскохозяйственных достижений, современных техник и технологий из Советского Союза и других братских социалистических стран традиционная монгольская кочевая жизнь и ее культурное (в том числе и литературное) наследие стали уничтожаться [Шагдарсурэн 2003: 37].

Д. Базаргур, предложивший новое научное направление, названное им «Скотоводческая география», в своей теоретической работе писал: «В процессе формирования СХО наблюдалась тенденция привести ко-

чевников к централизованной оседлости на основе кооперации труда в отгонном скотоводстве. Причина провала в реализации этой тенденции в жизнь состоит в неправильности гармонизации традиционного кочевого образа и инноваций. То есть в годы социализма были сделаны ошибки в овладении „экологически гармоничным урочищем отгонного скота“» [Базаргур 1998: 22–23].

Ученые, работавшие в этом направлении, многократно указывали, что исследование вопроса о земле предполагает наличие комплексного подхода и связано с делением территории на основе особенностей экосистемы и продуманной и взаимосвязанной организации земли.

Однако после 1990-х гг. западные исследователи стали обращать внимание на этот вопрос и стали делать совершенно иные заключения. Их позиция была связана с перечислением ошибок и принудительных мер при создании СХО. Йорг Янцен предложил заменить понятие кочевого скотоводства понятием «мобильное скотоводство», основываясь на том, что кочевое скотоводство, которое существовало до движения формирования СХО в Монголии, фактически исчезло [Janzen 2004: 130–136].

Как показывает анализ архивных документов, не было переворота в решении вопроса о пастбищной земле, который являлся коренным вопросом в отношении сельскохозяйственной земли в исследованный нами период формирования СХО с 1935 по 1959 гг. Партия и правительство придерживались политики относительного сохранения традиционного способа владения землей скотоводами, и последние успешно сочетали традиционное скотоводство и культуру пастбищевладения с современными научными достижениями, которые внедрялись с помощью Советского Союза. Следовательно, до 1960-х гг. негативное влияние на пастбищепользование в Монголии было сравнительно небольшим. Вопросы, рассмотренные вышеупомянутыми исследователями, связываются с периодом 1960–1990 гг. (период СХО) и с 1990-ми гг., когда СХО перестали существовать и появились изменения в землепользовании, общественной культуре и духовной жизни.

Решение вопроса о перестройке территориально-административного деления в МНР со времен формирования СХО и до

наших дней постоянно сталкивалось с трудностями, что требует отдельного рассмотрения истории данного вопроса.

В изучаемый нами период землепользование в СХО оказало влияние на местную административно-территориальную организацию. При межхозяйственной организации в 1956 г. сомоны были разделены по плану на СХО и госхозы, и такая организация была уточнена и исправлена в период 1973–1975 гг. Это административно-территориальное деление до сих пор осталось фактически без изменений. Тогдашнее деление всей территории МНР по принципу учета хозяйственных особенностей создало ныне целый ряд проблем, требующих изучения. Причина таких проблем состоит в следующем:

– при создании СХО в период с 1935 г. не учитывались особенности населения, природно-экономическая и инфраструктурная ситуации, при делении были учтены старые территории сомонов и монастырей;

– при восстановлении сомонов в период 1950–1970 гг. сохранялось деление по территории СХО, госхозов и городов, и в результате сегодня имеется немало проблем землепользования и землевладения.

По мнению некоторых ученых, административно-территориальное деление МНР при формировании СХО было в основном неправильным. В результате многолетних исследований было определено, что какая-то часть границы «экологически благоприятных краев» совпадает с частью границы административно-территориальных делений, а их центры находятся вдоль определенных границ природы и общества. Однако административное и хозяйственное деление в 1959 г. привело к упразднению в течение 30 лет 117 сомонов и перекочевке — 108 сомонов; все эти изменения охватили 60 % всех сомонов. Впоследствии около 100 сомонов и хозяйств имели споры и разногласия по вопросу о распределении территории [Базаргүр 1998: 72].

В течение 30 лет со времен создания СХО площадь территории аймаков Архангай, Говь-Алтай, Дорноговь, Дорнод, Южногобийский, Сухбаатар и Ховд увеличилась, а территория аймаков Дундговь, Завхан, Убурхангай, Центральный, Увс и Хэнтий уменьшилась. Площадь территории аймаков Баян-Улгий, Баянхонгор, Булган, Сэлэнгэ и Хувсгул была стабильной, без изменений, до 1991 г. (см. таблицу 1).

Таблица 1. Площади территории 18 аймаков и изменения с 1959 по 1991 гг. (тыс. км²)
[Table 1. Areas of the 18 aimags and changes between 1959 and 1991 (thous. sq. km)]

№	Название аймаков ¹ [Aimag name]	1959	1965	1971	1991
1	Архангай	47	55	55	55
2	Баян-Улгий	46	45	46	46
3	Баянхонгор	116	116	115	116
4	Булган	48	49	49	48.9
5	Говь-Алтай	126	142	142	142
6	Дорноговь	101	121	123	111
7	Дорнод	120	121	114	123.5
8	Дундговь	79	77	76	78
9	Завхан	90	82	82	82
10	Сухбаатар	71	81	82	82
11	Сэлэнгэ	—	43	43	42.8
12	Убурхангай	69	63	63	63
13	Увс	76	68	69	69
14	Умнуговь (Южно-Гобийский)	156	164	163	165
15	Ховд	73	76	76	76
16	Хувсгул	102	100	100	101
17	Хэнтий	89	81	81	82
18	Центральный	126	78	78	81

¹ [БНМАУ-ын улс ардын ... 1960: 13; БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 1991: 4–6].
У-ын хөдөө аж ахуй... 1974: 33–34; БНМАУ-ын

Площадь Южно-Гобийского (Умнуговь) аймака, которая насчитывала 165 000 км² во время завершения формирования СХО (т. е. в 1959 г.), увеличилась на 9 000 км² при распаде СХО и в 1991 г. составляла 174 000 км². Сэлэнгийский (Сэлэнгэ) аймак, который имел самую маленькую территорию, в 1959 г. был ликвидирован и в 1960 г. воссоздан, в 1991 г. имел территорию в 42 800 км². Сэлэнгийский аймак имеет территорию в 4 раза меньше территории Южно-Гобийского аймака. Площади территории аймаков Сэлэнгэ, Баян-Улгий и Булган до сих пор меньше на 27 000 км² террито-

рии Южно-Гобийского аймака [БНМАУ-ын хөдөө аж ахуй... 1974: 33–34].

Как видно, несмотря на детальное административно-территориальное деление, площади территорий аймаков до настоящего времени разные, в зависимости от природно-климатических условий, природно-зональных особенностей, плотности населения и других факторов природы, общества и экономики.

Кроме аймаков, сравнительно разные и площади сомонов. Сравнение площадей 18 сомонов на 1 января 1971 г. выглядит следующим образом (см. таблицу 2).

Таблица 2. Площади сомонов и аймаков (данные на 1 января 1971 г., тыс. км²)
[Table 2. Areas of sums and aimags (as of January 1, 1971; thous. sq. km)]

№	Название аймака [Aimag name]	Сомон с самой большой площадью [Sum with the largest area]	Сомон с самой маленькой площадью [Sum with the smallest area]
1	Архангай	Хангай (660,4)	Угийнуур (161,9)
2	Баян-Улгий	Цэнгэл (668,5)	Бугат (141,4)
3	Баянхонгор	Баян-Ундор (1 685,0)	Заг (249,0)
4	Булган	Тэшиг (771,5)	Хантай (212,0)
5	Говь-Алтай	Алтай (2 028,1)	Бигэр (314,5)
6	Дорноговь	Улаанбадрах (1 447,5)	Даланжаргалан (392,3)
7	Дорнод	Халх гол (2 800,8)	Хөлөнбуйр (378,5)
8	Дундговь	Улзийт (1 656,3)	Дэлгэрцогт (249, 3)
9	Завхан	Алдархаан (725,4)	Тэс (225,9)
12	Сухбаатар	Сухбаатар (1 298,0)	Наран (286,0)
13	Сэлэнгэ	Ероо (1 187,9)	Дархан (42,5)
10	Убурхангай	Богд (1 048,5)	Хужирт (166,3)
15	Увс	Завхан (697,3)	Улгий (168,9)
11	Умнуговь (Южно-Гобийский)	Гурвантэс (2 844,2)	Мандал-Овоо (523,8)
16	Ховд	Алтай (1 377,5)	Дуут (192,7)
17	Хувсгул	Ринчинлхумбэ (1 266,9)	Туморбулаг (158,9)
18	Хэнтий	Хэнтий (740,6)	Идэрмэг (223,7)
14	Центральный	Баянцагаан (587,4)	Архуст (96,6)

Анализ приведенных данных позволяет сделать вывод, что площади территории сомонов были неодинаковыми в Монголии с 1959 г. Например, площадь самого большого сомона Гурвантэса Южно-Гобийского аймака Монголии 67 раз больше самого маленького сомона Дархан Сэлэнгийского аймака.

Все 329 сомонов Монголии занимают 152 338,5 тыс. га земли, однако деление этой площади на сомоны было неравномерным, и разницу в размерах площадей не

сумели устранить и в годы формирования СХО. Например, существуют 15 сомонов, которые имеют территорию с одинаковыми размерами (длиной и шириной), площадью 50 км². В зависимости от природных зон сомоны имеют территории, различающиеся по площади (от 10 км до 67 км); некоторые сомоны имеют 2 800 тыс. га площади.

Сомоны в центрах аймаков имеют в 10–15 раз меньшие площади, но отличаются большей плотностью населения (в 4–5 раза больше, чем в других сомонах). Ныне 43 %

¹ См.: [БНМАУ-ын хөдөө аж ахуй... 1974: 33–34].

всех сомонов (т. е. 141 сомон), занимающие площадь от 200 по 500 тыс. га, являются наиболее типичными.

Как было изложено выше, по форме организации площадей земли сомонов делились в 1956 г. на территории госхозов и СХО. В 1973–1975 гг. произошли некоторые уточнения, и такое распределение площадей не изменяется до сих пор. Вследствие деления территории без учета климата и размеров, а также из-за нагрузки на пастбище постоянно возникают споры и конфликты.

С 1960 г. появилась тенденция отказа от принципа территориального образования; началось создание хозяйств, городов и сел со статусами сомонов, и в результате появилось много сомонов и центров, которые практически не занимают определенные территории.

Такое обстоятельство связано с отсутствием исследований, достаточных для разработки политики землепользования и связанных с ней многих других вопросов в МНР до и после формирования СХО.

Как показывают исторические факты, проводилась политика по обобществлению стад и табунов скота на земле в рамках создания СХО, в процессе реализации которой господствовал интерес к собственности, а вопрос о землевладении и пастбищах был оставлен в стороне.

Однако во всем мире вопросы по земельному менеджменту не были систематизированы до середины 1950-х гг. В Монголии также не было крупных ученых и организаций, которые изучали бы вопросы землепользования. Кроме того, отсутствовали профессиональные кадры, прошедшие специальную подготовку по вопросам о земле.

Следовательно, хотя административно-территориальное деление в МНР было составлено на основе развития и укрепления СХО с учетом численности населения, состава стад, растительного покрова территорий и наличия пастбищ, а также в связи с государственным планом производства сельскохозяйственных продуктов, тем не менее основной вопрос земельных отношений не был разрешен вследствие недостаточной его изученности.

Тем не менее причина такой ситуации состоит в особенности периода, когда ре-

шение административно-территориального вопроса принималось с учетом экономических интересов и на основе пятилетних планов МНРП. Такое историческое положение стало причиной появления многих нынешних и будущих трудностей и испытаний в связи с местным административно-территориальным делением. Необходима реорганизация административно-территориального деления, осуществленного в основном в период СХО.

В Монголии имеется опыт административно-территориального деления в 1923, 1931, 1940, 1956, 1970, 1992 гг. на основе природных особенностей территорий сомонов и аймаков, традиционного расположения старых монастырей и с учетом развития СХО. Однако разработанное в 1940-х гг. административно-территориальное деление является до настоящего времени основой бытующего деления.

В 1990-е гг., когда СХО были ликвидированы, появилась потребность эксплуатировать пастбища в соответствии с кочевым образом хозяйствования. При этом стали реализовывать традицию, которая бытовала сотни лет: скотоводы в зонах лесных районов (хангай) прикочевывали летом в долину вдоль реки, а зимовали на южном склоне горы, где были защищены от сильного ветра, а те, которые жили в степи и пустыне (гоби), кочевали туда, где есть водные источники.

Самым подходящим местом пастбищепользования, согласно кочевым традициям, является, конечно, степь и лесостепь, и те, кто живут в этих природно-климатических зонах, кочуют в лесные районы (хангай) летом, а зимой, при неблагоприятных погодных условиях, — в пустынные районы (гоби).

Новые принципы регулирования пастбищепользования, согласно кочевым традициям, были осуществлены в первую очередь в организации труда и пастбищепользования. Деление скотоводов по бригадам при социализме было направлено на постепенный переход скотоводов к оседлости. Сутью такой организации было развитие скотоводства по плану [Баркманн 2006: 161].

Хотя процедура пастбищепользования, установленная с 1958 г., была основана на праве пастбищепользования скотоводами, она не была утверждена официально в каче-

стве закона, о чем не следует забывать. После ликвидации СХО традиционное право на пастбищепользование стало снова признаваться.

Политика по СХО способствовала созданию элементов оседлой культуры у монгольских скотоводов, которая выражалась во внешних на вид формах, однако предпринимаемые меры не могли полностью перевести всех скотоводов на оседлый образ

жизни в XX в. Несмотря на крупные финансовые средства, которые государство вложило в решение вопроса о переходе скотоводов на оседлый социалистический образ жизни по структуре «сомон — СХО» и «сомон — госхоз», фактически ничего не было унаследовано от СХО, которые действовали при социализме, и скотоводы стали снова признавать наиболее значимыми свои собственные интересы.

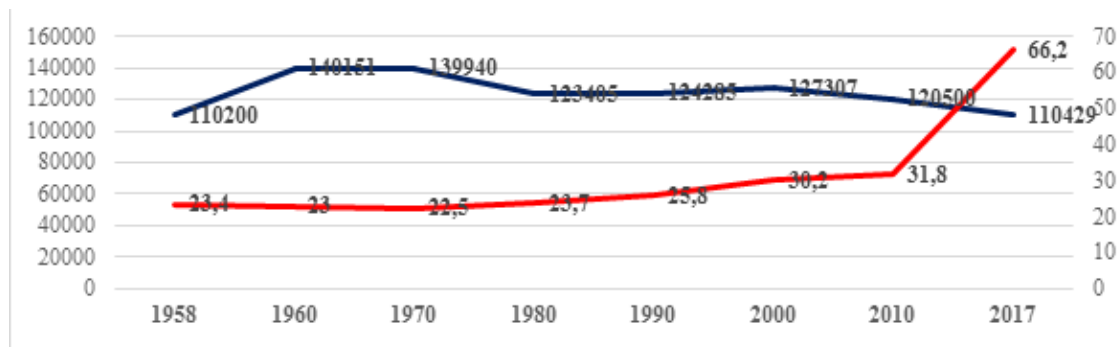


Рис. 2. Соотношение пастбищной площади (млн гектаров) и количества скота (млн голов)
[Fig. 2. Correlation between areas of pastures (mln ha) and livestock populations (mln heads)]
(Обозначения [Legends]: — Пастбищная площадь [Pasture area];
— Число голов скота [Number of livestock heads])

С другой стороны, в первой половине XX в. вследствие нехватки достаточных собственных знаний и отсутствия базы данных по организации и управлению земельными отношениями у монголов вопрос по земельно-пастбищным отношениям на научной основе решался при поддержке Советского Союза. Несмотря на очередные законы и уставы по земельно-пастбищным отношениям, принятые после народной революции 1921 г., их реализация была медленной и формальной.

Нельзя забывать, что, несмотря на вышеизложенные актуальные проблемы, при СХО пастбищные отношения в Монголии впервые в их истории рассматривались и развивались централизованно, регулирование их проводило государство на основе достижений современной науки.

При Х. Чойбалсане Монголия была страной кочевого скотоводства, а при Ю. Цэдэнбале она стала сельскохозяйственно-индустриальной страной, и сельскохозяйственная отрасль включала как скотоводство, так и земледелие, которое было механизированным; в скотоводстве использовались не только традиционные методы хозяйствования: имелось определенное кормовое хозяй-

ство. Ю. Цэдэнбал сумел реализовать идею перестройки скотоводства Монголии и развить его в соответствии с новой теорией.

Ю. Цэдэнбал вспоминал позже: «Нельзя забывать то, что успех в реорганизации скотоводства по социалистическому образцу был подготовлен всем процессом развития общества и экономики в МНР» [Цэдэнбал 1967: 410].

Российский исследователь Ш. Г. Надиров писал: «Известно, что одной из радикальных мер переустройства экономики Монголии на социалистических началах явилось кооперирование частных животноводческих хозяйств в конце 50-х годов. В принципе оно осуществлялось на основе ленинского кооперативного плана и с использованием опыта колхозного строительства в СССР. Однако МНРП проводила его осторожно, гибко, при активной поддержке основной массы аратов, что позволило избежать тех трагических издержек, которые сопровождали коллективизацию сельского хозяйства в Советском Союзе, ставшую одной из наиболее драматических страниц его истории» [Надиров 1995: 52–53; в переводе на монг. яз. эту цитату см.: Надиров 2016: 10].

В целом в годы существования СХО с 1960 по 1990 гг. у монгольских скотоводов развивались традиции солидарности, повысился уровень жизни, они были полностью охвачены службами здравоохранения, вовлечены в системы учреждений культуры и образования, получали зарплаты благодаря оценке их труда. Эти позитивные вещи нельзя игнорировать.

Однако самыми главными проблемами, которые критикуются исследователями при рассмотрении политики СХО, является количество скота для одной семьи и большая нагрузка на скотовода. Если случался падеж скота в СХО, то скотовод платил из своей зарплаты или отдавал собственный скот, в крайнем случае скотовод заключали в тюрьму. В результате скот СХО называли предметом «приговора», появилось негативное явление в монгольском обществе — сдавать свой скот безвозмездно в СХО и уезжать в города и селения.

Таким образом, Монголия в течение последних более чем девяноста лет интенсивно осуществляла различные попытки усовершенствовать скотоводство: в виде коммун в 1930-е гг., политики поддержки только богатых скотоводов в 1940-е гг., политики снабжения скотоводов материальными средствами, организации процесса формирования СХО в 1950-е гг. и создания госхозов и ферм в 1970 и 1980-е гг. Все эти попытки с разными названиями и целями не имели успеха, так как они были очень далеки от кочевого скотоводства, но каждая попытка реформ представляла значимый опыт в политике государства и жизни скотоводов [Энхтүвшин 2010].

Таким образом, земельно-пастбищные отношения в МНР представляли собой весьма сложный и трудный для разрешения, многосторонний вопрос.

В последние годы теоретико-практический метод землепользования Российской Федерации был обновлен, и ученые, которые изучают земельные отношения, обратились к изучению ошибочной политики в области земельных отношений, землепользования и организации. В работах российских ученых Ю. Г. Иванова и Б. И. Кочурова, исследующих земельные отношения, отмечается, что колхозное движение, начавшееся с 1930-х гг., не смогло сформировать свою теорию

организации земли до сих пор. При планировании регионов для «перспективной организации деревень» организаторы исправляли основные количественные значения, посланные в государственную статистическую информацию, писали много разных научно-исследовательских произведений об успехах колхозов» [Иванов, Кочуров 2004: 84–88]. Следовательно, земельные отношения в рамках политики кооперации в Советском Союзе реализовались с самого начала без определенной концепции.

Выводы

Организация земельных отношений при осуществлении политики по интенсивному созданию колхозов и кооперирования в Советском Союзе, во многих странах Центральной Азии и МНР не имели установленной теоретико-методической идеологии: господствовали политический, геополитический и экономический интересы. Земельные отношения в процессе строительства социализма в Монголии в середине 1950-х гг. при поддержке Советского Союза не могли иметь решающее значение, ибо председатели партии и правительства не имели глубокого понимания вопроса и оставляли его вне своего внимания.

М. Фернандез-Гименез считает, что, хотя со времен перехода Монголии к рыночному обществу земельные отношения развивались по направлению землевладения и получению права на землю, большая часть пастбищ Монголии используется как земля общего пользования. Для монгольских скотоводов традиционные кочевки как основные виды и стратегия пастбищепользования являются наиболее подходящими методами хозяйствования в суровых природных условиях, и, следовательно, кочевки играют главную роль в преодолении этих трудных условий [Fernandez-Gimenez 2006].

Как показывают исследования ученых, земельные отношения как основа развития скотоводства в процессе формирования СХО и в период после ликвидации СХО были изменены в МНР коренным образом. Однако земля как объект общего пользования находилась в юрисдикции государства, и им осуществлялось управление земельными отношениями и системой СХО. Таким образом, имелся общий регулятор в виде государства. Это являлось преиму-

ществом перед сегодняшним положением, когда интересам многочисленных скотово-

дов не соответствует преобладание земель общего пользования.

Источники

XX зуун эмхэтгэл 2006 — XX зуун эмхэтгэл — Цуврал (Статистикийн эмхэтгэл) (= Свод данных XX в. (Статистический сборник)). Улаанбаатар: Үндэсний Статистикийн Газар, 2006. 320 х. (На монг. яз.)

БНМАУ-ын 1921–1958 онуудын... 1960 — БНМАУ-ын 1921–1958 онуудын улс ардын аж ахуй, соёлын хөгжилт. Статистикийн эмхэтгэл (= Развитие культуры и народного хозяйства МНР в 1921–1958 гг. Статистический сборник). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1960. 196 х. (На монг. яз.)

БНМАУ-ын нийгмийн бүтэц... 1984 — БНМАУ-ын нийгмийн бүтэц (Түүх, социологийн судалгаа) (= Общественный строй МНР (Исследования по истории и социологии)). Эрхэлсэн Л. Бат-Очир. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1984. 316 х. (На монг. яз.)

БНМАУ-ын хөдөө аж ахуй... 1974 — БНМАУ-ын хөдөө аж ахуй 50 жилд. Статистикийн эмхэтгэл (= К 50-летию сельского хозяйства МНР. Статистический сборник). I боть, Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1974. 310 х. (На монг. яз.)

БНМАУ-ын улс ардын ... 1981 — БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 60 жилд (1921–1981 он). Статистикийн эмхэтгэл (= К 60-летию народного хозяйства МНР (1921–1981). Статистический сборник). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1981. 254 х. (На монг. яз.)

БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 1991 — БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй 70 жилд (1921–1991) (= К 70-летию народного хозяйства МНР (1921–1991)). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1991. 254 х. (На монг. яз.)

БНМАУ-ын улс ардын ... 1960 — БНМАУ-ын улс ардын аж ахуйн хөгжилт. Статистикийн эмхэтгэл (= Развитие народного хозяйства МНР. Статистический сборник). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1960. 198 х. (На монг. яз.)

МУУТА — Монгол Улсын Үндэсний Төв Архив (= Национальный архив Монголии. Ф. 1. Оп. 4. Д. 145). Хөмрөг-1 (Х.-1). Данс 4 (Д. 4). Хадгаламжийн нэгж 145 (Х. н. 145). (На монг. яз.)

Na. Jiybaral 1953 — Na. Jiybaral. Mongol daki yajar-un asayudal [= Вопросы земли в Монголии] (yar bicimel [= рукопись]). bu.na.mo.a ulus-un sinjilekui uqayan-u kuriyeleng, teuke-yin kabinet, Ulaanbayatur, 1953. 97 duyar tal-a.

Статистикийн эмхэтгэл 2006 — Статистикийн эмхэтгэл (монгол, англи хэлээр) (= Статистический сборник). Улаанбаатар: Үндэсний Статистикийн Газар, 2006. 325 х. (На монг. и англ. яз.)

Sources

[20th century statistical books — Series]. Ulaanbaatar: National Statistics Department, 2006. 320 p. (In Mong.)

[50 years of livestock breeding economy in the MPR]. Collected statistical data. Vol. I. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1974. 310 p. (In Mong.)

[Development of the MPR's national economy]. Collected statistical data. Ulaanbaatar, 1960. 198 p. (In Mong.)

[Development of the national economy and culture in the MPR: 1921 to 1958]. Collected statistical data. Ulaanbaatar, 1960. 196 p. (In Mong.)

[National economy of the MPR in 60 years: 1921 to 1981]. Collected statistical data. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1981. 254 p. (In Mong.)

[National economy of the MPR in 70 years: 1921 to 1991]. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1991. 254 p. (In Mong.)

[Statistical yearbook: 2006]. Ulaanbaatar: National Statistics Department, 2006. 325 p. (In Mong. and Eng.)

[Social structure in the MPR: a historical and sociological study]. L. Bat-Ochir (auth.). Ulaanbaatar, 1984, 316 p. (In Mong.)

Mongolian National Central Archives. Fund 1. Series 4. File 145. Pp. 55–58. (In Mong.)

Jiybaral Na. [Land issues in Mongolia]. A manuscript. Ulaanbaatar, 1953. 97 p. (In Mong.)

Литература

Авирмид 1960 — Авирмид С. БНМАУ-ын ангийн бүтэц өөрчлөгдөж ирсэн тухай / хянасан Ж. Аминдаваа (= Изменения в классовой структуре МНР). Улаанбаатар: Эрдэм шинжилгээний хэвлэл, 1960. 26 х. (На монг. яз.)

Базаргүр 1998 — Базаргүр Д. Бэлчээрийн мал аж ахуйн газарзүй (= География пастбищного животноводства). Улаанбаатар: Солонго Пресс Хэвлэлийн Газар, 1998. 245 х. (На монг. яз.)

Баркман 2006 — Баркманн Удо Б. Монголын мал аж ахуй шилжилтийн нөхцөлд (1990–2000) (= О последствиях перехода монгольского животноводства (1990–2000)). МУИС-ийн НШУС. Түүх эрдэм шинжилгээний бичиг. 2006. № 33. X. 153–165. (На монг. яз.)

- Жагварал 1958 — *Н. Жагварал*. Современное аратство и аратское хозяйство в МНР. Эдийн засгийн шинжлэх ухааны доктор (ScD)-ын зэрэг горилсон диссертаци. Улаанбаатар, 1958. 356 х.
- Иванов, Кочуров 2004 — *Иванов Ю. Г, Кочуров Б. И.* О содержании теории землепользования // Проблемы региональной экологии. 2004. № 3. С. 84–88
- Надилов 1995 — *Надилов Ш. Г.* Цэдэнбал, 1984 год. М.: БиГ-Н; Вост. лит., 1995. 188 с.
- Надилов 2016 — *Надилов Ш. Г. Ю.* Цэдэнбал — 1984 / Орчуулсан Б. Баасансүрэн, Ю. Кручин. Улаанбаатар: Интерпресс, 2016. 212 х. (На монг. яз.)
- Цэдэнбал 1967 — *Цэдэнбал Ю.* Илтгэл, өгүүлэл, хэлсэн үг (= Доклады, сообщения, высказывания). II боть. Улаанбаатар: Государственная типография, 1967. 284 х. (На монг. яз.)
- Шагдарсүрэн 2003 — *Шагдарсүрэн Ц.* Монголчуудын утга соёлын товчоон (= Свод духовной культуры монголов) (La Culture spirituelle des Mongols). Bibliotheca Mongolica. Т. II. Улаанбаатар: Centre for Mongol Studies (National University of Mongolia), 2003. 304 х. (На монг. яз.)
- Энхтүвшин 2010 — *Энхтүвшин Б.* Даяаршил. Монгол Улс ба Монголчууд (= Глобализация: Монголия и монголы). ШУА-ийн мэдээ (Улаанбаатар). 2010. № 3. Х. 5–46. (На монг. яз.)
- Janzen 2004 — *Janzen Jörg.* Stand und Perspektiven der mobilen Tierhaltung in der Mongolei aus der Sicht eines deutschen Forschers // Монгол-Германы харилцаа: Өнгөрсөн үе, Эдүгээ, Хэтийн төлөв. Улаанбаатар: ШУА, 2004. Х. 130–136. (На монг. яз.)
- Fernandez-Gimenez 2006 — *Fernandez-Gimenez M.* Land Use and Land Tenure in Mongolia: A Brief History and Current Issues // USDA Forest Service Proceedings RMRS-P-39. 2006. Pp. 30–36. URL: http://www.fs.fed.us/rm/pubs/rmrs_p039/rmrs_p039_030_036.pdf (дата обращения: 30.11.2018).
- Avirmed S. [Changes in the MPR's social class structure revisited]. J. Amindavaa (ed.). Ulaanbaatar: Science Publ., 1960. 26 p. (In Mong.)
- Bazargur D. [Pasture livestock breeding geography]. Ulaanbaatar: Solongo Press, 1998. 245 p. (In Mong.)
- Barkmann, Udo. [Mongolian livestock breeding economy in the transition period: 1990 to 2000]. School for Social Studies, National University of Mongolia. Tüükh erdem shinzhilgeyeniy bichig. 2006. No. 33. Pp. 153–165. (In Mong.)
- Enkhtuvshin B. [Globalization: Mongolia and the Mongols]. ShUA-iyn medee (Ulaanbaatar). 2010. No. 3. Pp. 5–46. (In Mong.)
- Fernandez-Gimenez M. Land Use and Land Tenure in Mongolia: A Brief History and Current Issues. USDA Forest Service Proceedings RMRS-P-39. 2006. Pp. 30–36. An Internet resource: http://www.fs.fed.us/rm/pubs/rmrs_p039/rmrs_p039_030_036.pdf (accessed: 30 November 2018). (In Eng.)
- Janzen Jörg. Stand und Perspektiven der mobilen Tierhaltung in der Mongolei aus der Sicht eines deutschen Forschers (Nomadic livestock breeding in Mongolia: the present situation and perspectives. An opinion by a German researcher). Mongol-Germany khariltsaa: Öngörsön үе, Edügee, Khetiyn tölöv [Mongolian-German relations: past, present and future]. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 2004. Pp. 130–136. (In Germ.)
- Jagvaral N. [Present-day nomads and nomadic economy in the MPR]. A ScD thesis. Ulaanbaatar, 1958. 356 p. (In Russ. and Mong.)
- Ivanov Yu. G., Kochurov B. I. Essence of the land exploitation theory revisited. Regional Environmental Issues. 2004. No. 3. Pp. 84–88. (In Russ.)
- Nadirov Sh. G. [Yu. Tsedenbal: the year 1984]. Moscow: BiG-N, Vost. Lit., 1995. 188 p. (In Russ.)
- Nadirov Sh. G. Yu. [Tsedenbal — 1984]. B. Baasansuren, Yu. Kruchkin (transl.). Ulaanbaatar: Interpress, 2016, 212 p. (In Mong.)
- Shagdarsuren Ts. [A brief history of the Mongols (and their culture)]. Bibliotheca Mongolica. Vol. II. Ulaanbaatar: Centre for Mongol Studies (National University of Mongolia), 2003. 304 p. (In Mong.)
- Tsedenbal Yu. [Papers, articles and speeches]. Vol. II. Ulaanbaatar, 1967. 284 p. (In Mong.)





Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 2, pp. 195–206, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-195-206
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94 (47) 084.6

Общественно-культурная деятельность калмыцкой эмиграции (1920-е – начало 1930 гг.)

Делгир Юрьевна Топалова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-1932-6452. E-mail: delya.top@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Проблема изучения калмыцкого зарубежья остается на сегодня малоисследованной. В советский период деятельность калмыцкой эмиграции по известным идеологическим причинам не освещалась. Имена калмыцких зарубежных деятелей, казалось, были навсегда вычеркнуты из духовного наследия калмыцкой культуры, несмотря на их важное значение для воссоздания целостной картины развития калмыцкой культуры в целом. *Цель:* рассмотреть общественно-культурное движение калмыцкой эмиграции. *Результаты.* Вытесненные с родины калмыки-эмигранты, несмотря на свою малочисленность, а также тяжелые, подчас трагические условия жизни, не подверглись национально-культурной ассимиляции. Напротив, свою деятельность, все свои интеллектуальные силы они направили на сохранение национального самосознания, исторической памяти, национальных традиций и культуры. Лидеры калмыцкого зарубежья видели в этом залог возрождения и процветания своего народа. *Выводы.* Анализ общественно-культурной деятельности калмыцкого зарубежья позволяет говорить о феноменальности данного явления, уникальность которого заключается в сохранении национальной идентичности, поддержании эмигрантами культурного единства, продвижении идей национального возрождения и просвещения калмыцкого народа.

Ключевые слова: калмыцкое зарубежье, общественно-культурная деятельность, Великая российская революция, миграция, национальные традиции

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Топалова Д. Ю. Общественно-культурная деятельность калмыцкой эмиграции (1920-е – начало 1930 гг.). *Oriental Studies*. 2019;(2):195-206. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-195-206.

UDC 94 (47) 084.6

Socio-Cultural Activities of the Kalmyk Expatriate Community (1920s – early 1930s)

Delgir Yu. Topalova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

ORCID: 0000-0002-1932-6452. E-mail: delya.top@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* The issue of exploring the Kalmyk expatriate community still remains understudied. In the Soviet period, the activities of the Kalmyk émigrés were not covered for well-known ideological reasons. The names of Kalmyk foreign figures seemed to have been permanently removed from the spiritual heritage of Kalmyk culture, despite their importance for recreating a holistic picture of the development of Kalmyk culture in general. *Goals.* The paper aims to consider the socio-cultural arrangements of the Kalmyk émigrés. *Results.* The emigrant Kalmyks ousted from their homeland – despite their small number, as well as the difficult, sometimes tragic living conditions – did not undergo any significant national-cultural assimilation. On the contrary, they directed their activities, all their intellectual powers to preserve national identity, historical memory, national traditions and culture. The leaders of the Kalmyks abroad saw this as a guarantee of the revival and prosperity of their nation. *Conclusion.* The analysis of the socio-cultural activities of the Kalmyk expatriate community suggests the phenomenality of those developments, the uniqueness of which lies in preserving national identity, maintaining cultural integrity of emigrants, promoting the ideas of national revival and enlightenment of the Kalmyk nation.

Keywords: Kalmyk expatriate community, social and cultural activity, Great Russian Revolution, migration, national traditions

Acknowledgment: The study was conducted within the framework of the state subsidy — the project ‘Oral and Written Heritage of the Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (Reg. No. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Topalova D. Socio-Cultural Activities of the Kalmyk Expatriate Community (1920s – early 1930s). *Oriental Studies*. 2019; (2):195-206. DOI 10.22162/2619-0990-2019-42-2-195-206.



Введение

Возникновение калмыцкого зарубежья было связано с вынужденным исходом в годы Великой Российской революции населения, в том числе казачества, в страны Европы. Оказавшись на чужбине, каждый из эмигрантов мечтал вернуться домой. Как известно, в 1920–1930-е гг. имела место и репатриация, но и она закончилась трагически и была связана с массовыми репрессиями и последующими расстрелами (см.: [Топалова 2017б: 60–75]).

Людям ничего не оставалось, как начать приспособливаться к жизни на чужбине. Перед эмигрантами встали две проблемы, которые требовали своего разрешения: социально-экономическая и политическая. В связи с этим перед зарубежной калмыцкой общественностью возник вопрос о создании собственных национальных организаций. Самая первая из них была образована в г. Константинополе и называлась Союз калмыков-буддистов. После миграции калмыков из Турции в Болгарию появляется другая организация — Комитет о беженцах-калмыках. В Югославии, главным образом в Белграде, были сосредоточены четыре организации: Платовская станица, Борманжиновская, Русско-калмыцко-каза-

чья колония, Калмыцкий Буддийский Совет и Калмыцкая станица; во Франции — общекалмыцкая станица и Союз калмыков-эмигрантов; станица им. полковника Тепкина, Союз калмыков, Калмыцкий хутор, Ермаковский (последний состоял из кубанских и донских калмыков) в Десине.

Большим событием для калмыцкой эмиграции было открытие в 1923 г. организации Калмыцкой комиссии культурных работников (далее — КККР).

Издательская деятельность являлась важной стороной культуры калмыцкой эмиграции: во-первых, она сыграла большую роль в развитии общественной мысли; во-вторых, печатное слово способствовало, как показало исследование, пропаганде национально-политических идей, а также развитию социальной работы, связанной с улучшением условий жизни калмыков за рубежом. Однако самое главное, на что было направлено печатное дело, — это сохранение и развитие калмыцкой культуры, истории, литературы и письменной традиции в иноэтнической среде.

Цель и материалы исследования

Цель работы заключается в попытке осветить основные моменты развития общественно-культурной деятельности кал-

мыцкой эмиграции 1920–1930-х гг. Источниковую базу составили историческая литература, корпус зарубежной калмыцкой и казачьей периодической печати указанного периода, публицистические статьи самих эмигрантов.

Основная часть

Возникновение калмыцкого зарубежья явилось прямым следствием поражения белогвардейской армии в России и ее постепенного вытеснения с калмыцкой территории [Топалова 2017а]. Трагедия, происшедшая в тот момент с калмыцким народом, заслуживает отдельного исследования. Для него, как и для Белой армии, начиналась длинная череда мучений и смертей. Многие, не выдержав ужаса происшедшего, сдавались в плен или же были расстреляны. Другие во избежание подобной участи, находясь уже на новороссийской пристани, стали бросаться в море.

Массовые убийства калмыков в сёлах Чепраке, Лопанке, Саратовской, а также в Екатеринодаре, уход Белой армии в Крым и ее дальнейшая судьба подробно описаны в рассказах и романе «Девичья честь» Санжи Басановича Балыкова (1894–1943), калмыцкого писателя-эмигранта, сформировавшегося как творческая личность в эмиграции¹.

14 марта 1920 г. Белая армия не в полном составе была переправлена в Крым. Позже, подписав перемирие с Польшей, к октябрю 1920 г., большевики захватили Крым.

Белая армия начала отступление. В ноябре по приказу генерала Врангеля войска Белой армии на судах были переправлены в Турцию. Кроме военных, из портов Керчи, Феодосии, Севастополя уходили беженцы. На суда пропускали только воинские части, из гражданских — преимущественно мужчин [Алексеева 2010: 142].

По прибытии в Турцию калмыки (на сегодня точное количество эвакуировавшихся в Турцию остается неизвестным) были расселены в беженских лагерях: Берандор, Селине, Кабакджа, Тузла, Халхи. Беженские лагеря были наскоро организованы властями

Турции, поэтому условий для проживания в них не было.

Решением проблем, связанных с проживанием, питанием, госпитальной помощью, трудоустройством российских беженцев, занимались специальные организации. Так, активную работу проводили Центральный объединительный комитет Российского общества Красного креста (РОКК), Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов. «Еще в 1920 г., предвидя, что страну покинет большое количество беженцев, руководство РОКК на совещаниях с представителями всероссийского союза городов и всероссийского земского союза в Харбине пришло к заключению, что беженская проблема стала первоочередной» [Голотик, Ипполитов 2001:].

Перед калмыцкой и казачьей эмиграциями стояли две основные проблемы: 1) разрешения практических вопросов; 2) политическая. Для их решения калмыками были созданы «свои национальные организации» [Проблема организации 1930: 2].

В лагере Тузла при содействии Красного креста вначале был создан Калмыцкий культурно-просветительский комитет, а позже образован Буддийский союз. Благодаря работе комитета при Тузлинской русской гимназии были открыты калмыцкая школа на 40 человек, курсы иностранных языков, библиотека-читальня и любительский театр. Спустя время калмыцкий культурно-просветительский комитет прекратил свое существование. Буддийский союз, членами которого являлись Б. Н. Уланов, Е. Ч. Чонов, Д. Онкоров, С. Б. Баянов, А. А. Алексеев, Л. Шембенов и О. Босхомджиев, перебазировался в Константинополь. Программа действий организации сводилась к тому, чтобы найти пути возвращения в Россию или переселения в страны, более всего подходящие калмыкам по климату, вере и языку: Китай, Монголию или Тибет.

Для установления необходимых контактов через буддийскую общину в Англии (ее представительство находилось на тот момент в Турции) Далай-ламе и гелюнгу Лувсан-Шарапу Тепкину были отправлены письма, написанные Бадмой Улановым. Они были доставлены секретной экспедицией ламы Давы Ямпилова (из Бурятии), руководителем которой был военный разведчик, впоследствии полковник Красной

¹ Более подробно о жизненном и творческом пути писателя С. Б. Балыкова см.: [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23 (П. Э. Алексеевой). Оп. 2. Д. 137. Л. 1–4]. Одной из первых попыток научного анализа творчества калмыцкого писателя-эмигранта стала работа Б. А. Бичеева [Бичеев 1991].

армии В. А. Хомутников, неоднократно бывавший с заданиями в Тибете, Китае и Монголии.

В 1921 г. определенная часть беженских групп и остатки Белой армии, эвакуированные из Крыма, постепенно эмигрировали из Турции, где в тот период разгоралась национально-освободительная революция. Люди уходили в Болгарию и Сербию.

Наряду с проходившим процессом эвакуации калмыков в страны зарубежья, в 1921 г. в эмигрантской среде начался процесс репатриации, проходивший сложно и трагически. В 1931 г., приехав в родные края, люди подверглись репрессиям и расстрелам [НА РК. Ф. Р. 112. Оп. 1. Д. 1. Л. 29–31].

Оставшимся калмыцким эмигрантам, тяжело переживавшим процесс репатриации земляков, ничего не оставалось, как вынужденно начать приспосабливаться к трудным условиям жизни на чужбине. Став буквально в одно мгновение беженцами, люди, потерявшие все — семью, имущество, социальное положение, — буквально выживали, причем, как показал анализ, это ни в коей мере не зависело от их классового положения или же рода занятий.

Вопреки расхожему мнению о том, что за рубеж совершили исход лишь представители калмыцкой интеллигенции, зажиточные классы, офицеры и т. д., в числе изгнанников были и бедные слои общества (простые солдаты, рабочие и т. д.), многие из которых не относились к белому движению. Люди лишь хотели избежать расправы со стороны красных, бежали, спасая свои семьи. В большинстве своем представители калмыцкого зарубежья навсегда остались верными антисоветской позиции.

В конце 1920 – начале 1930-х гг. многие из калмыков-эмигрантов мигрировали в другие страны Европы. Так, например, в Болгарии в 1930-е гг. в калмыцкой колонии насчитывалось около 100 человек [Жизнь калмыцкой эмиграции 1931: 44], спустя два года — 183 [Жизнь калмыцкой эмиграции 1932: 59].

Люди были разбросаны по разным деревням. Основные группы находились в районе Пловдива и в Софии. Наиболее многочисленной группой была калмыцкая колония, находящаяся в Королевстве сер-

бов, хорватов и словенцев², где в начале 1920-х гг. насчитывалось около 200 калмыков, а в начале 1930-х гг. — до 300 [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 2. Ед. хр. 101. Л. 8].

В начале 1920-х гг. Прага стала отправной точкой творческого возрождения для многих русских эмигрантов, в том числе и для калмыков. В 1923 г., напомним, здесь была организована Калмыцкая комиссия культурных работников (КККР), в которую вошли яркие представители калмыцкой интеллигенции 1920-х гг.: Б. Н. Уланов, С. Б. Баянов, С. Б. Балыков, Э. Д. Хара-Даван, Д. И. Ремилев, Н. Э. Нимбушов, Д. Н. Баянова, Ш. Н. Балинов и др. Главной целью комиссии было «создание духовных основ для калмыцкого национального развития» [Уланов 1925: IV]: возрождение национальной литературы, сохранение родного языка и национального письма, собрание памятников устного народного творчества, а также литературы на калмыцком, санскритском, монгольском языках, приобретение предметов буддийского культа [Монгольский ученый комитет 1928: 1]. Как отмечали сами учредители, они прекрасно понимали, что осуществление всех задач по культурному развитию калмыцкого народа в условиях эмиграции невозможно. Однако выдвижение их являлось «исторической необходимостью» [Монгольский ученый комитет 1928: 1].

Приоритетное значение придавалось также и образовательному вопросу. В 1921 г. в Праге была открыта Русская реальная гимназия, которая находилась в ведении Министерства просвещения и Министерства иностранных дел. Через год, в 1922 г., при ней начало свою работу калмыцкое отделение, где обучалось двадцать шесть учащихся и работали два воспитателя — Басан Кушлынов и Доржи Ремилев.

К ноябрю 1923 г. в пансионе числилось уже сорок два человека, а к концу года — сорок восемь [Ремилев 1928: 42]. По ходатайству Калмыцкой комиссии культурных работников, наряду с общими предметами, для детей преподавались калмыцкий язык, история и основы буддизма.

Кроме основных занятий, калмыцкая молодежь с удовольствием занималась вне-

² Сведения о жизни и работе калмыков-эмигрантов первой волны в Сербии подробно представлены в статье: [Бакаева 2017].

урочной деятельностью. Так, двенадцать человек участвовали в местном Страшницком отряде чешских соколов, лучшие из которых принимали участие на VIII Всесокольском слете. При гимназии была также калмыцкая футбольная команда под названием «Калмыцкая одиннадцатая». Впоследствии некоторые участники ее состава стали членами профессионального чешского клуба «Спарта» [Ремилев 1928: 17].

Кроме развития образовательной сферы, другим, не менее важным, делом, члены Калмыцкой комиссии культурных работников считали выпуск периодических изданий (см. подробнее [Баянова, Каджиев 2016]). В целом Калмыцкой комиссией было выпущено: пять выпусков хрестоматии «Хонхо», один номер журнала «Информация», книга «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка В. Л. Котвича», один номер журнала «Ойрат», один номер журнала «Санан» и четыре номера журнала «Улан Залат». В числе постоянных авторов вышеперечисленных изданий были С. Б. Балыков, Ш. Балинов, Э. Д. Хара-Даван, С. Кульдинов, С. Аршинов и др.

Первый в истории калмыцкой эмиграции журнал вышел в 1925 г. в г. Белграде и имел весьма символическое название для калмыцких читателей-эмигрантов — «Ойрат». Его инициаторами были студенты-эмигранты: Нури Маглинов, студент медицинского факультета, Эренцен Бурулдушев, студент агрономического факультета, и Санджа Степанов, студент юридического факультета. Средства на выход первого номера были выделены доктором Э. Д. Хара-Даваном, поэтому на обложке журнала значится: «Издание Э. Хара-Давана». Он был выпущен в количестве 100 экземпляров и сразу же распространен по калмыцким колониям. Для находящихся в эмиграции калмыков выход в свет первого номера было долгожданным и весьма радостным событием.

Издание в целом было оформлено довольно просто, но при этом продуманно. Обложку номера сопровождал рисунок на этническую тему, связанную непосредственно с темой родины: изображение родной для сердца калмыка степи, кибиток и коня.

Структура журнала, главной идеей которого было объективное обсуждение проблем, связанных с изучением социаль-

но-хозяйственных и политических факторов в послереволюционный период, была представлена в форме обмена мнениями по проблеме национального объединения — насильственного переселения донских калмыков в Калмыцкую автономную область, образованную в 1920 г.

Так, в ходе дискуссий Санжи Балыков выступал против объединения, считая, что донские калмыки должны остаться на Дону, таким образом, их следует «сохранить, «не растворяя их в массе дербетов» [Балыков 1925: 3], т. е. не подвергая их исчезновению. Мнения же других эмигрантов, ярких деятелей калмыцкого зарубежья, по этому вопросу в целом были едины, но с небольшими оговорками. Так, доктор Эренжен Хара-Даван выступал за объединение сальских, ставропольских и астраханских калмыков, считая, что сальцы, будучи перемешанные с другим народом, больше всего подвергаются ассимиляции со стороны русского населения [Хара-Даван 1925б: 3]. В свою очередь объединение калмыцкого народа, создание единого целого несет за собой культурное возрождение. С ним соглашался и Санжи Баянов [Баянов 1925: 12–16]. Солидарен с мнением своих коллег был Басан Кушлынов, однако при условии объединения терских, уральских и оренбургских калмыков со ставропольскими, так как это явилось бы более выгодным шагом с экономической точки зрения, учитывая плодородные черноземные земли Ставрополя [Кушлынов 1925: 10]. Абуш Алексеев выступал за единение терских, уральских, оренбургских и астраханских калмыков, но без разрыва с братьями-казаками, обеспечивающими донским калмыкам возможность лучшего национально-правового положения, экономического возрождения и процветания. Земли Сальской степи и Большедербетовского улуса являлись, по его мнению, более удобными для хлебопашества, садоводства и огородничества [Алексеев 1925: 10–11].

В журнале также размещались статьи на другие актуальные как для эмигрантов, так и для калмыцкого народа в целом темы. Так, студентом Э. Бурулдушевым была написана статья «Из прошлой жизни донских калмыков». Б. Кушлыновым была представлена интересная статья на тему «Калмыки и их дети на чужбине», в которую, помимо основного вопроса, был включен интересный

материал о жизни калмыков в Константинополе, Болгарии, Сербии и Чехословакии.

Особого внимания среди всех заслуживает статья доктора Э. Д. Хара-Давана «Изучение способов и путей для культурного возрождения калмыцкого народа». В первом пункте своей работы автор говорит о существовании восточной ветви монгольской литературы, тем самым, подчеркивая, что у монголов, а значит и у калмыков, была и есть своя собственная национальная литература. В этом отношении автор напоминает читателю о найденной в одном из буддийских храмов в 1907–1908 гг. экспедицией Петра Кузьмича Козлова (1863–1935) богатейшей монгольской библиотеке. Эренжен Хара-Даван выражал справедливое мнение о том, что изучение любой литературы должно начинаться с собирания и систематизации народной и письменной литературы. Отмечается, что были собраны и готовились к напечатанию песни калмыцкого богатырского эпоса «Джангар», сказки, былины, загадки, песни. Весь материал планировалось издать в хрестоматии, предназначенной для школ, в которых обучение проводилось бы на родном языке. Хрестоматия А. М. Позднеева, по словам Э. Д. Хара-Давана, не отвечала педагогическим требованиям для начальной школы в плане подбора материала и отсутствия грамматики. В своей работе автор делится выводами об образе жизни и общем духовном развитии калмыцкого народа, говорит о его историческом прошлом, оспаривая мнение о причислении его к полудиким народам. Ставился вопрос и о калмыцком национальном шрифте, которым владели не все калмыки, например, представители сальской калмыцкой интеллигенции.

Э. Д. Хара-Даван выступал против перехода с калмыцкого шрифта на русскую транскрипцию, так как это, по его словам, означало потерять свое национальное «я», а также культурную связь с Востоком и с древней монгольской культурой, не говоря уже о том, что в калмыцком языке много звуков и соответствующих букв, которых нет в русском [Хара-Даван 1925а: 19–22].

В журнале можно выделить и небольшой литературный раздел. Сюда следует отнести прозаический перевод I главы под названием «Женитьба Хонгора» литографического издания калмыцкого героического

эпоса «Джангар», а также стихи студентов, начинающих поэтов Дорже Тюльтинова «Наездник» и Мирмы Шиханова «Когда мне грустно...».

Издание журнала «Ойрат» было прекращено и ограничено лишь первым выпуском. Разногласия по поводу издания в среде КККР, только начинавшей в тот период свою работу, послужили причиной того, что последующие номера не вышли. В итоге подготовленный второй выпуск журнала был сдан в архив Калмыцкой комиссии культурных работников.

Выход в свет хрестоматии «Хонхо», который состоялся в 1925 г., стал важным событием для всей калмыцкой эмиграции и был встречен с особым воодушевлением. Способствуя сохранению национальных традиций, члены Калмыцкой комиссии культурных работников целенаправленно занимались сбором и изданием фольклорных произведений. Хрестоматия выходила на староойратской письменности — «Тодобичиг» («Ясное письмо») литографским способом. В первый (1925) и во второй (1926) выпуски хрестоматии «Хонхо» вошли инсценировки и отдельные главы из калмыцкого героического эпоса «Джангар», тексты донских протяжных калмыцких песен, а также сказки, пословицы, поговорки и загадки. В третий (1927) — рукописный сборник калмыцкой хрестоматии, составленный еще в 1906 г. Шургучи Болдыревым. В четвертый (1927) — перевод повести «Капитанская дочка» Александра Сергеевича Пушкина. Пятый, последний выпуск калмыцкой хрестоматии (1927), включил в себя книгу Н. Н. Пальмова «Очерк истории калмыцкого народа за время пребывания в пределах России».

В 1927 г. вышел первый номер другого эмигрантского журнала — «Улан Залат» («С красной кистью»). Из трех изданных номеров два были на русском и калмыцком языках и один — на русском языке. Словосочетание «улан залат» переводится как «красная кисточка или «обладающий красной кисточкой», это элемент национальных головных уборов калмыков, один из главных этнических символов (см. подробнее: [Шараева 2017: 11–28, 54–55]). На титульной странице первого номера при пояснении этого распространенного среди калмыцкого народа значения редколлегия

журнала сделала акцент, прежде всего, на слове «народ», так как именно этот символ отличает калмыков и родственных им ойратов от других монгольских народов. Так, на титульных страницах всех номеров журнала было написано: «улан залат» — [народ] с красными кисточками [на головных уборах].

Изначально подразумевалось, что журнал будет выходить 4 раза в год. Однако ввиду материальных трудностей в свет вышли всего три номера и то — благодаря долгу, взятому эмигрантами у кредиторов и принесшему КККР большие финансовые осложнения.

Членами КККР было четко определено, что издание будет представлять собой историко-литературный, научный, публицистический и информационный неперiodический журнал на русском и калмыцком языках, далекий от политических баталий.

Главным редактором журнала был Б. Н. Уланов, членами редакции: Э. К. Николаев, С. Б. Баянов, Д. И. Ремилев. Цели издателей журнала сводились к тому, чтобы создать свой национальный печатный орган, который, как отмечал главный редактор журнала Б. Н. Уланов, ввиду «непосильной героической борьбы с большевиками» до определенного времени отсутствовал.

Большим событием в жизни калмыцкого зарубежья стал выход в свет книги «Чингис-хан и его наследие» (1929), автором которой был Эренжен Даваевич Хара-Даван (1883–1942), врач по образованию, историк, публицист. В период Февральской революции он занимался активной политической деятельностью, приняв сторону Советской власти. Со временем Э. Д. Хара-Даван перешел на сторону Белой армии и эмигрировал в Европу, впоследствии став одним из ярких представителей калмыцкой интеллигенции.

Историко-популярный труд автора вместил в себя концепцию монгольской истории на основе теории евразийского учения. Книга Э. Д. Хара-Давана отличается подлинным пронизательным национальным взглядом представителя кочевой восточной культуры. Лейтмотивом труда Э. Д. Хара-Давана является мысль о подлинном величии и скрытой силе Монгольской империи. Ему как человеку, искренне любившему свой народ и переживавшему за его нелегкую судьбу, была близка идея Чин-

гис-хана — сплочение всех людей в целостное царство Человечества, в один общий Союз, стремление к объединению, а значит, к возрождению, самоопределению. Таким он представлял будущее калмыков, искренне надеясь на это в душе.

Издание книги Э. Д. Хара-Давана вызвало среди земляков неоднозначные мнения. Так, группа эмигрантов-калмыков, живших и работавших в Париже, в газете «Последние новости», в заметке «Чингис-хан как полководец и его наследие» выразили протест и резко отрицательное отношение к труду своего земляка. Так, во-первых, выражалась мысль о том, что Э. Д. Хара-Даван не имел право выступать от имени калмыков, во-вторых, согласно убеждению авторов, Чингис-хан не имел к калмыкам никакого отношения, в-третьих, «калмыки суть казаки» [Президиум калмыцкой комиссии 1930: 70], и, наконец, в-четвертых, было заявлено, что калмыки почитают Великую Россию, а потому никакого возрождения монгольских племен, в том числе калмыков, они считают ненужным [Президиум калмыцкой комиссии 1930: 70].

Протест французских калмыков-эмигрантов коллегия КККР, членом которой являлся и Э. Д. Хара-Даван, назвала «нормальным» [Президиум калмыцкой комиссии 1930: 71]. В лице председателя Б. Н. Уланова, его заместителя Э. Николаева, члена президиума Ш. Балинова, секретаря Э. Бурульдушова Президиум Комиссии подготовил свое ответное слово, которое было сведено к следующему: 1) Калмыцкая комиссия, не входя в оценку книги доктора Э. Д. Хара-Давана, считает ее весьма ценной для познания прошлого монголов, одно из племен которого представляют калмыки; 2) заявление о том, будто Э. Д. Хара-Даван выступал от имени калмыков, не имеет оснований и свидетельствует лишь о простом использовании авторами «протеста» содержания книги; 3) в свое время Калмыцкая комиссия пыталась издать книгу Э. Д. Хара-Давана, но безуспешно; 4) выступление калмыков от лица доктора Э. Д. Хара-Давана на литературном поприще являлось отрядным в культурной жизни фактом, достойным подражания. Указанный «протест» свидетельствует только о малом развитии у его авторов национального самосознания; 5) в следующем номере «Информации» КККР

надеется дать надлежащую оценку труду Э. Д. Хара-Давана и сделать разбор по существу; 6) КККР настоятельно рекомендует своим братьям-калмыкам серьезно познакомиться с богатым содержанием ценной книги Э. Д. Хара-Давана [Президиум калмыцкой комиссии 1930: 71].

Обозревая немногочисленные калмыцкие печатные издания калмыцкой эмиграции, следует отметить, что приоритетное значение в общественной жизни калмыцкой эмиграции занимало решение культурных и национально-политических проблем. Особого внимания требовали проблемы, связанные с организацией жизни калмыцкой эмиграции. Достаточно места отводилось работам, в которых освещались духовные и культурные связи с Монголией, что, несомненно, способствовало росту национального самосознания. Следует отметить и то, что калмыки-эмигранты пристально наблюдали за всеми событиями, происходящими в Советской Калмыкии, предлагая свои пути решения той или иной проблемы [Хара-Даван 1930; Баянов 1928; Уланов 1930].

К началу 1930-х гг. деятельность КККР была прекращена. Причиной тому послужило то, что в составе этой большой организации находились люди разных политических убеждений: Б. Н. Уланов был социалистом-националистом, С. Б. Баянов — кадетом, централистом и русофилом, Э. Николаев — казаком-демократом, автономистом, сам С. Балыков и его друг Ш. Балинов были участниками самостийного движения [Алексеева 2010: 56].

Общий экономический кризис, разразившийся в Чехословакии, а также принадлежность членов КККР к разным политическим лагерям и повлекли за собой внутренние разногласия, приведшие к ликвидации организации.

Во второй половине 1930-гг. в Париже была создана национально-политическая организация — «Хальмак Тангачин Тук» («Знамя калмыцкого народа») под руководством Санжи Балыкова и Шамбы Балинова, состоявших до того времени в редакции казачьего журнала «Вольное казачество»³.

³ Впервые журнал был издан в Праге (с 1927 по 1939 гг.). В Париже это издание курировали основоположники Вольно-казачьего движения в эмиграции — Игнат Архипович Билый (1887–1973), кубанский казак, инженер, поли-

Для сплочения эмигрантского сообщества нужны были новые идеи, открывающие пути к спасению и выживанию. Движения казаков, направленные на освобождение от советской власти и ее уничтожение и проникнутые националистической агитацией, полной федеративной независимостью, были близки политическим и националистическим интересам калмыцкой эмиграции в лице организации «Хальмак Тангачин Тук». В сотрудничестве с казачеством они видели посильную поддержку в борьбе с большевиками. Эмигранты-казаки, как и

Михаил Федорович Фролов (1897–1940), полковник, бывший командир Особого Донского казачьего полка. Журнал являлся «продуктом» Центра казачьего национального движения в эмиграции, председателем которого был историк, генерал, член Донского военного круга И. Ф. Быкадоров. От калмыцких эмигрантских изданий этот журнал отличался четко выстроенной структурой. Каждый номер открывался небольшим литературным разделом, в котором большей частью были стихи. Весь остальной материал составляли историко-политические очерки, доклады, отзывы, заметки, в которых, помимо пропаганды основных идей казачьего национализма, рассматривались также вопросы истории казачества, развития сельского хозяйства, поднимались проблемы казачьего студенчества и т. д. Значительное место отводилось материалам по истории Гражданской войны, воспоминаниям и аналитике ее участников. В 1927 г. в состав редакции журнала вошли и лидеры калмыцкой эмиграции — Шамба Балинов и Санжи Балыков, которые являлись активными и убежденными сторонниками вольно-казачьих движений. Их публицистические статьи, а также художественные произведения последнего печатались регулярно. К началу 1930-х гг. в Вольно-казачьем движении произошел конфликт, назревавший уже давно. Результатом неоднократных стычек стало то, что многие члены редакции покинули журнал [Гареева 2016], в том числе и Санжи Балыков. Это издание просуществовало до 1939 г. Кроме журнала «Вольное казачество», в эмиграции выпускались и другие издания, в которых активно сотрудничали лидеры калмыцкого зарубежья С. Балыков, Ш. Балинов: «Казачья земля» (1929, Прага), «Казачья газета» (1930, Прага), «Казачество» (1933–1934, Прага), «Казакция» (1934–1939, Братислава, София), «Казачий вестник» (1941–1945, Прага): «Казачий сполох», «Казачий голос», «Единство и независимость», «Казакция».

калмыки, оказавшись на чужбине, были вынуждены приспосабливаться к иной среде, сохраняя при этом свой национально-культурный облик.

Члены политической платформы «Хальмак Тангачин Тук» считали, что «самым лучшим исходом для нашего народа, самой лучшей государственной формой, обеспечивающей ему его национальные права, условия нормального национально-культурного, религиозного и хозяйственного развития, одним словом, для целесообразного и плодотворного развития всех его творческих сил — было бы установление независимого федеративного казачьего государства» [Предпосылки 1930: 2] — Казаккии, неотъемлемой и равноправной частью которого был бы калмыцкий народ.

В основу этого государства были положены следующие принципы: 1) начало народовправства с сильной и ответственной перед народом исполнительной властью; 2) гражданское равноправие без различия пола, национальности и исповедания; признание и защита прав национальных меньшинств; 3) свободная экономическая деятельность и частная собственность — индивидуальная и коллективная; 4) восстановление сельского хозяйства; 5) восстановление и развитие транспорта, промышленности и торговли с привлечением иностранных капиталов на условиях, обеспечивающих общегосударственные интересы и развитие общепроизводительных сил; 6) всеобщее народное и обязательное просвещение и энергичное содействие ему со стороны государства <...>; 7) охрана народного здоровья; 8) забота об армии; 9) внутренняя политика, направленная на умиротворение и устройство страны; мир с коренным «иногородним» населением Казачьих земель <...>; 10) внешняя политика, направленная к установлению самого тесного, братского союза со всеми соседними народами <...> [Предпосылки 1930: 4–6].

Творческой «трибуной», рупором новой идейно-политической платформы был журнал «Ковыльные волны». Издание носило национально-политический и, как все предыдущие журналы, антибольшевистский характер. Вступительное слово от редакции, открывшее первый номер журнала, было представлено на калмыцком (на калмыцкой письменности «тодо бичиг») и на русском

языках. В заявлении редакции подчеркивалось, что цель издания — «посильное служение идее национального самоопределения малых народов» [Наши цели 1930: 8]. Под ними подразумевались: украинцы, горцы, армяне, киргиз-казаки, туркестанцы и др., т. е. те народы, которые, находясь «под игом деспотической Советской власти» [Наши цели 1930: 8], открывали в то время национально-освободительное движение в борьбе с большевистской властью. Именно укрепление самоопределившихся народов, по мнению руководителей журнала, могло стать реальной основой, на которой стало бы укрепляться национальное возрождение народов [Наши цели 1930: 9].

Основными авторами журнала «Ковыльные волны» были члены редакции: С. Балыков, Ш. Балинов, а также другие лидеры калмыцкой и казачьей эмиграции — Эренжен Хара-Даван, Содмон Кульдинов, Владимир Балабин, Исаак Быкадоров и др. В числе постоянных литераторов были поэты и писатели-казаки: В. Поляков, А. Персидсков, Б. Кундрюцков, П. Крюков, Н. Келин, среди калмыцких: С. Балыков (его псевдонимы — Аюл Манцынов, Шалвур Ниминон, Бадня Цагаков и др.), С. Аршинов.

Еще одна проблема, которая больше всего беспокоила организацию «Хальмак Тангачин Тук» в тот период, была связана с тем, что калмыки, расселенные по разным странам Европы, постепенно подвергались ассимиляции, к тому же становилось больше смешанных браков. Люди начинали забывать свой язык, обычаи, народные традиции. Беспокоило членов организации и то, что работа на фабриках и заводах была вредна для здоровья людей, многие из них, заболев, рано умирали. В связи с этим ставился вопрос о переселении калмыков в числе казаков в южные штаты Америки, в частности, штат Техас, в северную часть Южной Америки, в Мексику, где люди имели бы возможность проживать более компактно и заниматься привычным для них сельским хозяйством [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 2. Д. 101. Л. 13].

Таким образом, для донских мигрантов этот вопрос стоял особенно остро, однако разрешить его сразу не удалось. Казаки сумели иммигрировать лишь спустя десять лет. Члены «Хальмак Тангачин Тук», при непосредственном участии С. Балыкова,

активно решали вопрос по перемещению калмыков в Азию, Монголию, о чем говорит обширная переписка писателя с представителями колоний во Франции, Югославии, Болгарии. Однако эта проблема не получила своего окончательного разрешения [Алексеева 2010: 152]. Переехать в Америку и обустроиться там калмыки смогли лишь в начале 1950-х гг.

Выводы

Таким образом, анализ общественно-культурной деятельности калмыцкого зарубежья позволяет говорить о феноменальности данного явления. Учитывая драматизм положения эмиграции, который заключался в безвозвратной потере родины, кризисе национальной идентификации, общественно-культурная деятельность калмыцкого зарубежья, как свидетельствует

содержание публицистических работ, была сосредоточена на решении социально-политических проблем, развитии калмыцкой интеллектуальной общественной мысли и, наряду с этим, имела характер духовной миссии, направленной на поддержание культурного единства, национального возрождения и просвещения калмыцкого народа.

Об этом свидетельствует комплекс проблем, поднимаемых в публицистических работах. Из размышлений авторов нетрудно заметить, что каждый из них, находясь вдали от родины, «горел» искренним желанием не просто написать об этом, но и разобраться в той или иной проблеме, приняв, таким образом, заочное участие в жизни земляков. Эти задачи также являлись приоритетными для всей общественно-культурной деятельности калмыцкой эмиграции.

Источники

- НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра Российской академии наук.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

- National Archive of the Republic of Kalmykia.
Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences.

Литература

- Алексеев 1925 — *Алексеев А.* Письмо из Сербии // Ойрат. 1925. С. 10–11.
Алексеева 2010 — *Алексеева П. Э.* О людях и времени: сборник статей. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 176 с.
Бакаева 2017 — *Бакаева Э. П.* Скотоводческие традиции и этническое предпринимательство в Калмыкии: некоторые вопросы // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 3. С. 55–75.
Балыков 2005 — *Балыков С. Б.* Воспоминания о Зюнгарском полку // Альманах «Белая гвардия». 2005. № 8. Казачество в России. С. 45–52.
Балыков 1925 — *Балыков С. Б.* К переселению донских калмыков // Ойрат. 1925. С. 2–3.
Баянов 1925 — *Баянов С.* Вопрос о национальном объединении калмыков // Ойрат. 1925. № 1. С. 12–16.
Баянов 1928 — *Баянов С.* Россия и калмыцкий народ // Улан залат. 1928. № 2. С. 6–10.

- Баянова, Каджиев 2016 — *Баянова А. Т., Каджиев А. Ю.* База данных «Библиографический указатель по калмыцкому зарубежью»: информационная основа, структура данных и алгоритмы обработки // Монголоведение. 2016. № 8. С. 227–238.
Бичеев 1991 — *Бичеев Б. А.* Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (20–30 гг.): автореф. ...канд. филол. наук. М., 1991. 23 с.
Гареева 2016 — *Гареева Д.* Зеркальная типология военной и казачьей печати // Доклады Башкирского университета. 2016. Том 1. № 1. С. 129–133.
Голотик, Ипполитов 2001 — *Голотик С. И., Ипполитов С. С.* Российское общество Красного креста (1917–1930-е гг.) [электронный ресурс] // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4). URL: http://www.nivestnik.ru/2001_2/17.shtml (дата обращения: 20.01.2019).
Жизнь калмыцкой эмиграции 1932 — Жизнь калмыцкой эмиграции // Ковыльные волны. 1932. № 5. С. 56–61.
Жизнь калмыцкой эмиграции 1931 — Жизнь калмыцкой эмиграции по сообщениям с мест // Ковыльные волны. 1931. № 3. С. 41–47.
Кушлынов 1925 — *Кушлынов Б.* К вопросу о национальном объединении и переселении калмыков в Россию // Ойрат. 1925. С. 16–18.
Монгольский ученый комитет 1928 — Монгольский ученый комитет // Улан Залат. 1928. № 2. С. 1–3.

- Наши цели 1930 — Наши цели // Ковыльные волны. 1930. № 1. С. 8–10.
- Предпосылки 1930 — Предпосылки и основные положения «Хальмак Тангчин Тук» // Ковыльные волны. 1930. № 2. С. 2–9.
- Президиум калмыцкой комиссии 1930 — Президиум калмыцкой комиссии. По поводу книги доктора Хара-Давана Э. «Чингис-хан как полководец и его наследие» // Информация. 1930. С. 70–71.
- Проблема организации 1930 — Проблема организации калмыцкой эмиграции // Улан залат. 1930. № 3. С. 1–5.
- Ремилев 1930 — Ремилев Д. Калмыцкая учащаяся молодежь за границей // Улан Залат. 1930. № 3. С. 6–9.
- Ремилев 1928 — Ремилев Д. Из жизни калмыцкого пансиона при Русской Реальной гимназии в Праге // Улан Залат. 1928. № 2. С. 16–18.
- Топалова 2017а — Топалова Д. Ю. Об истории возникновения калмыцкой эмиграции // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 3. С. 137–149.
- Топалова 2017б — Топалова Д. Ю. К вопросу о репатриации калмыков-эмигрантов в 20–30 гг. XX в. // Монголоведение. 2017. № 10. С. 60–75.
- Уланов 1925 — Уланов Б. Н. Предисловие // Хонхо. 1925. Вып. I. С. I–X.
- Уланов 1930 — Уланов Б. Формы и пути денационализации народов // Улан залат. 1930. № 3. С. 24–29.
- Хара-Даван 1930 — Хара-Даван Э. Пути решения национальной проблемы // Улан залат. 1930. № 3. С. 33–35.
- Хара-Даван 1931 — Хара-Даван Э. Калмыки в Югославии // Информация. 1931. С. 60–61.
- Хара-Даван 1925а — Хара-Даван Э. Изучение способов и путей культурного возрождения калмыцкого народа // Ойрат. 1925. № 1. С. 19–22.
- Хара-Даван 1925б — Хара-Даван Э. К вопросу о национальном объединении // Ойрат. 1925. № 1. С. 5–7.
- Шараева 2017 — Шараева Т. И. Этнические маркеры калмыков: исследование и материалы. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2017. 288 с.
- A meeting of the Presidium of the Kalmyk Commission. Item on the agenda: ‘Genghis Khan as a Chieftain and His Heritage’ by E. Khara-Davan. Informatsiya. 1930. Pp. 70–71. (In Russ.)
- Alekseev A. A letter from Serbia. Oirat. 1925. Pp. 10–11. (In Russ.)
- Alekseeva P. E. [About people and time: collected articles]. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2010. 176 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Some aspects of livestock breeding traditions and ethnic entrepreneurship in Kalmykia. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies). Elista. 2017. No. 3. Pp. 55–75. (In Russ.)
- Balykov S. B. Memoirs about the Zungarsky Regiment. Al'manakh 'Belaya gvardiya'. 2005. No. 8. Cossacks in Russia. Pp. 45–52. (In Russ.)
- Balykov S. B. The resettlement of the Don Kalmyks revisited. Oirat. 1925. Pp. 2–3. (In Russ.)
- Bayanov S. Russia and the Kalmyk people. Ulan Zalat. 1928. No. 2. Pp. 6–10. (In Russ.)
- Bayanova A. T., Kadzhiev A. Yu. Database “the bibliographic directory of the kalmyk expatriate community”: the information basis, structure of the data and processing algorithms. Mongolovedeniye. 2016. № 8. Pp. 227–238.
- Bayanov S. B. The issue of the unification of the Kalmyks. Oirat. 1925. Pp. 12–16. (In Russ.)
- Gareeva D. “Mirror” typology of military and Cossack press. [Transactions of Bashkir State University]. 2016. Vol. 1. Is. 1. Pp. 129–133. (In Russ.)
- Golotik S. I., Ippolitov S. S. Russian Red Cross Society: 1917–1930s. The New Historical Bulletin. 2001. No. 2 (4). Pp. 237–250. (In Russ.)
- Khal'mag Tangchin Tuk: prerequisites and fundamental principles. Kovyl'nye volny. 1930. No. 2. Pp. 2–9. (In Russ.)
- Khara-Davan E. (a). Investigating means and ways for the cultural revival of the Kalmyk people. Oirat. 1925. No. 1. Pp. 19–22. (In Russ.)
- Khara-Davan E. (b). Revisiting the issue of national unification. Oirat. 1925. No. 1. Pp. 5–7. (In Russ.)
- Khara-Davan E. Kalmyks in Yugoslavia. Informatsiya. 1931. Pp. 60–61. (In Russ.)
- Khara-Davan E. The national problem: ways of solution. Ulan Zalat. 1930. Pp. 33–35. (In Russ.)
- Kushlynov B. Revisiting the issues of national unification and resettlement to Russia. Oirat. 1925. Pp. 16–18. (In Russ.)
- Life of the Kalmyk expatriate community. Kovyl'nye volny. 1931. No. 3. Pp. 41–47. (In Russ.)
- Life of the Kalmyk expatriate community. Kovyl'nye volny. 1932. No. 5. Pp. 56–61. (In Russ.)
- Our goals. Kovyl'nye volny. 1930. No. 1. Pp. 8–10. (In Russ.)
- Remilev D. Kalmyk young students abroad. Ulan Zalat. 1930. No. 3. Pp. 6–9. (In Russ.)
- Remilev D. The Russian Realschule in Prague: episodes from the life of the Kalmyk boarding

- house. Ulan Zalat. 1928. No. 2. Pp. 16–18. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. [The ethnic markers of Kalmyks: research and materials]. Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2017. 288 p.
- The Kalmyk expatriate community: the issue of self-organization. Ulan Zalat. 1930. No. 3. Pp. 1–5. (In Russ.)
- The Mongolian Academic Committee. Ulan Zalat. 1928. No. 2. Pp. 1–3. (In Russ.)
- Topalova D. Yu. (a) The Kalmyk expatriate community: history of the emergence (1920–1930s). Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies). 2017. No. 5. Pp. 237–249. (In Russ.)
- Topalova D. Yu. (b) On the 1920–1930s repatriation of Kalmyk emigrants. Mongolovedenie. 2017. No. 10. Pp. 60–75. (In Russ.)
- Ulanov B. N. Denationalization of peoples: forms and ways. Ulan Zalat. 1930. Pp. 24–29. (In Russ.)
- Ulanov B. N. Foreword. Khonkho. 1925. Is. 1. Pp. 1–10. (In Russ.)





Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Is. 2, pp. 207–219, 2019
DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-207-219
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 93/94

Размежевание территорий с Астраханской областью и возвращение населения в период восстановления автономии Калмыкии в 1957–1958 гг.: административно-управленческий и гуманитарный аспекты

Евгений Александрович Гунаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaeva@kigiran.com

Аннотация. *Введение.* Одним из основных вопросов при восстановлении автономий репрессированных народов в конце 1950-х гг. на Юге РСФСР явилось определение границ и территориальное размежевание с соседними регионами. Возникла проблема возвращения бывшего депортированного населения в прежние места жительства, в том числе в районы, которые уже территориально не вошли во вновь восстановленные автономии. Для Калмыкии таким вопросом стало инициирование возвращения территории двух бывших районов, делимитация границ землепользования, а также возвращение калмыцкого населения из мест ссылки на указанные территории Астраханской области. *История вопроса.* Несмотря на наличие ряда публикаций, в том числе монографического характера, по истории восстановления автономии Калмыкии в 1957 г., проблема территориального размежевания с Астраханской областью, возвращение калмыцкого населения не являлось предметом специального научного исследования, хотя вопрос являлся и является актуальным и дискутируемым в обществе. *Цель* статьи — рассмотреть указанную проблему в единстве: как управленческую и гуманитарную. *Задачами* исследования выступают административно-управленческий (анализ действий и решений органов власти различного уровня) и гуманитарный аспекты (мнение калмыцкого населения, желавшего возвратиться на прежние места жительства, позиция органов государственной и местной власти; статистические сведения о переселенцах, отраженные в официальных документах). *Результаты.* Автор приходит к выводу, что нерешенность территориального и земельного спора Калмыкии с Астраханской областью упирается в том числе и в неразрешенность данного спора между Ставропольским краем и Астраханской областью еще до восстановления автономии Калмыкии. Сыграл свою роль и географический фактор: территории двух бывших районов имели выход к Волге и в ряде мест примыкали к Астрахани. Однако руководство Калмыкии обращалось в вышестоящие органы власти РСФСР, аргументируя возвращением калмыцкого населения в Астраханскую область, а также экономическим значением территорий.

Ключевые слова: восстановление автономии репрессированных народов, возвращение населения, Калмыкия, Астраханская область, размежевание, территориальный вопрос

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект

«Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Гунаев Е. А. Размежевание территорий с Астраханской областью и возвращение населения в период восстановления автономии Калмыкии в 1957–1958 гг.: административно-управленческий и гуманитарный аспекты. *Oriental Studies*. 2019;(2):207-219. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-207-219.

UDC 93/94

The 1957–1958 Reestablishment of Kalmykia's Autonomy: Division of Territories with Astrakhan Oblast and Return of the Native Population. Administrative and Humanitarian Aspects

*Evgeniy A. Gunaev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Senior Research Associate

ORCID: 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaevea@kigiran.com

Abstract. *Introduction.* One of the main questions in restoring autonomies of repressed peoples in the south of the RSFSR in the late 1950s was the demarcation of borders and territorial delimitation between neighboring regions. There was a problem of returning deported populations to their native places of residence, including areas that were not territorially included in the newly established autonomies. For Kalmykia, such a question included the initiation of the return of territories of two former districts, the delimitation of land use borders, and the return of the Kalmyk population from places of exile to the indicated territories of Astrakhan Oblast. *Historical Background.* Despite the existence of a number of publications, including monographs, on the history of the restoration of Kalmykia's autonomy in 1957, the problems of territorial demarcation from Astrakhan Oblast and the return of the Kalmyk population have been no subject of any special scientific study, although the question was and is relevant and debatable in the society. The article seeks to examine the problems in unity: in managerial and humanitarian perspectives. The *objectives* of the study are to scrutinize into administrative-managerial (analysis of actions and decisions of authorities at various levels) and humanitarian aspects (opinions of the Kalmyk population who wanted to return to their native places of residence, positions of the state and local authorities; statistics on displaced population reflected in official documents). *Results.* The paper concludes that the unresolved territorial and land dispute between Kalmykia and Astrakhan Oblast depends on, among other things, the unresolved issue of this dispute between Stavropol Krai and Astrakhan Oblast that had been emerged before the reestablishment of Kalmykia's autonomy. The geographical factor also played its role, namely: the territories of the two Kalmykia's former districts had access to the Volga and in some places adjoined the city of Astrakhan. However, the authorities of Kalmykia would appeal to the higher-level authorities of the RSFSR, offering arguments that certain portions of the Kalmyk population were thus forced to return to Astrakhan Oblast, as the territories as such being of great economic significance.

Keywords: reestablishment of autonomies of repressed peoples, return of population, Kalmykia, Astrakhan Oblast, delimitation, territorial issue

Acknowledgements: The research was performed within a government subsidy — project 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes' (State Reg. No. АААА-А19-119011490038-5).

For citation: Gunaev E. The 1957–1958 Reestablishment of Kalmykia's Autonomy: Division of Territories with Astrakhan Oblast and Return of the Native Population. Administrative and Humanitarian Aspects. *Oriental Studies*. 2019;(2):207-219. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-207-219.



Введение

Современное территориальное деление России фактически существует с 1950-х гг., именно в это время были приняты важные решения, закрепившие политическую карту страны, которая сохранилась с небольшими изменениями до настоящего времени. Одно из направлений преобразований было связано с национальными автономиями, где присутствовал и политический компонент. В 1957 г. на волне борьбы с последствиями культа личности после XX съезда КПСС происходит восстановление прав репрессированных народов, чьи территориальные образования были упразднены в период Великой Отечественной войны. Однако этот аспект процесса реабилитации этносов не означал простого возрождения прежних национальных территорий — все их границы отличались от довоенных [Круглов 2016: 65–67, 69].

В соответствии с Постановлением ВЦИК РСФСР от 24 января 1938 г. в Калмыцкой АССР были образованы новые улусы (районы) за счет разукрупнения: Яшалтинский, Улан-Хольский, Юстинский, Приютинский, Троицкий, Малодербетовский, Кетченеровский). До упразднения в декабре 1943 г. Калмыцкая АССР включала 13 улусов (в дополнение к вышеуказанным также Долбанский, Западный, Лаганский, Приволжский, Сарпинский, Черноземельский) [Максимов 1981: 116–118; Беркасинова 2006а: 101; 2006б: 203].

Из них до декабря 1943 г. граничили с территориями Астраханского округа Сталинградской области три улуса — Долбанский, Приволжский и Юстинский.

После восстановления автономии калмыцкого народа часть переданной соседям территории не была возвращена: 1) Дагестан по-прежнему продолжал использовать под пастбища южную часть бывшего Улан-Хольского улуса; 2) за Сталинградской областью осталась определенная территория северной части Калмыкии; 3) Калмыкия также не распоряжалась территорией госфонда «Черные земли»; 4) территории двух бывших районов Калмыкии до декабря 1943 г. (Приволжского и Долбанского) оста-

лись в составе Астраханской области [Убушаев 2005: 66].

Данные вопросы затрагивали проблему реабилитации калмыцкого народа, породив территориальной и земельный споры, которые так и не были решены в последующие годы. Особенно это проявилось на примере взаимоотношений с Астраханской областью. В настоящей статье данная проблема исследуется в двух аспектах: административно-управленческом (в плане ходатайства руководства Калмыкии в вышестоящие органы власти РСФСР о возвращении двух указанных районов) и гуманитарном (возвращении калмыцкого населения в Астраханскую область в прежние места жительства).

Административно-управленческий аспект

В конце декабря 1956 г. обсуждался вопрос о территории будущей автономии Калмыкии, восстанавливаемой в составе Ставропольского края. Безусловно, возник вопрос о восстановлении автономии в прежних границах Калмыцкой АССР до декабря 1943 г.

В предложениях Оргбюро Калмыцкой областной парторганизации и Оргкомитета по Калмыцкой автономной области Ставропольского края от 25 декабря 1956 г. в Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР по вопросу о границе и территории восстанавливаемой автономии Калмыкии отмечалось, что Ростовская, Сталинградская области и Ставропольский край не имели возражений по передаче в состав Калмыцкой автономной области территорий, бывших ранее в составе Калмыцкой АССР. Разногласия проявились только с руководством Астраханской области, которое настаивало на сохранении за собой части территорий.

Калмыцкая сторона отмечала прежде всего хозяйственное значение территорий районов, оставшихся в составе Астраханской области, обосновывая это тем, что возвращающееся из Сибири калмыцкое население, ранее проживавшее в этих районах, обосновывается в них [Книга памяти 2004: 31–32].

На утверждение Президиума Верховного Совета РСФСР должно было быть представлено описание границ смежных территорий между Астраханской областью и Калмыкией [Книга памяти 2004: 70]. Однако впоследствии это так и не было осуществлено.

Согласно Отчету Астраханского областного статуправления от 1 апреля 1957 г., размежевание территорий с вновь образованной Калмыцкой автономной областью происходило следующим образом (таблицы 1–3).

Таблица 1. *Административно-территориальные изменения районов Астраханской области, из состава которых происходило выделение территорий при образовании Калмыцкой автономной области Ставропольского края 9 января 1957 г.*
[Table 1. Administrative-and-territorial changes within Astrakhan Oblast's districts that served as source territories to form Kalmyk Autonomous Oblast of Stavropol Krai by January 9, 1957]

Наименование района [District name]	Было в границах на предыдущую отчетную дату [Parameters as of the previous reference date]					
	Территория в кв. км. [Area, sq. km]	Сельских советов [Rural soviets]	Населенных пунктов сельских [Rural-type settlements]	Население по переписи 1939 г. [Population, Census of 1939]		
				Городское [Urban population]	Сельское [Rural population]	Всего [Total]
Енотаевский	10 347	7	91	—	18 138	18 138
Никольский	11 202	9	122	—	31 263	31 263
Приволжский	7 940	10	57	5 315	25 273	30 588
Каспийский	7 704	6	14	8 598	33 459	42 057
Лиманский	10 912	9	32	—	26 976	26 976

Источник: [Отчет].

Таблица 2. *Административно-территориальные изменения районов Астраханской области, из состава которых происходило выделение территорий при образовании Калмыцкой автономной области Ставропольского края 9 января 1957 г.*
[Table 2. Administrative-and-territorial changes within Astrakhan Oblast's districts that served as source territories to form Kalmyk Autonomous Oblast of Stavropol Krai by January 9, 1957]

Наименование района [District name]	Изменения за полугодие в результате изменения границ (-; +) [Changes within six months resulting from territorial changes (-; +)]					
	Территория в кв. км [Area, sq. km]	Сельских советов [Rural soviets]	Населенных пунктов сельских [Rural-type settlements]	Население по переписи 1939 г. [Population, Census of 1939]		
				Городское [Urban population]	Сельское [Rural population]	Всего [Total]
Енотаевский	(-) 7 025	(-) 1	(-) 2	—	(-) 2 500	(-) 2 500
Никольский	(-) 8 666	(-) 4	(-) 44	—	(-) 18 078	(-) 18 078
Приволжский	(-) 2 062	(-) 1	(-) 3	—	—	—
	Перешло в Калмыцкую автономную область [Territories transferred to Kalmyk Autonomous Oblast]					
Каспийский	(-) 7 634	(-) 4	(-) 10	(-) 8595	(-) 26 686	(-) 35 287
	Перешло в Лиманский район [Territories transferred to Limansky District]					
	(-) 70	(-) 2	(-) 4	—	(-) 6 773	(-) 6 773

Лиманский	Перешло из Каспийского района [Territories transferred from Kaspiysky District]					
	(+) 70	(+) 2	(+) 4	—	(+) 6 773	(+) 6 773
	(-) 8 813	(-) 2	(-) 2	—	—	—
Общий итог [Total]	(-) 34 200	12	61	(-) 8 598	(-) 47 264	(-) 55 862

Источник: [Отчет].

Таблица 3. Административно-территориальные изменения районов Астраханской области, из состава которых происходило выделение территорий при образовании Калмыцкой автономной области Ставропольского края 9 января 1957 г.

[Table 3. Administrative-and-territorial changes within Astrakhan Oblast's districts that served as source territories to form Kalmyk Autonomous Oblast of Stavropol Krai by January 9, 1957]

Наименование района [District name]	Состоит в границах на отчетную дату (1 апреля 1957 г.) [Parameters as of the reference data (April 1, 1957)]					
	Территория в кв. км. [Area, sq. km]	Сельских советов [Rural soviets]	Населенных пунктов сельских [Rural-type settlements]	Население по переписи 1939 г. [Population, Census of 1939]		
				Городское [Urban population]	Сельское [Rural population]	Всего [Total]
Енотаевский	3 322	6	80	—	15 638	15 638
Никольский	2 536	5	78	—	13 185	13 185
Приволжский	5 878	9	54	5315	25 273	30 588
Каспийский	Ликвидирован [Disestablished]					
Лиманский	2 169	9	34	—	33 749	33 749

Источник: [Отчет].

Как отмечает М. Ф. Орлова, «хотя и предпринималась попытка формально установить границы области (Астраханской. — Е. Г.) протоколом соглашения трех сторон от 23 января 1957 г.: Ставропольского края, оргкомитета по образованию Калмыцкой автономной области, Астраханской областью. Однако протокол этот представителем от Астраханской области не был подписан, и данный протокол никем не утвержден» [Орлова 2002: 23].

Как отмечает С. С. Белоусов, «в период восстановления калмыцкой автономии руководство Астраханской области делало все возможное, чтобы минимизировать территориальные потери области. В итоге ему удалось сохранить в составе Астраханской области большую часть Приволжского и Лиманского районов, которые ныне составляют треть территории области» [Белоусов 2012: 294].

Если посчитать цифры статистических данных Астраханского областного статуправления о территориальных изменени-

ях районов Астраханской области (таблицы 1–3), то получается, что большая часть (80,7 %) Лиманского и четверть территории (25,9 %) Приволжского районов в границах на тот период отошли к Калмыцкой автономной области. С другой стороны, особенности природной зоны той части, которая отошла к автономии, были менее пригодны для сельского хозяйства, чем земли данных районов, имеющие выход к Волге, которые не были возвращены.

С. С. Белоусов указывает на причины, способствовавшие оставлению территорий двух вышеназванных районов в составе Астраханской области:

– географическое расположение и, соответственно, тесная административная и экономическая связь указанных районов с областным центром;

– снижение доли калмыцкого населения в указанных районах, особенно после депортации, что, «несомненно, было учтено при определении границ Калмыцкой автономной области» [Белоусов 2013: 109–110].

Административная граница между Калмыкией и Астраханской областью так и не была утверждена Президиумом Верховного Совета РСФСР, в особенности в западной части Лиманского района по линии железной дороги Кизляр — Астрахань на участке от станции Басинская до разъезда № 8. Астраханская сторона настаивала на установлении границы «по линии фактического землепользования» [Белоусов 2009: 22].

Х. И. Тугуз указывает на то, что первоначально автономия Калмыкии восстанавливалась не как автономная республика, а сначала образовывалась автономная область в составе Ставропольского края РСФСР. С преобразованием автономной области в АССР 29 июля 1958 г. территориальная целостность в прежних границах до декабря 1943 г. не восстанавливалась, и было проигнорировано мнение властей Ставропольского края о необходимости возвращения республике Приволжского и Лиманского районов [Тугуз 2006: 87].

На это же обратил внимание и Ю. О. Оглаев, когда отмечал, что совершенно непостижимым образом в названии этого Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. употреблена именно эта формулировка — «об образовании». По мнению Ю. О. Оглаева, «...это была не случайная оговорка, а определенный умысел, призванный по возможности избавить власть от „неудобных“ вопросов общест-венности...» [Оглаев 2006: 49].

О недостаточной хозяйственно-экономической урегулированности земельных отношений между Калмыцкой автономной областью и ее соседями с момента восстановления в 1957 г. свидетельствуют следующие документы. В письме руководства Калмыцкой автономной области Председателю Совета Министров РСФСР М. А. Яснову, министру совхозов РСФСР Т. А. Юркину выражалась просьба о содействии в выделении земель госфонда на левом берегу Волги от 22 апреля 1957 г.:

«Каракулеводческие совхозы Енотаевского района, имея плохие выпасные и сенокосные угодья, каждый год производили заготовку сена на левом берегу Волги на землях госфонда и рыболовецких колхозов. В настоящее время каракулеводческие совхозы отошли к Юстинскому району Калмыцкой автономной области. Наши обра-

щения относительно выделения сенокосных участков получили категорический отказ со стороны местных советских и партийных органов. В связи с плохим травостоем на основных участках каракулесовхозов складывается чрезвычайно неприглядная картина на зимний период, когда овцы могут остаться без кормов.

Учитывая такое тревожное положение, Оргбюро и облисполком Калмыцкой автономной области просят решить вопрос о выделении земель госфонда на левом берегу Волги или оказать помощь в организации сенокосов на землях рыболовецких колхозов, которые почти не имеют скота и ежегодно отдают сенокосные угодья совхозам на договорных началах» [Книга памяти 2004: 190].

В постановлении бюро Ставропольского краевого комитета КПСС о мерах по дальнейшему развитию Каспийского района Калмыцкой автономной области в связи с прибытием калмыцкого населения от 9 мая 1958 г. отмечалось:

«Развитие животноводства сдерживается главным образом из-за отсутствия в достаточном количестве земель, пригодных для пастбищного содержания скота и заготовки грубых кормов. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 января 1957 г. в связи с образованием Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края были установлены новые границы края. Однако земли, оставшиеся в пределах Каспийского района, по-прежнему используются колхозами Дагестанской АССР и Астраханской области как зимние пастбища. Из общей площади района 559 тысяч гектаров в пользовании колхозов и совхозов района находятся только 82 тысячи гектаров» [Книга памяти 2004: 282].

В справке от 13 июля 1962 г. «Экономический обзор хозяйства Калмыцкой АССР за 1957–1961 гг.» дана следующая характеристика:

«Необозримы просторы Калмыцкой АССР. Но земли республики используются крайне нерационально: пашни мало (14,9 % от земельного фонда за вычетом территории отгонных пастбищ), основная система содержания скота пастбищная. Подобная дедовская система использования не отвечает требованиям современности. В Калмыцкой АССР большая площадь

сельскохозяйственных угодий отведена под отгонные пастбища, что является вредным пережитком отсталого кочевого ведения хозяйства. Из общей земельной площади Калмыцкой республики в 7 461,0 тыс. га занято под отгонными пастбищами 2 685,0 тыс. га или 35,8 %, которыми пользуются хозяйства Ставропольского края, Ростовской, Сталинградской и Астраханской областей, Дагестанской и Калмыцкой АССР» [Книга памяти 2004: 517].

Необходимо отметить, что территориальная и земельная неурегулированность была характерна в этом регионе еще до восстановления автономии Калмыкии в 1957 г. Так, постановлением Совета Министров СССР от 28 мая 1954 г. № 1023 «О закреплении за колхозами зимних пастбищ госфонда „Черные земли“ и „Кизлярские пастбища“» и Совета Министров РСФСР от 16 апреля 1955 г. № 532 «Об устранении чересполосицы и других недостатков в землепользовании на сезонных пастбищах госфонда „Черные земли“ и „Кизлярские пастбища“» за колхозами Ставропольского края было закреплено «навечно» 399,1 тыс. га сезонных пастбищ «Черные земли».

Однако указанные земли располагались в административных границах Астраханской области. В целях ликвидации чересполосицы в административных границах края, исполком Ставропольского крайсовета депутатов трудящихся решил просить Президиум Верховного Совета РСФСР территорию зимних пастбищ «Черные земли» общей площадью 399,1 тыс. га, переданную и закрепленную «навечно» за колхозами Ставропольского края, расположенную в административных границах Астраханской области, включить в административные границы Ставропольского края [Решение].

Н. Ф. Бугай полагает, что в большинстве своем «...территории, принадлежавшие ранее принудительно высланным народам, несмотря на трудности самого процесса, были им возвращены, или вопрос решался на государственном уровне, как, например, во взаимоотношениях по этой проблеме между Республикой Калмыкия и Астраханской областью» [Бугай 2013: 14]. Однако исторический ход событий показал, что данный вопрос так и не был решен в последующие годы.

Как отмечал И. В. Борисенко, территория и границы Калмыцкой АССР до декабря 1943 г. «не были такими уж совершенными, как того хотелось бы работавшим в 20–30-х годах землеустроительным комиссиям. Не была избавлена ее территория и от некоторых анклавов и чересполосиц. Груз наследия оказался весьма труднопреодолимым в полном объеме даже для самых квалифицированных и объективных комиссий. И все же, несмотря на все трудности, в течение почти двадцати лет нелегкого поиска удалось не просто сформировать в принципе приемлемую территорию Калмыцкой автономии и конфигурацию ее внешних границ, но и найти в общем взаимоприемлемое решение территориальных и земельных споров со всеми, без исключения, ее соседями» [Борисенко 2005: 68].

Гуманитарный аспект

В письме председателя Оргкомитета по Калмыцкой автономной области Д. Б. Утнасунова заместителю председателя Совета Министров РСФСР Д. И. Алехину от 2 февраля 1957 г. излагалась просьба обязать Астраханский облисполком принять меры по организованному переселению калмыков в Лиманский и Приволжский районы, переданные в состав Астраханской области. В нем, в частности, говорилось: «В соответствии с Указом Верховного Совета РСФСР два района — Лиманский и Приволжский, находившиеся ранее в составе Калмыцкой АССР, остались в Астраханской области. Калмыки, проживавшие в этих районах до декабря 1943 года, выражают желание обратно вернуться в свои родные места. По предварительным, ориентировочным данным возвратятся в Лиманский район 3 050 семей калмыков, в Приволжский — 1 990 семей. Всего переедут в перечисленные районы 5 040 семей, а населения — 20 160 человек.

Переселение этих калмыков в существующие районы Калмыцкой автономной области не представляется возможным потому, что они являются квалифицированными рыбаками и, естественно, не захотят переехать в степные районы и заниматься животноводством. В целях обеспечения организованного переселения калмыков в Астраханскую область Оргкомитет по Калмыцкой автономной области просит обязать Астраханский облисполком принять меры

по организованному переселению калмыков, обеспечению их жилищами и трудовому устройству» [Книга памяти 2004: 105].

О желании калмыков вернуться на прежние места жительства свидетельствует официальная переписка по этому вопросу (18 апреля – май 1957 г.). Так, в письме калмыков из г. Новосибирска председателю Астраханского облисполкома содержится просьба разрешить возвратиться на свою родину в Лиманский район:

«Мы, бывшие граждане Лиманского района Астраханской области, проживающие ныне в г. Новосибирске и окрестности, решили обратиться за разъяснением по интересующему вопросу. Дело в том, что мы решили возвратиться на родину, вернее в родные места, где мы жили до 1943 года, где в течение более трех веков жили наши предки, и заниматься трудом, привычным нам с детства...

Земля астраханская достаточно обширна, чтобы можно было найти где жить какой-нибудь небольшой группе калмыков в несколько тысяч человек, и, хорошо помня свои родные места, мы уверены, что при желании всегда найдутся места расселения нас. Но самыми главными являются вопросы трудоустройства, возможности государственной помощи в жилищном вопросе и хозобзаведении. Вопросы о возможности получения ссуды (возвратной), материала для строительства являются наряду с вопросом трудоустройства основными для дальнейшей нашей жизни.

Были на местах представители из Калмыцкой области, которые агитировали, чтобы мы поехали в калмыцкую степь, но мы привыкли жить у воды и жившие¹ в Сибири тоже в местах, обильных водой, не смогли им дать согласие на поездку в Калмообласть. Мы пользуемся неофициальными сообщениями, что не так давно в Москве принято решение о возможности переезда калмыков в родные места, и как будто этим решением Астраханский обком КПСС и Астраханский облисполком обязаны оказать помощь возвращающимся на родные места калмыкам в трудоустройстве, жилищном вопросе и хозобзаведении.

Может быть, это неправда, вымысел самих калмыков, но, если есть решение и облисполком не возражает нашему возвра-

щению, убедительно просим сообщить нам, куда и когда можно ехать нам, чем мы можем заниматься в родных местах и какую официальную помощь можем ожидать со стороны власти» [Книга памяти 2004: 187–188].

Начальник отдела переселения и оргнабора Калмоблисполкома С. Г. Манджиев в письме на имя начальника Главного управления при Совмине РСФСР товарищу Полякову отмечал, что «группа калмыков, проживающая в г. Новосибирске, изъявляет желание вернуться на свое прежнее место-жительство — в Лиманский район Астраханской области, обратилась с просьбой к председателю Астраханского областного Совета депутатов трудящихся с просьбой разрешить им переезд в Лиманский район, но исполком Астраханского Облсовета отнесся формально к просьбе указанных калмыков, и письмо последних направил в Калмоблисполком для ответа.

Вполне понятно, что решение вопроса о вселении указанной группы калмыков на территорию Астраханской области компетентно не Калмоблисполкому, а исполкому Астраханского областного Совета депутатов трудящихся, который и должен был ответить на письмо последних. Если говорить о согласии исполкома Калмыцкого областного совета на переезд этих калмыков в Астраханскую область, то он со своей стороны выразил свое согласие письмом. Такое же формальное отношение проявляет Астраханский облисполком и в вопросе выдачи калмыцкому населению ссуды на индивидуальное жилищное строительство и на другие цели.

Излагая о вышеизложенном, отдел переселения и оргнабора Калмоблисполкома просит дать соответствующее указание Астраханскому Облисполкому о приеме и трудоустройстве прибывающих или желающих прибыть на территорию Астраханской области семей калмыков» [Книга памяти 2004: 189–190].

В докладной записке уполномоченного Калмоблисполкома в Красноярском крае М. Харцхаева председателю Калмоблисполкома Д. Б. Утнасунову говорится о настойчивых просьбах калмыцкого населения края о присоединении Долбанского и Приволжского районов к Калмыцкой автономной области от 29 июня 1957 г. С 4 по 22 июня 1957 г. М. Харцхаев вместе с

¹ Так в источнике.

представителем Ставропольского крайкома КПСС тов. Т. Г. Чуйко находился в командировке в Красноярском крае по заданию облисполкома по вопросу переселения калмыцкого населения из Красноярского края и дачи некоторой разъяснительной работы той части населения, которая не входила в план переселения указанного года. Они провели собрания с калмыцким населением не менее чем в 15 крупных населенных пунктах. Участники собраний просили обком и облисполком возбудить ходатайство перед Совмином РСФСР и Оргбюро по РСФСР о присоединении двух «исконных калмыцких районов» Приволжского и Долбанского (Лиманского) к Калмыцкой автономной области.

Согласно вышеназванному документу, «участники собрания высказывались, что эти районы являлись в прошлом основными промышленными районами, где большинство населения занималось рыболовством в бассейне реки Волга и Каспийского моря. Они высказывали ту мысль, что отделение этих двух районов пагубно скажется на без того скудную экономику вновь восстанавливаемой Калмыцкой автономной области. Невхождение указанных выше двух районов лишает их возможности приобщиться к культуре своего родного народа» [Книга памяти 2004: 219].

Со стороны руководства Астраханской области предпринимались определенные меры по организованному возвращению калмыцкого населения, о чем свидетельствует отношение председателя Астраханского облисполкома Кузьмина Калмыцкому облисполкому по вопросу выдачи пропусков для организованного переселения 400 семей калмыков в Астраханскую область от 30 июня 1957 г. В нем, в частности, отмечается: «В облисполком поступает значительное количество писем от граждан калмыков, проживающих в ряде областей страны, с просьбой переселить их на территорию Астраханской области.

Астраханский облисполком, рассмотрев этот вопрос, сообщает, что имеет возможность принять в колхозы области в 1957 г. 400 семей в следующие районы: в колхозы Енотаевского района — 100 семей, в колхозы Харабалинского района — 100 семей, в колхозы Черноярского района — 100 семей и в колхозы Сасыкольского района — 100

семей. Облисполком просил выдать пропуска для организованного переселения калмыков в количестве 400 семей в указанные районы Астраханской области» [Книга памяти 2004: 219–220].

Также о помощи переселенцам говорится в постановлении Совета Министров РСФСР «О предоставлении льгот и оказании помощи колхозникам, рабочим и служащим, возвращающимся в Чечено-Ингушскую и Кабардино-Балкарскую АССР, Калмыцкую и Карачаево-Черкесскую автономные области Ставропольского края, а также в Дагестанскую АССР и в некоторые районы Северо-Осетинской АССР, Астраханской и Ростовской областей» от 12 апреля 1957 г. Помощь оказывалась в виде выдачи кредита. Выдача указанных ссуд производилась под обязательства колхозов. Предусматривались также налоговые льготы, сохранение непрерывного стажа работы. Разрешалось оказывать единовременную помощь отдельным наиболее нуждающимся семьям в размере, не превышающем 500 рублей. В 1957 г. на указанные цели из резервного фонда Совета Министров РСФСР было выделено 7,5 млн рублей. Астраханскому облисполкому полагалось 0,175 млн рублей [Реабилитация 2003: 249–250].

Необходимо отметить, что в данной статье мы не касаемся подробно вопроса о помощи переселенцам, были ли фактически выделены средства, как переселялись калмыцкие семьи в Астраханскую область, так как это требует своего отдельного изучения.

В связи с преобразованием автономной области в автономную республику Калмыцкий обком партии и облисполком просили Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР принять решение о присоединении Лиманского и Приволжского районов Астраханской области к Калмыцкой АССР. Об этом говорится в письме руководства Калмыцкой автономной области в Бюро ЦК КПСС по РСФСР, Совет Министров РСФСР от 19 октября 1958 г.

ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР поступившие к ним письма направляли на рассмотрение Калмыцкого исполкома областного Совета депутатов трудящихся и обкома партии, однако решение по этому вопросу входит в компетенцию вышестоящих органов. В письме утверждается, что Калмыцкий обком КПСС

и исполком областного Совета депутатов трудящихся считают, что просьба калмыцкого населения Лиманского и Приволжского районов Астраханской области о возвращении указанных районов Калмыцкой автономной области «справедлива и правильна» [Книга памяти 2004: 314]. Кроме того, необходимость возвращения этих районов Калмыцкой АССР обосновывалось еще и развитием рыбной промышленности, других промышленных предприятий, где возможно было трудоустроить возвращающееся в свои родные места калмыцкое население, т. к. в Калмыкии «нет других водоемов с развитым рыбным промыслом» [Книга памяти 2004: 314].

Статистические сведения из вышеназванного письма подтверждаются данными переписи 1959 г., согласно которым в Астраханской области проживало 12,6 тысяч калмыков, что значительно отличалось от соседних с Калмыкией других регионов РСФСР [Книга памяти 2004: 461].

В. Б. Убушаев и К. В. Убушаев отмечают, что калмыцкое население, несмотря на трудности, возвращалось к прежним местам проживания. Более того, они утверждают, что предложения относительно территорий Приволжского и Лиманского районов не вызвали у вышестоящих органов власти возражений, «наоборот, находили полную поддержку, об этом можно судить по многим сохранившимся документам того времени» [Убушаев и др. 2007: 388]. Также обращается внимание, что Оргбюро и оргкомитет по Калмоласти обратились с ходатайством по восстановлению области в прежних границах лишь 2 раза, тогда как Ставропольский крайком КПСС и крайисполком не менее 3 раз [Убушаев и др. 2007: 389].

Данные авторы полагают, что поскольку было принято решение оставить Лиманский и Приволжский районы в составе Астраханской области, то, видимо, поэтому Калмыкия была восстановлена в качестве

автономной области в составе Ставропольского края [Убушаев и др. 2007: 389].

Как было отмечено ранее, 29 июля 1958 г. Калмыцкая автономная область была преобразована в АССР, однако восстановление ее прежних территориальных границ не произошло.

В то же время, отмечается, что в Калмыкии «невозвращение» двух районов, где калмыцкое население составляло всего от 2 до 11 %, не привело к драматическим осложнениям и каким-либо массовым выступлениям [Убушаев и др. 2007: 344].

Заключение

При восстановлении автономий репрессированных народов в конце 1950-х гг. не произошло полного восстановления их прежних территорий. Автономии создавались уже с учетом новых политико-территориальных реалий. Пример тому — взаимоотношения Калмыкии и Астраханской области. Руководство Калмыкии по вопросу о присоединении Лиманского и Приволжского районов обращалось в вышестоящие органы власти РСФСР, аргументируя возвращением калмыцкого населения в Астраханскую область, а также экономическим значением территорий, поскольку данный вопрос был «органически связан с восстановлением Калмыцкой автономной области» [Убушаев и др. 2007: 388–389].

Отсутствие нормативно закрепленных границ с Астраханской областью привело в последующем к земельным спорам. Корни проблемы уходят в том числе в период до восстановления автономии Калмыкии в 1957 г. Земельная и территориальная неурегулированность была характерна для Ставропольского края и Астраханской области, связанная с пастбищами госфонда «Черные земли». С восстановлением автономии Калмыкии в 1957 г. акты СССР по Черным землям так и не были отменены или изменены, и в них не была учтена Калмыцкая АССР.

Источники

Отчет — Отчет Астраханского областного статуправления об административно-территориальных изменениях районов Астраханской области на 1 апреля 1957 г. // Государственный архив Российской Федерации. А-374. Оп. 30. Д. 11919. Л. 36.

Решение — Решение исполнительного комитета Ставропольского краевого Совета депутатов трудящихся от 19 января 1956 г. № 24 «Об установлении административных границ между Ставропольским краем и Астраханской областью и административных границ Черноземельского района Ставропольско-

го края» // Государственный архив Ставропольского края. ФР-1852. Оп. 14. Д. 412. Лл. 1–2.

Sources

- [Report by Astrakhan Regional Statistics Department regarding administrative-and-territorial changes within Astrakhan Oblast's districts as of April 1, 1957]. State Archive of the Russian Federation. A-374. Ser. 30. F. 11919. P. 36. (In Russ.)
- [Resolution of the Executive Committee of Stavropol Krai Council of Workers' Deputies of January 19, 195 No. 24 'On Establishment of Administrative Borders between Stavropol Krai and Astrakhan Oblast, and (Establishment of) Administrative Borders of Chernozemelsky District of Stavropol Krai']. State Archive of Stavropol Krai. FR-1852. Ser. 14. F. 412. Pp. 1–2. (In Russ.)

Литература

- Белоусов 2009 — *Белоусов С. С.* О проблеме возвращения в пользование Республики Калмыкия земель, временно используемых хозяйственными субъектами Астраханской области и Республики Дагестан // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 21–26.
- Белоусов 2012 — *Белоусов С. С.* Административно-территориальные преобразования в Нижнем Поволжье в годы Великой Отечественной войны и их последствия // Народы юга России в отечественных войнах: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 сентября 2012 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 290–295.
- Белоусов 2013 — *Белоусов С. С.* Роль этнического фактора в формировании административных границ национально-территориальных образований калмыцкого народа в XIX – первой половине XX в. // Межэтнический и межконфессиональный диалог как консолидирующая основа общества в борьбе против глобальных угроз терроризма и экстремизма: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Астрахань, 10 октября 2013 г.). Астрахань: Издатель Сорокин Р. В., 2013. С. 102–110.
- Беркасинова 2006а — *Беркасинова С. Г.* Административно-территориальное устройство Калмыцкой АССР накануне ее упразднения (конец 1930-х – 1943 г.) // Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития: мат-лы Российской науч.-практ. конф. (г. Элиста, 12–13 января 2007 г.). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2006. С. 101–103.
- Беркасинова 2006б — *Беркасинова С. Г.* Территория и границы Калмыцкой АССР накануне ее упразднения (конец 1930-х – 1943 г.) // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2006. № 2. С. 202–205.
- Борисенко 2005 — *Борисенко И. В.* Территория и границы Калмыцкой АССР накануне Великой Отечественной войны // Вклад народов Северного Кавказа в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 27–28 апреля 2005 г.). Элиста: Калм. гос. ун-т, 2005. С. 67–68.
- Бугай 2013 — *Бугай Н. Ф.* Проблема территорий как составная часть национальной государственной политики в условиях принудительных переселений: идеология и практика // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 5–16.
- Книга памяти 2004 — Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 1. Кн. 3: Восстановление автономии и реабилитация калмыцкого народа. Кн. 3. Ч. 1: Восстановление автономии (1956–1963 гг.) / сост. В. З. Атуева и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 586 с.
- Круглов 2016 — *Круглов В. Н.* Административно-территориальное устройство РСФСР в 1950-е – начале 1960-х гг.: традиции и новации, решения и последствия // Россия — СССР — РФ в условиях реформ и революций. XX–XXI вв.: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Саратов, 26–27 мая 2016 г.). Саратов: Амирит, 2016. С. 65–70.
- Максимов 1981 — *Максимов К. Н.* Решение административно-территориального устройства Советской Калмыкии в годы строительства социализма // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 105–120.
- Оглаев 2006 — *Оглаев Ю. О.* Опыт критического анализа Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР» от 9 января 1957 года // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2006. № 2. С. 48–51.
- Орлова 2002 — *Орлова М. Ф.* Территория и границы субъекта Российской Федерации: на примере Астраханской области: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 24 с.
- Реабилитация 2003 — Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том II. Февраль 1956 – начало 80-х годов / сост. Артизов А. Н., Си-

- гачев Ю. В., Хлопов В. Г., Шевчук И. Н. М.: МФД, 2003. 960 с.
- Тугуз 2006 — Тугуз Х. И. Ликвидация и восстановление национальной государственности калмыков: политико-правовой аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 82–94.
- Убушаев 2005 — Убушаев К. В. Ликвидация Калмыцкой АССР в 1943 году и ее последствия // Вклад народов Северного Кавказа в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 27–28 апреля 2005 г.). Элиста: Калм. гос. ун-т, 2005. С. 66–67.
- Убушаев и др. 2007 — Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2007. 494 с.
- References**
- [Deportation of the Kalmyk People: a Memorial Book]. Vol. 1, book 3: Restitution of the autonomy and rehabilitation of the Kalmyk people. Book 3, part 1: Restitution of the autonomy (1956–1963). V. Z. Atuyeva et al. (comps.). Elista: Kalm. Book Publ., 2004. 586 p. (In Russ.)
- [The Rehabilitation: How It Was]. Documents of the Presidium of the CPSU Central Committee and other materials. Vol. II. February 1956 – early 1980s. Artizov A. N., Sigachev Yu. V., Khlopov V. G., Shevchuk I. N. (comps.). Moscow: MFD, 2003. 960 p. (In Russ.)
- Belousov S. S. Administrative-and-territorial changes in the Lower Volga Region during the Great Patriotic War and their consequences. [Peoples of South Russia in Patriotic Wars]. Conf. proc. (Rostov-on-Don, 6–7 September 2012). Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of RAS, 2012. Pp. 290–295. (In Russ.)
- Belousov S. S. Kalmykia's lands temporarily used by economic agents of Astrakhan Oblast and the Republic of Dagestan: the problem of restitution revisited. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. 2009. No. 1. Pp. 21–26. (In Russ.)
- Belousov S. S. National-and-territorial entities of the Kalmyk people in the 19th – early-to-mid 20th centuries: the role of 'ethnic factor' in the formation of administrative borders. [Interethnic and Interconfessional Dialogue as a Consolidating Social Basis in the Struggle against Global Terrorism and Extremism]. Conf. proc. (Astrakhan, 10 October 2013) Astrakhan: Sorokin R. V., 2013. Pp. 102–110. (In Russ.)
- Berkasina S. G. Administrative-and-territorial structure of the Kalmyk ASSR on the eve of its disestablishment (late 1930s to 1943). [Restitution of National Statehoods of Russia's Repressed Peoples and Prospects of Their Development]. Conf. proc. (Elista, 12–13 January 2007). Elista: Kalm. State Univ., 2006. Pp. 101–103. (In Russ.)
- Berkasina S. G. Territories and borders of the Kalmyk ASSR on the eve of its disestablishment (late 1930s to 1943). Vestnik Kalmytskogo instituta sotsial'no-ekonomicheskikh i pravovykh issledovaniy. 2006. No. 2. Pp. 202–205. (In Russ.)
- Borisenko I. V. Territories and borders of the Kalmyk ASSR on the eve of the Great Patriotic War. [Contribution of the North Caucasus Peoples to the Victory over Fascism in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Conf. proc. (Elista, 27–28 April 2005) Elista: Kalm. State Univ., 2005. Pp. 67–68. (In Russ.)
- Bugay N. F. The problem of territories as an integral part of state nationalities policies in the context of forced resettlements: ideologies and practice. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. 2013. No. 3. Pp. 5–16. (In Russ.)
- Kruglov V. N. The administrative-territorial organization of the Russian Federation in 1950s – early 1960s: traditions and innovations, decisions and consequences. [Russia — USSR — Russian Federation in the Context of Reforms and Revolutions: 20th – 21st Centuries]. Conf. proc. (Saratov, 26–27 May 2016). Saratov: Amirit, 2016. Pp. 65–70. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The Soviet Kalmykia: settling administrative-and-territorial issues during the Socialist construction era. [Studies in historical geography of the Kalmyk ASSR]. Elista: Kalm. Res. Inst. of Hist., Philol. and Econ., 1981. Pp. 105–120. (In Russ.)
- Oglaev Yu. O. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of January 9, 1957 'On Establishment of Kalmyk Autonomous Oblast within the R.S.F.S.R.': an effort of critical analysis. Vestnik Kalmytskogo instituta sotsial'no-ekonomicheskikh i pravovykh issledovaniy. 2006. No. 2. Pp. 48–51. (In Russ.)
- Orlova M. F. [Territories and borders of a federal subject of Russia: a case study of Astrakhan Oblast]. A Cand.Sc. (jurisprudence) thesis abstract. Moscow, 2002. 24 p. (In Russ.)
- Tuguz Kh. I. Disestablishment and restitution of the national statehood of the Kalmyks: political and legal aspects. The Bulletin of the Adyghe State

- University. 2006. No. 4. Pp. 82–94. (In Russ.)
- Ubushaev K. V. The 1943 disestablishment of the Kalmyk ASSR and its consequences. [Contribution of the North Caucasus Peoples to the Victory over Fascism in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Conf. proc. (Elista, 27–28 April 2005). Elista: Kalm. State Univ., 2005. Pp. 66–67. (In Russ.)
- Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. [The Kalmyks: deportation, return, and revival. 1943–1959]. Elista: Kalm. State Univ., 2007. 494 p. (In Russ.)





Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 2, pp. 220–244, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-220-244
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 902

Позднесарматские погребения могильника *Дюкер* Республики Калмыкия

*Евгений Гаврилович Буратаев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии
 ORCID: 0000-0003-4496-1666. E-mail: burataev1981@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Скопления позднесарматских погребений, известные как в комплексах более ранних могильных групп, так и в виде отдельных своих могильников, довольно часто встречаются на территории степей Восточной Европы. Спасательные археологические раскопки на территории Октябрьского района Калмыкии выявили новые памятники позднесарматского периода. Так, в группе курганов *Дюкер* открыто 19 погребений этого периода. Настоящее исследование является продолжением комплекса работ по восстановлению и вводу в научный оборот археологического материала курганной группы *Дюкер*, начатых в 2017 г. Материал погребений публикуется впервые, рассмотренные погребения не вошли в существующую статистику позднесарматских погребений Нижнего Поволжья. *Выводы.* Проведенная работа позволит дополнить общую базу данных позднесарматских племен Поволжья. В статье приведено описание 19 погребений позднесарматского периода. Проведена работа с предметами погребального инвентаря погребений, хранящимися в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова. Детальный анализ погребений выявил достаточно стандартный характер погребального обряда племен позднесарматского сообщества. На основе полученных данных сделан вывод о социальной категории погребенных в этот период. Традиция погребального ритуала рассмотренных захоронений сочетает в себе отголоски элементов, присущих для культуры среднесарматского исторического сообщества.

Ключевые слова: Калмыкия, поздние сарматы, Сарпинская низменность, Октябрьский район, курганная группа *Дюкер*, курган, узкие прямоугольные ямы, подбой, погребальный инвентарь, ритуал

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Буратаев Е. Г. Позднесарматские погребения могильника *Дюкер* Республики Калмыкия. *Oriental Studies*. 2019;(2):220-244. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-220-244.

UDC 902

The Dyuker Burial Ground (Republic of Kalmykia): Late Sarmatian Burials

Evgeny G. Burataev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Research Associate

ORCID: 0000-0003-4496-1666. E-mail: burataev1981@mail.ru

Abstract. *Introduction.* Clusters of Late Sarmatian burials known both in complexes of earlier grave groups and in the form of separate burial grounds are quite often found throughout of East European steppes. Rescue archaeological excavations in Oktyabrsky District of Kalmykia revealed some new sites of the Late Sarmatian period. So, 19 burials dated the period were discovered within the Dyuker mound group. The study is a continuation of comprehensive works – since 2017 – aiming to restore and introduce into scientific discourse archaeological materials of the Dyuker mound group. The examined burial materials have never been published before; the burials under consideration have not been included into current statistic papers dealing with Late Sarmatian burials in the Lower Volga Region. *Conclusion.* The conducted work makes it possible to supplement the general database on the Late Sarmatian tribes of the Volga Region. The article describes 19 burials of the Late Sarmatian period. The work examines burial items contained in the Palmov National Museum of Kalmykia. A detailed analysis of the burials reveals a fairly standard character of burial rites typical for Late Sarmatian tribes. On the basis of the data obtained, a conclusion was made regarding the social status of the buried individuals during that period. The tradition of burial rites of the graves investigated includes some elements inherent to the culture of the Middle Sarmatian historical community.

Keywords: Kalmykia, late Sarmatians, Sarpinsky Lowland, Oktyabrsky district, mound group Dyuker, mound, narrow rectangular hollows, burial cave, funerary equipment, rite

Acknowledgements: The research was performed within a government subsidy — project ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (State Reg. No. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Burataev E. The Dyuker Burial Ground (Republic of Kalmykia): Late Sarmatian Burials. *Oriental Studies*. 2019;(2): 220-244. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-220-244.



Введение

Курганный могильник *Дюкер* располагался в Октябрьском районе Калмыкии, на территории Сарпинской низменности, где на сравнительно небольшом участке сконцентрированы крупные курганные группы республики. Спасательные раскопки были проведены археологической экспедицией Калмыцкого научно-исследовательского института истории, философии и экономики под руководством Е. В. Цуцкина. Археологические изыскания развернулись в рамках новостроечных проектов, в частности — строительство Калмыцкого магистрального канала (далее — КМК) в 1982 г. [Цуцкин 1979; Буратаев 2017а: 78–79].

За полевой сезон 1982 г. изучено 32 курганные насыпи (8 насыпей оказались есте-

ственного происхождения). В 24 курганах открыто 44 разновременных погребения, охватывающие достаточно широкий хронологический диапазон — от эпохи бронзы до золотоордынского периода. Количество погребений, совершенных в позднесарматский период, несколько преобладает над всеми остальными: 15 погребений бронзового века; 19 — позднесарматского периода; 10 — эпохи средневековья. В настоящей статье речь пойдет о погребениях позднесарматского периода (II–IV вв.). Выявленный в ходе археологических работ инвентарь погребений могильника хранится в коллекции Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (далее — НМ РК). Палеозоологический и антропологический материал группы находится на хранении в

Калмыцком научном центре РАН (далее — КалмНЦ РАН).

Остальные погребения могильника опубликованы ранее — в рамках комплексной работы по восстановлению и вводу в научный оборот материала могильной группы. За период 2017–2018 гг. вышли сообщения по погребениям бронзового и средних веков [Буратаев 2017а; 2017б; 2018]. Следует отметить что, культурно-хронологические определения, описание погребений, а также полученные результаты основываются на данных полевого отчета автора раскопок 1982 г. Е. В. Цуцкина [Цуцкин 1982].

Курганный могильник *Дюкер* не единственный памятник с довольно компактной группой погребений сарматского времени на территории Сарпинской низменности. Крупные скопления погребений сарматского, позднесарматского периодов открыты в могильниках: *Купцын Толга*, 1974 г. (41)¹; *Гува-1*, 1975 г. (15); *Заханата*, 1976 г. (29); *Кермен Толга*, 1979 г. (24); *Хар Нуурин Толга*, 1980 г. (21); *Чкаловский*, 1984 г. (29), а также ряд других могильных групп, где количество погребений варьируется от 4 до 14 погребений [Шнайдштейн 1979; 1981; 1985; Цуцкин 1979; 1980].

В целом территорию Сарпинской низменности характеризует ряд приметных погребений, которые вошли в археологическую литературу как образцы скифо-сарматских погребений. Наиболее известное среди них — захоронение воина из группы *КВЧ-37*, содержащее золотые изделия конского убранства [Очир-Горяева, Лапа 2002: 200–205].

Рубежом III–IV вв. н. э. датированы пять комплексов погребений из курганный группы *Три Брата*, исследованных в результате раскопок П. С. Рыкова в 1930-е гг. [Рыков 1931].

Крупные позднесарматские группы курганов характерны не только для Сарпинской низменности, анализ пространственного расположения археологических памятников всех хронологических периодов, проведенных М. А. Очир-Горяевой, показал интересные результаты. Согласно исследованию крупные группы погребений кочевников раннего железного века и средневековья географически локализуются именно в Сар-

пинской низменности, а также, в несколько меньшем количестве, на юге республики. Эти группы расположены на территории курганных групп Восточного Маныча [Синицын, Эрдниев 1966; 1971].

Такую закономерность распространения групп исследователь объясняет местностью, наиболее удобной для зимовок в условиях кочевого скотоводства [Очир-Горяева 2008: 147–150].

Такое же компактное расположение погребений позднесарматского времени в Нижнем Поволжье, при похожих географических условиях, позволило ученым сделать вывод о том, что сарматские племена, во-первых, достаточно плотно проживали на всей территории Нижнего Поволжья, во-вторых, являлись своего рода коренным населением этой обширной территории, проживавшим здесь достаточно долгий период времени. Равнинная местность, подходящий климат, наличие водных ресурсов, вероятно, способствовали успешному развитию кочевого скотоводства.

Материалы

В 17 исследованных курганах открыто 19 погребений позднесарматского периода, из этого числа только 2 погребения были впущены в насыпи курганов бронзового века (погребения 10, 11 кургана 27), остальные 17 — основные. В 19 погребениях захоронено 18 взрослых, объясняется это тем, что в погребении 2 кургана 20, расположенного в непосредственной близости с основным погребением кургана, следов захоронения человека и погребального инвентаря обнаружено не было. Интерпретировать яму можно по-разному: к примеру, автор раскопок выдвинул мнение о том, что выявленная яма — это первоначальная заготовка для основного погребения, сооружение которой по каким-то причинам до конца не довели. Однако также можно говорить и о защитной функции ямы, так называемой яме-обманке.

Из 19 погребений 11 ограблено в древности, характер разрушений достаточно стандартен. Средние размеры грабительских раскопок — 2 x 1,50 м, в большинстве случаев они полностью или частично разрушали входные стенки ям. О причинах разрушения могил судить сложно, было это обычным ограблением, или же эти мероприятия несли некий ритуальный след,

¹ В скобках указано количество погребений сарматского и позднесарматского времени.

поскольку стоит принимать во внимание тот факт, что погребальный обряд позднесарматской культуры является преемником традиций среднесарматского похоронного ритуала.

Последующая ниже сводка по захоронениям базируется на погребениях, которые не подверглись уничтожению грабителями или же пострадали в меньшей степени от воздействия извне. Общая информация по рассмотренным погребениям предложена в трех таблицах. В первой таблице показан весь комплекс предметов материальной культуры исследованных захоронений, с указанием типа погребения, пола и позы погребенного и конструкции могилы.

Вторая таблица несет подробную информацию о конструкции насыпи кургана, могильной ямы и зафиксированных подбоях. В третьей таблице отражена позиция погребального инвентаря и костей животных относительно погребенного. В эту таблицу внесены погребения, максимально сохранившие свой первоначальный облик.

Курганные насыпи (табл. 2)

Погребальный обряд позднесарматских погребений могильника *Дюкер* довольно стандартен для погребений этого периода на территории всей Республики Калмыкия и близлежащих регионов. Большинство погребений совершено в своих собственных сравнительно небольших курганных земляных насыпях. Размеры насыпей на момент раскопок варьируют от 7 м до 21,5 м в диаметре и от 0,2 м до 0,65 м в высоту. Средняя высота насыпи при этом — 0,25 м, диаметр в среднем — 15 м. Большая часть индивидуальных насыпей не превышает в высоту 0,5 м. При этом диаметр таких насыпей колеблется от 7 до 15 м.

В нашем ряду выделяется только одна насыпь, высота которой немногим превысила 0,5 м, речь идет о кургане 10. Высота этого кургана составила 0,65 м, при диаметре — 21,5 м. По некоторым особенностям погребального обряда совершенное в нем погребение можно причислить к более статусному погребению по сравнению с другими захоронениями. Об этом также может говорить достаточно большое количество и характер сопутствующего инвентаря, положенного в могилу. Наличие в комплексе таких категорий предметов, как инструменты, холодное оружие, позволяет с уверенно-

стью предположить пол умершего — мужской.

Говоря о размерных данных курганных насыпей могильника, приведенных в тексте рукописи полевого отчета, следует оговориться об антропогенном и природном воздействии на насыпи. Причём антропогенное воздействие второй половины XX в. значительно изменило степную поверхность, нежели природное.

Территория курганный группы подвергалась распахке, отчего многие насыпи курганов потеряли свою изначальную форму и часть других своих признаков. В довесок к этому при прокладке через группу русла КМК образовалась сеть автомобильных дорог. Согласно отчету при взрывных работах в средней части могильной группы было уничтожено ориентировочно 3 кургана. При подготовке участка трассы канала прилегающая территория была нивелирована так, что часть насыпей сравнялась с поверхностью почвы [Цуцкин 1979].

Находки в насыпях курганов

Достаточно часто в насыпях курганов позднесарматского периода можно встретить такие находки, как фрагменты костей мелкого и крупного рогатого скота, лошадей. Причём кости овец встречаются чаще, чем кости других животных. Как правило, расколотые кости животных обнаруживаются вместе с фрагментами керамики. Также известны находки камней и кремневых отщепов, гальки и песчаных плиток [Цуцкин 1979].

Случаи обнаружения находок в насыпях курганов рассматриваемого периода могильника *Дюкер* единичны (всего два случая). Так, при исследовании насыпи кургана 7, в выкиде норы грызуна был обнаружен фрагмент стенки лепного сосуда.

В насыпи кургана 12 зафиксировано специально оборудованное жертвенное место. Оно представляло собой небольшую ямку, дно которой находилось на уровне 35 (–15) см от «0», при высоте насыпи 0,2 м. На дне этого углубления, у стенки лежали крупные фрагменты толстостенного сосуда со следами нагара. В целом факт устройства жертвенного места или же следы разведения огня на насыпях — явление довольно редкое для погребальной культуры этого времени, и оно в большинстве случаев встречается в позднесарматских курганах,

датируемых рубежом I–II вв. – серединой III в.

Конструкция погребальных ям (табл. 2)

На территории Нижнего Поволжья и Республики Калмыкия встречаются все известные типы конструкций погребальных ям позднесарматского периода. В рассматриваемой нами группе большее число захоронений совершено в удлиненных ямах с прямыми стенками, средние размеры которых — 2,50 x 1,40 м.

В основной массе захоронений подбоем оборудованы семь погребений. В 6 погребениях подбой сооружен в западной стенке и в одном погребении — в южной. Входные ямы подбойных погребений несколько уже по сравнению с простыми ямами. Подбой, как правило, имеют те же размеры, что и входные ямы. В случае с основным погребением кургана 4 размеры подбойной камеры были несколько малы, и умершего буквально втиснули в камеру вместе с сопутствующим ему инвентарем.

Остатки растительной подстилки встречаются только в одном разрушенном в древности впускном погребении 11 (курган 27). Деревянных перекрытий или остатков дерева в погребениях не обнаружено.

Положение погребенных в могилах (табл. 1)

Абсолютное большинство погребенных положено на спину вытянуто. Такой вид труположения характерен для культуры позднесарматского периода. Для захоронений могильника ведущей является ориентировка тел: на север — в 7 случаях, на юг — в 2-х, на запад — 2 случая.

Варианты положения рук и ног различны: одна из рук согнута в локте и лежит поперек живота, обе руки полусогнуты и кистями покоятся в районе пояса. Однако такие случаи не часты, в основном положение рук и ног фиксировалось достаточно однообразно — обе руки вытянуты вдоль туловища, обе ноги — прямо. Различий положения умершего в зависимости от конструкции и размера могильных ям не замечено.

Обряд прижизненной деформации черепной коробки человека встречен только в одном случае — в основном, подбойном погребении кургана 12.

Ритуальные животные и напутственная пища в могилах (табл. 3)

В погребениях сарматского и позднесарматского времени можно встретить ко-

сти различных животных: кости лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, собак, птиц.

Позднесарматские погребения могильника *Дюкер* не исключение, в неогрabenных погребениях или в погребениях, где кости животных сохранили свое первоначальное положение, случаи находок костей овцы преобладают. Кроме них, в гораздо меньшем количестве встречаются кости крупных животных и кости собак. В нашем ряду погребений кости крупных животных встречаются вместе с костями овцы. Такая же ситуация наблюдается и в ограбленных погребениях могильника. Случаи нахождения костей птиц не отмечены. Кости собак смещенные со своего места отмечены в двух разрушенных погребениях.

Кости животных в могиле расположены в большинстве случаев за головой погребенного и справа от него (у ног и на уровне туловища). Кости овцы чаще всего обнаружены в сочетании костей конечностей и части таза, реже ребра и позвоночник, кость с альчиком найдена в двух случаях, причем в одном из них отдельный альчик имел просверленное отверстие (табл. 3).

Категория инвентаря погребений (табл. 1)

В деле решения проблемы хронологического определения того или иного памятника может послужить классификация вещественного материала погребений. Детальное изучение отдельных предметов погребального инвентаря тесно связано с хронологической разработкой. Для сарматского периода в целом характерен тот факт, что в погребениях редки находки монет и другого достоверно датирующего материала. Все, что остается для изучения, — это сами курганные насыпи и вещественный материал погребений.

Несмотря на это инвентарь погребений позднесарматского периода разнообразен и многочислен. Самой массовой находкой из предметов материальной культуры является керамическая посуда и ее фрагменты. В позднесарматских погребениях могильника *Дюкер* встречены такие типы набора посуды, как миски, кувшины, сосуды. Из них кувшинов — 2, мисок — 4, остальная посуда представлена в виде горшков.

В большинстве своем предметы изготовлены на гончарном круге, но встреча-

ются и лепные изделия. Расположение этих предметов, равно как и других категорий погребального инвентаря в могиле, достаточно однообразное. Обнаруженные вещи концентрировались за головой погребенного, справа или слева от него и реже — в ногах (табл. 3).

Элементы вооружения в рассматриваемых погребениях обнаружены в 2 случаях. Здесь можно выделить находку в основном погребении кургана 10, где лежал железный кинжал с железными ножами и бронзовым навершием. Другой кинжал, но с деревянными ножами был найден в погребении кургана 12. Железные ножи встречаются в пяти погребениях. Поскольку такая категория инвентаря, как предметы вооружения, в основном имеется в мужских погребениях, с некоторой долей уверенности можно предположить, что захороненные индивиды представляли все-таки мужчин позднесарматского общества этой территории.

Случаи находок стрел и колчанов единичны — так, в основном погребении кургана 30 обнаружено 3 втульчатых наконечника стрелы: один из них костяной трехперый, остальные 2 — трехперые бронзовые. Один наконечник зафиксирован в комплексе находок из основного погребения кургана 10, в подбойной могиле, наряду с этим наконечником найдены остатки берестяного фрагмента, вероятно, колчана. В целом находки наконечников стрел и колчанов не характерны для погребений позднесарматского периода, и в нашем случае эти находки могут свидетельствовать о наиболее ранней дате для этих двух погребений этого периода.

Конская упряжь — еще одна категория, характерная для кочевнических погребений почти всех известных хронологических периодов, однако находок деталей упряжи в комплексе инвентаря позднесарматских погребений группы *Дюкер* отмечено не было.

Среди погребального инвентаря бытового или повседневного характера всех позднесарматских погребений могильника найдены всего два предмета — это оселки из комплекса предметов основного погребения кургана 10. Один из серо-голубого камня, второй — из окаменевшего дерева.

Такого массового материала, в целом характерного для позднесарматских погребений, как железные ножницы, бронзовые

зеркала, пряслица, не отмечено ни в одном погребении группы.

Из элементов украшений в одном случае встречены серьги из бронзы и низка бус из женского погребения кургана 1. Найденные фибулы можно причислить к элементам одежды, так как ими скрепляли распашные полы одежды. Они зафиксированы в основных погребениях курганов 1 и 20. В погребении кургана 10 найдена бронзовая пряжка. О назначении предмета судить сложно, так как в рукописи полевого отчета нет ни размерных данных, ни подробного описания. Равно как нет и информации об ориентировке погребенного по сторонам света. Не сохранилась пряжка и в фондохранилище НМ РК.

Курган 1

Находился в третьем, центральном скоплении курганных насыпей группы *Дюкер*, в 10 м на запад от западного отвала Калмыцкого магистрального канала. От центра кургана 2 — на 12 м на ЮЮЗ. Северной полой курган сливался с южной полой кургана 2.

Насыпь кургана высотой 0,25 м от современной поверхности сильно уплотненная. В плане насыпь округлой формы, диаметром 7–8 м. Контуры насыпи частично искажены колеями проселочной дороги, проложенной по западной поле кургана. Поверхность насыпи задернована.

Ровик вокруг насыпи слабо просматривается. Его ширина составляла около 2 м. В ЮЗ и СЗ секторах кургана он почти полностью прерывался.

Верхний слой насыпи кургана 1 представлен дерном серого цвета толщиной 7–10 см. Погребенная почва находилась на уровне 30 см от «0». Она выражена светло-серым, трудно отличимым от верхней части насыпи слоем мощностью 5–10 см и прерывается внутренними границами ровика. Погребенная почва залегает на материковом слое красного солонца, мощностью около 15 см.

Средняя часть насыпи кургана 1 между дерном и погребенной почвой состоит из желтоватого суглинка, мощностью до 25 см в центральной части и постепенно утончающимся к краям насыпи. В ровиках за счет сползания насыпи толщина суглинка увеличивается до 10 см. Ширина ровика не превышала 2 м, глубина — 0,30 м от поверхности почвы.

Погребение 1, основное

Могильная яма с подбоем была обнаружена в западном секторе кургана в 2,5 м к западу от центра. Входная яма — удлиненной формы с округлыми восточной и западной стенками. Длинной осью яма ориентирована по линии С–Ю. Длина — 1,8 м, ширина — 0,35 м в северной и 0,5 м в южной части. Западная стенка входной ямы выгнута на восток.

Заполнение входной ямы состояло из однородной супеси. В южной части ямы на глубине около 180 (–150) см встречен участок засыпки смешанный с золой. Дно входной ямы зафиксировано на уровне 190 (–160) см.

Подбой сооружен вдоль западной стенки. Его длина составила 1,83 м, ширина — 0,75 м в северной части и 0,55 м — в южной. Высота свода — 0,40 м в средней части. Дно подбоя находилось на уровне дна входной ямы.

На дне подбоя лежал скелет молодой женщины в вытянутой позе на спине, головой на север. Череп погребенной повернут вправо, на запад. Нижняя челюсть полуоткрыта. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая — плечевой частью ориентирована вдоль костей туловища. Рука согнута в локте под тупым углом в предплечье, располагалась поперек живота. Ноги подогнуты и повернуты коленями вправо, на запад.

Серьги бронзовые, в виде кольца: одна серьга обнаружена на левой стороне черепа, вторая — под черепом с правой стороны. Под правой щекой лежала бронзовая фибула.

Бусы разного типа фиксировались по всему костяку. Основное скопление отмечено в области шеи и верхней части груди. Верхняя низка состояла из нескольких фаянсовых и бронзовых бусин, нанизанных на бронзовую проволоку. В области груди отмечено две низки бус, причем одна из них, возможно, была сдвоенной. На ребрах с правой стороны туловища обнаружено 7 мелких одинаковой формы бусинок. На костях левого предплечья и левой кисти — 12 бусинок. Мелкие бусины отмечены в области правого предплечья и кисти, на костях таза, у голеней обеих ног и стоп. Концентрация бусин вокруг костей рук, ног и позвоночника погребенного может свидетельствовать о том, что, возможно, эти бусины были на-

шиты на одежду. Среди многочисленных бусин можно отметить фрагменты «хрустальных» бусин, обнаруженные у западной стенки подбоя, напротив локтя правой руки.

Металлический (железо) предмет встречен у верхнего предплечья сустава правой руки. Сосуд глиняный стоял за головой погребенной, у северной стенки подбоя, в ее средней части. Второй глиняный сосуд с зооморфной ручкой стоял рядом с первым сосудом, ближе к входу в подбой.

Длинные кости ног овцы с тазовой костью и альчиком лежали за черепом погребенной в северо-западной части подбоя.

Курган 2

Курган 2 располагался в третьем скоплении насыпей группы *Дюкер* у западного отвала КМК, в 6 км к западу от полы отвала. Южной полостью курган 2 сливался с северной полостью кургана 1. Центр кургана 2 удален на 12 м на север от кургана 1.

Насыпь расползшаяся, округлая, диаметром 10,5 м, высота насыпи — 0,3 м. Центральная часть насыпи задернована. Ровики не выявлены.

Верхний слой насыпи дерновый, мощностью до 0,15 м. Непосредственно под дерном залегал материк, представленный солонцовым горизонтом красноватого цвета. В северной части профиля бровки солонцовый горизонт начинается от отметки 2,4 м на север от «0», в южной — от отметки 2,2 м на юг от «0». Центральная часть бровки под слоем дерна представлена однородным суглинком светло-коричневого цвета.

Погребение 1, основное

На отметке 1,45 м от «0» в западном секторе кургана встречено скопление костей человека. В средней части скопления на глубине 1,45 м найден череп человека, обращенный сводом вверх. В южной части скопления на глубине 1,67 м фиксировались берцовые кости человека. Скопление костей человека располагалось в однородной светло-серой супеси, в которой контуры могильного пятна и грабительской ямы не прослеживались. Непотронуто остались кости овцы, зафиксированные в южной части от бедренных костей человека.

Здесь найдены: крыло таза, эпифиз трубчатой кости, альчик.

Достоверная реконструкция первоначального положения костяка затруднительна, если судить по расположению смешан-

ных костей человека, погребенный был ориентирован по линии ССВ–ЮЮЗ, головой на ССВ.

Среди скопления костей встречены фрагменты глиняного сосуда. Датировка погребения дана на основе фрагментов глиняного сосуда сарматского типа.

Курган 3

Курган 3 располагался в третьем скоплении группы *Дюкер*. Его центр удален на 26 м от кургана 2 в направлении на запад и на 21 м к ЮВВ от центра кургана 4. Насыпь округлая, диаметром 18 м, высота насыпи в среднем — 0,55 м. Поверхность насыпи хорошо задернована. Вокруг кургана отчетливо прослеживались следы ровика. С южной и западной стороны кургана ровик прерывался. Дно ровика в северной части кургана прослежено на глубине 0,53 м, в южной части — 0,71 м от «0».

Верхний слой насыпи представлен дерном мощностью 5–7 см. Отчетливо выраженный слой погребенной почвы мощностью до 10 см залегал на уровне 0,40–0,45 м от «0» по всей длине профиля.

В северной части профиля, между отметками 1,5 м на север от «0» и 5 м на юг, на погребенную почву наслаивается линза могильного выброса длиной по оси профиля 3,25 м. Линза состоит из перемешанных между собой слоев почвы (гумус, солонец, суглинок).

Между дерном и погребенной почвой насыпь — однородный суглинок красноватого цвета.

Погребение 1, основное

Могильное пятно обнаружено в центральной части кургана на уровне погребенной почвы. Пятно имело продолговато-овальную форму и отмечало устье входной ямы подбойного погребения. Входная яма и подбой, сооруженный в западной стенке, устроены параллельно друг другу и ориентированы длинными осями по линии С–Ю с незначительными отклонениями против часовой стрелки, т. е. северной частью к западу, а южной — к востоку.

Длина входной ямы — 1,85 м, ширина — 0,60 м, дно отмечено на глубине 2,57 м от «0», или 1,99 м от уровня погребенной почвы. Торцовые стенки подбоя округлены, восточная слегка выгнута, западная стенка относительно прямая. Дно подбоя на несколько сантиметров ниже уровня дна

входной ямы — 2,60 м от «0». Длина подбоя — 2 м, наибольшая ширина — 0,75 м, высота сохранившегося подбоя достигала 0,65–0,70 м.

Заполнение входной ямы и подбоя состояло из суглинка, перемешанного с супесью. Погребение ограблено в древности. Кости человеческого скелета в беспорядке лежали в южной части подбоя, несколько костей найдены в северной половине подбоя. В северной части подбоя найдены фрагменты чернолощеной миски.

Курган 4

Курган 4 располагался в третьем скоплении группы. Его центр удален на 21 м на ССЗ от центра кургана 3 и на 30 м — на запад от центра кургана 6. Насыпь округлая диаметром 12 м, высотой — 0,35 м. Ровик вокруг кургана не отмечен.

Верхний слой насыпи представлен дерном мощностью 5 см. Погребенный слой желтовато-серого цвета мощностью 10 см простирался на уровне 0,3 м от «0» по всей длине бровки. Насыпь кургана между дерном и погребенной почвой состоит из однородного суглинка красноватого цвета.

Погребение 1, основное

Пятно могильной ямы выявлено на уровне погребенной почвы в западном секторе кургана. Яма удлиненно-овальной формы ориентирована длинной осью по линии ССВ–ЮЮЗ. Длина ямы — 1,75 м, ширина — 0,7 м, дно зафиксировано на глубине 1,14 м от «0». Торцовые стенки сильно скруглены, боковые слегка выгнуты. В южной части и ко дну яма заметно расширялась.

На дне ямы лежал скелет человека зрелого возраста, вероятно, женщины. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на ССВ. Череп повернут лицевой частью на северо-запад, подбородок касался верхнего эпифиза правой плечевой кости.

Правая рука слегка отведена в сторону западной стенки ямы и лежала параллельно скелету. Кости верхней части туловища были развернуты несколько вправо. Кости грудины находились в правой части костей грудной клетки.

В средней части костей грудной клетки располагалась левая плечевая кость в сочленении с лопаткой — параллельно скелету. Левая рука слегка согнута в локте и предплечьем лежала поперек живота.

Кости таза немного развернуты вправо, причем левое крыло лежало ближе к верхней части скелета, нежели правое. Бедренные кости располагались параллельно друг другу, берцовые кости основаниями соединялись. Малая берцовая кость левой ноги была смещена к восточной стенке и к югу. В целом костяк плохой сохранности, череп фрагментирован. Большинство костей ребер, часть позвонков, кости кистей рук не сохранились. Кости таза зафиксированы в виде отдельных фрагментов.

Инвентарь погребения составили два глиняных сосуда. Один стоял между затылком погребенной и стенкой ямы, второй — вплотную к первому с южной стороны, между спиной погребенной и западной стенкой ямы. Сосуды буквально втиснуты между погребенной и стенкой ямы. Видимо, это и явилось причиной смещения и разворота черепа, грудной части и плечевого пояса погребенного.

Курган 6

Располагался в третьем скоплении могильника. Его центр удален на 30 м на запад от центра кургана 4 и на 18 м на юг от центра кургана 7 — почти на одной линии с курганами 1 и 3.

Насыпь представляла собой вытянутый эллипс, длинной осью ориентированный по линии В–З. Размеры насыпи: по линии В–З — 19 м, по С–Ю — 10 м. Высота от уровня современной поверхности — 0,40 м. Поверхность насыпи повреждена автомобильной колеей. Южная половина насыпи пологая, северная — короткая и круто спускалась в углубление, из которого брался грунт для возведения насыпи кургана. Это углубление примыкало к кургану с его северной и ССВ стороны. В то же время углубление примыкает к находящимся рядом курганам 5 и 7. Вероятно, курган 6 начал свое существование раньше курганов 5 и 7. Потому как для насыпи курганов 5 и 7 частично использовался грунт из насыпи кургана 6.

С южной стороны к кургану 6 примыкало небольшое углубление, которое в свою очередь примыкало к кургану 9. Исходя из наблюдений, автором раскопок было выдвинуто предположение, что первоначально курган 6 имел округлую форму.

Верхний слой насыпи состоял из дерна мощностью до 10 см. Материковый горизонт, представленный красноватым солон-

цом, залегал на глубине 0,5 м от «0». Линза погребенной почвы мощностью до 0,30 м отмечена на материковом горизонте. Между дерном и погребенной почвой залегал однородный слой насыпи кургана из суглинки.

Погребение 1, основное

Могильная яма с подбоем выявлена в юго-западном секторе кургана. Входная яма имела удлиненно-овальную форму длиной 2,13 м, шириной — 0,45 м. Длинной осью яма ориентирована по линии С–Ю. Дно входной ямы отмечено на глубине 188 (–158) см в северной части и 210 (–168) см — в южной части.

Подбой сооружен вдоль западной стенки входной ямы. Подбой имел такую же удлиненно-овальную форму длиной 2,35 м, шириной — 0,47 м. Дно подбоя — на уровне 210 (–180) м. Свод подбоя отмечен на высоте 0,76 см от дна подбоя.

На дне подбоя вытянуто на спине, головой на север лежал скелет взрослого человека. Череп лежал на затылке, с отклонением к входу в подбой. На затылочной части черепа отмечены два почти параллельных рубящих отверстия. Позвоночный столб костяка изогнут в нижней части вправо. Руки лежали вдоль корпуса. Ноги вытянуты параллельно друг другу.

За головой погребенного в северной части подбоя найдено:

- сосуд глиняный, с отогнутым венчиком, обнаружен в 9 см на ССВ от черепа; второй сосуд более крупного размера стоял рядом с первым — так же в 9 см от черепа погребенного;

- миска глиняная чернолощенная, найдена в северо-восточном углу подбоя, вплотную с двумя сосудами; в миске лежали кости овцы (длинные кости ноги и крыло таза);

- серьга бронзовая, обнаружена у правого сосцевидного отростка черепа погребенного.

Курган 7

Располагался в третьем скоплении могильника. Центр кургана находился в 16 м к западу от центра кургана 5, в 14 м — на юг от центра кургана 8 и в 18 м — на север от центра кургана 6. Южной полостью курган 7 соприкасался с углублением кургана 6. Насыпь имела округлую форму, диаметром 12 м, высота — 0,40 м от современной по-

верхности. В выкиде одной из нор грызуна обнаружен фрагмент стенки лепного сосуда.

Верхний слой профиля бровки состоял из дерна мощностью около 0,1 м. На уровне 0,40 м от «0» отмечен горизонт погребенной почвы, мощность слоя — 0,1 м. Между дерном и погребенной почвой залегал слой суглинка насыпи кургана.

Погребение 1, основное

В западном секторе кургана выявлено пятно могильной ямы. Длина ямы 2,20 м, ширина — 0,5 м. Дно зафиксировано на глубине 184 (–144) см. Длинной осью яма была ориентирована по линии СВВ–ЮЗЗ.

Погребение ограблено в древности. В засыпи могильной ямы на разных отметках встречены кости скелета взрослого человека. *In situ* остались кости ног, отмеченные на уровне дна ямы — 185 (–165) см. Судя по положению ног, умерший был положен на спину — вытянуто, головой на СВВ. Вещей в погребении не обнаружено.

Курган 9

Курган 9 располагался в третьем скоплении могильника. Центр его зафиксирован в 18 м к ЮЗ от центра кургана 6 и в 19 м — к ЮВ от центра кургана 12.

Насыпь кургана округлой формы размерами по линии С–Ю 14 м, по В–З — 12 м. Высота кургана — 0,45 м. Насыпь кургана располагалась на склоне, и поэтому его южная пола расположена значительно ниже северной.

Центральная часть насыпи была повреждена автомобильной колеей. С северо-восточной и северо-западной сторон сохранились впадины, оставшиеся после выемки грунта для насыпи.

Верхний слой дерновый мощностью до 10 см. Погребенная почва зафиксирована только в северной части профиля бровки между отметками 3,30 м на север от «0» и 6 м на север от «0». Погребенная почва залегала наклонно мощностью от 7 см в южной и до 13 см — в северной части. Уровень залегания ее в северной части был на уровне «0», а в южной — 20 см от «0».

Погребение 1, основное

Могильное пятно не имело четких очертаний, так как яма была разрушена грабительским раскопом. Установить форму могилы также не удалось. Отмечено только то, что длинными сторонами могильная яма была ориентирована по линии ССВ–ЮЮВ.

На дне могильной ямы, на глубине 2,15 м, в беспорядке лежали кости взрослого человека. В северной части скопления костей лежал череп человека сводом вниз. К северо-востоку от черепа лежали кости человека: локтевая кость, 3 ребра, 2 фрагмента ребра, шейный позвонок и коленные чашечки.

В 60 см южнее черепа лежала бедренная кость, там же, под углом к головке бедра, лежала левая плечевая кость. В нескольких сантиметрах с восточной стороны от нее находилась малая берцовая кость. С западной стороны бедренной кости в 20 см под углом к ней лежали параллельно друг другу две лучевые кости.

Выше уровня залегания костей человека на глубине 157 (–112) см встречены кости небольшого животного (вероятно, собака). В северной части лежали остатки черепа. В 10 см к ЮЗ от них — кости конечностей. Среди костей животного найден железный стержень длиной 5 см, диаметром — 0,5 см.

Курган 10

Курган 10 располагался в третьем скоплении курганной группы. Его центр удален на 33 м к СЗ от центра кургана 13 и на 18 м — от центра кургана 14. Насыпь кургана одна из наиболее крупных в группе. Высота насыпи — 0,65 м, размер насыпи по линии С–Ю — 21,5 м, по линии В–З — 20 м. Поверхность насыпи была хорошо задернована, вершина уплощена. В центре насыпи отмечено углубление диаметром 1 м и глубиной 0,20 м.

Хорошо заметный ров зафиксирован в восточном и южном секторе. С северной стороны ров почти не заметен. В юго-западной части кургана ров прерывался перемычкой шириной около 5 м.

Верхний слой насыпи сложен дерном мощностью 10 см. Ниже располагался слой формирующегося солонца мощностью 10 см. Погребенная почва залегала на уровне 0,65 м от «0» в центре бровки. Мощность слоя погребенной почвы составила 5 см в южной и 10 см в северной части. Между слоем погребенной почвы и слоем солонца однородная насыпь из суглинка с вкраплениями карбонатов.

Между отметками 0,50 м на север от «0» и 2 м на юг от «0» погребенная почва прорезана ямой, в засыпи которой отмечены кости. В северной и южной частях профиля отчетливо фиксировался разрез ровика.

Погребение 1, основное

В центре кургана под бровкой обнаружено подквадратное пятно грабительского лаза, размерами 1,60 x 1,60 м. Диагонали ямы были ориентированы по линиям СВВ–ЮЗЗ и СЗЗ–ЮЮВ.

Западная часть грабительского лаза перекрывала южную часть входной ямы подбойного погребения. Входная яма нечеткой прямоугольной формы длиной 2,20 м, шириной около 1 м, ориентирована длинной осью по линии СВ–ЮЗ. Северо-восточная стенка относительно прямая, юго-западная стенка имела более округлые очертания.

Дно входной ямы находилось на глубине 390 (–325) см. В северо-восточном углу входной ямы сохранился фрагмент травяной подстилки.

Подбой сооружен в северо-западной части ямы. Длина подбоя — 2,55 м, ширина — около 1 м. Длинной осью подбой ориентирован по линии СВ–ЮЗ. Дно подбоя отмечено на уровне 413 (–348) см в северо-восточной части и 415 (–350) см — в юго-западной части. Высоту подбоя определить не удалось вследствие обвала в древности.

На дне подбоя лежал неполный скелет взрослого человека. Непотревоженными остались кости ног, таза, кости правой руки, фаланги левой кисти и три поясничных позвонка.

Судя по положению костей, умерший был положен на спину с вытянутыми вдоль туловища руками, положенными в районе пояса. Ноги вытянуты параллельно друг другу, стопы не соприкасались. Головой скелет ориентирован на СВ.

У северо-восточной стенки подбоя, на глубине 397 (–332) см, находилось скопление смещенных со своего места костей человека: ребра, грудина, ключица и нижняя челюсть. В засыпи в северо-восточном углу входной ямы значительно выше уровня дна подбоя были найдены остальные части скелета: череп, левая плечевая кость и две лопатки.

В засыпи грабительской ямы в северо-западном углу на уровне 69 (–54) см в беспорядке обнаружены кости небольшого животного (вероятно, собака): фрагмент нижней челюсти, ребра, кости конечностей. Под этими костями на глубине 75 (–10), 89 (–24) см ближе к северо-восточному углу ямы найдены кости более крупного животного: фрагмент нижней челюсти и ребра.

В северо-восточном углу подбоя, среди скопления костей человека, на глубине 396 (–331) см встретились 2 фрагмента сероглиняного гончарного сосуда.

Оселок из серо-голубого камня прямоугольной формы лежал между правым локтем и северо-западной стенкой подбоя. Длина — 27 см, ширина одного конца — 4 см, другого — 2,5 см.

Около оселка находилось бронзовое кольцо из полоски металла с загнутыми внутрь краями. Внутри кольца сохранился фрагмент деревянного предмета, в центр которого вставлен тонкий деревянный шифтик. Предмет истлел, но по отпечатку удалось проследить его форму и размер — это была круглое в сечении изделие, диаметром 2 см, длиной — 30 см. Возможно, это рукоять кнута, перехваченная бронзовым кольцом.

У стенки подбоя, параллельно деревянному изделию лежали покрытые красной краской ножны кинжала. Длина ножен составила 30 см, ширина — 4 см. Непосредственно у северо-восточного конца ножен со стороны входного отверстия лежало бронзовое навершие кинжала. Оно представляло собой круглый в сечении цилиндр, нижний конец которого оформлен в виде двух зубцов, направленных остриями к ножнам.

На нижней части ножен в виде окислившейся бесформенной массы обнаружены остатки металлического предмета (железо).

Между основанием оселка и отпечатком истлевшей рукояти кнута лежала бронзовая пряжка в форме восьмерки.

В 4 см к ЮЗ от основания оселка отмечены остатки берестяного предмета, возможно, это остатки колчана.

Между остатками берестяного предмета и правым предплечьем лежал железный черешковый наконечник стрелы со следами дерева.

Вплотную к наконечнику стрелы со стороны правого предплечья лежал оселок из окаменелого дерева. Длина его — 7 см, ширина в сечении — 1,5 x 1,5 см.

На дне подбоя между правым коленом погребенного и северо-западной стенкой подбоя найден альчик овцы с просверленным в середине отверстием.

При снятии железных ножен найдено лезвие железного кинжала. Лезвие было ориентировано вдоль ножен.

Курган 11

Курган 11 находился во втором скоплении насыпей могильника. Его центр удален от центра кургана 17 на 50 м к востоку и на 27 м — на запад от центра кургана 16. Насыпь округлой формы диаметром 16 м. Вершина насыпи уплощена. Южный склон насыпи пологий, северный — более крутой. Поверхность задернована, по восточной стороне кургана проходила автомобильная колея. Насыпь опоясана ровиком шириной 6 м в северном и 4 м — в восточном и западном секторах.

В насыпи зафиксированы следы грабительского лаза. В кургане открыто 7 погребений, 6 из них сооружены в эпоху бронзы, одно — в сарматское время.

Погребение 3, впускное

Обнаружено в центре кургана, в границах грабительского раскопа. Грабительский раскоп округлой формы захватывал центральную часть кургана, смещаясь в юго-западный сектор. Размеры раскопа по линиям С–Ю, 3–В — 2,7 м. Этот раскоп разрушил погребение 2 (эпоха бронзы) и погребение 3.

Могильная яма погребения 3 нарушена с западной стороны. На уровне дна яма имела прямоугольные очертания. Длина — 2,85 м, ширина — 1,35 м. Длинной осью яма ориентирована по линии С–Ю.

В центре грабительского раскопа на отметках 212 (–162) см и 234 (–184) см обнаружено скопление смещенных со своего первоначального места костей человека: череп, кости таза, кости рук, ребра, позвонки. Среди скопления костей встречались кости человека из погребения 2. Непотревоженными остались кости ног и левого предплечья. Судя по ним, умерший был положен, вытянуто на спину, головой на север, с небольшим разворотом вправо, руки вдоль корпуса.

Между восточной стенкой и корпусом погребенного на уровне левой плечевой кости поставлен сероглиняный кувшин (раздавлен землей). Диаметр горла сосуда — 11 см. На дне ямы между восточной стенкой и левой бедренной костью стояла черноглиняная миска, диаметр миски — 24 см.

Между кувшином и миской у левого предплечья с восточной стороны лежали кости конечностей крупного животного. Длинные кости ориентированы по линии С–Ю.

На дне ямы в пространстве между левой бедренной костью и левым предплечьем, а также среди скопления костей человека в центре грабительской ямы лежали фрагменты железного меча в красных ножнах.

При изучении профиля насыпи кургана установлено, что при сооружении погребения 3 насыпь кургана была досыпана.

Курган 12

Курган 12 зафиксирован в третьем скоплении могильника. Его центр удален от центра кургана 9 на 19 м к северо-западу и на 18 м — на юго-запад от центра кургана 13.

Насыпь кургана овальной формы размерами 32 м по линии СЗЗ–ЮВВ и 18 м по линии ССВ–ЮЮЗ. Высота насыпи — около 0,20 м от уровня современной поверхности. Своей длинной осью курган ориентирован по линии СЗЗ–ЮВВ.

Верхний слой бровки составлял дерн мощностью 5–7 см.

Слой погребенной почвы отмечен в северной части профиля бровки на глубине 20 см от «0», между отметками 1,20–5 м на север от «0». Её мощность составила 7 см. Слой насыпи кургана между слоем дерна и слоем погребенной почвы представлен однородным суглинком. Под слоем погребенной почвы залегал материк.

При дальнейшем исследовании кургана в северо-восточном секторе кургана, а именно в 2 м на северо-восток от центра кургана, обнаружено жертвенное место. Выявлена ямка овальной формы 1 x 0,57 м, длинные стороны которой ориентированы по линии С–Ю. Дно ямки зафиксировано на уровне — 35 (–15) см. На дне ямки в ее северной части, у стенки лежали крупные фрагменты толстостенного сосуда. Поверхность фрагментов несет следы нагара.

Погребение 1, основное

Обнаружено в северо-западном секторе кургана в 5 м к ССЗ от его центра. Контуры могильного пятна прослеживались нечетко. Входная яма овально-удлиненной формы, ее длина — 1,80 м, ширина — 0,5 м. Дно входной ямы зафиксировано на уровне — 233 (–213) см.

На этом же уровне находилось дно подбоя, сооруженного вдоль западной стенки входной ямы. Подбой имел овальные

очертания. Его длина — 2,05 м, ширина — 0,65 м. Длинной осью входная яма и подбой ориентированы по линии С–Ю.

На дне подбоя вытянуто на спине лежал скелет взрослого человека. Череп искусственно деформирован, лежал на затылке лицевой частью вверх. Нижняя челюсть приоткрыта. Позвоночный столб и корпус тела слегка искривлены влево. Руки лежали строго вытянуто вдоль корпуса. Основание левого предплечья лежало под левым крылом таза. Кости таза лежали прямо.

Кости ног согнуты в коленях под тупым углом, образовав фигуру в виде ромба. Произошло это, видимо, по следующей причине: размеры сооруженного подбоя оказались меньше требуемой длины человека, и получилось так, что ноги упирались в южную стенку подбоя.

В могиле обнаружены следующие вещи:

- сосуд черноглиняный, биконической формы и невысокой шейкой, стоял у правого плеча погребенного; орнаментирован вертикальными насечками в месте перехода тулова в шейку; по тулову идут две горизонтальные полосы;

- кинжал в деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет, найден за черепом погребенного, поперек подбоя по линии В–З, острием на восток.

Между кинжалом и северной стенкой подбоя за черепом погребенного лежали кости овцы (кости ног и часть таза).

Поперек основания правой руки, в 5 см от локтевого сустава, лежали остатки металлургического (железо) изделия.

Курган 17

Насыпь кургана располагалась в первом скоплении курганов могильника. В 50 м на запад от центра кургана 11 и в 27 м — на СВВ от центра кургана 18. Насыпь округлая, диаметром 9 м. Высота — 0,27 м. Ровиков вокруг насыпи не отмечено.

Верхний слой профиля бровки сложен из дерна мощностью 7–10 см. Под ним проходит слой вторично формирующегося солонца мощностью 10 см. На уровне 30 см от «0» залегал слой погребенной почвы. В северной части профиля слой погребенной почвы выражен более отчетливо, чем в южной. Насыпь между слоями солонца и погребенной почвы состоит из однородного светло-желтого суглинка. Под слоем погребенной почвы залегает материк, верхний слой которого представлен солонцом.

Погребение 1, основное

Могильное пятно подбойного погребения обнаружено в западном секторе кургана в 25 см на запад от центра. Пятно длиной 1,65 м, ширина пятна в северной части — 0,55 м, южной — 0,40 м. Длинной осью пятно ориентировано по линии С–Ю. Дно входной ямы отмечено на уровне 177 (–147) см.

Восточная и западная стенки слегка расширялись в северной части. Северная и южная стенки входной ямы имели округлые очертания.

Вдоль западной стенки входной ямы был сооружен подбой длиной 1,70 м, шириной — 0,60 м. Дно подбоя отмечено на уровне 187 (–157) см. Дно входной ямы спускалось ступенькой на 10 см. Длинной осью подбой ориентирован, как и входная яма, по линии С–Ю.

На дне подбоя вытянуто на спине, головой на юг лежал скелет человека. Череп на левом боку, лицевой частью обращен к юго-западному углу подбоя. Череп запрокинут назад так, что касался головки правой плечевой кости. Руки вытянуты вдоль туловища, правое плечо приподнято относительно левого. Ноги вытянуты параллельно друг другу. Кости левой ступни повернуты влево, правая ступня носком лежит относительно скелета.

Перед лицом погребенного, на дне подбоя, в его северо-западном углу параллельно друг другу лежали кости ног и части таза овцы. Кости ориентированы по линии СЗ–ЮВ. В верхней части правой бедренной кости, на дне подбоя, обнаружен фрагмент металлического (железо) предмета. В этом месте находились кости правой кисти руки. У северной стенки поперек входной ямы лежал железный нож. В засыпи входной ямы у северной стены встречен фрагмент керамики.

Курган 18

Находился в первом скоплении группы *Дюкер*. Центр кургана удален на 27 м к юго-западу от центра кургана 18 и на 10 м — на северо-восток от центра кургана 19. Насыпь округлой формы диаметром 12 м. Высота насыпи — 0,25 м. Околокуранных ровиков при обследовании обнаружено не было.

Верхний слой насыпи кургана составляет дерн мощностью 7 см. Слой погребенной почвы проходит на уровне 24 см, на отмет-

ках 0,25 м на юг от «0» и до отметки 3 м на север от «0». Между слоем дерна и слоем погребенной почвы, а также по краям профиля бровки от отметки 3 м на юг от «0» и далее к югу и от отметки 3 м на север от «0» и далее к северу — насыпь кургана и края профиля бровки сложены из однородного светло-желтого суглинка.

В южной части профиля бровки между отметками 0,25 м на юг от «0» и 1,75 м на юг от «0» слой погребенной почвы и материковый горизонт солонца прорезан ямой погребения 1.

Погребение 1, основное

В южном секторе кургана обнаружено поврежденное грабительским раскопом пятно могильной ямы. Размеры ямы: длина — 1,50 м, ширина — 0,95 м. Длинной осью яма ориентирована по линии С–Ю. Дно ямы зафиксировано на уровне 190 (–166) см.

При выборке заполнения ямы на разной глубине — от 141,5 (–118,5) см — найдены кости взрослого человека. Кости скелета потревожены грабителями и расположены в беспорядке. Череп человека встречен вблизи юго-западной стенки ямы на уровне 155 (–131) см. Рядом, на этом же уровне, лежали плечевые кости, две локтевых и лучевая кости, четыре ребра, фрагменты позвонков. Ближе к южной стенке ямы обнаружена нижняя челюсть человека.

У юго-восточной стенки ямы на уровне 150 (–136) см найдены: лопатка, два ребра, ключица и плечевая кость человека.

После снятия смещенных со своего первоначального положения костей дно ямы было зачищено и в северо-западной части ямы у стенки на глубине 190 (–166) см были обнаружены в анатомическом порядке фаланги левой стопы человека. Положение костей фаланг позволило установить ориентировку костяка в могильной яме: ногами на север, головой — на юг. Вероятно, погребенный был положен вытянуто по линии С–Ю.

В южной части насыпи ямы на уровне залегания черепа человека обнаружен фрагмент сосуда. На дне могилы у юго-восточной стенки ямы лежал фрагмент перекрестия железного ножа.

Курган 20

Насыпь кургана располагалась в первом скоплении могильника. Центр насыпи удален на 32 м к западу от центра кургана 19

и на 42 м — к ЮВВ от центра кургана 21. Насыпь имела четкую полусферическую форму диаметром 14 м, высота насыпи — 0,55 м от окружающей поверхности. Вершина кургана была смещена к северу, так как северная пола была более крутой, нежели южная.

Верхний слой насыпи кургана представлен дерном мощностью от 7 см в центральной части насыпи и до 10 см по краям насыпи. Уровень погребенной почвы отмечен на глубине 45 см от «0». Мощность слоя — 12 см.

Под слоем погребенной почвы залегал материк, верхний горизонт которого представлен солонцом. Между слоем дерна и слоем погребенной почвы насыпь сложена из однородного суглинка светло-желтого цвета.

При исследовании профиля кургана отмечен околокурганный ровик. Заполнение ровиков в профиле темного цвета, нижняя граница из-за просачивания гумусированных растворов не определялась. Диаметр кургана по внутренней границе ровика составила более 9 м.

Погребение 1, основное

Могильная яма подбойного погребения обнаружена в северном секторе кургана в 1 м на север от «0». Входная яма длиной 1,70 м, шириной 0,47 м в западной части и 0,42 м — в восточной своей длинной осью ориентирована по линии В–З с небольшим отклонением против часовой стрелки. Дно входной ямы отмечено на глубине 1,57 (–112) см.

Подбой сооружен вдоль южной стенки входной ямы. Длина подбоя — 1,68 м, ширина — 0,43 м. Свод подбоя находился на высоте 0,28 м от дна подбоя.

На дне подбоя вытянуто на спине, головой на запад лежал скелет взрослого человека. Череп лежал на затылке лицевой частью вверх. Лобные кости черепа залегали на уровне 140,5 (–95,5) см. Корпус расположен прямо, на уровне 158 (–113) см. Часть позвонков, ребра и правая плечевая кость отсутствовали. Руки протянуты вдоль туловища. Кости кистей отсутствовали. Ноги вытянуты по линии скелета.

В могилу были положены два глиняных сосуда и кувшин.

Кувшин сероглиняный с ручкой стоял у левой части черепа наклонно, устьем в под-

бой. Верхний край венчика находился на уровне 1,35 (–90,5) см.

Сосуд черноглиняный стоял у юго-западного угла подбоя, в 5 см правее от черепа. Второй черноглиняный сосуд, но меньших размеров стоял с первым сосудом в 3 см на восток от него.

В средней части западной стенки входной ямы лежал железный нож с бронзовой рукоятью. Второй железный нож лежал на втором черноглиняном сосуде.

Ниже колена погребенного, на дне подбоя, найдена бронзовая фибула. Уровень залегания — 149 (–104) см. На правом колене погребенного лежали кости ноги овцы. На дне подбоя обнаружена бронзовая скрепка и фрагмент деревянного предмета.

Погребение 2

Обнаружено в южном секторе кургана в 15 см на юг от центра. Могильное пятно имело удлинненно-овальную форму размерами 1,76 м в длину и 0,53 м — в ширину. Верхний слой засыпи могильной ямы был значительно меньшей плотности, чем материковая почва. С глубины около 2 м от уровня погребенной почвы стенки ямы постепенно перестали читаться в песчаном слое материка, а засыпь стала уплотняться до плотности материковых слоев. Глубина ямы была доведена до уровня 450 (–405) см. Однако признаков погребения или дна ямы выявить не удалось, исследование ямы, отмеченной как погребение 2, было прекращено археологической экспедицией. Автором раскопок было выдвинуто предположение, что яма является либо кенотафом, либо первоначальной ямой для погребения 1, которая по неизвестным причинам не была завершена.

Курган 21

Насыпь кургана находилась в первом скоплении курганов могильника. Центр кургана был удален на 42 м к западу от центра кургана 20. Овальная насыпь имела размеры: 13 м по линии С–Ю и 11 м по линии В–З.

Курган охватывал подковообразный ровик. Начало ровика зафиксировано в северо-западном секторе, конец — в юго-западном секторе. Ширина ровика в северном секторе — 3 м, а в восточном и южном — более 2 м.

Верхний слой насыпи кургана составляет дерн мощностью до 10 см. Уровень по-

гребенной почвы отмечен на глубине 37,5 м от «0». Слой погребенной почвы мощностью 10–12 см хорошо фиксировался в центральной части профиля бровки на участке от 3 м на север от «0» и до отметки 3,5 м на юг от «0». Насыпь кургана между дерном и погребенной почвой состоит из однородного светло-желтого суглинка. Погребенная почва и солонцовый горизонт материка по краям профиля постепенно трансформируется в суглинок.

Погребение 1, основное

Обнаружено в юго-западном секторе кургана в 1,70 м к ЮЗ от центра. Нечеткое пятно могильной ямы выявлено на уровне 97,5 (–60) см. Форма пятна близка к овальной. Размеры 2,0,5 м в длину и 1,04 м в ширину. Длинной осью пятно ориентировано по линии С–Ю.

Дальнейшее изучение пятна показало, что пятно является следом грабительской ямы, разрушившей сарматское погребение. Грабительский раскоп был заложен над восточной стенкой могильной ямы погребения 1. Частично разрушив стенку могилы, грабители вышли на дно погребения на глубине 222,5 (–198) см и почти полностью разрушили скелет взрослого человека.

Несмотря на разрушение погребения, удалось установить, что могила имела прямоугольную форму с округленными углами. Длина могилы составила 2,40 м, ширина — 1,40 м. Длинной осью яма ориентирована по линии С–Ю.

В заполнении грабительского лаза в беспорядке были встречены кости скелета человека зрелого возраста. Они залегали на разных уровнях разрозненно и скоплениями.

При зачистке дна могильной ямы была обнаружена потревоженная часть скелета человека: правая бедренная кость, часть правого крыла таза, правое предплечье и кисть. Судя по положению этих костей, сохранившихся *in situ*, погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на север.

В средней части дна могилы в 20 см на запад от правого локтя находилась черноглиняная миска. Поверхность миски закопчена.

У северной стены ямы *in situ* лежали кости животного — овцы (кость ноги, альчик и часть таза). Рядом, с юго-восточной стороны от костей животного горизонталь-

но, по линии СВ–ЮЗ, острием на СВ, лежал железный нож с костяной рукоятью. Нож также сохранил свое первоначальное положение.

Курган 27

Зафиксирован в четвертом, восточном скоплении курганных насыпей группы *Дюкер*. Он удален от центра кургана 23 на 36 м к ЮЗ и от центра кургана 29 — на 48 м к ЮЮЗ. Курган 27 представляет собой комплекс из двух слившихся курганных насыпей. Насыпи обоих курганов — сильно расползшиеся и по размерам почти идентичны. Расстояние между центрами курганов составляет 25 м. Поверхность насыпей хорошо задернована и покрыта редкой полынной растительностью. Ровики хорошо сохранились с северной и южной стороны между курганами в месте «перешейка». Северный ровик — наиболее заметный, овальной формы, длиной по В–З 37 м, шириной по С–Ю — 1,5 м. Южный ровик имеет длину по линии В–З 25 м и ширину — 1,5 м. В заполнении ровиков встречены скопления костей животных и отдельные фрагменты керамики. Всего в курганах (слившихся курганам был присвоен один общий номер 27) открыто 11 погребений, сооруженных в период катакомбного, срубного, сарматского и позднесарматского времени. Сарматским временем датированы два впускных погребения — 10 и 11.

Погребение 10, впускное

Открыто в месте соединения восточной и западной насыпей, в 13 м от центра восточного кургана. Могильная яма длиной 2,30 м и шириной 1,40 м в средней части ориентирована северной стенкой по линии В–З. В западной части яма имела в ширину 0,9 м, к востоку яма расширялась до 1,6 м.

В северо-восточной части яма сливалась с другой ямой, ориентированной по линии СВВ–ЮЗЗ. Длина сохранившейся ямы — 1,3 м, ширина — 0,8 м. Северо-восточная стенка ямы имеет округлую форму.

Дно основной ямы больших размеров находилось на глубине 226 (–176) см. Дно ямы примыкавшей к северо-восточной части основной ямы находилось на уровне 195 (–135) см, т. е. на 0,45 м выше, и полость спускалось к дну основной ямы.

На дне основной ямы вдоль северной стенки на уровне 225 (–175) см *in situ* найдены нижние конечности человека. Судя по

их положению, погребенный был положен вытянуто на спине, головой на запад с небольшим отклонением на север. При дальнейшем исследовании заполнения основной и прирезавшейся ямы других костей человека обнаружено не было.

После снятия костей ног и зачистки дна ямы под скелетом было обнаружено зольное скопление с кальцинированными костями. Реконструировать погребение сложно. Очевидно яма, примыкающая к северо-восточной части основной ямы погребения 10, — это след грабительского лаза.

Погребение 11, впускное

Обнаружено в юго-западном секторе восточного кургана в 1,25 м к юго-западу от «0». Могильная яма овальной формы длиной 2,25 м, шириной 1,30 м, в средней части своей длинной осью ориентирована по линии СЗЗ–ЮВВ.

Дно могильной ямы отмечено на глубине 333 (–273) см.

На дне ямы у юго-восточной стенки встречена кость человека и уголек. Сохранились фрагменты растительной подстилки.

В силу полного разграбления погребения 11 определить культурную принадлежность не представляется возможным. По форме могильной ямы данное погребение было отнесено к эпохе железа.

Курган 28

Располагался в четвертом, восточном скоплении могильника среди сконцентрированных на небольшой площади пяти курганов под номерами 28, 29, 30, 31, 32.

Насыпь кургана округлая, её диаметр — 15 м, высота — 0,25 м.

Поверхность насыпи задернована. Следов околочурганов ровиков не обнаружено.

Верхний слой насыпи кургана представлен старопашотным горизонтом мощностью до 15 см в северной части профиля и до 25 см — в южной части.

Участок слоя погребенной почвы сохранился в северной части профиля между отметками 2 м на север и 5 м на север от «0». Мощность слоя составила 5 см.

Под слоем погребенной почвы по всей длине проходил солонцовый горизонт, представляющий верхнюю часть материка.

Между старопашотным слоем и слоем погребенной почвы и на участках, где они не прослеживались, сохранилась узкая поло-

са нераспаханной насыпи кургана. Насыпь состоит из однородного суглинка. Участок с сохранившимся суглинком начинается в северной части профиля на отметке 4 м на север от «0» и доходит до отметки 2,5 м на юг от «0» в южной части профиля.

Погребение 1, основное

Обнаружено в юго-восточном секторе насыпи кургана на границе с северо-западным сектором. Могильная яма размером 2,63 м в длину, шириной 1,35 м в восточной и 1 м в западной части своей длинной осью была ориентирована по линии В–З. С северо-западной стороны стенка могилы разрушена грабительским лазом, отчего яма приобрела овально-выгнутую форму. Западная, неповрежденная стенка сохранила округлые первоначальные очертания. Дно ямы зафиксировано на уровне 167 (–142) см.

Грабительский раскоп полностью разрушил скелет взрослого человека. На дне могильной ямы в неповрежденном виде сохранились только кости ног человека. Судя по их положению, умерший был положен на спину, вытянуто, головой на восток.

С северной стороны вплотную к основанию правых берцовых костей стоял лепной черноглиняный сосуд с отогнутым венчиком. Высота сосуда — 17 см, диаметр венчика — 11,5 см, диаметр дна — 10 см.

В засыпи ямы обнаружен фрагмент железного предмета и фрагмент дна черноглиняного сосуда.

В западном углу ямы, с восточной стороны от черноглиняного сосуда, рядом с левой плечевой костью человека лежали кости крупного животного (мелкие фрагменты). Кость овцы лежала в 12 см севернее правого колена на дне ямы.

Курган 30

Располагался в четвертом скоплении курганных насыпей могильника. Центр кургана удален на 14 м на восток от центра кургана 29 и на 17 м на юг от центра кургана 31. Насыпь кургана — сильно расползшаяся, округлой формы, диаметром 17 м, высотой — 0,20 м. Околокурганных ровиков не прослежено.

Верхний слой насыпи кургана представлен старопакотным горизонтом мощностью до 20 см, который идет, не прерываясь, по всей длине профиля бровки.

Непосредственно под ним, на участке от 6 м на юг и до отметки 4 м на север от «0»,

залегал слой погребенной почвы на уровне 20 см от «0». Мощность слоя — около 7 см. Слой погребенной почвы лежит на материковом слое красно-коричневого солонца.

По краям профиля бровки отмечено слабо выраженное заполнение заплывших ровиков. В северном секторе внутренняя граница ровика начинается от отметки 5 м на север от «0», в южном секторе — на отметке 6 м на юг от «0». Заполнение ровика состоит из темного суглинка.

Погребение 1, основное

Обнаружено в юго-западном секторе в 2,5 м на ЮЮЗ от центра насыпи кургана.

Могильная яма яйцевидной формы длиной 2,15 м, шириной — 1 м в восточной части и 0,80 м — в западной, ориентирована длинной осью по линии В–З. Стенки ямы прямые, дно зафиксировано на глубине 158 (–138) см.

Погребение разрушено. Кости скелета взрослого человека в беспорядке встречались в засыпи ямы от уровня 135 (–115) см.

Непотревоженными остались длинные кости левой ноги и берцовые кости правой ноги. Судя по их положению, умерший был положен вытянуто на спину, головой на восток. Дно ямы зафиксировано на глубине 158 (–138) см.

В различных частях могилы у дна фиксировались наконечники втульчатых стрел: костяной четырехгранный и 2 бронзовых трехперых.

У дна ямы в ее средней части встречены фрагменты железного предмета. С северной стороны правого колена на костях овцы лежал железный нож. У южного края средней части могильной ямы обнаружен кремнь размером 3 x 1,7 см.

На дне ямы на глубине 152 (–132) см в анатомическом порядке находились кости овцы (часть позвоночного столба с ребрами, кости ноги).

В центре могилы между правыми берцовыми костями найдены кости крупного животного — фрагмент длинной кости. У северной стенки ямы лежал фрагмент ребра.

Выводы

Позднесарматский комплекс погребений могильника *Дюкер* представлен достаточно устойчивым набором особенностей, характерных для погребальной культуры кочевников раннего железного века. Подавляющее большинство погребений группы

объединяет стандартность погребального обряда, что предполагает этническое единство общества, обитавшего какое-то время на территории Сарпинской низменности. Исследованные погребения выглядят как захоронения рядового состава населения, об этом может свидетельствовать малочисленный погребальный инвентарь, сохранившийся на момент раскопок.

Анализ погребального инвентаря позволяет исследователям выявить гендерные особенности захоронений. Установлено, что для мужских погребений характерно наличие в погребении элементов вооружения и других предметов, которые связаны с прижизненной спецификой образа жизни мужского населения, для женских погребений — это элементы украшения, зеркала, ножниц и других предметов повседневного характера.

Опираясь на комплекс сопровождающего инвентаря рассмотренных погребений, представляется возможным условно установить гендерное разнообразие погребенных в могильнике *Дюкер*. Судя по сопутствующему инвентарю, большинство захороненных — мужского пола (табл. 1).

Выделение хронологической группы в комплексе позднесарматских погребений Нижнего Поволжья были сделаны А. С. Скрипкиным в 1980 г. Используя метод выявления общих типов предметов материальной культуры и сопоставив их взаимо-встречаемость, исследователь смог выявить погребения второй половины II в. — середины III в. н. э., второй половины III в. и конца III и IV в. н. э. [Скрипкин 1984: 50–55].

Согласно предложенной классификации вещественного инвентаря, представляется возможным датировать некоторые предметы из могильника. В частности, сероглиняный кувшин из основного погребения кургана 20, который соответствует Группе I. Кувшины. Раздел I. Круговые. Подраздел I. Сероглиняные. Отдел Б. Одноручные. Тип IV. Тулово яй-

цевидной формы, расширяющееся книзу. Горло воронкообразное с широким кантом по краю. Ручка петлевидная со срезанной площадкой сверху (рис. 6). Датируется рубежом I–II – второй половиной II в. н. э. [Скрипкин 1984: 24].

Горшок из погребения кургана 6 также входит в рамки этого хронологического периода и соответствует группе Горшки. Раздел II. Лепные. Отдел А. Плоскодонные. Тип III. Тулово яйцевидной формы, несколько вытянутое с большим диаметром посередине. Горло невысокое, воронкообразное [Скрипкин 1984: 28–29].

В целом комплекс предметов позднесарматских погребений могильника *Дюкер*, хранящийся в фондах НМ РК, попадает в выделенный период времени. Таким образом, можно предположить, что общество, оставившее после себя рассмотренные захоронения, отчасти сохранило традицию похоронного обряда среднесарматской культуры. Как известно, в начале III в. н. э. культурные признаки среднесарматского общества постепенно исчезли из погребальных традиций позднесарматского сообщества.

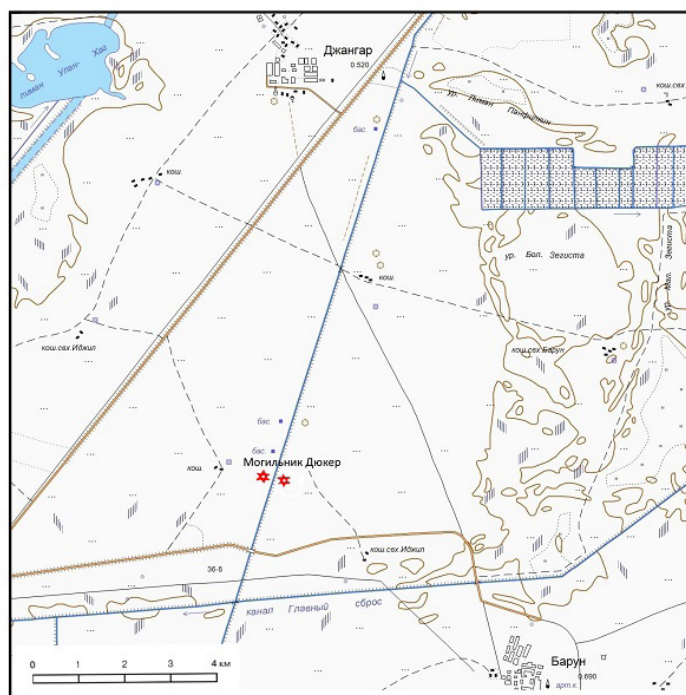


Рис. 1. *Дюкер. Местоположение курганного могильника* [Fig. 1. Duker. Location of mound burial ground]

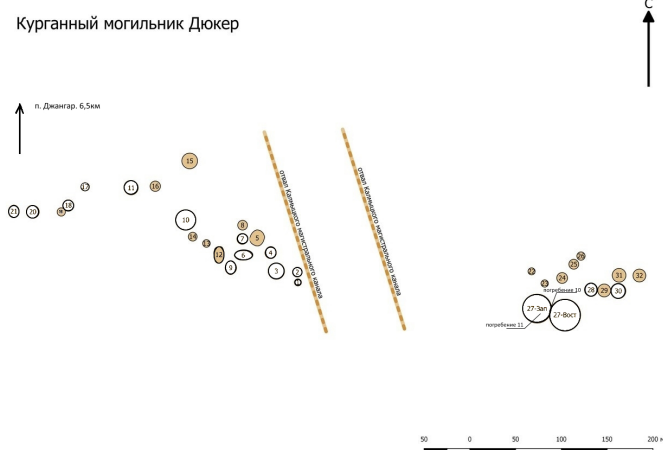


Рис. 2. Дюкер. Расположение курганных насыпей раннего железного века [Fig. 2. Duker. Position of mounds of early Iron Age]



Рис. 3. Дюкер. Курган 1, погребение 1. Бусы [Fig. 3. Duker. Mound 1, burial 1. String of beads]



Рис. 4. Дюкер. Курган 3, погребение 1. Миска [Fig. 4. Duker. Mound 3, burial 1. Dish]



Рис. 5. Дюкер. Курган 6, погребение 1. Лепной сосуд [Fig. 5. Duker. Mound 6, burial 1. Moulded vessel]



Рис. 6. Дюкер. Курган 20, погребение 1. Кувшин [Fig. 6. Duker. Mound 20, burial 1. Jug]



Рис. 7. Дюкер. Курган 20, погребение 1. Фибула бронзовая [Fig. 7. Duker. Mound 20, burial 1. Bronze fibula]

Таблица 1. Дюкер, 1982 г.: погребения раннего железного века [Table 1. Dyuker, 1982: Early Iron Age burials]

Курган [Mound]	Погребение [Burial]	Тип погребения [Type of burial]	Пол, возраст погребенного [Sex, age of the buried]	Поза погребенного [Position of the buried]	Конструкция могилы [Pattern of grave]	Инвентарь* [Inventory]
1	1	основное	жен. мол.	на спине, вытянуто, головой на С	подбой в западной стенке	серьги бронз.; фибула бронз.; бусы (фаяне, бронза); металлический предмет (железо); кости животного; 2 глиняных сосуда
2	1	основное	взр.	разрушено	яма	фрагменты сосуда; альчик
3	1	основное	взр.	разрушено	подбой в западной стенке	фрагменты чернолощеной миски
4	1	основное	жен. взр.	на спине, вытянуто, головой на ССВ	яма удлинненно-овальной формы	2 глиняных сосуда
6	1	основное	взр.	на спине, вытянуто, головой на С	подбой в западной стенке	2 глиняных сосуда; миска чернолощеной с костями овцы (длинные кости ноги и крыло таза)
7	1	основное	разрушено	на спине, вытянуто, головой на СВВ	яма	вещей нет
9	1	основное	взр.	разрушено	яма	железный стержень; кости собаки
10	1	основное	взр.	на спине, вытянуто, головой на СВ	подбой в западной стенке	2 фрагмента сероглиняного тончайшего сосуда; оселок из серо-голубого камня прямоугольной формы; бронзовое кольцо из полоски металла (рукоять кинжала, перехваченная бронзовым кольцом); металлические ножны кинжала, покрытые красной краской; бронзовое навершие кинжала; бронзовая пряжка в форме восьмерки; остатки берестяного предмета (колан); железный черешковый наконечник стрелы; оселок из окаменелого дерева; альчик овцы с просверленным в середине отверстием; лезвие железного кинжала
11	3	впускное	взр.	на спине, вытянуто, головой на С	разрушено	сероглиняный кувшин; черноглиняная миска; кости конечностей крупного животного

12	1	основное	взр. (череп деформирован)	на спине, вытянуто, ориентировка не указана	подбой в западной стенке	сосуд черноглиняный; кинжал в деревянных ножках, окрашенных в красный цвет; кости овцы (кости ног и часть таза); фрагменты металлического (железо) предмета
17	1	основное	взр. М?	на спине, вытянуто, головой на Ю	подбой в западной стенке	кости овцы (кости ног и части таза овцы); фрагмент металлического (железо) предмета; железный нож; фрагмент керамики
18	1	основное	взр. М?	разрушено, головой на Ю	яма	фрагмент сосуда; фрагмент перекрестия железного ножа
20	1	основное	взр. М?	на спине, вытянуто, головой на 3	подбой в южной стенке	два глиняных сосуда; кувшин сероглиняный; железный нож с бронзовой рукоятью; железный нож; бронзовая фибула; кости овцы (кость ноги); бронзовая скрепка; фрагмент деревянного предмета
	2		—	—	яма овальной формы	—
21	1	основное	взр. М?	на спине, вытянуто, головой на С	яма овальной формы, разрушено	черноглиняная миска; кости овцы (кость ноги, альчик и часть таза); железный нож с костяной рукоятью
27	10	впускное	разрушено	на спине, вытянуто, головой на 3	яма овальной формы	зольное скопление с кальцинированными костями
	11	впускное	разрушено	—	яма овальной формы	фрагменты растительной подстилки
28	1	основное	взр. М? разрушено	на спине, вытянуто, головой на В	яма округлой формы	лепной черноглиняный сосуд; фрагмент железного предмета и фрагмент дна черноглиняного сосуда; кости крупного животного
30	1	основное	разрушено	на спине, вытянуто, головой на В	яма овальной формы	наконечники втульчатых стрел: костяной четырехгранный и 2 бронзовых трехперых; фрагменты железного предмета; железный нож; кремни, кости овцы (часть позвоночного столба с ребрами, кости ноги); кости крупного животного (фрагмент длинной кости, ребро)

Таблица 2. Дюкер, 1982 г.: конструкции могильных сооружений ранних железного века
 [Table 1. Dyuker, 1982: Early Iron Age burials. Parameters of tomb groups]

№ кургана [No. of mound]	Насыпь [Earth fill]			Яма [Hollow]			Подбой [Burial cave]				
	Форма [Form]	Высота (м) [Height (m)]	Диаметр (м) [Diameter (m)]	Ровик [Ditch]	Форма [Form]	Размеры [Size]	Глубина [Depth]	Ориентировка [Orientation]	Длина (м) [Length (m)]	Ширина (м) [Width (m)]	Высота свода (м) [Arch height (m)]
1	округлая	0,25	7–8	+	удлиненная с округлыми стенками	1,8 x 0,35	1,9	С–Ю	1,83	0,75	0,4
2	округлая	0,3	10,5	—	разрушено	—	—	—	—	—	—
3	округлая	0,55	18	—	продолговато- овальная	1,85 x 0,60	2,57	С–Ю	2	0,75	0,65–0,7
4	округлая	0,35	12	—	удлиненно-овальная	1,75 x 0,7	1,14	—	—	—	—
6	эллипс	0,4	В–З: 19 С–Ю: 10	—	удлиненно-овальная	2,13 x 0,45	1,88–2,10	—	2,35	0,47	0,76
7	округлая	0,4	12	—	разрушено	2,20 x 0,5	1,84	—	—	—	—
9	округлая	0,45	14	—	разрушено	—	—	—	—	—	—
10	округлая	0,65	21,5	+	разрушено	2,20 x 1	3,9	—	2,55	1	—
11	округлая	—	16	—	разрушено	2,85 x 1,35	—	—	—	—	—
12	овальная	0,2	СЗЗ–ЮВВ: 32 ССВ–ЮЮЗ: 18	—	удлиненно-овальная	1,80 x 0,5	2,33	не указано	2,05	0,65	—
17	округлая	0,27	9	—	—	1,60 x 0,55	1,77	С–Ю	1,7	0,6	—
18	округлая	0,25	12	—	разрушено	1,50 x 0,95	1,90	—	—	—	—
20	полу- сферическая	0,55	14	+	–	1,70 x 0,47	1,57	—	1,68	0,43	0,28
21	овальная	—	13–11	+	прямоугольная	2,40 x 1,40	2,2,5	—	—	—	—
27	–	—	—	+	разрушено	2,30 x 1,40	2,26	—	—	—	—
28	округлая	0,25	15	—	разрушено	2,63 x 1,35	1,67	—	—	—	—
30	округлая	0,2	17	—	яйцевидная	2,15 x 1	1,58	—	—	—	—

Таблица 3. Дюкер 1982 г.: положение инвентаря и костей животных относительно погребенного [Table 3. Duker 1982: position of inventory and animal bones as relating to the buried]

Погребение [Burial]	Пол [Sex]	Инвентарь [Inventory]		Кости животных [Animal bones]	
		Предмет [Object]	Положение [Position]	Вид [View]	Положение [Position]
к. 1, п. 1,	жен	серьги бронз.; фибула бронз.; бусы (фаянс, бронза); металлический предмет (железо); 2 глиняных сосуда	справа, за головой	кости ног: длинные кости овцы с тазовой костью и альчиком	за головой
к. 6, п. 1,	?	2 глиняных сосуда; миска чернотелая с костями овцы	за головой	кости овцы: длинные кости конечности и крыло таза	за головой
к. 11, п. 3,	?	сероглиняный кувшин; чернотелая миска;	у туловища слева	кости конечностей крупного животного	у туловища слева
к. 12, п. 1,	взр.	сосуд чернотелый; кинжал в деревянных ножках, окрашенных в красный цвет; фрагменты металлического (железо) предмета	справа, за головой	кости овцы: кости конечности и часть таза	за головой
к. 17, п. 1,	жен	фрагмент металлического (железо) предмета; железный нож; фрагмент керамики	справа	кости овцы: кости ног и части таза	перед лицом
к. 20, п. 1,	жен	два глиняных сосуда; кувшин сероглиняный; железный нож с бронзовой рукоятью; железный нож; бронзовая фибула; бронзовая скрепка; фрагмент деревянного предмета	слева и справа, у головы	кости овцы: кости конечности	на правом колене
к. 21, п. 1,	—	разрушено	—	овца: кость конечности, альчик и часть таза	за головой
к. 28, п. 1,	—	разрушено	—	кость овцы; кости конечностей крупного животного	у правого колена
к. 30, п. 1,	—	разрушено	—	кости овцы: часть позвоночного столба с ребрами, кости ноги; кости крупного животного; фрагмент длинной кости, ребро	у правой ноги, ниже колена

Источники

- Цуцкин 1979 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе археологической экспедиции КНИИФЭ и КГУ в 1979 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 17.
- Цуцкин 1980 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе археологической экспедиции КНИИФЭ в 1980 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 22.
- Цуцкин 1982 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе археологической экспедиции КНИИФЭ в 1982 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29.

Sources

- Tsutskin E. V. [The archaeological expedition of Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics: the 1980 Work Report]. Scientific Archive of Kalmyk Scientific Center of the RAS. F. 14. Ser. 2. F. 22. (In Russ.)
- Tsutskin E. V. [The archaeological expedition of Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics: the 1982 Work Report]. Scientific Archive of Kalmyk Scientific Center of the RAS. F. 14. Ser. 2. F. 29. (In Russ.)
- Tsutskin E. V. [The archaeological expedition of Kalmyk State University and Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics: the 1979 Work Report]. Scientific Archive of Kalmyk Scientific Center of the RAS. F. 14. Ser. 2. F. 17. (In Russ.)

Литература

- Буратаев 2017а — *Буратаев Е. Г.* Материалы из курганный группы *Дюкер* // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. Вып. 3. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 76–90.
- Буратаев 2017б — *Буратаев Е. Г.* Погребения хазарских лучников из курганный группы *Дюкер*. Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2017. № 4. С. 78–91.
- Буратаев 2018 — *Буратаев Е. Г.* Погребения поздних кочевников могильника *Дюкер*. Oriental Studies. 2018, № 3. С. 37–53.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей: (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Очир-Горяева, Лапа 2002 — *Очир-Горяева М. А., Лапа Н. Л.* Комплекс сарматского воинского погребения из фондов Калмыцкого республиканского краеведческого музея // Вестник древней истории, № 3. 2002. С. 200–205.

Рыков 1931 — *Рыков П. С.* Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Известия Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. Т. 4. Саратов, 1931. 79 с.

Синицын, Эрдниев 1966 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.) // Труды Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 2. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1966. 184 с.

Синицын, Эрдниев 1971 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 г.) // Труды Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. 138 с.

Скрипкин 1984 — *Скрипкин А. С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов. Изд-во Саратовского ун-та, 1984. 149 с.

Шнайдштейн 1974 — *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганов в Калмыкии // Первое Поволжское Археолого-этнографическое совещание. Тезисы докладов. Казань: ИЯЛИ, 1974. С. 19–20.

Шнайдштейн 1979 — *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганов в урочище Гува // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста: КНИИИФЭ, 1979. С. 55–68.

Шнайдштейн 1981 — *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганной группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 78–119.

Шнайдштейн 1985 — *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганной группы Заханата // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 71–93.

References

- Burataev E. G. Materials from the Dyuker mound group. Bulletin of Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN. Is. 3. Elista: Kalm. Sc. Center of RAS, 2017. Pp. 76–90. (In Russ.)
- Burataev E. G. The Dyuker mound group: burials of late nomads. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies). 2018. No. 3. Pp. 37–53. (In Russ.)
- Buratayev E. G. Burials of Khazar archers from Dyuker mound group. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies). 2017. No. 4. Pp. 78–91. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A., Lapa N. L. A set of elements from a Sarmatian military burial site contained

- in the Kalmyk Regional History Museum. *Journal of Ancient History*. No. 3. 2002. Pp. 200–205. (In Russ.)
- Ochir-Goryayeva M. A. [Archaeological monuments of the Volga-Manych steppes: collected (descriptions of) monuments investigated in the territory of Kalmykia between 1929 and 1997]. Elista: Gerel, 2008. 298 p. (In Russ.)
- Rykov P. S. Report of archeological investigations undertaken in the Lower Volga Region: summer of 1929. *Izvestiya Nizhne-Volzhskogo instituta krayevedeniya im. M. Gor'kogo*. Vol. 4. Saratov, 1931. 79 p. (In Russ.)
- Schneidstein E. V. Excavating mounds in the district of Guva. [Archaeological monuments of Kalmyk Steppe]. Elista: Kalm. Res. Inst. of Hist., Philol. and Econ., 1979. Pp. 55–68. (In Russ.)
- Schneidstein E. V. Excavations of the Kuptysyn Tolga mound group. [Archaeological monuments of Kalmykia: the Bronze and Middle Ages]. Elista: Kalm. Res. Inst. of Hist., Philol. and Econ., 1981. Pp. 78–119. (In Russ.)
- Schneidstein E. V. Excavations of the Zakhanata mound group. [Antiquities of Kalmykia]. Elista: Kalm. Res. Inst. of Hist., Philol. and Econ., 1985. Pp. 71–93. (In Russ.)
- Schneidstein E. V. Investigating Kalmykia's mounds. [The 1st Volga Region Archaeology and Ethnography Conference]. Conf. abstracts. Kazan, 1974. Pp. 19–20. (In Russ.)
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. Newly discovered archaeological monuments of the Kalmyk ASSR: excavations of 1962–1963. *Trudy Kalmytskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*. Is. 2. Elista: Kalm. Book Publ., 1966. 184 p. (In Russ.)
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. The Elista mound burial site: excavations of 1964. *Trudy Kalmytskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*. Is. 3. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1971. 138 p. (In Russ.)
- Skripkin A. S. [The Lower Volga Region during the early centuries CE]. Saratov: Saratov State Univ., 1984. 149 p. (In Russ.)
- Shneidstein E. V. Raskopki kurgannoy gruppy Zakhanata // *Drevnosti Kalmykii*. Elista: Kalmyckiy nauchno-issledovatel'skiy institut istorii, filologii i ekonomiki, 1985. S. 71–93.





Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 2, pp. 245–254, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-245-254
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.1

Обрядовый текст и контекст культа Белого старца в культуре монголоязычных народов

Элеонора Аллековна Неманова¹

¹ Восточно-Сибирский государственный институт культуры (д. 1, ул. Терешковой, 670031 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший преподаватель
 ORCID: 0000-0002-5784-0161. E-mail: elnem@inbox.ru

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу рукописных текстов сутр культа Белого старца — Сагаан Убгэна. Структурные единицы текстов рассматриваются в контексте существовавшей обрядовой практики — призываний и жертвоприношений Белому старцу. *Цель.* Изучение вербальных текстов, посвященных Белому старцу, может пролить свет на закономерности формирования культа и специфики обрядовой практики. *Материалы.* Исследование базируется на методе изучения сюжетных конструкций рукописных обрядовых текстов: «*Ўауан ебүген-ү неретү судур орусибай*», «*Ўауан ебүген-ү судур*». *Результаты.* Выявление синтагматических связей между единицами обрядового текста позволило раскрыть значения составляющих компонентов, поскольку по месту и по роли той или иной обрядовой акции в контексте призываний можно судить об их семантике. Основной целью обращения к Белому старцу (в форме призывания или молитвы) является изложение просьбы о покровительстве. Здесь рассматриваются представления, связанные с Белым старцем в контексте вопроса о роли символического образа в программировании поведения. Повседневная жизнь человека, таким образом, регламентирована высоким образцом: награда/наказание за выполнение/нарушение правил, предписанных Белым старцем, определяется структурой архетипической модели мира. **Ключевые слова:** культ Белого старца, вербальный компонент, обряд, жертвоприношение, призывание, архетип

Для цитирования: Неманова Э. А. Обрядовый текст и контекст культа Белого старца в культуре монголоязычных народов. *Oriental Studies*. 2019;(2):245-254. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-245-254.

UDC 398.1

A Cult of the White Old Man in Mongolic Cultures: the Ritual Text and Context

Eleronora A. Nemanova¹

¹ East-Siberian State Institute of Culture (1, Tereshkova St., Ulan-Ude 670031, Russian Federation).
 Cand. Sc. (History), Senior Lecturer
 ORCID: 0000-0002-5784-0161. E-mail: elnem@inbox.ru

Abstract. Introduction. The article is an overview of hand-written texts of sutras of the White Old Man's cult. The White Old Man (in Bur. *Sagaan Übgen*; in Mong. *Čayan ebügen*) is one of the most widespread folklore images of Mongolic peoples. There are a lot of texts concerning the White Old Man, some are devoted to the ritual parts of his cult, and others only mention his name. The texts dedicated to the White Old Man serve as a universal symbolic complex which reflects all the basic elements and parameters of the cosmic order, the way or another simulating the world: sky/earth, earth / water, mountain / tree, ancestors / relatives, animals / snakes, four sides of the world. The White Old Man acts as an ancestor — the mediator between nature and man; space and society. A large number of manuscripts clearly demonstrate popularity of the White Old Man in Mongolia, Buryatia, and Kalmykia till nowadays. For further clarification of a mythological basis of the cult the paper considers two texts contained in the Manuscript Fund of St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies (Russian Academy of Sciences), namely: '*Čayan ebügen-ü neretü sudur orusibai*' and '*Čayan ebügen-ü sudur*'. These texts are the most widespread sutra about the White Old Man. *The Sutra of The White Old Man* ('*Čayan ebügen-ü neretu sudur orusibai*'), also known as a sutra 'capable to pacify and suppress the earth and water' ('*Yajar usun-I nomuqadγan daruγulun cidayki neret ü sudur*'), is unique in its pseudo-Buddhist form. For consideration of structures, the paper conducts a comparative analysis of versions of the text in which the constant, standard, repeating elements, or invariant text units, form a basis for their description. According to the text, the White Old Man (*Sagaan Übgen*) has somewhat various functions, being a patron, a defender and at the same time — a harmful spirit. All this specifies ambivalence of this character but in general characterizes the traditional thinking — to allot spirits with various, sometimes polar functions. To consider the rite of sacrifice to the White Old Man as a whole, the paper clearly focuses on achieving of well-being through appeasing the White Old man, as well as asking for his patronage and help. The action plan of the ceremony (incense burning, milk sprinkling, scattering of food pieces), as well as selection of sacrificial animals and supplying them with special marks — white ribbons — served the same purpose.

Keywords: cult of the White Old Man, verbal component, rite, sacrifice, invocation, archetype

For citation: Nemanova E. RCult of the White Old Man in Mongolic Cultures: the Ritual Text and Context. *Oriental Studies*. 2019;(2):245-254. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-245-254.



Введение

Белый старец (бур. Сагаан убгэн; монг. *Čayan ebügen*) в мифологии бурят входит в состав духов-хозяев (эдженгов) местности, горной системы, в некоторых локальных традициях — их глава. Разнообразные изображения на танках подчеркивают основную функцию Белого старца — покровительство, способствующее долголетию и плодородию через ряд определенных маркеров, таких как преклонный возраст, седовласость, белые одежды, расположение в пещере в окружении копытных и хищников. Согласно традиционным представлениям, почитание духов местности выражается в сооружении ритуальных мест в виде кучи камней с ветками — *обоо*, на которых проводятся регулярные обряды поклонения.

По сведениям К. М. Герасимовой, «первое описание обрядов жертвоприношений местным хозяевам земли и воды, в том числе и Сагаан убгэну (Белому старцу), божеству горы Мунахан, содержатся в обрядниках 4-томного сочинения хубилгана Мэргэн-ла-

мы, изданного в Пекине в 1780–1783 гг.» [Герасимова 1989: 50].

Отсутствие подобных текстов сутр в тибетском и китайском буддийском канонических сборниках, по мнению В. Хайссига, «свидетельствует о ламаистской ассимиляции древних анимистических народных верований монголов»¹ [Heissig 1973: 127].

Описание структуры обрядов и культовых мест, связанных с поклонением Белому старцу в культуре ойратов и калмыков, на основе обширного полевого, теоретического и историографического материала представлено в работах Э. П. Бакаевой [Бакаева 2015: 43–78; Бакаева и др. 2016: 176–219].

Обрядовые действия реализуются и фиксируются в вербальных и невербальных текстах традиционной культуры. Так, в Калмыкии было опубликовано несколько текстов, содержащих рекомендации по подготовке места проведения обряда жертвоприношения Белому старцу, перечисление необходимых подношений и атрибутов

¹ Перевод с франц. яз. Э. А. Немановой.

для совершения обряда, порядок читаемых молитв, колофон, а также общие указания для лица, совершающего обряд (см.: [Кукеев 2013; Кукеев, Оконов 2014]. Издание этих текстов явилось проявлением общих тенденций в возрождении буддизма в Калмыкии (с 1988 г. по настоящее время), свидетельством чему является и интерес к буддийской традиции исследователей (см.: [Bakaeva 2014: 21–46]).

Д. Н. Музраева подробно проанализировала тексты Белого старца у ойратов и калмыков [Музраева 2009: 89], особенный интерес представляет созданная в эмиграции в середине XX в. рукопись настоятеля храма Цхонхавы в Филадельфии С.-Р. Менькова [Музраева 2016: 294–312]. По мнению автора, данный факт свидетельствует о том, что «у калмыков, оказавшихся <...> в США, сохранялись представления о родном кочевье, которое стало связываться с той <...> страной, в которой они оказались» [Музраева 2016: 312].

Эти материалы свидетельствуют об особой востребованности обрядников культа Белого старца (ойрат. *Цагаан эбуген*, *Цагаан аав*, калм. *Цаһан аав*, *Цаһан авһ*) в ритуальной практике ойратской этнокультурной общности. Ритуальная деятельность, моделирующая ситуацию коммуникации людей и духов — через, во-первых, локативный аспект маркировки пространства — верх/низ, правое/левое, а во-вторых, через акциональный код обряда — призывание, *воскурение*, *кропление*, *жертвоприношение*, — один из важнейших аспектов поддержания традиционной культуры этноса.

Начиная с 2000-х гг., Белый старец является одним из самых узнаваемых фольклорных образов в Бурятии, выступая символом традиционного Нового года по лунному календарю (Сагаалгана). В современной массовой культуре он воспринимается в качестве покровителя всего бурятского народа. Однако в настоящее время в Бурятии не зафиксированы случаи отдельного обрядового действия, посвященного Белому старцу, его имя часто лишь упоминается в числе множества общеродовых и локальных духов.

Восстановление структуры обряда призывания, жертвоприношения Белому старцу и соответствующей ему атрибуции видится возможным через подробный структурный анализ ритуальных текстов, обрядников.

Основная часть

В различных каталогах описано множество наименований монгольских и ойратских рукописей и ксилографов, среди которых исследователями выделяются три основные группы, совпадающие в основном содержании и различающиеся объемом и стилем оформления, см.: [Поппе 1932; Герасимова 1989; Сазыкин 1988; Елихина 1989].

Сутра «Белый старец» (*‘Ėayan ebügen-ü neretu sudur orusibai’*), также известная как сутра «Способная усмирить и подавить землю и воду» (*‘Yajarusun-i notuγadyan daruγulun čidayči neretü sudur’*), из Рукописного фонда Института восточных рукописей РАН (далее эта рукопись обозначается [РФ ИВР РАН (1)])¹, является самой объемной рукописью из всех описанных, транслитерированных и переведенных [Неманова 2004]. Согласно буддийскому канону в начале приводится обращение к Будде, дхарме (учению) и сангхе (общине), далее приводятся монгольское и китайское названия сутры. Основной текст сутры начинается с буддийского мифа, описывающего встречу Белого старца с Буддой на горе Джимеслиг:

Bi eyin kemen minu sonusuysan nigen čaytur ilaju tögüs nügčigsen burqan nayada kiked ayaya tekinlig bodisung nar-un yeke quvarayluy nigen-e ĭimeslig neretu ayula-dur yabun bölüge ‘Я слышал, что однажды Всесовершеннейший Будда вместе с приемлющим подаяние в чаше великим хувараком Бодхисаттвой, находились на горе под названием Обильная фруктами’² [РФ ИВР РАН (1). Л. 1].

В ответ на вопрос Будды: *Yayun-u ejed ebügen boluge / Či yayun-u tulada yančayar ayula-dur aqu bölüge* ‘Хозяином чего являешься, старик? Для чего один находишься на этой горе?’ — следует рассказ от лица Белого старца о его предназначении:

Doysin gürügesün ba / qour-a moyoi kiked / kümün amitan ba / yajar-un ejed ba / usun-u ejed ba / tırü-yin ejen sakiyulugsan ejed / bi qorin dırben jug-un sakiyuluysan kedui dojšin tede bügüde-yi bi ejelen čidamui ayula-dur bolbasu ayula-yin yajar usun-u ejed bi / tala-dur bolbasu tariyan-u yajar usun-u ejed bi / kümün-dur bolbasu qarın yajar usun-u ejed bi / nom-dur bobasu nom-un yajar usun ejen bi / qota-dur bolbasu balyasun yajar usun-u

² Здесь и далее перевод текстов рукописей выполнен автором.

ejen bi bōlūge ‘Дикие звери, ядовитые змеи, мир людей, духи земли, духи воды, хранители законов, хранители 24 сторон, эти духи-хранители подчиняются мне, я являюсь хозяином горы, в степи я — владыка обработанной земли и вод, среди людей я — владыка религиозного учения, в поселениях я — владыка (обитаемой) территории и вод’ [РФ ИВР РАН (1). Л. 1].

В данной части сутры перечислены все основные функции Белого старца в качестве хозяина земли, воды и покровителя диких животных. Основная цель Белого старца заключается в покровительстве, дарующем долголетие и плодородие. «Средством» достижения цели является наложение наказания, так как в тексте коммуникативная природа запретов выступает наиболее отчетливо:

Kerber tuysin iyar amin tasulaqui ba / ečige eke-yi ūlū kūdūlekūi ba / mayui sedkil iyer yurban erdeni-yi ūlū kūdūlekūi ba / qamuy mayui ūilesi ūiledkūi ba / tede būgūde-yi gang mečin edur kūrtele tengri-yin doysin bayuju neresi inu bičiju tegūne yajar usun kiked / doysin yaray mayui doysin ongyod yesün odud taban doysin luu sirui-yin ejen / yajar usun-u ada ba / yajar usun-u köbegün ba / abay-a ajiba ariyan yajar usun-u qota kurien qoniḡ dūrben yajar usun-u ejen-luge nökūčijū teimu nigūl kilinča-tu amitan-i amin-dur yaḡun adas ebegčin kiked / quluyai ba / kelen aman aliba yar-a sirq-a mayui jegūden kiked / qura metu oruyulun bui / bi qudalda kiked-tur asiḡ ūgei ed adaḡulsun-dur qour qomsa ūkūl jobalang-yi bi oggūn būi ‘Убийство зверей, неуважение родителей, из дурных побуждений неуважение трех драгоценностей, совершение разных дурных деяний, свершение десяти греховных деяний, — если все эти грехи кто-то совершит, то его имя записывается за все дни духом тэнгри, тем грешным людям, совместными силами духов земли и воды, свирепых онгонов девяти звезд, пяти свирепых драконов, хозяина почвы, духов земли и воды, сыновей, дядьев, внуков природы, двадцати четырех хозяев земли посылаются против их жизни сотни разных злых болезней, воровство, злословие, разные язвы, болячки, дурные сны, которые набегают подобно дождю (отраве); всем бесполезные вещи, животным вред, смерть, страдание я посылаю (за грехи)’ [РФ ИВР РАН (1). Л. 2].

В качестве основного вида наказания выступает болезнь (бесплодие), как выражение отрицательного отношения Белого старца, которое провоцируется самими людьми различными нарушениями или ошибочными действиями.

Следует отметить, что в других текстах сутр, доступных нам, например в «*Čayan ebūgen-ū sudur* — «Сутре Белого старца», также хранящейся в Рукописном фонде ИВР РАН (далее обозначаемой [РФ ИВР РАН (2)]), отсутствует выделенная нами вводная часть — миф, что может свидетельствовать о том, что миф в структуре обряда представляет лишь вариативный этап. Значение мифа раскрывается в коммуникативной природе обрядового действия, участники обряда, таким образом, демонстрируют свою осведомленность о могуществе духа, оправдывая свое право на покровительство. Кроме того, вместо развернутого повествования о покровителе участники выказывают свою осведомленность и другими действиями — приготовлением места призывания-жертвоприношения, выставлением определенных жертв.

Номенклатура адресантов обряда, наряду с Белым старцем, может включать буддийские мифологические персонажи:

Namova qūrū šigemūni burqan-a mörgümūi / tabun ijayur burqan kiked qamuy burqan bodisung nar-a mörgümūi / sang-un ejen jambala kiked aymay-dur mörgümūi / esrun qormusta tengri kiked yeren jisun tengri ner-e mörgümūi / delkeyin ejed tengri kiked yučin yurban tengri ner-e mörgümūi / dörben mayaranča tengri kiked degūdegerel ūgei kešige-yi minu oggūgči tengri ner-e mörgümūi ‘Молюсь учителю (ламе) Шигимуни бурхану, молюсь пяти родам бурханов и всем бурханам и бодхисаттвам, молюсь владыке трех тантрийских учений Махакале и хранителю учений Вселенной, молюсь хозяину сокровищницы Замбала и ее сподвижникам, молюсь Эсрун Хормусте и шестидесяти девяти тэнгринам, молюсь тэнгри-повелителю мира и тридцати трем тэнгринам, молюсь четверем махаранча-тэнгринам, безошибочно дающим благополучие’ [РФ ИВР РАН (2). Л. 3].

Эти божества, вероятно, введены в сутры в ходе канонизации, что в целом не противоречит традиции, по которой чем больше духов призывается, тем сильнее их поддержка, тем надежнее исход обряда. Та-

ким образом, в начальном этапе обряда призывания Белого старца моделируются отношения между различными сегментами коллектива и природы, фиксируются основные роли просителей (актантов) и подателей-покровителей (деятелей) путем перечисления имен, эпитетов и функций божества.

В представленных текстах нет строгого указания на место проведения обряда, но время проведения указано абсолютно четко:

Bi yirtinču-yin kǔmǔn buyan kilenče qoyar ilγan medemūi / bi kǔmǔn-i nasun-i urtu oqur medemūi / buyan ögqū kisig-yi bi oggumui buyan kilenče üyiled-kūi sayin üyilesi edükūi ečige eke-yin ači qariyulquī yurban erdeni-yi kǔndelen biširekūi tede būgūde-yi sara būri-yin qoyar šin-e arban jirγuyan-a baγuju ergikūi būi bi 'Я являюсь хозяином судьбы людей; я являюсь хозяином сути учения; я являюсь хозяином строений в городах; я разбираюсь в греховных и благих делах людей земли; я знаю о продолжительности жизни людей; за добрые дела я жалую награду, воздаяние за добрые и греховные дела, воздаяние за любовь родителей, почитание трех драгоценностей, все это ежемесячно дважды 2-го и 16-го (числа) я спускаюсь и проверяю' [РФ ИВР РАН (1). Л. 2]

По сведениям В. Хайссига: «ритуал поклонения Белому старцу в Ордосе имел место именно по 2-м и 16-м числам каждого месяца»³ [Heissig 1973: 23].

В традиционной культуре бурят числа воспринимались не столько в количественном отношении, сколько с точки зрения их качественных образов, символизирующих состояние природы и человека. Например, все четные числа первого десятка считались «женскими» числами, и по причине своей женской символической природы (левая, задняя сторона, низ, холод и т. п.) представлялись «воплощением неблагоприятных людям начал, вместилищем нечистых, потусторонних сил» [Михайлов 1996: 105].

Кроме того, данный период со 2-го по 16-й день каждого месяца — фаза растущей луны. Лунные фазы у монголоязычных народов и по сей день имеют главное значение, учитываемое при назначении особо важных жизненных событий, для достижения успеха все начинания или ответственные мероприятия принято проводить в фазе новолуния или полнолуния.

³ Перевод с франц. яз. Э. А. Немановой.

Таким образом, в отправлении культа Белого старца основополагающей является взаимосвязь лунных и природных циклов, подчеркивающая одну из главных функций божества — возможность влиять на размножение животных, расцвет и увядание растительности, периодичность дождей.

В тексте, помимо конкретных чисел, указывается «день мыши»:

Quluγun-a edür kǔče qoyar doysin ayula-yin qara čidkud kiged / aylayčin sakiyuluγsun γal-un ejen nökūčijū kǔmǔn-ū buyan kilinče üyiledügsen üyilesi aldal ügei toγuluju bičin bui 'В день мыши, совместно с силами духов двух грозных гор и главенствующего хранителя-хозяина огня, безошибочно учитываются и записываются добрые и грешные дела людей' [РФ ИВР РАН (1). Л. 2].

Согласно сообщению Н. Л. Жуковской, «месяцем мыши назывался месяц, который примерно соответствует декабрю» [Жуковская 1993: 195]. Кроме того, как известно, в лунно-солнечном календаре монгольских народов в каждом из месяцев на определенное число мог выпасть день мыши. Возможно и другое понимание указания на «день мыши».

Мышь же сама по себе символ богатства у монголов, «в северной части юрты под знаком мыши хранят самое дорогое имущество и сажают почетных гостей» [Жуковская 2002: 53].

В календаре якутов с 8 (22) декабря «день постепенно начинал прибавляться на шаг мыши — кутуйах хаамныта» [Гоголев 1999: 18], что дает нам возможность предположить, что днем мыши означался день зимнего солнцеворота. Этот день во многих культурах символизирует особое, сакральное время, значение которого заключается в том, что в этот период как бы открыта граница между тем светом и этим.

В этнографических источниках по культуре бурят не сохранилось конкретных указаний, четкого описания времени проведения обряда поклонения Белому старцу. Чаще всего описываются ситуативные (оказиональные) обрядовые действия. Так, часть западных бурят (тункинские) совершали обряд призывания при падеже домашних животных, особенно молодняка. Среди восточных бурят, в частности хоринских, призывания Сагаан убгэна проводились в случае распространения черной и красной оспы (*сагаан бодоо*).

Ситуативный момент обращения в случае распространения болезней или падежа скота также нашел отражение в сутре в виде пожелания Будды:

Ači inu toy-a tomsi ügei yeke boloqu / kerbe yambar ba ebečin-dur egüni dolayan ta ungsibasü tere kümün ebečin-eče edür büged tonilqu boluyu / ilaju tegüs nöğčigsen burqan teyin kemen ene tarni-yi egülebei: Ami salu domu dam toy-a oum tolu say-a soyin ha 'Польза от этого неисчислимо большая, если вы прочтете эту книгу, посвящая какой-либо болезни, то тот человек избавится от болезни в тот же день; сказав так, Будда изрек следующее тарни (заклинание): *Ami salu domu dam toy-a oum tolu say-a soyin ha*' [РФ ИВР РАН (1). Л. 3].

При этом языком-посредником между отправителями (участниками обряда) и получателем сообщения (Белым старцем) не обязательно служат слова или действия, например:

Yayča ujegur tu sedhil-iyer qubilga qamuy takil un egulen — iyer qangsän takimui 'Одной-единственной мыслью почитания совершим разные обряды подношений благовоный' [РФ ИВР РАН (2). Л. 1].

Посредником в данном случае становится мысль, которая может расцениваться в качестве сообщения. За мыслью, за словом и за вещным эквивалентом — в равной степени признается: во-первых, общая для всех реальность; во-вторых, способность воздействовать на божество. Что самое главное, оба этих момента очень тесно связаны одной целью — установить контакт с Белым старцем, от поведения которого и зависит успех или неуспех всего обрядового действия.

Изложение просьб в текстах, как правило, носит достаточно краткий характер:

Amin nasun-i urtudq-a / adul mal-i üske / ada jedker arilyan / aliba sanaysan-i bütüge / qor-tu dayisaun-i ail-ača / qor-tu moyoi ail-ača / qulayai degerem-yin ail-ača / quludayan jayilayuluyad qayurmaq qudal keleküi qob šib ügüleküi keüker kütele kütümšig bolugsan / qamuy moyoi kütümšig tan-i qariyulun ügei bol-y-a / qamiy-a küsekteküi qamiy-ača ülemji bol-y-a 'Умножай домашних животных, очисти от бесов, чертей, осуществляй все задуманное, защищай от злых врагов, ядовитых змей, воровства и грабежей, обманщиков, врунов, сплетников, клеветников, всех подобных чудовищ усмиряй, все желаемое

сделай изобильным' [РФ ИВР РАН (1). Л. 4].

При такой модели тем более оказывается трудным выделить в системе верований четкие критерии, по которым духи делятся на «добрых» и «злых». Даже у якутов, в верованиях которых деление духов на добрых — айыы и злых — абаасы достаточно отчетливо; последние «в некоторых случаях делали людям добро, например, исцеляли больных. Но совершали они это исключительно ради корыстных целей, и болезнь, сама по себе, служила только поводом для получения приглянувшейся скотины или вещей» [Попов 1949: 261].

В ходе обряда жертвоприношения, являющегося одним из наиболее сложных комплексов традиционной культуры, действия с едой представляют собой подношение и семантически равны вербальному приглашению. Стратегию расположения божества — адресата обряда, к исходу, желательному для участников, Е. С. Новик определяет как «передачу сообщения ведущего к 'получению желаемого' (ответного дара)» [Новик 2004: 89].

В этой связи весьма логичным видится понимание «ценности» жертв, отсюда — принцип давать духам то, чего нет у них самих. В данном обрядовом контексте приглашение к принятию дара не предполагает совместной трапезы, и здесь можно видеть прием заманивания, поэтому приглашения, изложенные в тексте, более кратки по форме:

Ekil-un qayan jiryuyan sayin em-iyer takimui. Erdeni-yin altan mönggün sobud-iyer takimui. Eldeb jüyil eriyen kib-iyer takimui. Eldeb tangsuy amtatu idegen-iyer takimui 'Владыка, шестью хорошими лекарствами поклонимся. Принесем в жертву драгоценности золотом, серебром, жемчугом. Пожертвуем разные цветные ковры. Разной вкусной пищей угостим' [РФ ИВР РАН (1). Л. 4].

Прежде всего, нужно отметить, что пища — ценность особого свойства, занимающая центральное место в системе других ценностей. В многообразных операциях с пищей важно выделить второй план или внутренний замысел культуры, в центре которого стоит глобальный или абстрактный миф о гармонии и удаче, о средствах и способах прорыва в желаемое.

В ходе обряда эта часть может опускаться, так как обращение к духу изначально сопровождается воскурением, выставлением пищи или каких-либо иных даров, таким образом, вербальный компонент может быть заменен обрядовым действием, что, впрочем, не нарушает структуры ритуального действия. Так согласно обряднику «Почитание Белого старца», в ходе призвания белую пищу располагали на коленях, воскурjali *ая-гангой*⁴ и наливали молочный напиток (*араза* — *харза*⁵) [Нацов 1995: 102].

Перечисление подносимого в жертву — отделяет обрядовые действия от бытовых, превращая их в адресованные реплики. Пищевые обрядовые символы включаются в цепь символических действий, в которых реализуются «обменные отношения». Ориентация приносимого в жертву на ее получателя сказывается в том, что оно мелко крошилось, сжигалось, разбрызгивалось и т. д. Это исходит из представления о том, что «там» это все превратится в большое количество, вполне достаточное, чтобы насытить всех предков и божеств, которым это адресуется. Логика таких суждений вытекала из представления, будто попадающие в потусторонний мир предметы приобретают качественные и количественные значения, противоположные тем, какие у них были на земле. Разбрасывание множества кусочков можно связать еще и со стремлением охватить максимальное количество адресатов, т. е. духов, божеств, упоминаемых в текстах наряду с Белым старцем.

Самое важное в обряде — точная адресованность жертв, достигающаяся через различные маркеры:

Tegüdegerel ügei kisig minu toytuıyai çayan kiib-ıyer seterlegsın üker qonin-i çaylaşı ügei çayan ebügen-dur seterlegsın-ıyer qorui qorui qorui ‘Примите дары, поднесенные от чистого сердца, помеченные белой материей коровы и овцы предназначены бесподобно-му Белому старцу, хуруй, хуруй, хуруй’ [РФ ИВР РАН (1). Л. 5].

Принцип превращения ценности «для себя», в ценность «для других» происходит в процессе помечивания коров и овец, предназначенных духу. В текстах сутр нет упоминания о том, какой именно масти

должно было быть посвящаемое животное, скорее всего желательным был именно белый цвет, поскольку «согласно традиции масть жертвенных животных различалась в зависимости от того, какому духу оно предназначалось, и в зависимости от родовой принадлежности хозяина, посвящающего животное» [Потапов 1977: 170].

Для обозначения того, что во владение Белому старцу передавалось животное, судя по текстам, использовались белые ленты материи. Снабжение метками, вероятнее всего, указывает и на то, что в ходе обряда животное не умерщвлялось, а посвящалось Белому старцу, предполагалось, что божество не будет вредить стаду, в котором находятся посвященные ему животные.

В данном случае важную роль играет цвет — белый, что акцентирует ценность и смысл жертвы. Таким образом, жертва приобретает медиативную функцию, что не равно по своему значению жертвоприношению, а по большей части означает посвящение, поскольку объектом действия является душа животных. Как правило, по отношению к посвященному животному, отмеченному соответствующими знаками (у ряда монгольских народов для этого использовались тамги) существовало множество различных табу: на них нельзя было ездить, запрещалось убивать их, трупы этих умерших от старости и болезней животных убирали с особым почетом. «В улусе Торы Тункинского района была большая сосна, на ветви которой вешали останки посвященных животных» [Герасимова 2000: 121].

Табуированное животное, таким образом, оказывается живым посредником между его хозяином и божеством, выполняющая функцию носителя плодородия, как и священные жертвенные деревья, которые, находясь около жилища своих хозяев, призваны привлекать внимание и обеспечивать благорасположение и помощь духов.

Основную роль в моделировании ответной реакции, основной цели обряда жертвоприношения, играли словесные формулы, которые уточняли, что именно людям желательно получить в виде ответного дара:

Burqan-dur ergügsın-ene üker qonin minu üligirileşı ügei ene üker qonin-dur minu / ülişi ügei buyan kisig ende toytu-tuyui qorui qorui qorui ‘За пожертвованных бурхану коров и овец (за этих коров и овец) да при-

⁴ *Ая-ганга* — богородская трава (тимьян обыкновенный, чабрец).

⁵ «*Араза* — *харза*»: речь о молочной водке.

будет здесь безграничное благополучие и счастье, хуруй, хуруй, хуруй' [РФ ИВР РАН (1). Л. 5].

В ходе подобного обмена происходила нейтрализация враждебного начала. При этом именно словесные формулы превращают ритуал в текст, строящийся с учетом интересов обеих сторон. Основная цель обряда заключается в стремлении согласовать интересы и ликвидировать последствия, возникающие в результате «нарушения договора» одной из сторон. Нарушение запрета, ведущего к беде или недостатке, служит, таким образом, исходным моментом обряда, но как бы вынесено за рамку самого действия, предшествуя ему во времени. Поэтому можно обозначить этот сюжетный блок как нулевой. Сам обряд был призван восстановить равновесие, ликвидировать нарушение порядка, выражающееся к его началу в том, что ценности, которые должны принадлежать человеческому коллективу, находятся в мире духов, а ценности, которые должны принадлежать миру духов, находятся в человеческом мире.

Таким образом, «реактуализация мифа», или «возвращение первовремен» в ходе обрядового действия, уступает место моделированию двухконтактных, двусторонних отношений [Новик 2004: 215], поскольку помимо просьбы словесные формулы включают предписания ответного дара, ответного поведения. То есть, излагая просьбу, провоцируют тем самым духа на ответный дар: *ɣajar-un ejen ɕayan ebüngen ɕi mandur ɣayiqamsiy tay-a ilete boloqu* 'Хозяин земли Белый старец, покажите наглядно Ваши удивительные способности' [РФ ИВР РАН (1). Л. 5].

Общая стратегия этих реплик призвана обеспечить достижение собственной цели, путем передачи адресату обряда — Белому старцу — такой программы, которая побуждает его к ответной реакции, выгодной для участников обряда.

Именно по поводу умиловительных обрядов Л. Леви-Брюль замечал: «они отнюдь не старались, прежде всего, растрогать, склонить, убедить, тех, кому адресованы эти обряды, хотя это намерение не отсутствует в них. Они хотят, прежде всего, чтобы расположение тех, к кому они обращаются, осталось или сделалось таким, какое им желательно» [Леви-Брюль 1994: 96].

В соответствии с концепцией М. Мосса об обменном дарении как целостном социальном факторе, когда из трех обязанностей «давать», «брать», и «возвращать» главной оказывается именно последняя, т. е. «возвращать», умиловление не было центральной идеей жертвоприношения [Мосс 1996: 74–222]. Общий смысл призывания — не слепое почитание, не просто надежда на благодеяние, не вымаливание, а получение отдарка за поднесенное вознаграждение.

Выводы

Ситуацию общения в ходе призывания Белого старца моделировало, в первую очередь, само место проведения обряда, его пространственная организация. Кроме того, каждый символ в обряде должен был быть воспроизведен без нарушения форм, каждый жест обряда в точности повторен, набор жертвенных блюд должен соответствовать нормам, установленным предками.

Если рассматривать обряд призывания и жертвоприношения Белому старцу в целом, то следует отметить, что он был четко ориентирован на достижение благополучия путем умиловления Белого старца, а также просьбы о его покровительстве и помощи. Той же цели служил и акциональный план обряда (воскурение, кропление молоком, разбрасывание кусочков пищи), а также выбор жертвенных животных и снабжение их особыми метками — белыми лентами. Таким образом, в ходе жертвоприношения используются культурные символы, обладающие единой и общей структурой значений, благодаря чему возможны цепочки соответствий самых различных конфигураций.

В целом анализ и изучение сутр, посвященных Белому старцу, сохранившихся до настоящего времени, представляет очень важный аспект изучения истории формирования существующего культа, его религиозно-мифологических и обрядовых особенностей. Словесные формулы, включаемые в контекст этих обрядовых действий, довольно разнообразны и, более того, достаточно свободно варьируются, поскольку вербальный компонент реализует лишь часть структуры обрядового текста, представленного знаками различной субстанции.

Источники

- РФ ИВР РАН (1) — *Čayan ebügen-ü neretü sudur orusibai* // Рукописный фонд Института восточных рукописей Российской академии наук. Колл. Jahrig-a 73, С 117. 5 л.
- РФ ИВР РАН (2) — *Čayan ebügen-ü sudur* // Рукописный фонд Института восточных рукописей Российской академии наук. Q 372. 3 л.

Sources

- Čayan ebügen-ü neretü sudur orusibai [The Sutra Dedicated to the White Old Man]. Manuscript Fund of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Science. Coll. Jahrig-a 73, С 117. 5 p. (In Mong.)
- Čayan ebügen-ü sudur [The Sutra of the White Old Man]. Manuscript Fund of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. Q 372. 3 p. (In Mong.)

Литература

- Бакаева 2015 — Бакаева Э. П. К исследованию этнической специфики образа божества Белый старец у ойратов Монголии и калмыков России (по материалам полевой экспедиции по Убсунурскому аймаку Монголии) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: КалмНЦ РАН, 2015. № 3. С. 43–78.
- Бакаева и др. 2016 — Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Д. Н. Музраева, Т. И. Шараева, Н. В. Балинова, И. А. Хомякова, С. В. Мирзаева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 456 с.
- Герасимова 1989 — Герасимова К. М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. 320 с.
- Герасимова 2000 — Герасимова К. М. Традиционная культура бурят. Улан-Удэ: Бэлиг, 2000. 144 с.
- Гоголев 1999 — Гоголев А. И. Традиционный календарь якутов. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1999. 72 с.
- Жуковская 1993 — Жуковская Н. Л. Календарная система монголов / Календарь в культуре народов мира. М.: Наука, 1993. 272 с.
- Жуковская 2002 — Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: культура, традиции, символика. М.: Вост. лит., 2002. 274 с.
- Елихина 1989 — Елихина Ю. И. Култ Белого старца по изобразительным и текстовым источникам // Владимирцовские чтения. М.: Наука, 1989. С. 24–26.
- Кукеев 2013 — Кукеев А. Г. Неизвестный текст об обряде поклонения Белому старцу // Бааза Багши и его духовное наследие. Элиста: АПП «Джангар», 2013. С. 72–74.
- Кукеев, Оконов 2014 — Кукеев А. Г., Оконов Б. А. Мелодия летнего барабана подношений великому отцу Белому старцу // Вестник института комплексных исследований аридных территорий. 2014. № 1 (28). С. 88–95.
- Леви-Брюль 2014 — Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика Пресс, 1994. 518 с.
- Михайлов 1996 — Михайлов В. А. Числовая символика бурят и монголов // Центрально-азиатский шаманизм: философские, исторические и религиозные аспекты: Мат-лы Междунар. науч. симп. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. С. 104–107.
- Мосс 1996 — Мосс М. Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / пер. с франц., послесловие и комментарии А. Б. Гофмана. М.: Вост. лит., 1996. С. 74–222.
- Музраева 2009 — Музраева Д. Н. Сутра, именуемая «Способная усмирить и подавить землю и воду» (Gazar usuni nomoyodxon darüülün čidaqči kemekü sudur), из коллекции Н. Д. Кичикова (1901–1986) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 87–95.
- Музраева 2016 — Музраева Д. Н. Тексты Белого старца у ойратов и калмыков // Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Д. Н. Музраева, Т. И. Шараева, Н. В. Балинова, И. А. Хомякова, С. В. Мирзаева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 293–312.
- Нацов 1995 — Нацов Г. Д. Материалы по истории и культуре бурят. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 156 с.
- Неманова 2004 — Неманова Э. А. Семантика образа Белого старца в традиционной культуре монгольских народов: дис. ... канд. ист. наук: Улан-Удэ, 2004. 194 с.
- Новик 2004 — Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М.: Вост. лит., 2004. 304 с.
- Попов 1949 — Попов А. А. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 9. Л.: Наука, 1949. С. 255–323.
- Поппе 1949 — Поппе Н. Н. Описание монгольских «шаманских» рукописей института Востоковедения // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. Т. I. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1932. С. 151–200.

- Потапов 1977 — *Потапов Л. П.* Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1977. С. 164–174.
- Сазыкин 1988 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов. М.: Наука, 1988. Т. 1. 508 с.
- Bakaeva 2014 — *Bakaeva E.* Research on the History of Buddhism in Kalmykia at the Present Stage // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. Vol. 53. Is. 4. 2014. Pp. 21–46.
- Heissig 1973 — *Heissig W.* Les religions du Tibet et de la Mongolie. Paris: Payot, 1973. 307 p.
- References**
- Bakaeva E. Research on the History of Buddhism in Kalmykia at the Present Stage. *Anthropology & Archeology of Eurasia*. Vol. 53. Is. 4. 2014. Pp. 21–46. (In Eng.)
- Bakaeva E. P. et al. [Cross-Border Culture: investigating traditions of Western Mongols and Kalmyks in a comparative perspective. Collected essays]. Elista: Kalm. Sc. Cent. of RAS, 2016. 456 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. The image of the White Old Man among Mongolia's Oirats and Russia's Kalmyks: studies of ethnic specifics revisited (a case study of Uvs Aimag, Mongolia). [Turko-Mongols: issues of ethnic history and culture]. Elista: Kalm. Sc. Cent. of RAS, 2015. No. 3. Pp. 43–78. (In Russ.)
- Elikhina Yu. I. A cult of the White Old Man: pictorial and textual sources. [Vladimirtsov Readings]. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 24–26. (In Russ.)
- Gerasimova K. M. [Traditional Buryat culture]. Ulan-Ude: Belig, 2000. 144 p. (In Russ.)
- Gerasimova K. M. [Traditional Tibetan beliefs in the cult system of Lamaism]. Novosibirsk: Nauka, 1989. 320 p. (In Russ.)
- Gogolev A. I. [The traditional Yakut calendar]. Yakutsk, 1999. 72 p. (In Russ.)
- Heissig W. Les religions du Tibet et de la Mongolie. Paris: Payot, 1973. 307 p. (In Fr.)
- Kukeev A. G. A newly discovered text describing a ritual of worshipping the White Old Man. [Baaza Bagshi and his spiritual heritage]. Elista: Dzhangar, 2013. 72–74 p. (In Russ.)
- Kukeev A. G., Okonov B. A. Offerings to the White Old Man: a melody of the summer drum. *Vestnik instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territorii*. Elista, 2014. No. 1 (28). Pp. 88–95. (In Russ.)
- Lévy-Bruhl L. Primitives and the Supernatural. Moscow: OGIZ, 1937. 518 p. (In Russ.)
- Mauss M. Essay on the gift. [Societies. Exchange. Personality: works on social anthropology]. A. B. Hoffman (transl., afterword, comments). Moscow, 1996. Pp. 74–222. (In Russ.)
- Mikhailov V. A. Numerical symbolism of the Buryats and Mongols. [Central Asian Shamanism: Philosophical, Historical and Religious Aspects]. *Scient. symp. proc. Ulan-Ude*, 1996. Pp. 104–107. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. Texts of the White Old Man among the Oirats and Kalmyks. [Cross-Border Culture: investigating traditions of Western Mongols and Kalmyks in a comparative perspective. Collected essays]. E. P. Bakaeva et al. Elista: Kalm. Sc. Cent. of RAS, 2016. Pp. 293–312. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. The sutra called 'The One That Can Pacify the Earth and Waters' (Газар усунь номоюдхон дарүүлүн čidaqči kemekü sudur) from N. D. Kichikov's collection (1901–1986). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2009. Is. 2. Pp. 87–95. (In Russ.)
- Natsov G. D. [Materials on the history and culture of the Buryats]. Ulan-Ude: Bur. Sc. Cent. (Sib. Branch) of RAS, 1995. 156 p. (In Russ.)
- Nemanova E. A. [The White Old Man in traditional Mongolic cultures: semantics of the image]. A Cand.Sc. (history) thesis. Ulan-Ude, 2004. 194 p. (In Russ.)
- Novik E. S. [The ritual and folklore in Siberian shamanism: a comparative study of respective structures]. Moscow: Vost. Lit., 2004. 304 p. (In Russ.)
- Popov A. A. Yakuts of the former Vilyuysk District: materials on the history of their religion. [The Museum of Anthropology and Ethnography: collected papers]. Vol. 9. Leningrad: Nauka Publ., 1949. Pp. 255–323. (In Russ.)
- Poppe N. A description of Mongolian 'shamanic' manuscripts contained in the Institute of Oriental Studies. [Scholarly Notes of the Institute of Oriental Studies (USSR Academy of Sciences)]. 1932. Vol. 1. Pp. 195–196. (In Russ.)
- Potapov L. P. The horse in beliefs and epics of Sayan-Altai peoples. *Fol'klor i etnografiya*. Leningrad, 1977. Pp. 164–174. (In Russ.)
- Sazykin A. G. [A catalogue of Mongolian manuscripts and xylographs]. Moscow: Nauka, 1988. Vol. 1. 508 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. [A calendar system of the Mongols]. Ser. [Peoples of the world: calendar as a cultural phenomenon]. Moscow: Nauka, 1993. 272 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. [Nomads of Mongolia: culture, traditions, symbols]. Moscow: Vost. Lit., 2002. 274 p. (In Russ.)



Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Is. 2, pp. 255–262, 2019
DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-255-262
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 397+613.4

Личная и общественная гигиена в понимании и в жизни кочевников

Баир Зориктоевич Нанзатов¹

Марина Михайловна Содномпилова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047
Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov@yandex.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047
Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* С древних времен в традициях многих народов возникли представления о чистоте тела, одежды, предметов быта и были выработаны правила соблюдения гигиены, поведения при естественных физиологических процессах, происходивших в организме человека. В среде тюрко-монгольских кочевников, освоивших маловодные и засушливые районы Внутренней Азии, сложилась своеобразная культура личной и общественной гигиены. *Задача:* исследование традиционной культуры личной и общественной гигиены монголов и — шире — тюрко-монгольских кочевников Внутренней Азии. *Материалы и методы.* Основным корпус источников, использованных в данном исследовании, представляют археологические, этнографические, исторические материалы, раскрывающие быт и культуру кочевников Внутренней Азии — от хунну до тюркских и монгольских народов, связавших свою жизнь с этим регионом. Суровые природные условия территории проживания кочевников Внутренней Азии и кочевой образ жизни создавали определенные трудности для соблюдения личной гигиены и особенно осложняли жизнь женщины. С другой стороны, снимались многие гигиенические проблемы — от скученности населения до отсутствия благоприятных условий для развития болезнетворных бактерий. *Результаты.* Выявлено, что в среде кочевников сложившиеся своеобразные представления о чистоте тела, одежды, утвари, жилища, практически полностью соотносятся со сферой духовного и слабо связаны с гигиеной. Однако ряд представлений и традиций служил профилактическими мерами, препятствуя распространению инфекционных заболеваний. Таковыми являются обычай пользоваться личной посудой в пути или гостях, запрет на ношение чужой одежды.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, кочевники, гигиена, предметы личной гигиены, одежда, жилище

Благодарности. Публикация выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00120 «Традиционные медицинские знания монгольских народов в ретроспективе и в будущем».

Для цитирования: Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Личная и общественная гигиена в понимании и в жизни кочевников. *Oriental Studies*. 2019;(2):255-262. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-255-262.

UDC 397+613.4

Personal and Public Hygiene of Nomads: a Case Study of Related Concepts and Practices

Bair Z. Nanzatov¹

Marina M. Sodnompilova²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

ORCID: 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov@yandex.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

ORCID: 0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* Since early times, traditions of different nations gave rise to ideas about purity of the body, clothing, and household items; so, certain rules have been developed to observe hygiene and behavioral norms during natural physiological processes inherent to the human body. The Turko-Mongolic nomads to have inhabited the dry and arid regions of Inner Asia developed a peculiar culture of personal and public hygiene. *Objectives.* The paper seeks to investigate the traditional culture of personal and social hygiene of Mongols – and more widely Turko-Mongolic nomads of Inner Asia. *Materials and Methods.* The main corpus of sources used in the research consists of archaeological, ethnographic, and historical materials that demonstrate some daily routine and culture of Inner Asian nomads — from the Xiongnu to later Turkic and Mongolic peoples connected with the region. The harsh natural conditions of the territory and the nomadic lifestyle created certain difficulties for practicing personal hygiene and especially complicated women's life. On the other hand, many hygienic problems, such as overcrowding, accumulation of garbage and sewage, emergence of rodents spreading parasites and disease, – disappeared (i.e. there were no favorable conditions for spreading pathogenic bacteria). *Results.* The article reveals that nomadic communities established original ideas of purity of the body, clothes, utensils, and dwelling – completely correlate with the spiritual sphere and not closely connected with the hygiene as such. However, a number of ideas and traditions served as special measures to prevent any spread of infectious diseases. So, there was a custom to use one's own dish while travelling or paying visits, and there was a ban to wear other people's clothes. The dry and frosty climate did not contribute to the growth of pathogenic bacteria for most of the year. Archaeological finds of the Xiongnu and Khitan periods indicate the presence of special sets of hygienic devices which had been integral parts of men's and women's costumes, and were preserved in costumes of nomadic cultures to the 19th – early 20th centuries. Among the archaeological finds, toothbrushes attract particular attention. Under the conditions of water shortage and cold winters, it was most difficult to observe body hygiene. Hands and face were washed daily, in winter skin was rubbed with snow. Body washing procedures mainly occurred during the warm season. Women, fearing the wrath of the owner of the water, made ablutions in secluded places. During the menstruation period, animal hair and moss were used as pads. Oil and fat were used as a means to protect skin from moisture loss under conditions of frost and strong winds. Furthermore, the nomadic way of life determined the observance of hygienic requirements in nomadic dwellings. Due to regular changes of residence, the felt yurt would not become a breeding ground for pathogenic bacteria and parasites and was well ventilated. Stationary wooden dwellings of Siberian Turkic peoples and Buryats were aired, freedzed and thoroughly washed with sand and water during seasonal movements. The mentioned groups regularly dried, aired and freedzed household items (bedding, carpets) and clothes.

Keywords: Inner Asia, nomads, hygiene, personal hygiene items, clothes, dwelling

Acknowledgements. The publication was granted by Russian Foundation for Basic Research: grant No. 19-09-00120 'Tradional Medical Knowledge of Mongolian Nations in Retrospect and in Future'.

For citation: Nanzatov B., Sodnompilova M. Personal and Public Hygiene of Nomads: a Case Study of Related Concepts and Practices. *Oriental Studies*. 2019;(2):255-262. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-255-262.



Гигиена как основа медицинских знаний занимает видное место в религиозном законодательстве и охватывает самые разные аспекты жизнедеятельности многих народов Древнего мира, включая население Египта, Месопотамии, Иудеи и др. С древних времен в традициях многих народов возникли представления о чистоте тела, одежды, предметов быта и были выработаны правила соблюдения гигиены, поведения при естественных физиологических процессах, происходивших в организме человека.

Исследованию исторического контекста формирования медицинского знания, в том числе и гигиены, посвящено множество работ [Балалыкин 2013; Ермакова, Повод 2007], однако особенности развития культуры гигиены в кочевой среде все еще не стали предметом специального исследования.

Условия быта кочевников Внутренней Азии, которые наблюдали исследователи XVII–XIX вв., единогласно признавались антисанитарными. Согласно распространенному мнению, которое сформировалось в этот период, кочевники редко мылись и не стирали свою одежду, которую предпочитали носить до тех пор, пока она не превращалась в лохмотья.

Представления о неопрятности жилища связывались с отсутствием полов, пребыванием в юрте детенышей домашних животных — новорожденный молодец кочевники обычно держали в юрте, пока он не окрепнет. В какой степени быт кочевника расходился с представлениями об индивидуальной и общественной гигиене, выработанными в европейской культуре, каков был уровень гигиены людей, воспроизводящих кочевой образ жизни с медицинской точки зрения? Эти и другие актуальные проблемы, отражающие в той или иной степени культуру гигиены кочевников Внутренней Азии, являются целью исследования в данной работе.

Взгляды на личную и общественную гигиену менялись на протяжении всей

истории человечества и зависели от разных факторов — природных условий среды проживания, экономики, политики, религии, культуры и др. Очевидно, что с точки зрения общественной и личной гигиены самой ужасающей в истории человечества была ситуация в средневековых городах Европы. Антисанитарные условия средневековых городов Европы, улицы которых представляли сточную канаву и скопления мусора, делали крупные поселения рассадником всевозможных болезней. Религиозные воззрения о вредности воды привели к тому, что люди не мылись годами, а запах немых тел маскировали с помощью духов. Вши и блохи, которых распространяли грызуны, были обычными и даже «священными» (вшей называли «божьими жемчужинами») обитателями одежд, волос и париков знатных особ [Донецкая 2017: 45].

Большинство гигиенических проблем средневековой городской жизни были неизвестныномадам. Кочевой образ жизни снимал проблему скученности людей в одном месте, из которой вытекали и другие проблемы — скопления мусора, нечистот, появление грызунов, распространяющих паразитов и болезни. Сухой и морозный климат большую часть года не способствовал развитию болезнетворных бактерий. Кочевая жизнь была практически безотходной — после кочевки семьи на другое место следов пребывания человека на прежнем стойбище, за исключением пятна от очага, не оставалось.

Определенные представления о гигиене кочевников Внутренней Азии демонстрируют археологические находки разного времени. Так, например, среди находок киданьского городища Чинтологой-балгас были найдены костяные артефакты, напоминающие внешним видом современные зубные щетки [Kradin, Ivliev 2008: 441].

Кидани — кочевники-скотоводы, вошедшие в состав Монгольской империи, впервые упоминаются на страницах ки-

тайской династийной хроники «Вэй шу» в 551–554 гг. [Крадин и др. 2011: 151–152]. В составе погребений хунну профессором П. Б. Коноваловым неоднократно фиксируются металлические предметы, напоминающие миниатюрные ложечки, предназначение которых исследователь видел либо в приготовлении лекарств, либо для использования в гигиенических целях. Такой предмет более известен под названием копоушка или ухвертка [Коновалов 1976: 199]. В составе артефактов хуннских погребений были найдены и многие другие предметы, назначение которых все еще остается неясным [Коновалов 1976: 205–206]. Вполне вероятно, что среди них могли быть и предметы, предназначенные для гигиены. Копоушки были хорошо известны у народов Евразии с давних времен. Наиболее ранние находки этих предметов приходится на конец II – начало I тысячелетия н. э. [Крыласова 2007: 281].

В кочевой культуре сложилась традиция ношения предметов личной гигиены на поясе, наряду с оружием. Очевидно, этот факт отражают археологические находки у жужаней — бронзовый комплект предметов, в состав которых входит и миниатюрная лопаточка — ухвертка. Комплект был обнаружен в погребении на уровне пояса умершего [Эрдэнэбат и др. 2018: 124–125]. Этот комплект сохраняется в традиционном костюмном комплексе кочевников вплоть до начала XX в.

В женском костюме бурят он обозначался как «боковые», либо «поясные» украшения. В его состав входили копоушки (*малтуур*, *хулхуур*, *хультибша*), щипчики для вынимания заноз (*шимхуур*), зубочистка из кости (*шудэни шигишуур*) [Галданова 1992: 128].

Щипчики (пинцет), как пишет Р. Д. Бадмаева, могли использовать и для выщипывания волос. В XIX в. этот гигиенический набор подвешивался на серебряной цепочке или шелковой ленте к круглой серебряной пластине (*бэһын хантарга*), крепившейся к поясу. Девушки, в отличие от женщин, носили боковые украшения, пристегнув к поясу [Бадмаева 1987: 77].

В среде кочевников сложились своеобразные представления о чистоте тела, одежды, утвари, жилища. Понятия *ариун* 'чистота' и *бузар* 'нечистота' практически

полностью соотносятся со сферой духовного. Эти понятия характеризуют весь мир, окружающий кочевника: природные явления, территории, живые существа, цвета, вещи. Нечистыми могут быть земли, непригодные для проживания, ветра, которые приносят с собой болезни, животные, созданные главой подземного мира — Эрлик-ханом. Нечистыми признавались люди, находящиеся в состоянии «перехода» из одного мира в другой: только что родившийся младенец, роженица, умирающий или уже умерший. Женщина признается ритуально нечистой не только во время родов, но в период месячных очищений. Вследствие этого ее вещи, особенно связанные с интимными частями тела, — обувь, чулки, штаны и даже войлочный ковер, на котором она сидит, считались нечистыми, способными осквернить, т. е. лишить силы и даже жизни мужчину.

Эти представления были слабо связаны с понятием гигиена. Пыль, земля, выделения животных, жир, шерсть — всё то, что воспринималось как грязь в европейской культуре, было неотъемлемой частью кочевого быта и не могло восприниматься как что-то грязное, от чего нужно немедленно избавиться. Естественные выделения человеческого организма, например пот, также не рассматривались как нечистота. Более того, утрата естественных запахов, присущих человеческому телу, считалась потерей его «опознавательных знаков», по которым человека узнавали духи его родных мест. Врач, работавший среди эвенков в далекой сибирской глубинке, был поражен реакцией пациента больницы — мужчины-эвенка, охотника, который после бани впал в стрессовое состояние. «Как я теперь в тайге появлюсь? Духи-помощники меня не признают. У них глаз нет, они по запаху людей чувствуют», — рыдал охотник. Через час он нашел выход — разбил форточку и кусочком стекла расцарапал себе вены, разукрасил себя кровью и успокоился, уверенный в том, что теперь духи его узнают [Коледнева 2009: 187].

Мнение о нечистоплотности кочевников сложилось главным образом в силу того, что в их жилищно-поселенческий комплекс не входили такие стационарные объекты, как баня, которые бы служили явным маркером соблюдения гигиены членами семьи. Все гигиенические процедуры в

кочевом обществе осуществлялись в лесу, у реки. Открыто купаться в водоемах могли только мужчины и дети. Женщины, опасаясь гнева хозяина воды, совершали омовения в укромных местах, сливая грязную воду в специально приготовленную ямку. В период месячных женщины использовали в качестве прокладки шерсть животных, мох. Процедуры омовения в основном приходились на теплое время года. Как средство, защищающее кожу от потери влаги в условиях морозов и сильных ветров, использовали масло и жир.

В теплое время года стирали одежду. Речь, конечно же, идет о тех видах материи, которые можно было стирать, — хлопке и шелке. Известно, что большая часть видов одежды кочевников изготавливалась из шкур диких и домашних животных. Даже некоторые виды нательной одежды — короткие штаны, нагрудник (прототип бюстгалтера) шились из мягкой, хорошо выделанной шкуры диких коз — замши. В тесном взаимодействии кочевого мира Внутренней Азии с оседлым земледельческим югом — народами Поднебесной и Центральной Азии, выражавшемся в набегах и сменявших их мирных торговых отношениях, в обиход кочевников вошли изделия из шелка и хлопка. Кидани в процессе неоднократных вторжений в соседний Китай в X в. получали в виде дани ежегодно 300 тыс. кусков шелка [Крадин и др. 2011: 8–9].

К хунну попадали из Китая шелк и шелковая вата, вышитые шелком ткани, готовая одежда [Коновалов 1976]. Шелковые одежды в большей степени были распространены среди знати, но и семьи простых воинов, отличившихся в бою, не обделялись в процессе распределения добычи.

В XVII в., согласно первым отпискам русских казаков-первопроходцев, у бурят были в ходу разного рода бухарские и китайские хлопчатобумажные ткани — киндяк, зендень, белье, китайка; шелковые — дороги, камка. У знати встречался изысканный бархат не только в одежде, но и в отделке внутреннего пространства юрты [Бадмаева 1987: 12].

Социальное расслоение общества, усилившееся в условиях государственных систем Российской и Цинской империй, в составе которых оказались монгольские народы, привело к обнищанию значитель-

ной части людей. В наибольшей степени социальная дифференциация проявлялась в XIX в. Внешние проявления различий в достатке разных слоев населения были вызваны и рядом государственных решений, продиктованных стратегией внешней политики. С включением Сибири в состав Российской империи, одним из первых ограничений, которое стало регулировать жизнь бурятского общества, стали запреты на приграничную торговлю с Монголией, Китаем [Залкинд 1970: 85–95; Тумурова 2005: 67], в целях стимулирования продажи европейских и русских товаров среди бурят. Буряты стали приобретать другие виды ткани — лен, сукно. При этом товар достать было трудно, и стоил он дороже. Такая ситуация сохранялась и в конце XIX – начале XX вв.: «... забайкальцу и достать что-либо, даже из предметов первой необходимости, стоит нередко в два, три раза дороже, чем в другой местности нашего отечества» [Осокин 1906: 82].

Богачи одевались в шелка, отделявали свои одежды сободем и выдрой. Бережно относились к одежде и зажиточные семьи: изготавливая новую, старую не выбрасывали, а использовали в хозяйстве. Дорогие одежды могли носить два-три поколения [Осокин 1906: 198].

Носили свои одежды не стирая, пока она не приходила в полную негодность, в основном бедняки. «... бедный бурят ограничивается и в жар, и в холод, и в дождь, и в ясную погоду одним овчинным тулупом» [Бадмаева 1987: 23].

Обычно материалом для пошива зимней одежды у беднейшего слоя кочевого общества были козьи шкуры, наименее прочный в носке материал, для летней — самая дешевая хлопковая ткань далемба [Галданова 1992: 34].

Плохие шкуры, из которых шили себе одежды бедняки, закаменские буряты называли *дагадха*¹. Это же слово вошло в обиход бурят и как ругательное. Нередко бедняки донашивали одежды своих более богатых родственников, а батраки — своих хозяев.

Свидетелями такого уровня благосостояния бурятских, монгольских сообществ стали путешественники и исследователи, оставившие свои впечатления в отчетах и

¹ В бурятском языке так называлась любая невыделанная шкура.

историко-этнографических очерках. Вполне естественно, что бедняка, имевшего всего один тулуп на все случаи жизни, меньше всего волновали вопросы гигиены. Нищета и грязь характеризовали и жилище бедняка.

В традиционном жилище кочевника — войлочной юрте основным источником грязи выступал земляной пол, который сверху покрывали войлоками и шкурами, при этом, перекочевывая с одного стойбища на другое, семья старалась не устанавливать юрту на месте, где оставались следы расположения другой юрты [Цэрэнханд 1992: 34].

Смена пастбищ для скота в степной и пустынной зонах происходила примерно через две недели, и место стоянки не выбивалось. У бурят, ведущих полукочевой образ жизни, цикл хозяйственной деятельности делился на два периода — теплый и холодный. С наступлением тепла перекочевывали на летнее поселение, осенью перебирались на зимник. Традиционные деревянные юрты тщательно отмывались водой и песком каждый раз при сезонных переездах с зимника на летник и обратно [Басаева 1993: 52–90].

Во дворе бурятской усадьбы обычно росла трава, топтать которую запрещалось. Перемещались между хозяйственными постройками по тропинкам или специальным деревянным дорожкам-настилам. Меховые одежды, постель в целях избавления от паразитов в зимнее время регулярно вымораживались, летом — просушивались. Тщательная уборка помещений и двора производилась в канун монгольского Нового года — Цагаан сара / Сагаалгана [Галданова 1992: 111].

В быту кочевники пользовались разнообразной посудой — металлическими котлами, деревянными чашками и берестяными туесками. У зажиточных была и дорогая фарфоровая посуда, которую привозили из Китая. В дореволюционной Монголии каждый человек постоянно имел при себе свою пиалу и нож. Пиалу носили в особом футляре или просто за пазухой, завернутую в кусок ткани. Угощаясь в чужой юрте, каждый ел из своей пиалы с помощью своего же ножа, который обязательно входил в экипировку взрослого мужчины [Жуковская 1988: 123]. Такой обычай во многом снижал риск распространения инфекционных заболеваний. В традиции бурят запрещалось

оставлять недоеденную пищу и грязную посуду на ночь — верили, что ночью злые духи пробовали пищу и облизывали посуду, и тем самым могли причинить болезни членам семьи.

Посуду, предназначенную для приготовления мяса, никогда не использовали для приготовления пищи из молока — чая, саламата, молочной водки, так как смешивание молока и крови считалось грехом [ПМА]. Чугунную и медную посуду обычно чистили золой, песком небольшими веничками, сделанными из кустов тальника, в изобилии растущего по берегам рек.

В XIX в. — начале XX в. тяжелый труд, антисанитарные условия быта, пьянство, по наблюдениям Г. М. Осокина, определяли пределы продолжительности жизни мужчин-бурят в 38–40 лет, семейских — в 48 лет, а сибиряков — в 40 лет [Осокин 1906: 65].

Данные Г. Р. Галдановой, собранные среди бурят Забайкалья, свидетельствуют, что возраст, маркирующий наступление старости у бурят, определялся 60 годами. Полагали, что человек, дожив до 60 лет, обретал свое счастье (*жара хүрээжэ, жарлага эдлэхэ*) [Галданова 1992: 110]. У ойратов мужчина считался старым после 45 лет, а женщина — в возрасте 35–45 лет, что отражается в обозначении возрастных категорий. Женщину указанного возраста называют *авгай* (матушка, хозяйка дома, жена), *самган* (жена, старуха), а мужчину — *хөгшин* (старик) [Бакаева 2016: 253–254].

Согласно сведениям информантов А. И. Манжигеева, бурятские мужчины считались стариками по достижении 40 лет. Достигнув этого возраста, они освобождались от работ и, как принято было говорить среди бурят, «собирали чашки», т. е. посещали шаманские жертвоприношения, свадьбы, похороны и предавались распитию спиртных напитков. Женщины же угасали на домашней работе *өөдэ үгэй боло* еще раньше [Манжигеев 1960: 178]. Очевидно, что и в далеком беспокойном прошлом кочевого общества мужчины редко доживали до 40 лет. Жизнь мужчины считалась достойной, если он умирал на поле брани. Но достигший этого возрастного рубежа мужчина становился почтенным, уважаемым человеком. Об этом свидетельствуют традиции кыргызского каганата. В Кыргызском

государстве так же, как и в общественном быту хакасов XIX в., государственной деятельностью можно было заниматься, начиная с 40-летнего возраста. В присутствии кыргызского кагана никто из тех, кому не было 40 лет от роду, не имел права сидеть [Бутанаев 1998: 253].

Таким образом, природные и климатические условия, в которых проживали кочевники Внутренней Азии, способствовали сложению особого комплекса представлений о чистоте, приемах гигиены как части повседневной культуры и народных знаний.

Полевые материалы авторов

ПМА — информатор Галданова Ц. Ц., хонгдор, 1908 г. р., с. Цаган-Морин Закаменского района Республики Бурятия (Россия). Запись 2003 г.

Author's Field Data

Informant: Ts. Galdanova, Khongodor, b. 1908. Tsagan-Morin, Zakamensky District, Republic of Buryatia (Russia). Recorded in 2003.

Литература

- Бадмаева 1987 — *Бадмаева Р. Д.* Бурятский народный костюм. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1987. 144 с.
- Бакаева и др. 2016 — *Бакаева Э. П., Орлова К. В., Музраева Д. Н., Шараева Т. И., Бабинова Н. В., Хомякова И. А., Мирзаева С. В.* Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков Элиста: КалмНИЦ РАН, 2016. 456 с.
- Балалыкин 2013 — *Балалыкин Д. А.* Зарождение медицинской науки в период до XVII века. М.: Литтерра, 2013. 264 с.
- Басаева 1993 — *Басаева К. Д.* Поселения и жилища аларских бурят (вторая половина XIX — начало XX в.) // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1993. 223 с.
- Бутанаев 1998 — *Бутанаев В. Я.* Этническая культура хакасов. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 1998. 318 с.
- Галданова 1992 — *Галданова Г. Р.* Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX — первая половина XX в.). Новосибирск: Наука, 1992. 172 с.
- Донецкая 2017 — *Донецкая Е.* Лекарственные растения в быту, медицине и косметике. Описание растений, выращивание и сбор, сроки хранения, показания, рецепты, противопоказания, косметика: в 8 т. Царство растений. Т. 4. М.: Изд-во Вече, 2017. 528 с.
- Ермакова, Повод 2007 — Ермакова Е. Е., Повод Н. А.* Традиции в народной гигиене и медицине коми юга Тюменской области // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 7. С. 183–194.
- Жуковская 1988 — *Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. 195 с.
- Залкинд 1970 — *Залкинд Е. М.* Общественный строй бурят XVIII и в первой половине XIX века. М.: Наука, 1970. 399 с.
- Крадин и др. 2011 — *Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л., Очир А., Васютин С. А., Данилов С. В., Никитин Ю. Г., Эрдэнэболд Л.* Киданьский город Чинтологой-балгас. М.: Вост. лит., 2011. 173 с.
- Коновалов 1976 — *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1976. 218 с.
- Коледнева 2009 — *Коледнева Н. В.* Планета Эвенкия. Чита: Экспресс, 2009. 208 с.
- Крыласова 2007 — *Крыласова Н. Б.* Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: Пермский гос. пед. университет, 2007. 352 с.
- Манжигеев 1960 — *Манжигеев И. М.* Янгутский бурятский род (опыт историко-этнографического исследования). Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1960. 230 с.
- Осокин 1906 — *Осокин Г. М.* На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. СПб: Тип. А. С. Суворина, 1906. 304 с.
- Тумурова 2005 — *Тумурова А. Т.* Генезис обычного права бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 2005. 224 с.
- Цэрэнханд 1993 — *Цэрэнханд Г.* Традиции кочевых стойбища у монголов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1993. С. 27–36.
- Эрдэнэбат и др. 2018 — *Эрдэнэбат У., Төрбат Ц., Цогтбаатар Б., Амартүвшин Ч., Батсайхан З.* Монголчууд: талын нуудэлчдийн уламжлал (нэн эртнээс XII зууны эхэн). Ерөнхий редактор У. Эрдэнэбат. Уланбаатар: Монсудар, 2018. 264 с.
- Kradin, Ivliev 2008 — *Kradin N. N., Ivliev A. L.* Deported nation: the fate of the Bohai people of Mongolia. *Antiquity*. 2008. 82. Pp. 438–445. (In Eng.)

References

Badmaeva R. D. [The Buryat national costume]. Ulan-Ude: Buryat book Publ., 1987. 142 p. (In Russ.)

- Bakaeva E. P. et al. [Cross-Border Culture: investigating traditions of Western Mongols and Kalmyks in a comparative perspective. Collected essays]. Elista: Kalm. Sc. Cent. of RAS, 2016. 456 p. (In Russ.)
- Balalykin D. A. [The emergence of medical science before the 17th century]. Moscow: Litterra, 2013. 264 p. (In Russ.)
- Basaeva K. D. Settlements and dwellings of the Alar Buryats (mid-to-late 19th – early 20th centuries). [Turko-Mongols: excerpts from the history of economy and material culture]. Novosibirsk: Nauka, 1993. Pp. 52-89. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya. [Ethnic culture of the Khakass people]. Abakan: Khakass State Univ., 1998. 318 p. (In Russ.)
- Donetskaya Ye. [Medicinal herbs in everyday life, medicine and cosmetology. A description of herbs, their cultivation and harvesting, shelf life, indications, recipes, contraindications, cosmetics]. In 8 vol. Vol. 4: [Plant Kingdom]. Moscow: Veche, 2017. 528 p. (In Russ.)
- Erdenebat U. et al. [The Mongols. Steppe nomadic traditions (from the earliest times to the early 12th century)]. U. Erdenebat (ed.). Ulaanbaatar: Monsudar, 2018. 264 p. (In Mong.)
- Ermakova E. E., Povod N. A. The Komi population residing in the South of Tymen Oblast: traditions in folk hygiene and medicine. Vestnik arkheologii, antropologii i ehtnografii. 2007. No. 7. Pp. 183–194. (In Russ.)
- Galdanova G. R. [Zakamensk Buryats: historical and ethnographic essays mid-to-late 19th – early-to-mid 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka, 1992. 172 p. (In Russ.)
- Koledneva N. V. [Planet Evenkia]. Chita: Express, 2009. 208 p. (In Russ.)
- Konovalov P. B. [The Xiongnu in Transbaikalia]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1976. 218 p. (In Russ.)
- Kradin N. N. et al. [The Khitan city of Chintologoy-balgas]. Moscow: Vost. Lit., 2011. 173 p. (In Russ.)
- Kradin N. N., Ivliev A. L. Deported nation: the fate of the Bohai people of Mongolia. Antiquity. 2008. Vol. 82. Is. 316. Pp. 438–445. (In Eng.)
- Krylasova N. B. [The archeology of everyday life: material culture of the medieval Urals]. Perm: Perm State Univ., 2007. 352 p. (In Russ.)
- Manzhigeev I. M. [The Yangut clan of Buryats: an effort of historical and ethnographic research]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1960, 230 p. (In Russ.)
- Osokin G. M. [On the border of Mongolia: essays and materials on the ethnography of Southwestern Transbaikalia]. St. Petersburg: A. S. Suvorin, 1906. 304 p. (In Russ.)
- Tserenkhand G. Traditions of the Mongol nomadic camp. [Turko-Mongols: excerpts from the history of economy and material culture]. Novosibirsk: Nauka, 1993. Pp. 27–36. (In Russ.)
- Tumurova A. T. [Genesis of the Buryat customary law]. Ulan-Ude: Buryat State Univ., 2005. 224 p. (In Russ.)
- Zalkind E. M. [The social structure of the Buryats: 18th to early-to-mid 19th centuries]. Moscow: Nauka, 1970. 399 p. (In Russ.)
- Zhukovskaia N. L. [Traditional culture of the Mongols: categories and symbols]. Moscow: Nauka. 1988, 195 p. (In Russ.)





Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 2, pp. 263–278, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-263-278
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 930.2+294.321+ 39+811.512.37

Монгольское сочинение о гадании по приметам из собрания Рукописного фонда Института восточных рукописей РАН

Анна Дамдиновна Цендина^{1, 2, 3}

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)

² Институт восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета (д. 6, Миусская площадь, 125993 Москва, Российская Федерация)

³ Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (д. 21/4, стр. 3, Старая Басманная ул., 105066 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, профессор

ORCID: 0000-0003-0909-6953. E-mail: annatsendina@gmail.com

Аннотация. *Введение.* Изучение источниковедческих вопросов истории повседневности — одна из актуальных задач современных востоковедческих, в том числе монголоведческих, исследований. История повседневности как направление социальной истории может помочь по-новому взглянуть на многие процессы, происходившие в обществе; она охватывает все циклы обыденной жизни — быт и хозяйство, обряды жизненного цикла и сезонные обряды, повседневные религиозные практики, магические ритуалы, связанные с жертвоприношениями, лечением скота, гаданием и пр. *Цель* настоящей статьи — введение в научный оборот одного из редких источников, относящихся к письменным памятникам, характеризующим гадательные практики, которые использовались в обыденной жизни монголами. *Основным материалом* для исследования послужило сочинение из Рукописного фонда Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге, хранящееся под шифром Q 695. Титульный лист его утрачен, поэтому неизвестно название сочинения. *В результате исследования* установлено, что имманентные признаки самого текста и его содержания, которые могли бы указывать на происхождение, не очевидны. Большое внимание к скотоводческой тематике говорит вроде бы в пользу монгольского характера памятника. Однако в нем встречаются и рассказы, не характерные для кочевого быта. Есть в нем признаки использования тибетских и китайских материалов. Сочинение имеет гетерогенный характер и является компиляцией из разных источников. Что касается самих представлений о приметах, они, очевидно, имели и имеют более широкий ареал распространения, чем те или иные национальные границы, и отражают практики защиты жизни в широком ареале, охватывающем Центральную Азию, Северную Индию и Китай.

Ключевые слова: источники, монгольские рукописи, гадание, приметы

Благодарности. Автор статьи и редколлегия журнала выражают благодарность руководству Института восточных рукописей РАН в лице директора, д-ра ист. наук И. Ф. Поповой за предоставленное разрешение на публикацию изображений рукописи.

Для цитирования: Цендина А. Д. Монгольское сочинение о гадании по приметам из собрания Рукописного фонда ИВР РАН. *Oriental Studies*. 2019;(2):263-278. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-263-278.

UDC 930.2+294.321+ 39+811.512.37

A Mongolian Manuscript on Divination by Omens from the Collection of the Manuscript Fund of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS

Anna D. Tsendina^{1, 2, 3}

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka str., Moscow 107031, Russian Federation)

² Institute of Oriental Cultures and Antiquity of the Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya Square, Moscow 125993, Russian Federation)

³ Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University Higher School of Economics (21/4, p. 3, Staraya Basmannaya Str., Moscow 105066, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate, Professor

ORCID: 0000-0003-0909-6953. E-mail: annatsendina@gmail.com

Abstract. *Introduction.* Investigations of source issues dealing with history of everyday life have been intensively developed in Oriental studies — including Mongol studies — since the mid-to-late 20th century, and still remain a vital task. Meanwhile, this area of social history can help take a fresh look at many processes that have taken place in Mongolia. It covers all cycles of everyday life of the Mongols — economy, life and seasonal rituals, daily religious practices, magical rituals associated with sacrifices, treatment of cattle, divinations, etc. The *goal* of the current article is to introduce into scientific discourse one rare source, a written artifact, characterizing divination practices used by Mongols in everyday life. The source base of history of everyday life, as a rule, is incomplete as materials to make a picture of everyday life of people are always insufficient. Moreover, these lacunae are obvious in the field of written sources. It is clear that the detection of texts that would reflect all aspects of life of Mongolia's population in full is impossible. Various aspects have not been captured in writing, many have been lost. However, there are still a number of texts. The main *material* for research was the text under code Q 695 from the Manuscript Fund of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg). The latter deals with omens and divination by omens. The text has no title page, so the title is totally unknown. The *results* of the research demonstrate that inherent qualities of the text itself and its contents that might indicate its origin are not evident. The significant attention paid to the cattle breeding theme might attest to the Mongolian character of the monument. However, there are also stories that are not typical for nomadic life. There are signs of use of Tibetan and Chinese materials. Thus, one can say that this work has a heterogeneous character and is a compilation from different sources. As for the concepts of omens themselves, those obviously have a wider area of distribution than certain national borders and reflect practices of protecting life in a wide area of Central Asia, Northern India, and China. The manuscript consists of 8 sheets, pages 3 and 9 are absent. The manuscript is not old, the text is written on Russian paper in black ink, pen. The handwriting is not professional, the text is full of spelling and grammatical mistakes. The work can be divided into several parts, e.g., omens regarding behavior of animals: horses, cows, sheep; birds flying into homes; barking and howling of dogs; buzz of pots; deformity of animals; behavior of dogs, appearance of a tornado, on the gnashing of teeth. Obviously, the work is a collection of narratives from various sources.

Keywords: Mongolian manuscripts, divination, signs

Acknowledgments: The author of the article and the Editorial Board are grateful to the administration of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS and its Director, Dr. Sc. Irina. Popova, for giving permission to publish the manuscript facsimile.

For citation: Tsendina A. A Mongolian Manuscript on Divination by Omens from the Collection of the Manuscript Fund of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS. *Oriental Studies*. 2019;(2):263-278. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-263-278.



История повседневности, интенсивно развивающаяся в европейской науке со второй половины прошлого века, не нашла заметного отражения в монголоведении, время от времени получая место в сфере этнологического или источниковедческого

дискурса. Между тем, это направление социальной истории может помочь по-новому взглянуть на многие процессы, шедшие в Монголии. Оно охватывает все циклы обыденной жизни монголов — быт и хозяйство, обряды жизненного цикла и сезонные обряды, повседневные религиозные практики, магические ритуалы, связанные с жертвоприношениями, лечением скота, гаданием и пр. Источниковедческая база истории повседневности, как правило, страдает изъятиями, так как материала, на основе которого можно составить картину обыденной жизни того или иного народа, всегда недостаточно. Эти лакуны тем более очевидны в области письменных источников. Понятно, что обнаружение текстов, которые бы отражали все стороны жизни населения Монголии в полном объеме, невозможно. Различные аспекты остались не запечатленными в письменном виде, многие утрачены. Однако некоторое число таких текстов все же есть.

В фундаментальной статье «Астрология и гадание у монголов — письменные источники» [Bawden 1958] знаменитый английский монголист Ч. Р. Боудэн перечислил важнейшие виды гадательной практики, существовавшей у монголов, а также главные книги, лежавшие в их основе.

В собрании Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге, наиболее репрезентативной коллекции старых монгольских книг в Европе, имеются сочинения о гадании по календарным дням, по девяти идеограммам, по трем идеограммам, по слогам формулы «ом мани падме хум», по восьми «хулилам»¹, по четырем камешкам, по поведению птиц и животных, по стихиям, по человеческому черепу, по монетам, а также сочинения об умерших [Сазыкин 1988: № 2349–2380].

К такого рода сочинениям примыкают сонники, собрания запретов и примет, которые также отражают представление о магической связи между явлениями и событиями жизни, о возможности предугадать и предотвратить будущие несчастья.

Одним из таких сочинений является текст под шифром Q 695 [Сазыкин 1988: № 2370]. Он не имеет титульного листа, поэтому о названии мы ничего не знаем. В книге 8 листов, третий и девятый листы отсутствуют. Рукопись не старая, текст на-

писан на русской бумаге черной тушью, пером. Почерк не профессиональный, текст изобилует орфографическими и грамматическими ошибками.

Сочинение можно поделить на несколько частей: приметы по поведению скота — лошадей, коров, овец; по прилету в дом птицы; по лаю и вою собаки; по гудению котлов и посуды; по уродству животных; по поведению собак; по появлению смерча; по скрежету зубов. Очевидно, что это сочинение — собрание повествований из различных источников. Оно содержит повторы. Кроме этого, в нем есть частичное совпадение с текстом под шифром МН 1375 из собрания книг квартиры-музея Ц. Дамдинсурэна в Улан-Баторе [Билгуудэй, Отгонбаатар, Цендина 2018: № 954], хотя большая часть этих текстов разнородна (см. таблицу 1).

Не вызывает сомнения, что такого рода схождения текстов могут быть обнаружены и в других письменных источниках, оставшихся нам недоступными. Однако даже единственный приведенный фрагмент говорит о том, что данное сочинение — не случайный набор примет, в котором отражены индивидуальные усилия какого-то человека, стремившегося записать факты, имевшие хождение в устном виде, а один из многочисленных списков письменного текста.

В таком случае мы вправе поставить вопрос о происхождении этого текста, а вместе с ним и об истоках представлений, отраженных в нем, и, как это часто бывает с монгольскими материалами (не имеющими прямых отсылок и указаний на источник), попытаться ответить на вопрос, что лежит в его основе — собственно монгольский, тибетский, китайский или какой-нибудь иной текст.

К сожалению, письменных памятников, по которым мы могли бы судить о представлениях монголов о приметах в добуддийскую и доманьчжурскую эпохи, мало. Это — «Сокровенное сказание», сочинение Рашид-ад-Дина, записки Марко Поло, Плано Карпини и Рубрука; пожалуй, этим ограничивается список. Остальные сочинения монголов, которые исследователи относят к XIV–XVI вв., дошли до нас в поздних списках или внутри текстов последующих веков, поэтому аутентичным материалом для наших изысканий служить не могут.

¹ Хулилы — знаки.

Таблица 1. *Примеры из рукописей о гадании по приметам*
 [Table 1. Examples from manuscripts on divination by omens]

Рукопись МН 1375, квартира-музей Ц. Дамдинсүрэна [Manuscript MN 1375, Ts. Damdisuren's apartment-museum]	Рукопись Q 695, ИБР РАН [Manuscript Q 695, Institute of Oriental Studies of RAS]
(5b) basa ger jaγur-a-yin noqai bayin bayin γasal=un barkirabasu nisu nilbusun kele ama bolqu : noqai-yin iru-a qariγulqu vuu ene bui : ° toy-a tulγ-a doluγun edür dongγudbasu okin niγun-du kele ama bolqu : üker edür mön keüken-dür tüidker bolqu : baras + adayusun-du mayu : <...> ai + ečige eke-dü ebečün bui : luu + <...> un tüidker kemen ama bolqu : moyai + ebečün bolqu : olja γarqu : morin + ečige eke-dü mayu : qonin + em-e kümün-dü kele ama bui : bečün + öčüken keüken ebdekü sedkil jobuqu : takiy-a + ükeger adas irekü takibasusayin : noqai + temečekü üile boluyad čisun tölig bui : γaqai + jегün qoyin-a ayilun kümün-dür kelen aman bui : ° idege činaysan toy-a qayarabasu buyan nemekü : ebečün bolbasu <...> naqu : ° jüger qayarabasu ke[l]e aman ese bögesü...	(6a) basa ger jaγur-a yerü noqai bayin bayin γasal=un barkir=basu nisun nilbusun bolqu : kelen ama bolqu... (6b) noqai-yin mayui iru-a-yi bariγul=qu buu ene bui ° toy-a tulγ-a dongγudabasu... üker + : anir γarbasu mön keküüken-dür tüidker bui : bars + jiryuyan jüil aduyu-dur mayui bui : tulai + : ečige eke-dür ebečün bolqu : luu + : γal-un tüidker kiged kelen ama bolu : moyai + : kenedte ebečün bolqu : olja γarqu : morin + ečige eke-dü mayui bui : qonin + : em-e kümün- dü kele ama bolqu : mečün + : öčüken keüken ebedkü : takiy-a + : ada ükeger irekü : takibasusayin : noqai + : temečekü üile boluyad čisun tölig bui : γaqai + : jегün qoyina ayil-un kümün-dü kelen ama bui : idegen činaysan toy-a qayarabasu buyan nemekü ebečün bui bolbasu anaqu : jüger qayarabasu kelen ama bui :

«Сокровенное сказание» — удивительное произведение. Если говорить о его эпической природе, то оно являет собой раннюю ступень героики, где подвиги и деяния Чингис-хана описаны преимущественно без упоминания магических помощников и ссылок на благоволение Высшего Неба; в книге вообще мало чудесного. Там есть всего несколько эпизодов, в которых описаны магические знаки, возвещавшие то или иное событие: знаменитый сон Дай-Сэчэна о сватовстве Тэмуджина к его дочери (§ 63); рассказ Хорчи о видении, которое заставило его уйти от Джамухи к Чингис-хану (§ 121); лай собаки, предвещавший гибель Ван-хана (§ 189). Путешественники XIII в. довольно много пишут о гадательной практике монголов — о предсказании исхода военных действий, болезней и пр. Однако о приметах, т. е. знаках, к разгадке которых не привлекаются профессиональные прорицатели, там практически ничего не говорится. Рашид-ад-Дин также не склонен к подобному мистицизму.

Имманентные признаки самого текста и его содержания, которые могли бы указывать на происхождение, не очевидны. Большое внимание к скотоводческой тематике говорит вроде бы в пользу монгольского ха-

рактера памятника. Однако в нем встречается, например, рассказ о ястребе, свившем гнездо на жилище, что немыслимо в условиях кочевого быта.

Явных примет перевода с тибетского языка нет. Упоминание Падмасамбхавы, молитвы «Бадзар Джидаран» (что, вероятно, восходит к имени божества Хэ-ваджра (тиб. Джидор, kye rdor)), жертвы *торма* (тиб. tor ma) может указывать на использование тибетского источника, причем относящегося к старой, ньинмапасской традиции. Характер нарисованных оберегов явно отсылает нас к тибетской и североиндийской традициям. Начертание диаграмм на них — имитация индийских писем, магических идеограмм.

Прямых отсылок к китайским практикам также мало. Есть основания предполагать, что китайский характер имеет фрагмент о двух «буквах» — «дзун» и «гу» из обряда защиты от нечистой силы, противоборство которой предвещает собака: слог «гу» может восходить к китайскому слову *gou* ('собака'), слог «дзун» также имеет китайское происхождение; слово «иероглиф» монголы переводили словом «усэг» ('буква').

Однако те или иные «национальные» признаки не имеют абсолютного перевеса.

Наше сочинение явно имеет гетерогенный характер и является компиляцией из разных источников. Что касается самих представлений о приметах, они, очевидно, имели и имеют более широкий ареал распространения, чем те или иные национальные границы, и отражают практики защиты жизни в обширном ареале, охватывающем Центральную Азию, Северную Индию и Китай.

Перевод текста

(2a) <...> будут также эпидемии болезней и сплетни. Если лошадь вдруг перестанет есть траву и пить воду, а слезы у нее будут идти градом, это плохо — хозяин будет напуган, придут пожар, воровство, сплетни, смерть и страдания. Если лошадь в загоне перестанет есть и умрет, в течение 100 дней к хозяину придут болезнь, смерть, сплетни.

Если корова станет насакивать на жилище и у нее покажутся сопли и слезы, это к строгому наказанию. Надо обойти с ней жилище и увести, это поможет. Если корова будет насакивать на овцу, это дурно для овцы. Быстро обведи ее кругом и выгони — [овца] не пострадает. Если корова идет, бодаясь, это плохо, нужно написать оберег и отвратить [дурное]. Если у коровы на теле появятся красные, черные и белые [места], похожие на родимые пятна, это к дурному — придут сплетни, смерть и разорение от нечистой силы. Если корова укусит хозяина, в течение 60 дней явится демон смерти. Накажи строго и сделай жертвоприношение, это поможет. Если корова мычит (2b), плачет и бодает других животных, к хозяину придет смерть. Или дурные слухи. Если у коровы неожиданно польются слезы [при виде] хозяина, если весной [коровы] разбегутся, — придет демон смерти. Также если корова чихнет рядом с человеком, о котором думаешь, это к счастью. Если корова в загоне неожиданно умрет сама по себе, это примета того, что будут болезни, сплетни. Если теленок родится с лишней ногой, хозяина ждут кровавые события или он потеряет разорение.

Если овцы заблудятся днем, если ночью встанут и уйдут, это плохая примета — или государство придет в волнение, или те овцы погибнут. Если овцы зачем-то войдут в жилище человека, это к врагу, пожару или наговорам. Напиши оберег и отврати [нечистую силу]. Это поможет.

Если жеребенок насакивает на овцу, это плохо.

(4a)² <...> если синего, черного, красного цвета, это к сплетням, к кровавым событиям. Если белого, желтого и серого цвета — к обретению.

Если [в день] змеи [залетит птица] желтого, белого, черного цвета, будет радость и обретение товаров. Если [в день] лошади [залетит птица] желтого, белого, черного цвета, это к сплетням. Если синего или серого цвета, это к радости и обретению. Если [в день] овцы [залетит птица] белого, синего цвета, это хорошо — к обретению. Или будет радость. Если красного, черного или серого цвета, придут болезни, демоны *албин* и наказание. Если [в день] обезьяны [залетит птица] синего, желтого, красного цвета, это к пожару и сплетням. Если черного или серого цвета, к обретению. Если [в день] курицы [залетит птица] синего, желтого цвета, или белого, черного цвета, это к страданиям. Красного, серого цвета — к путнику. Если в день собаки [залетит птица] желтого, черного, белого цвета, будет плохо сыновьям и внукам. Случится вред от демонов *албин* и наказание. Если красного, серого цвета, это к обретению. Если [в день] свиньи [залетит птица] синего, желтого, красного цвета, (4b) это к ущербу и сплетням. Если серого, черного цвета, это к обретению.

Если птичка влетит в жилище, это знак смерти. В любом случае плохо. Поймай живьем, скрой оберег, напиши на нем [знаки], привяжи к птице, крикни и отпусти. Это поможет. Если ночью, после того как человек ляжет спать, над ним начнут летать птицы, в тот же месяц он умрет. Если какая-нибудь птица, сидя рядом с жилищем, будет чирикать, это к демонам несчастья. Тогда из комка сделай птицу и выброси вместе с [куском] шкуры тигра, [волосами] из белой конской гривы и палкой — эти четыре. Приготовь кровь коровы и вылей в восточном направлении. Напиши оберег и прикрепи. Это поможет. Если птица-ястреб сошьет гнездо над жилищем, это благая примета. Если ястреб или зайцелов залетят в помещение, сына или дочь ждут кровавые события. Или наказание по указу. Также если в жилище залетит ворона или сорока, к тому человеку придут смерть, страдания, сплетни, демоны. Если птицы прилетят и будут (5a)

² Лист 3a,b отсутствует.

ссориться и нападать друг на друга над жилищем, в течение 60 дней случатся сплетни и утрата [имущества]. Если какая-нибудь птица сядет на тело человека, в течение одного месяца придут сплетни и кровавые события. Или в течение двух лет — смерть. Случатся сопли и слезы. Если какая-нибудь птица нападет, оберег против этого таков³. Если какая-нибудь птица испражнится на человека, это к дурному. Немедленно напиши имя Гаруди и наклей. Оставь на три дня в воде, поможет. Если поймаешь птицу-ястреба, а она будет днем и ночью кричать, это к дурному. Отпусти ее. Если в жилище залетит перепелка, будут небольшие сплетни и несерьезная болезнь.

Далее написано о том, как гадать по вою собаки. Если собака воет в час мыши, это к ссоре с женщиной. Если [собака воет] в час коровы, это к удивлению⁴. Если [собака воет] в [час] тигра, (5b) к подаркам, это очень хорошо. Если [собака воет] в [час] зайца, небо возьмет человека под покровительство и будет обретение. Если [собака воет] в [час] дракона, это к радости. Или же собака сама является знаком (?). Если [собака воет] в [час] змеи, это к вести от родственников. Если [собака воет] в [час] лошади, это к неожиданному вину и еде. Если [собака воет] в [час] овцы, жена отдаст сердце другому; потерпишь ущерб. Если [собака воет] в [час] обезьяны, услышишь дурные слова. Если [собака воет] в [час] курицы, будет большая награда. Будет большое обретение. Если [собака воет] в [час] собаки, подозрений не будет, но будут сплетни. Хозяину это очень плохо, он совершит много прегрешений и преступлений. Если [собака воет] в [час] свиньи, это к тяжбе.

Еще если собака в ставке лает злобно, 12 лет в государстве будет плохо. Если собака неожиданно залает «гур-гур», это к увеличению воровства. Если собака лает, смотря на восток, это к уходу демона-хочин и к перекочевке. Если лает, смотря на юг, это к приходу врагов, смерти князей и ханов. Если лает, смотря на запад, поднимется большая армия. Или животные не дадут мо-

³ Далее в сочинении следует рисунок оберега.

⁴ В тексте — «к звонким мыслям» (‘qanginaqu sanaṣa’). В тексте МН 1375 из библиотеки квартиры-музея Ц. Дамдинсурэна сказано: «удивление» (‘ṣaṣiṣaqu bolqu’) (5a).

лока. Если лает, смотря на юг, у животных (6a) будет бескормица, а у людей — голод. Также если собака постоянно воет и рычит у жилища, это к соплям и слезам, к сплетням. Если собака насккивает на жилище, это к смерти хозяина; если ходит унылая, это к грехам и дурному. Если собака зажмуривает глаза и тоскует, будет вред и уменьшение численности скота. Если собака поймает снаружи змею или зверя и принесет в жилище, это к сплетням. Если собака лает у дверей, значит, увидела *чутгура*. Если собака подкапывает под жилище, если рассматривает свои почки и грудину, если сильно лает на хозяина, это к несчастью. Если лает, как на чужого человека, надо обязательно обратиться к гадателю.

Отвращение дурных знаков, связанных с собакой. Измерь собаку, если у неё голова [?], ноги белые и хвост желтый, не бери ее, это плохо. Если собака родится одна, это плохо, не корми ее.

(6b) Оберег, отвращающий дурные знаки, [связанные] с собаками⁵.

Знаки, объясняющие звон и гул, исходящие от котла и треножника. Если звук появится в день мыши, это к сплетням. Если звук появится в [день] коровы, с ребенком случится несчастье. Если [звук появится в день] тигра, будет вред для шести видов лошадей. Если [звук появится в день] зайца, это к болезни отца или матери. Если [звук появится в день] дракона, это к бедствию от огня и к сплетням. Если [звук появится в день] змеи, это к неожиданной болезни, к ущербу. Если [звук появится в день] лошади, будет плохо для отца и матери. Если [звук появится в день] овцы, будут сплетни о женщине. Если [звук появится в день] обезьяны, заболит маленький ребенок. Если [звук появится в день] курицы, явится демон смерти. Надо принести жертву. Если [звук появится в день] собаки, случится стычка и будет кровь. Если [звук появится в день] свиньи, будут сплетни о людях в *айле* на юго-востоке.

Если котел, в котором сварена еда, лопнет, это к умножению благих заслуг, а если случатся болезни, то они пройдут. Если лопнет просто так, то это к сплетням. (7a) Или к утрате.

Если в очаге нет огня, но из него неожиданно поднимается что-то вроде дыма,

⁵ Далее в сочинении рисунок оберега.

это дурно, в течение 30 суток в доме будут неурядицы. Если ночью в очаге загорится огонь, человек умрет. Или будут траты.

Если бутылка или наковальня [издадут] звук, это плохо для хозяина. Если [звук издадут] сидение, стул или стол, это дурно — умрет человек. Если [звук издадут] сундук, короб, корзина или шкафчик, это к соплям и слезам, к кровавым событиям. Если уразумеешь [примету], то надо прочесть молитву, разрубить ножом [этот предмет], написать оберег и таким образом отвратить [злые силы]. Если [издадут звук] ведро, бутылка, чаша, тарелка, это к большой усталости, к ссорам, распрям и крикам. Если посуда для водки или молока [издаст звук] и разобьется, это к рассеиванию [*айла*] или к смерти сына. Если [издаст звук] бадья, это дурной знак; в скором времени [случится] большой грабеж; это очень плохая примета: будут наказание, сплетни, смерть и страдания. Если [звук издадут] корзина для навоза и бадья для воды, это хорошая [примета]. В течение трех лет разбогатеешь. Если звук [издадут] котел и треножник и если поймешь смысл его, напиши такой оберег и отведи [злые силы], это поможет.

(7b) Это оберег.⁶ Это оберег, подавляющий [злые силы] при звуках, исходящих от стульев, коробов, корзин, шкафчиков, бутылок и вообще всех сосудов. Также этот оберег охраняет от вреда, [которые возвещают] сова, ворона или собака, подкапывающие под очагом. Если какое-нибудь животное родится с уродством, носи [оберег] на теле. Держи в жилище. Это письмена, которые защитят от такого вреда. Следует на протяжении всей жизни стараться следовать наказам учителя Падмасамбхавы.

Когда ягнята рождаются с лишними [органами или конечностями], когда они рождаются с большой головой или с лишними ногами, это хорошая примета, это к счастью. Если же с лишней головой, с лишним ртом, это плохая примета — великое государство придет в волнение, чиновники будут стремиться уехать за его пределы. Если голова перевернута, это к демону Раху (?).

Если человек увидит, как спариваются лисы, он умрет (8a) или тяжело заболеет. Обряд для защиты — сделай лису из глины и выброси ее в западном направлении. Если

уразумеешь [примету], [один] оберег не поможет, попроси знахаря провести [обряд] избавления, напиши и разложи оберег.

Если на человека набросится бешеная собака, избавление такое же, как сказано выше. Если собака набрасывается на жилище, это к сплетням, козням нечистой силы. Тогда сделай из бумаги собаку, укрась лису белым шелком и выброси. Напиши оберег и отведи [нечистую силу]. Если собака ляжет на очаг, это к болезни хозяина. Проведи необходимые [обряды]. Если собака помочится в посуду у дверей, это к прибавлению провизии. Если помочится на удила и узду, это к прибытку. Если помочится под столом или на него, важный человек заболевает. Если сжует одежду, это к сплетням о дочери. Если ляжет на стол, это плохо для животных. Если заберется на стол, это к многочисленным сплетням о дочери и сыне. Если помочится на треножник и котел, это к сплетням. (8b) Если собака помочится на хозяйку, это к наказаниям и указам.

Насквозь⁷.

Если собака заберется между кроватью и завесой, муж и жена расстанутся. Если наступит (?) на очаг или печь, это к смерти. Если что-то будет копать в жилище, перед печью, это плохая примета. Если неожиданно умрет, это к сплетням. Если неожиданно заболевает, а потом выздоровеет, это дурно для хозяина. Гадать по болезни собаки — грех. Если откуда-то придет бродячая собака, это к рождению хорошего человека. Если [собака] испражнится и помочится напротив дверей, это к прибытку. Если из глаз собаки пойдут градом слезы, это к дурному. Если залает без причины, это к расставанию, к ссоре. Если собака без причины ходит, приседая на согнутых в коленях ногах, она причинит вред или хозяин умрет. Если кусает хвост, это дурно для женщины. Если съест щенка, <...>⁸

(10a) <...> сделай жертву *торма*. Если овцы хотят соединиться, разруби их [ножом]. Это плохо для дома. Не ешь их. Устрой жертвоприношение небу. Или отдай учителю, который умеет отвращать [нечистую силу]. Если [животное] родится с одной головой и лишними ногами, это хорошо для государства. Хан того народа будет процветать. Если же родится с несколькими

⁶ Далее в сочинении следует рисунок оберега.

⁷ Подпись под рисунком.

⁸ Лист 9 а, b отсутствует.

головами и лишним ртом, в государстве будет смута, мысли чиновников и народа устремятся за пределы [государства]. Если родится ягненок без морды, это плохо для владыки того народа. Сделай воскурения земле и рекам. Прочитай молитву царя *лусов*. Прочитай «Алтан гэрэл». Учителю, [который будет совершать обряд], дай семь драгоценностей или золота и серебра.

Если столб ветра закрутится вокруг человека, ничего страшного. Сделай из черного войлока человечка, сделай красные⁹ жертвоприношения, [приготовь] прозрачной воды, крови черной собаки, черно-пестрой бумаги и, читая молитвы, выброси все это в восточном направлении на расстояние 80 шагов. Это поможет. Если столб ветра закрутится около жилища, это к большой беде для дома. (10b) Быстро сделай обряд отвращения [злых сил]. Сделай человечка из пучка сухой травы с одним стеблем, из разных опилок и еды, золота и серебра, возьми 19 лампадок, куски мяса, три куска сырого мяса, три чашки ягод, одну стрелу, один лук, налей свежей крови и, читая *тарни*, выброси на расстояние 360 шагов. Вернувшись, прочитай молитву «Бадзар Джидаран», читай ее по числу лет. Если так сделаешь, поможет. Если не сделаешь, плохо. Учителю, который совершит [обряд], поднеси стрелу с привязанным к ней золотым шелком.

Если собака насакивает на жилище, это плохо для хозяина. Приведи собаку по имени Дзунгу из той же собачьей семьи, принеси с этой и той стороны хорошей земли, положи около дверей, сверху нарисуй две буквы — «дзун» и «гу», тогда беда пройдет. Обряд защиты — возьми лисью шкуру, белый шелк, одну горсть воды и выброси на расстояние 13 шагов. (11a) В той стороне настанет благополучие. Конец.

Гадание по скрежету зубов. Если скрежест мужчина, — к подавлению заклятого врага. Если скрежест женщина, плохо для мужа. Если скрежест мальчик, очень хорошо. Если скрежест девочка, плохо для одного из родителей. Обряд против этого — [возьми] один кусок сырого мяса, поступи четыре раза по нему подошвой сапога, плюнь на монетку и выброси. Вслед вылей чашу воды. Это поможет.

⁹ Т. е. мясные.

Литература

- Сазыкин 1988 — Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. I. М.: Наука, 1988. 508 с.
- Билгуудэй, Отгонбаатар, Цендина 2018 — Билгуудэй Г., Отгонбаатар Р., Цендина А. Ц. Дамдинсурэнгийн гэр музейн монгол ном судрын бургтгэл (=Каталог монгольских рукописей и ксилографов из квартиры-музея Ц. Дамдинсурэна). Нэмэлт галиг болон ном, зохиогчийн нэрсийн хэлхээг хийж, ариутган шуусэн А. Туранская, Н. Ямпольская. Ред. С. Байгалсайхан. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2018. 620 р.
- Карпини, Рубрук 1997 — Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. 458 с.
- Козин 1941 — Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongyol-un niyuča tobčiyan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Т. I. Введ. в изуч. памятника, пер., тексты, глоссарий. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1941. 618 с.
- Bawden — Bawden C. R. Astrologie und Divination bei den Mongolen — die schriftlichen Quellen // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Bd 108. 1958. S. 317–337.

References

- Bawden C. R. Astrologie und Divination bei den Mongolen — die schriftlichen Quellen. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Vol. 108. 1958. Pp. 317–337. (In Germ.)
- Bilguudei G., Otgonbaatar R., Tsendina A. Ts. [A catalogue of Mongolian manuscripts and xylographs contained in the Historic Apartment Museum of Ts. Damdinsuren]. A. Turanskaya, N. Yampolskaya (translit., etc.). S. Baigalsaihan (ed.). Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2018. 620 p. (In Mong.)
- Giovanni da Pian del Carpine. The Story of the Mongols. + William of Rubruck. The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts. Marco Polo's Book. Moscow: Mysl', 1997. 458 p. (In Russ.)
- Kozin S. A. [The Secret History of the Mongols. A 1240 Mongolian chronicle named 'Mongyol-un niyuča tobčiyan. Yuan Chao bi Shi'. Mongolian Ordinary Anthology]. Vol. I. Introduction, translation, texts, glossaries. Moscow; Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1941. 618 p. (In Russ.)

Sazykin A. G. [A catalogue of Mongolian manuscripts and xylographs contained in the Institute of Oriental Studies (USSR Academy

of Sciences)]. Vol. I. Moscow: Nauka, 1988. 507 p. (In Russ.)

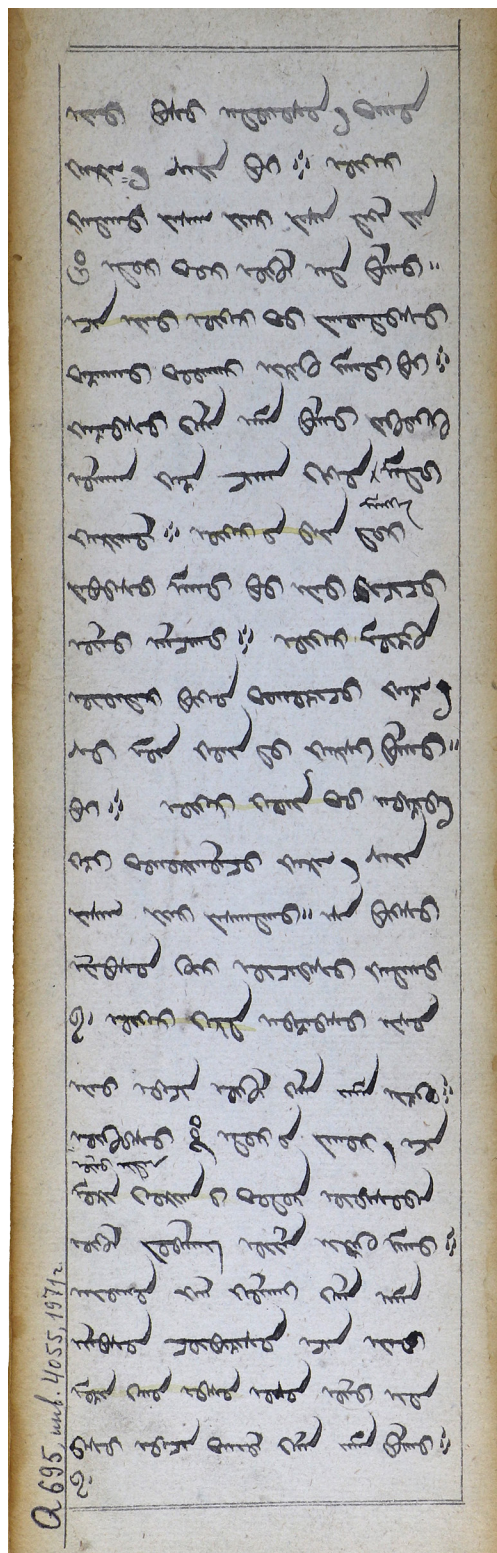
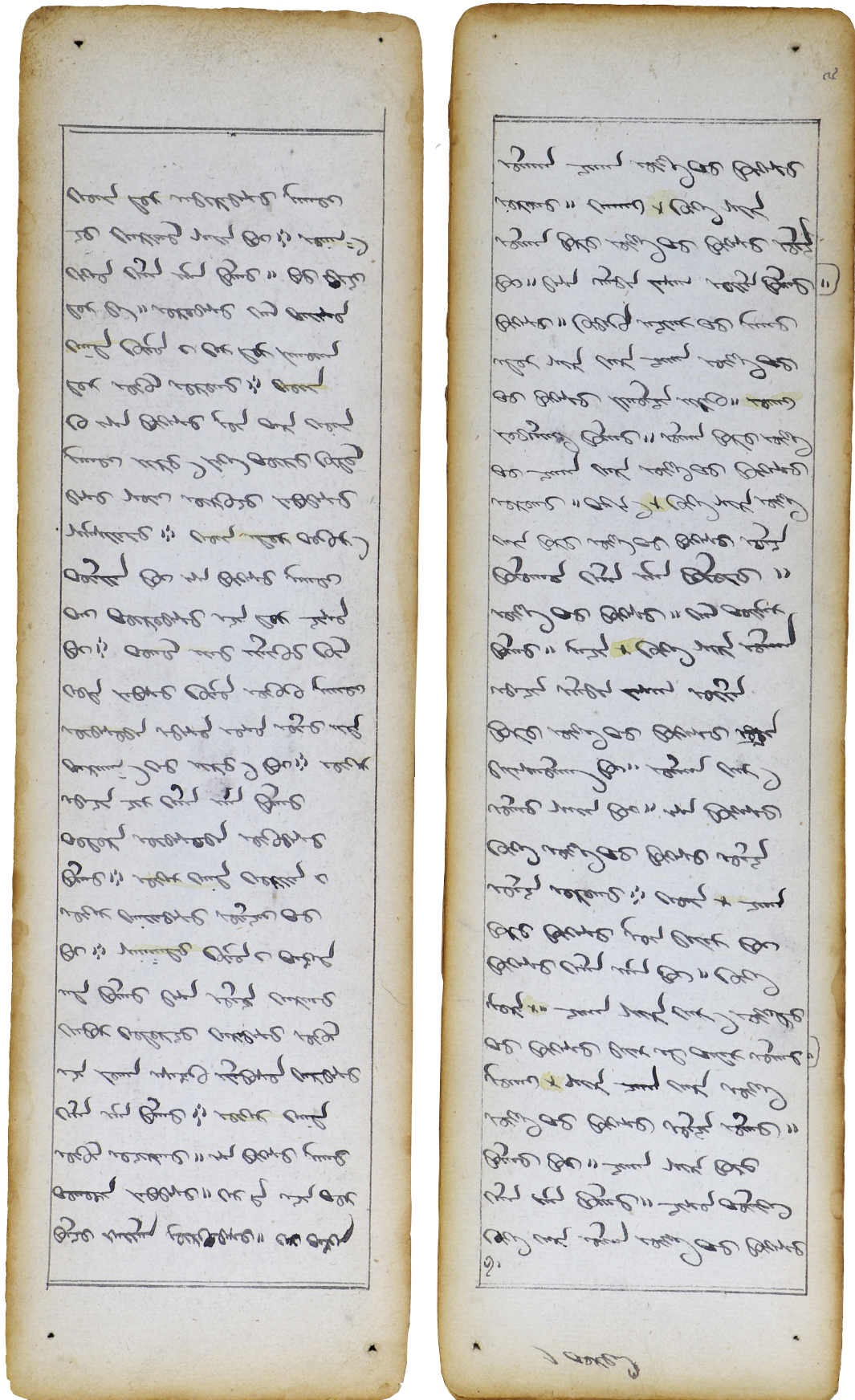
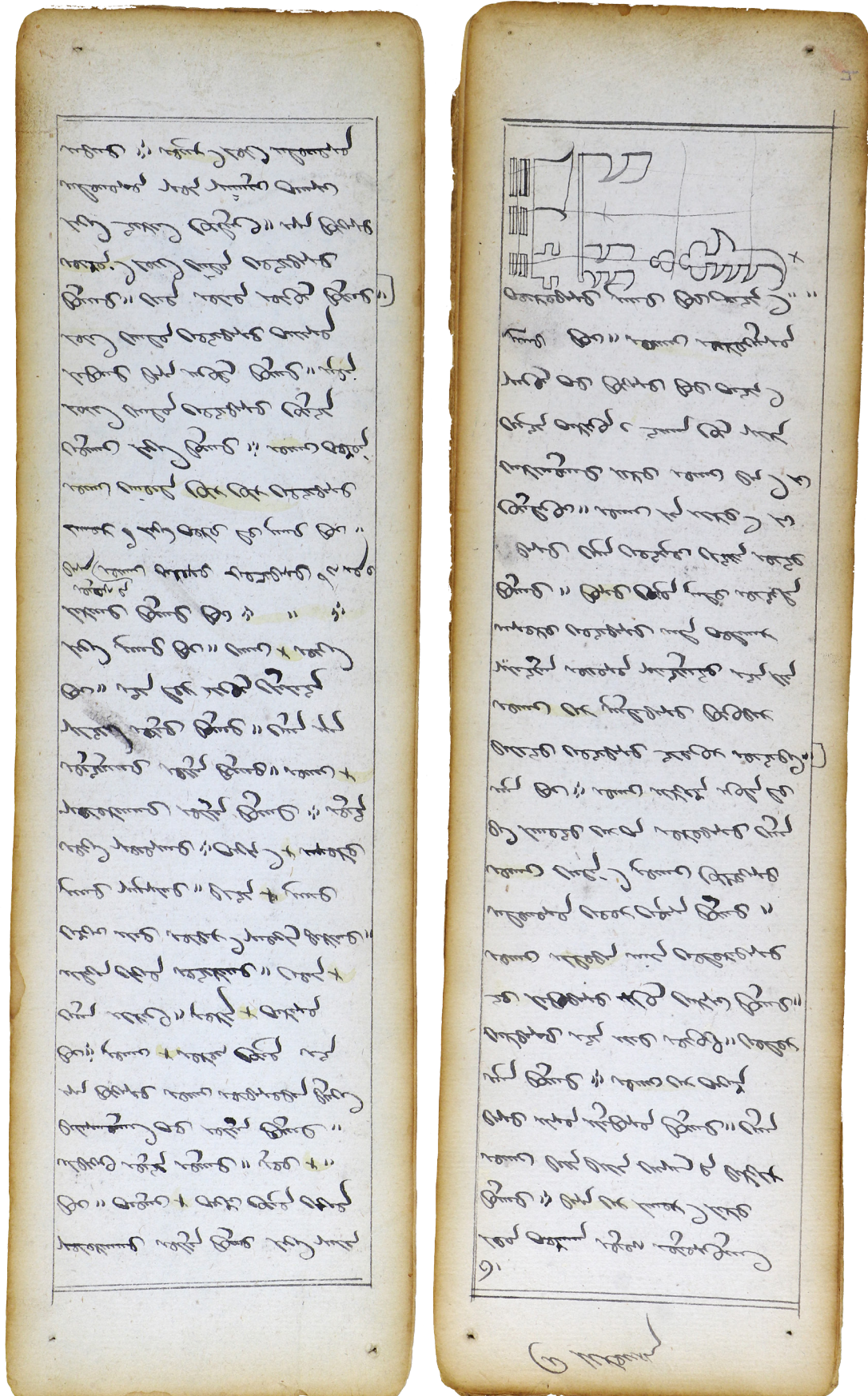


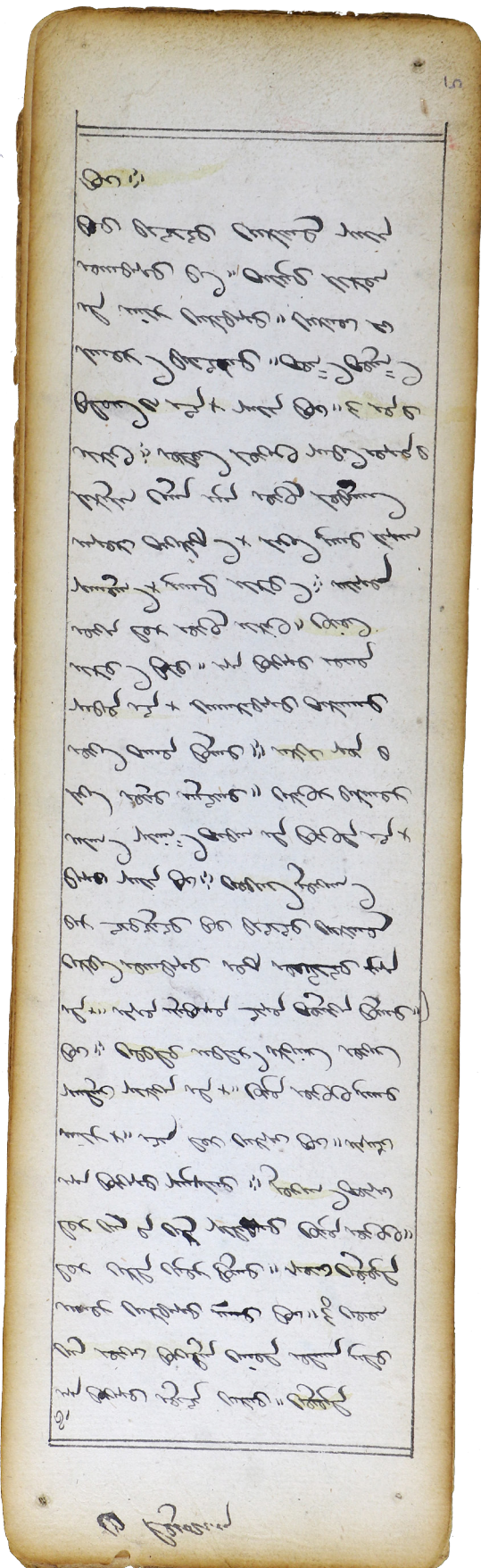
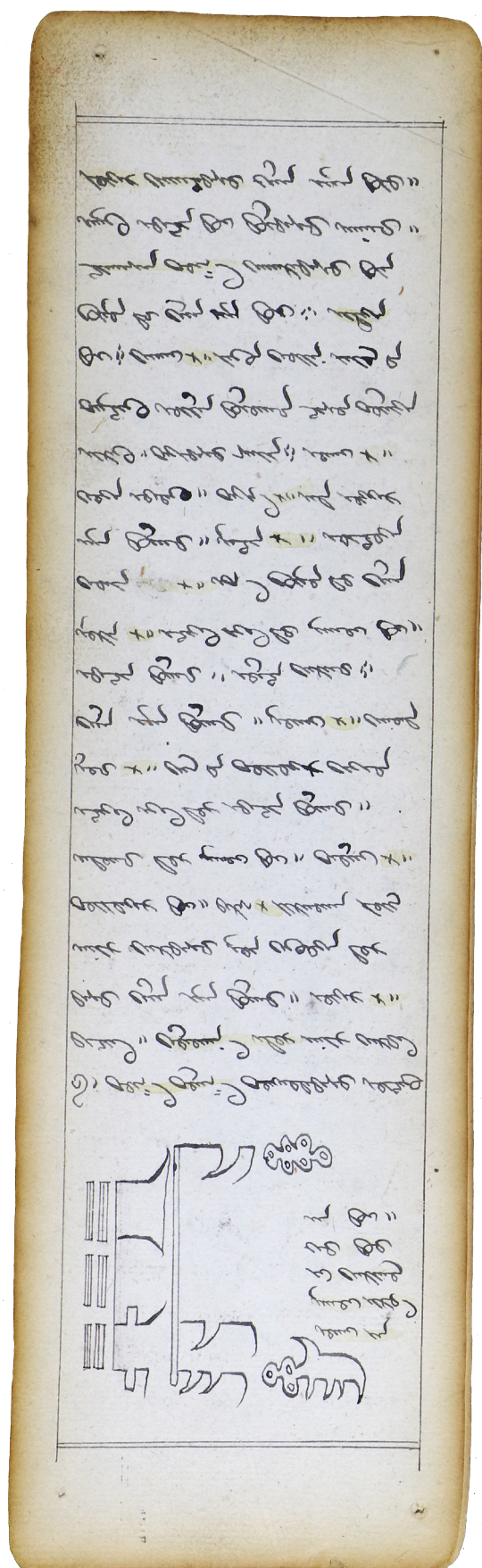
Рис. 1. Факсимиле рукописи № Q 695 из коллекции Института восточных рукописей РАН
[Fig. 1. Manuscript Facsimile Q 695, Institute of Oriental Studies of RAS]]

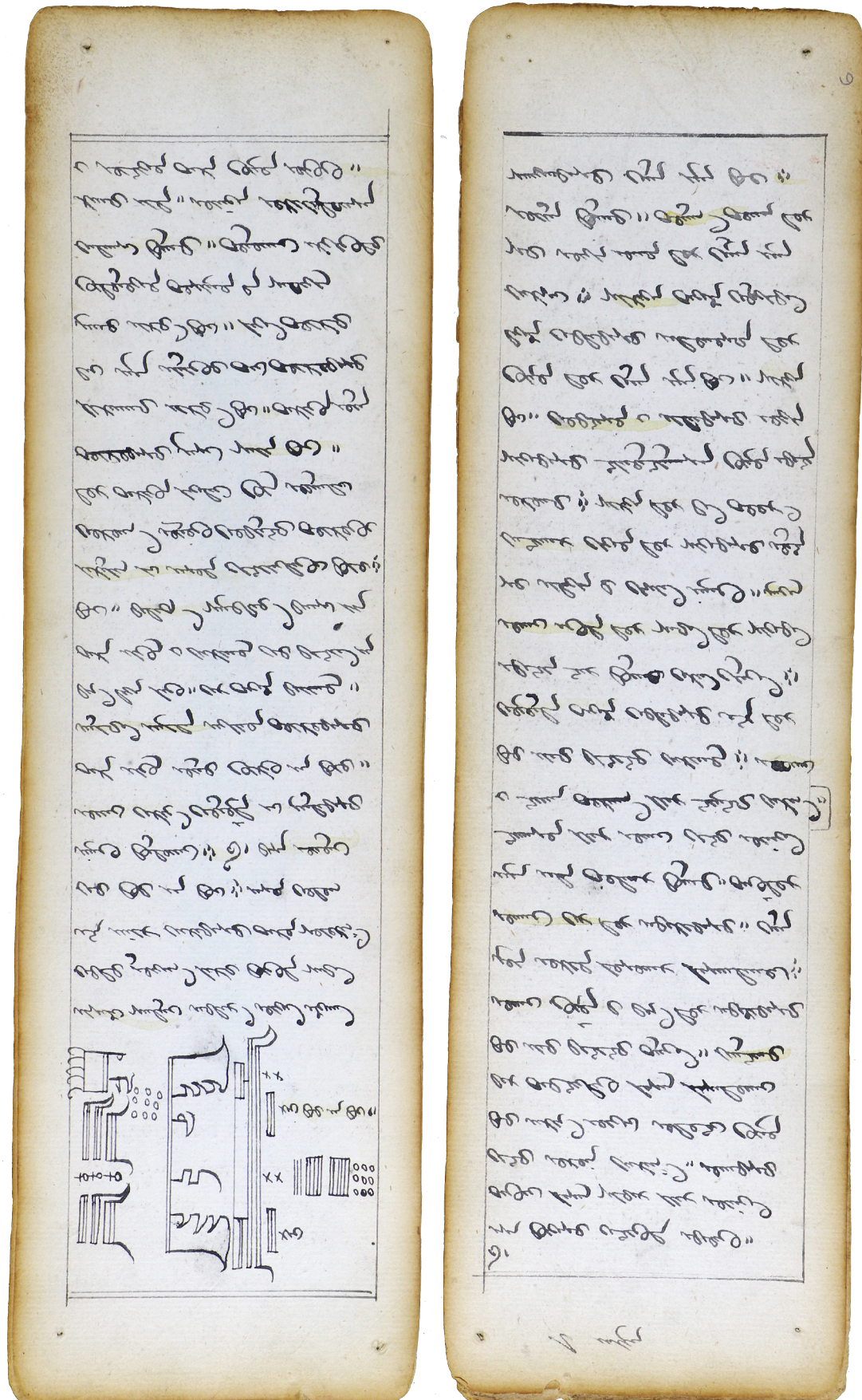


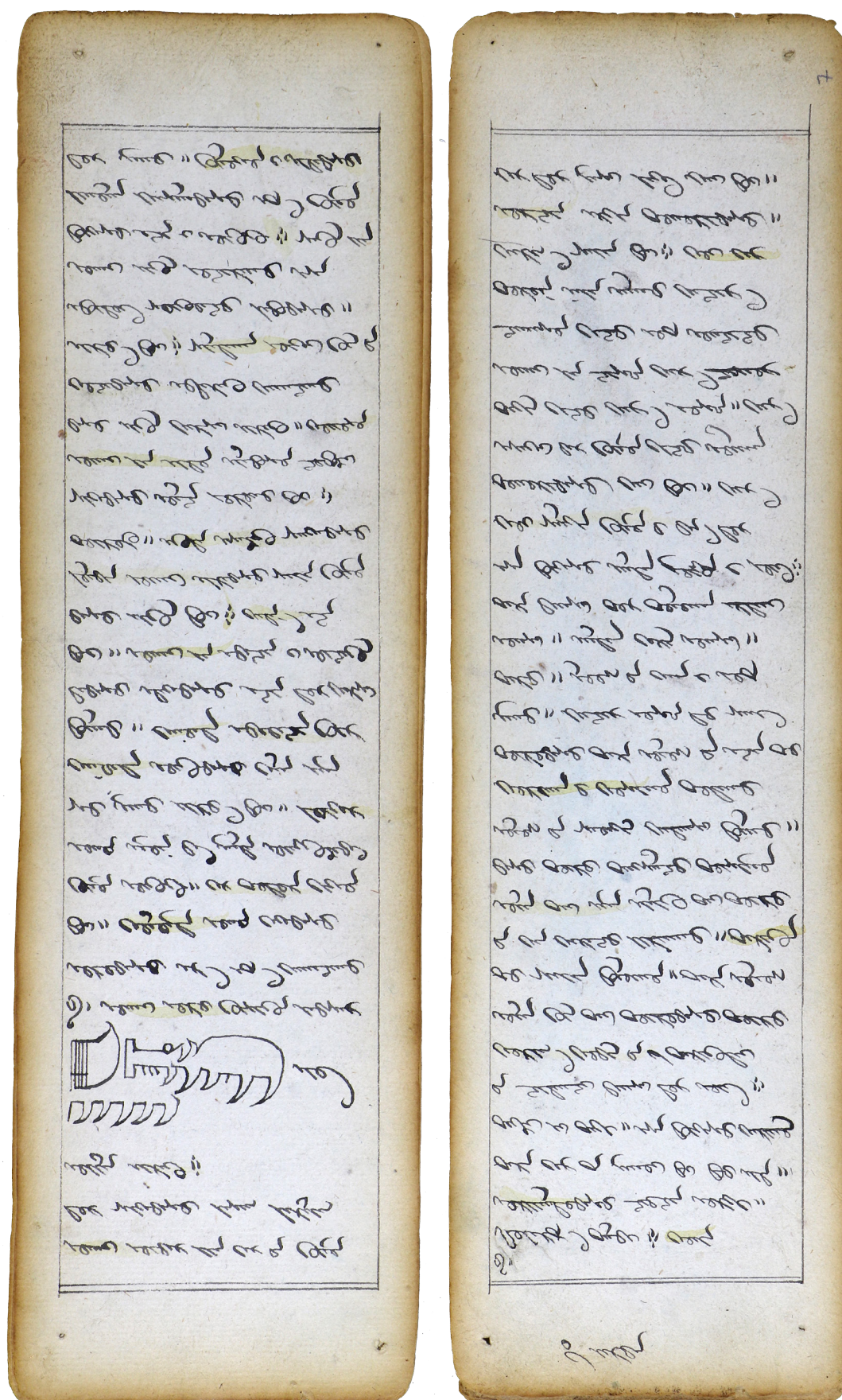
1. Die erste ist die, dass man die
 2. Die zweite ist die, dass man die
 3. Die dritte ist die, dass man die
 4. Die vierte ist die, dass man die
 5. Die fünfte ist die, dass man die
 6. Die sechste ist die, dass man die
 7. Die siebente ist die, dass man die
 8. Die achte ist die, dass man die
 9. Die neunte ist die, dass man die
 10. Die zehnte ist die, dass man die

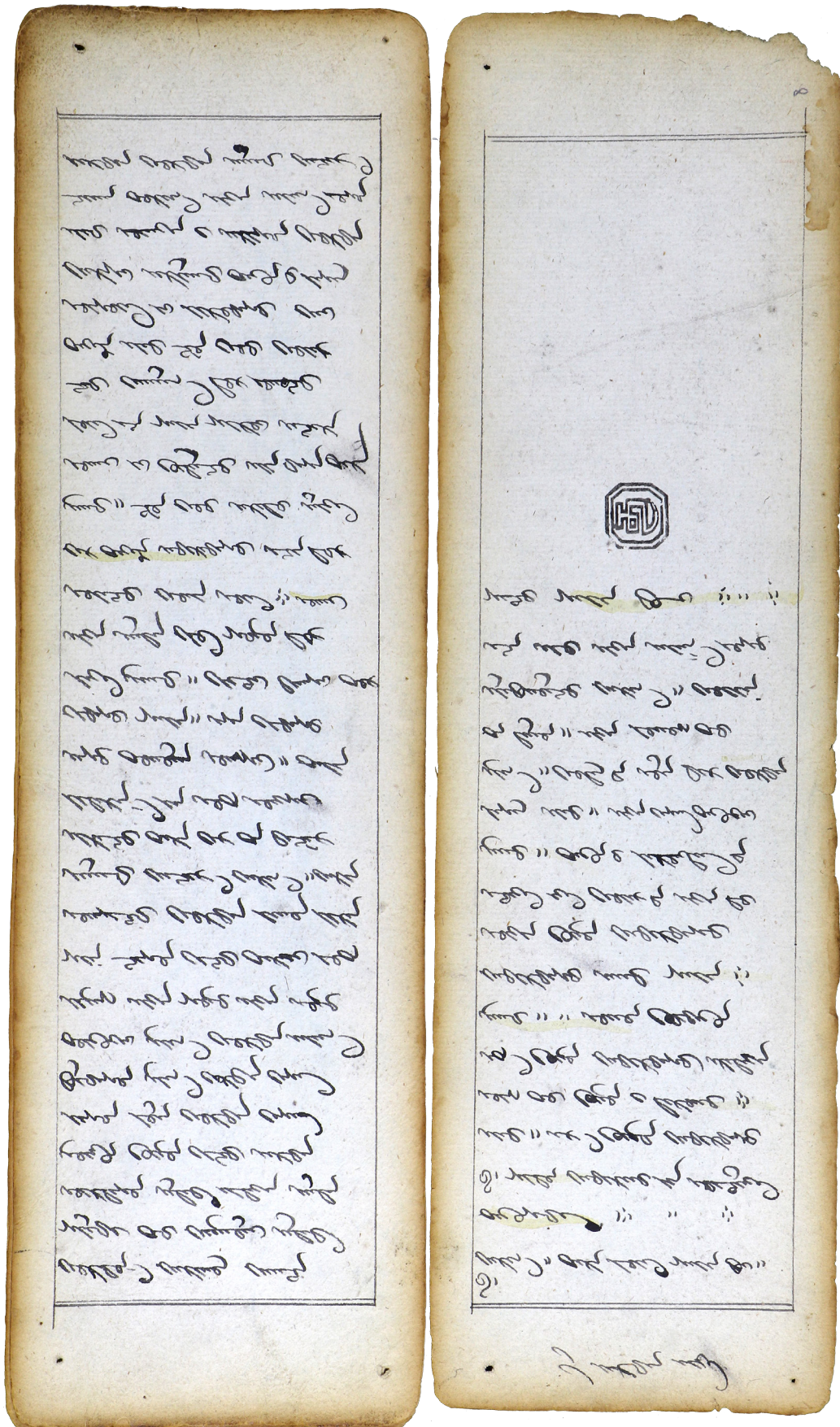
[illegible]













Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 2, pp. 279–291, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-279-291
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 294.3+003.335

Расшифровка надписей в Петербургском буддийском храме

Бембя Леонидович Митруев¹

¹ Институт философии РАН (д. 12, стр. 1, ул. Гончарная, 109240 Москва, Российская Федерация)
 аспирант
 ORCID: 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

Аннотация. *Введение.* Санкт-Петербургскому буддийскому храму посвящен ряд исследований. Но до настоящего времени остается неисследованным ряд надписей, являющихся элементами интерьера этого памятника культуры. В статье дается *расшифровка* надписей на тибетском языке и санскрите из указанного храма. *Материалом* для исследования послужили надписи Санкт-Петербургского храма, расположенные на фасаде, на портике, на колоннах и пилястрах в зале, на плафоне, в обрамлении проемов дверей и алтарной ниши в молельном зале. Кроме того, проанализированы прорисовки надписей, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в делах «Чертежи и эскизы к проекту Буддийской молельни в Ст. Деревне по Благовещенской ул., 11» и «Материалы Комитета по постройке буддийской молельни, среди них счета фирм, письмо технической части управления градоначальника о разрешении поместить на фасаде „Ганчжира“, рисунки эмблем и надписей». *Результаты.* В работе представлены транслитерация и перевод надписей в храме, а также иллюстрации. Сделаны выводы и предположения относительно авторства надписей. В частности, ставится под сомнение исключительное посвящение храма Калачакре. Во время консультации с Чадом Ринпоче, бывшим настоятелем монастырей Намгьял и Гьюто, Чад Ринпоче отверг возможность принадлежности этих цитат к какому-либо каноническому буддийскому тексту, в том числе и к Калачакре. Также он высказал предположение, что сколотая надпись над входной дверью могла представлять собой название храма, однако мы считаем, что это маловероятно. Относительно прорисовок надписей, подготовленных в свое время для буддийского храма и обнаруженных в двух делах в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, сделаны следующие выводы. Первая надпись представляет собой мантру Падмошниси (тиб. pad ma'i gtsug tor) «om padmoṣṇīṣa vimale hūṃ phaṭ». Традиционно ее размещают над входом. Возможно, что эта мантра находилась на одном из этажей храма, но позднее была утрачена, или эта надпись просто не вошла в художественное оформление храма. Вторая надпись — «om namo ratna traṇḍa» 'Кланяюсь пред тремя Драгоценностями', в Санкт-Петербургском буддийском храме такая надпись также отсутствует.

Ключевые слова: Петербургский буддийский храм, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ланджа, квадратное письмо, Калачакра, Намчу Вангден, Гунзэчойнэй

Благодарности. Автор выражает благодарность М. Б. Иохвину за фотографии элементов отделки храма после реставрации.

Для цитирования: Митруев Б. Л. Расшифровка надписей в Петербургском буддийском храме. Oriental Studies. 2019;(2):279-291. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-279-291.

Deciphering Inscriptions from St. Petersburg Buddhist Temple

Bembya L. Mitruiev¹

¹ Institute of Philosophy of the RAS, Department of Oriental Philosophies (Bldg. 1, 12, Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation)

Postgraduate Student

ORCID: 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

Abstract. *Introduction.* A number of research papers have dealt with the St. Petersburg Buddhist Temple. But some inscriptions from the interior of this cultural heritage have not been studied. *Goal.* The article deciphers Tibetan and Sanscrit inscriptions from the temple. The inscriptions situated on the front, porch, pillars and responds in the hall, on the plafond, door framing and altar niche in the prayer hall have become the *material* for this research. In addition, the paper analyzes the trace drawings of the inscriptions stored at the St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS – from the files 'Drawings and Sketches to the Project of the Buddhist Preaching-House in Staraya Derevnaya, 11, Blagoveschenskaya Street' and 'Materials of the Buddhist Preaching-House Building Committee' which include bills of companies, a letter by the Technical Department under city governor's administration that allows to install a 'Ganchjir' on the front face, and drawings of emblems and inscriptions. *Results.* The paper provides transliterations and translations of the inscriptions supplemented with clarifying pictures. It comes to some conclusions and sets forth suggestions regarding who might have authored the inscriptions. Particularly, the work contests the fact that the temple be devoted to the deity of Kalachakra only. So, Chado Rinpoche, an ex-Abbot of Namgyal and Gyoto monasteries, denied the possibility of the quotations having been a part of any canonical Buddhist text, including those dealing with Kalachakra practices. He also suggested that the destroyed inscription over the entrance may have denoted the name of the temple but the author concludes this is highly questionable. Regarding the trace drawings prepared for the Buddhist temple at that period and found in two files at the St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS the following conclusion was made. The first inscription is the mantra Padmoshnishi (Tibetan *pad ma 'i gtsug tor*) '*om padmosñiṣa vimale hūṃ phat*'. It is traditionally placed over the entrance. The mantra might have been depicted on one of the temple floors, it might have been lost or else the inscription was never a part of the temple decorative design. The second inscription is '*om namo ratna trayāya*' 'Bow to the Three Jewels', and that inscription was also never found in the St. Petersburg Buddhist temple.

Keywords: St. Petersburg Buddhist Temple, St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS, Lanja script, 'Phabs-pa' ('square') script, Kalachakra, Namchu Wangden, Gunzechoinei

Acknowledgements. The author expresses gratitude to M. B. Iokhvin for the submitted photographs of the restored decorative elements of the temple.

For citation: Mitruiev B. Deciphering Inscriptions from St. Petersburg Buddhist Temple. *Oriental Studies*. 2019;(2):279-291. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-279-291.



Санкт-Петербургский буддийский храм был построен по инициативе буддийского деятеля Агван Дорджиева (1853/54–1938) в период 1909–1915 гг. Инженер-архитектор Г. В. Барановский (1860–1920) являлся главным архитектором храма, он также создал много проектов зданий в Санкт-Петербурге. Изначально в роли архитектора выступил студент Института гражданских инженеров Н. М. Березовский (1879–1941), но на заключительном этапе строительством

руководил гражданский инженер Р. И. Берзен (1868–1958). Освящение (тиб. *gab gnas*) храма состоялось 10 августа 1915 г. Храм освятили Агван Доржиев и монахи из Бурятии и Калмыкии.

Немалую помощь в строительстве оказали тибетское и монгольское правительства, а также пожертвования многих верующих, в том числе из Бурятии и Калмыкии. О роли калмыков в строительстве Петербургского буддийского храма подробно рассказано в

статье Э. П. Бакаевой «Санкт-Петербургский храм: Агван Доржиев и калмыки» [Бакаева 2005].

Истории и описанию Петербургского буддийского храма «Гунзэчойнэй» посвящено немало работ. Среди них можно упомянуть доклад Г. В. Пионтека «Самый северный памятник тибетского зодчества» [Пионтек 1972], статью А. Н. Петрова «Буддийский храм в Старой Деревне» [Петров 1975]; статью Л. К. Минерта «Буддийский храм в Петербурге» [Минерт 1985]; статью О. В. Таратыновой и В. С. Горюнова «Новое о творчестве архитектора Г. В. Барановского» [Таратынова, Горюнова 1985]; статью Д. В. Иванова «Материалы о Петербургском буддийском храме, хранящиеся в Государственном Эрмитаже» [Иванов 2014].

Особого упоминания заслуживают исследования истории создания Санкт-Петербургского буддийского храма А. И. Андреева. Он является автором книг «Буддийская святыня Петрограда» [Андреев 1992а], «Храм Будды в северной столице» [Андреев 2004], «Санкт-Петербургский дацан» [Андреев 2007], «Санкт-Петербургский буддийский храм в фотографиях В. А. Сансера (1920–1924)» [Андреев 2017]. Также перу А. И. Андреева принадлежит множество статей, стоит упомянуть некоторые из них: «Из истории Петербургского буддийского храма» [Андреев 1992б], «Буддийские ламы из Старой Деревни» [Андреев 1993], «Об авторе проекта буддийского храма в Петербурге» [Андреев 1995] и др.

В своих книгах и статьях А. И. Андреев в подробных деталях рассказывает об истории возведения буддийского храма в Санкт-Петербурге, о тех, кто непосредственно занимался его строительством и оформлением, об этапах истории храма, начиная с периода возведения храма в 1909–1915 гг. и последующие периоды вплоть до современного времени.

Другой прекрасной работой, исследующей архитектуру и художественное оформление Санкт-Петербургского буддийского храма, является диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения Е. В. Асалхановой [Асалханова 2016]. В диссертации подробно рассматриваются живописное убранство дацана и его взаимосвязь с архитектурой храма.

Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных петербургскому храму, осталось немало загадок, в частности, до сих пор не были расшифрованы и прочитаны надписи в главном молельном зале храма. В книге А. И. Андреева «Храм Будды в северной столице» дан перевод некоторых надписей в главном зале, выполненный Н. Цыремполовым [Андреев 2004: 78], однако он не полон, поэтому целью данной статьи является восполнение этого пробела в нашем знании об оформлении храма.

Загадки начинаются с самого названия храма. Полное название храма — «Источник Святого Учения Всесострадающего Владыки Мудрецов» (тиб. kun la brtse mdzad thub dbang dam chos byung ba'i gnas) или сокращенно «Гунзэчойнэй» (тиб. kun brtse chos gnas) — является несколько необычным и нетипичным для буддийского монастыря тибетской традиции. Традиционно названия тибетских буддийских монастырей и храмов имели в своем названии слово «линг» (тиб. gling) — «остров» или, в вольном переводе, «обитель». Например, полное название монастыря Ганден — Ганден Намгьял-линг (тиб. dga' ldan nam gyäl gling), полное название монастыря Сэра — Сэра Тегчен-линг (тиб. se ra theg chen gling), полное название монастыря Кумбум — Кумбум Джампа-линг (тиб. sku 'bum byams pa gling). Однако, конечно же, это не значит, что названия всех монастырей заканчивались на «-линг». Остаются вопросы, кто был автором названия монастыря и что послужило причиной такого названия, отстоящего в стороне от тибетской традиции.

Переходя к надписям в храме, необходимо отметить, что помимо надписей, сохранившихся до настоящего момента, в храме могли быть и другие надписи, и прочие элементы декора, утраченные впоследствии. Например, в статье Д. В. Иванова приводится докладная записка сотрудника Отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины¹ Н. А. Троцкого от 7 июля 1920 г., где он докладывает об осмотре храма после того, как он был ограблен: «Посетив храм 5-го июля, я нашел его в самом заброшенном состоянии: двери раскрыты настежь, ключей от здания нет и

¹ Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства старины Комиссариата по просвещению РСФСР.

неизвестно, где они. Внутри сохранились только стены и столбы с резными украшениями. Главная фигура Будды разбита, стены местами попорчены» [Иванов 2014:28].

Так как храм прошел через все бурные события, имевшие место в городе на Неве, эти надписи могли быть утрачены в какой-то из этих моментов. Так была потеряна надпись над входом в молельный зал, находящийся с южной стороны.

Переходя к оставшимся в целости над-

писям, мы будем следовать следующему порядку:

- 1) надписи на фасаде;
- 2) надписи на портике;
- 3) надписи на колоннах и пилястрах в зале;
- 4) надписи на плафоне;
- 5) надписи в обрамлении проемов дверей и алтарной ниши в молельном зале;
- 6) прорисовки надписей, обнаруженные в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (далее — СПбФ АРАН).

1. Надписи на фасаде



Рис.1. Фрагмент фасада храма
[Fig. 1. Fragment of the temple front face]

На капителях колонн портала и верхнем фризе основного объема здания находятся позолоченные знаки Калачакры Намчу Вангден (тиб. *nam bcu dbang ldan*, санскр. *dasākārovaśī*) — «Десять могуществ». Этот знак Калачакры представляет собой монограмму, написанную письмом ланджа. Такие монограммы обычно называют *кутакшара* (санскр. *kuṭākṣara*) — «написанные друг над другом буквы».

Письмо ланджа (тиб. *lany+dza*) появилось в XI в. и использовалось для записывания мантр и текстов на санскрите. Намчу Вангден включает в себе смысл внешней, внутренней и иной Калачакры. Существует множество подробных объяснений об интерпретации Намчу Вангдена с точки зрения этих трех разделов Калачакры, поэтому мы не станем рассматривать их здесь².

Говоря о причине, по которой Намчу Вангден помещали на фасадах и прочих местах зданий храмов и монастырей, тибет-

ский автор «Краткого объяснения изображения Намчу Вангден» (тиб. *nam bcu dbang ldan gyi ri mo'i 'grel bshad bsdus pa*) Трору Ценам (тиб. *khro ru tshe nam*, 1928–2004) пишет: «Так как Намчу Вангден включает в себе или символизирует всю вселенную-сосуд трех миров и наполняющие ее живые существа, если установить его на верху здания, он подавит все неблагоприятные геомантические знаки и сделает их благоприятными. Он отвратит всякий вред, возникающий из-за неблагоприятного положения планет и созвездий, и будет оберегать от зла. Если поместить его дома, то защитит от неблагоприятных условий и препятствий, сделает все благим и благоприятным. Поэтому, так как [Намчу Вангден] приносит такую пользу и обладает такими достоинствами, сложилась традиция, следуя которой, большинство людей стали писать его на верху домов, на фасадах храмов и прочего»³ [Трору Ценам 2004: 276А]. По всей видимости, именно по этой причине монограммы Намчу Вангден были установлены на фасаде храма.

Знак Калачакры Намчу Вангден бывает трех разновидностей. Самая распростра-

³ Перевод Б. Л. Митруева.

² См., например, в книге Далай-ламы XIV Тензин Гьяцо «Калчакра тантра» [Tenzin Gyatso 1985: 212–215]. Также подробное объяснение дано на сайте Эдварда Хеннинга: [Kālacakra monogram 2014].

ненная его форма имеет восемь «ног» (номер 1 на рисунке). Другая, несколько менее распространённая форма, имеет пять «ног» (номер 2 на рисунке) и еще одна, менее распространённая форма с четырьмя «ногами» (номер 3 на рисунке), обычно используемая в школе Джонанг (тиб. jo nang) тибетского буддизма. «Ногами» здесь называются вертикальные линии, составляющие эти сложные лигатуры.



Рис. 2. Три вида знака Намчу Вангден
[Fig. 2. Three types of the sign Namchu Wangden]

О первых двух разновидностях пишет Патрул Ринпоче Оргьен Джигме Чойкы Ванпо (тиб. dpal sprul o rgyan 'jigs med chos ky'i dbang po) в своем «Объяснении очертания Намчу Вангден, данном в Белом Берилле» (тиб. nam bcu'i thig bshad bai dkar nas gsungs pa).

Согласно Патрулу Ринпоче, различие в количестве «ног» в лигатуре проистекает из различий в локальных традициях знания Калачакры [Патрул 2003: 439]. Также этот автор пишет, что существует Намчу Вангден с восемью «ногами» и сокращенная форма с пятью «ногами» [Патрул 2003: 440].



Рис. 3. Щит с Намчу Вангден на фасаде храма
[Fig. 3. Shield with Namchu Wangden on the temple front face]

Намчу Вангден с четырьмя «ногами» описан Таранатхой⁴. На фасаде и капителях храма расположена именно вторая форма Намчу Вангден с пятью «ногами».

2. Надписи на портике



Рис. 4. Монограмма Лакшми на капителях пилястр на портике храма
[Fig. 4. Porch of the temple. Lakshmi's monogram on column caps]

Надписи на щитах на стене портика описаны у А. И. Андреева: «Над каждой из дверей — доски с загадочными восточными письменами — золотом по синему. Это были священные буддийские мантры, начертанные на трех языках — санскритском, тибетском и старомонгольском: Ом арапачана дхи (мантра Манджушри — бодхисаттвы Мудрости), Ом мани падме хум (мантра Авалокитешвары — бодхисаттвы Сострадания), Ом ваджрапани хум пхат (мантра Ваджрапани — бодхисаттвы Уничтожения заблуждений)» [Андреев 2004: 77]. Эти надписи видны на фотографии в его книге «Храм Будды в северной столице» [Андреев 2004: 76]. Когда-то указанные щиты с мантрами были утеряны, однако в настоящее время они восстановлены.

Параллельно колоннам портика расположены пилястры или скорее полуколонны с капителями тибетского стиля. На капителях пилястр находятся одинаковые монограммы на санскрите, выполненные письмом ланджа. Это надписи с именем богини Лакшми (санскр. Lakṣmī). Помимо имени богини, слово «лакшми» также значит «богатство» и «благополучие». Монограмма Лакшми встречается в книге «Примеры письма ланджа и варту „Гирлянда из цвет-

⁴ Более подробная информация об этом варианте Намчу Вангдена дана на сайте Эдварда Хеннинга: [Kālacakra monogram 2014].

ков утпала» (тиб. lany+tsha dang wartu'i phyi mo ut+pa la'i 'phreng gyan), составленной Кончок Гьяцо (тиб. dkon mchog gya mtsho) [Кончок Гьяцо 1993: 30].



Рис. 5. Монограмма Лакшми
[Fig. 5. Lakshmi's monogram]

Эта монограмма часто использовалась в оформлении монастырей и храмов как знак богатства и благополучия. Так, в книге «Тибетское буддийское искусство» (тиб. bod rgyud nang bstan gyi sgyu rtsal, кит. Zàng chuán fó jiào yì shù), составленной Лю Личжуном, на иллюстрации № 94 представлены ворота храма в ступе Пэл Чойгон Джангчуб (тиб. dpal chos dgon byang chub mchod rten). Над воротами расположена надпись, состоящая из трех монограмм. В центре — Намчу Вангден с четырьмя «ногами», его фланкируют две одинаковые монограммы Лакшми с долгой гласной «ī» [Личжун 1988: 79].



Рис. 6. Ворота в храм в ступе Пэл Чойгон Джангчуб
[Fig. 6. Gates to the temple in the stupa Pel Choygon Jangchub]

Также в этой же книге есть иллюстрация № 74 с изображением изразца с надписью Лакшми, в котором допущена ошибка: вместо долгой «и» там написана короткая гласная «и». Слева и справа от монограммы Лакшми расположены китайские иероглифы 福壽 — fú shòu, значащие «счастье и долголетие».



Рис. 7. Изразец с монограммой Лакшми
[Fig. 7. Ceramic tile with Lakshmi's monogram]

3. Надписи на колоннах и пилястрах в зале



Рис. 8. Капители колонн в моельном зале храма
[Fig. 8. Column capitals in the temple prayer hall]

В главном зале находятся два ряда из четырех колонн. Оба ряда начинаются и заканчиваются у стен пилястрами. В центре капителей колонн и полукапителей пилястр на изображениях цветков лотоса находятся монограммы Лакшми — точно такие же, что и на капителях пилястр портика. Чуть ниже монограмм находятся санскритские слоги, записанные письмом ланджа. Если прочесть их, начиная от самой северной пилястры, расположенной возле алтаря, то эти слоги составляют надпись на санскрите «namassarvajña śākyamunaye», что значит «склоняюсь пред всеведущим Шакьямуни». Эти надписи повторяются на задней сторо-

не капителей колонн и полукапителей пилястр обоих рядов колонн в молельном зале на первом этаже.

Прорисовки монограммы Лакшми и этой санскритской надписи сохранились в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН [СПбФ АРАН. Разряд IX. Оп. 2а. № 13]. Число листов — 114. Прорисовки надписи на санскрите «*namassarvajña śākyamunaye*» представляют собой девять тетрадных листов в клетку размером 22,2–25,5 см, на каждом из которых имеется по вписанному в круг слогу ланджа, нарисованному карандашом.

На каждом из листов стоит цифра, написанная красным карандашом, обозначающая порядковый номер слога. На первом листе написаны две цифры 1 и 9, так как первый слог «на» повторяется и является также и девятым слогом. В верхней части каждого листа надпись «верх». На задней стороне некоторых из листов находятся эскизы этих слогов, будто кто-то тренировался в написании этих слогов. На обороте последнего 9 листа с 10 слогом «уе» остатки слога «нга» или «да», записанного квадратным письмом Пхагпа-ламы, о котором будет сказано ниже. По всей видимости, это наброски надписи на ленте в проеме дверей на северной стороне зала или на ленте в проеме алтаря.

В той же папке, где хранится прорисовка надписи на санскрите «*namassarvajña śākyamunaye*», содержится и прорисовка монограммы Лакшми, выполненная акварелью.

4. Надписи на плафоне

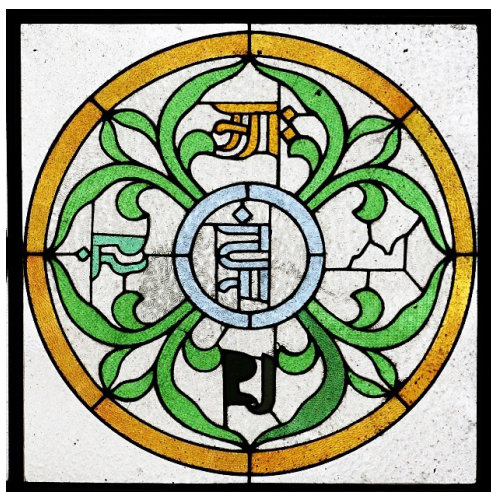


Рис. 9. Витраж на плафоне храма
[Fig. 9. Glass painting on the temple plafond]

На третьем этаже храма расположено квадратное ограждение светового фонаря. Витражный плафон этого светового фонаря состоит из 16 повторяющихся изображений четырехлепесткового лотоса, образующих квадрат. Слоги на четырехлепестковом лотосе представляют собой санскритские слоги *āḥ khaṃ vi ga hūṃ*, записанные письмом ланджа.

В центре голубого круга в середине лотоса находится изображение слога *hūṃ* голубого цвета, вокруг него на зеленых лепестках лотоса находятся изображения слогов *āḥ khaṃ vi ga*. Желтый слог *āḥ* находится непосредственно над слогом *hūṃ*, от него против часовой стрелки располагаются: зеленый слог *khaṃ*, затем черный слог *vi*, а за ним белый слог *ga*. Из-за неоднородности цвета стекла витража слог *vi* на некоторых цветках лотоса коричневого цвета.

Эти слоги символизируют пять семейств Будд. Относительно символизма этих слогов в книге Далай-ламы XIV Тензин Гьяцо «Калачакра-тантра» сказано: «В „Объяснении ритуала посвящения Калачакры“ 457.5 Далай-ламы VII: *āḥ* — семенной слог Вайрочаны; *kha* — семенной слог Амогхасиддхи; *vī* — первый слог имени Вайрочаны; *ga* — первый слог имени Ратнасахавы; *hūṃ* — семенной слог Акшобхы <...> Некий [ученый]⁵ утверждает, что *āḥkhaṃ-vīga hūṃ* значит „небесный герой“⁶» (*nam mkha'i dpa' bo*) [Tenzin Gyatso 1985: 442–443]. Прорисовки четырехлепесткового лотоса сохранились в упомянутой выше папке в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН [СПбФ АРАН. Разряд IX. Оп. 2а. № 13].

⁵ Например, Чойкьи Дракпа (1595–1659) из традиции Дрикунг кагью в своем «Ритуале Бхагавана Нава-ушниша Сарвадургати-парিশодханы „Сноп, радующий океан“» (тиб. *bcom ldan 'das ngan song yongs su sbyong ba gtsug tor dgu'i cho ga rgya mtsho dga' ba'i snye ma*) [Чойкьи Дракпа 1999:71].

⁶ Перевод Б. Л. Митруева.

5. Надписи в оформлении проемов дверей и алтарной ниши в моельном зале



Рис. 10. Моельный зал храма Гунзэчойнэй
[Fig. 10. Prayer hall of the temple Gunzechoinei]

Начнем с надписи вокруг алтаря. Проём алтарной ниши обрамляет надпись золотыми буквами на синем фоне. Вертикальные надписи слева и справа от алтаря представляют собой надписи на тибетском языке, выполненные монгольским квадратным письмом.

Квадратное письмо возникло в период императора Хубилая в 1269 г. [Поппе 1941: 9]. Алфавит квадратного письма был построен на основе тибетского алфавита, несколько приспособленного к фонетике монгольского языка [Поппе 1941: 11].

Надпись слева от алтаря гласит: «om bde legs su gyur cig skyabs mchog bslu ba med pa'i dkon mchog ni //».

Надпись справа от алтаря гласит: «kun gyi mgon du bsten na skal ba bzang // bkra shis par gyur cig dge'e(o) //»

Перевод этих надписей следующий: «Ом! Пусть будет счастье и благо! Если полагаться на безупречное высшее прибежище — [три] Драгоценности, как на защитника всех, — это благая удача! Пусть будет благополучие! [Да будет] добродетель!».

Над проёмом алтарной ниши находится надпись на санскрите, записанная письмом ланда и представляющая собой так называемую «мантру сердечной сущности вза-

имозависимости» (тиб. rten 'brel snying po, санскр. pratītyasamutpādaḥṛdaya/) Надпись выполнена с некоторыми ошибками, поэтому в скобках даны исправления надписи: «om ye dharma(ā) hetuprbhava(ā) hetuṇṭe(nte) śāntathāgato hyavadat teṣa(ā)ñca yo nirodha evaṃ bha(vā)dī mahāśramaṇā(a)h swa(ā)hā//».

Перевод надписи следующий:

«Ом! Все явления возникают из причин. Эти причины были объяснены Татхагатой. Также то, что является их прекращением, так были произнесены Великим Аскетом сваха».

Надписи вокруг левой и правой дверями на северной стороне зала

Вертикальные надписи слева и справа от дверей, находящихся слева и справа от алтаря, представляют собой по строке четверостишия на тибетском языке, выполненные монгольским квадратным письмом. Вертикальная надпись слева и справа от левой двери представляет собой первые две строки четверостишия, а вертикальная надпись слева и справа от правой двери — третью и четвертую строки этого четверостишия. Эти надписи традиционны для интерьера буддийских монастырей и часто встречаются в оформлении в тибетских храмах и монастырях.



Рис. 11. Левая дверь
[Fig. 11. Left door]



Рис. 12. Правая дверь
[Fig. 12. Right door]

Надпись слева от левой двери: «nyin mo bde legs mtshan bde legs//».

Надпись справа от левой двери: «nyin mo'i dgung yang bde legs shing//».

Надпись слева от правой двери: «nyin mtshan rtag tu bde legs pa'i//».

Надпись справа от правой двери: dkon mchog gsum gyi bkra shis shog//».

Перевод надписи четверостишия следующий:

«Пусть день будет счастливым и благим, [пусть] ночь будет счастливой и благой. [Пусть] полдень будет счастливым и благим, [пусть] день и ночь всегда будут счастливыми и благими. Пусть будет благополучие трех Драгоценностей!».

Горизонтальные надписи над левой и правой дверью на санскрите выполнены письмом ланджа.

Надпись над левой дверью: «saṃsāra-nirvāṇāsama[n]dṛśo'nāsravajñānam//». Надпись над правой дверью: svaparasama[n]dṛśo'anāla(m)banakāruṇyaṃ//⁷. Перевод надписи следующий⁸: «Пред незагрязненной высшей мудростью (тиб. zag med ye shes), видящей одинаково сансару и нирвану, пред необозревающим (тиб. dmigs med)

⁷ В квадратные скобки помещены лишние слоги санскритских слов. В круглых скобках даны пропущенные слоги надписи.

⁸ Для ясности в скобках помещены тибетские термины, соответствующие санскритским терминам в надписи.

состраданием, схоже видящим себя и других».

Входная дверь

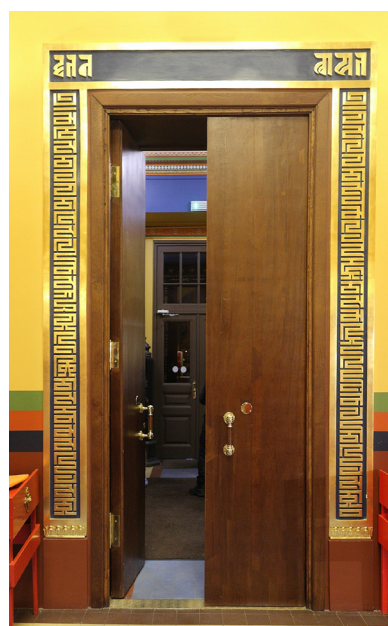


Рис. 13. Входная дверь в храм Гунзэчойнэй
[Fig. 13. Entrance door to the temple Gunzechoinei]

Надпись слева от входной двери: «mkhas grub gnyis ldan skye bo'i tshogs rnam 'du sgo». Перевод надписи следующий: «Богатство (тиб. 'du sgo) собрания личностей, обладающих качествами знания и практики».

Надпись справа от входной двери: «bslab gsum lung rtogs mdzod 'dzin pa dag 'du sgo». Перевод надписи следующий: «Богатство

(тиб. 'du sgo) держателей сокровищницы трех обучений, объясненного и постигнутого учения».

Надпись над входной дверью почти полностью утрачена. Остались лишь слог «па» в самом начале и слоги «tvāya» в самом конце. По всей видимости, горизонтальные надписи над левой и правой дверью вместе с надписью над входной дверью составляли единый комплекс. На это указывает то, что обе строки, находящиеся над левой и правой дверью, заканчиваются на слова в аккумулятиве, а последние слоги частично утраченной надписи над входной дверью, скорее всего, представляют собой слоги «tvāya», что можно интерпретировать как показатель датива. На это косвенно указывает слог «па» в начале частично утраченной надписи над входной дверью, который может быть первым слогом слова «пама» или «пато», имеющего значение «поклоняюсь». К сожалению, прорисовки этой частично утраченной надписи над входной дверью не были обнаружены в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

6. Прорисовки надписей, обнаруженные в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранились прорисовки других надписей на ланджа, которые не обнаружены в храме. В разряде IX. Оп. 2а. № 13. «Планы неакадемических зданий (XIX–XX вв.)». 1909–1914. «Чертежи и эскизы к проекту Буддийской молельни в Ст. Деревне по Благовещенской ул., 11» есть прорисовка надписи на бумажной ленте из 21 склеенного тетрадного листа в клетку размером 44 – 25,5 см, под слогами находятся цифры, скорее всего обозначающие толщину слогов.

Надпись представляет собой мантру Падмошниси (тиб. pad ma'i gtsug tor) «om padmoṣṇīṣa vimale hūṃ phaṭ». Традиционно ее размещают над входом, потому что в Кутагара-сутре (тиб. khang bu brtsegs pa'i mdo) и Амогхапаша-тантре (тиб. don yod zhags pa'i gnyud) сказано, что тот, кто пройдет под этой мантрой, очистит недобродетели, накопленные за тысячу эонов. Возможно, что эта мантра находилась на одном из этажей храма, но позднее была утрачена. А может быть, эта надпись просто не вошла в художественное оформление храма.

Помимо этого, в СПбФ АРАН сохранилось дело «Материалы Комитета по постройке буддийской молельни, среди них счета фирм, письмо технической части управления градоначальника о разрешении поместить на фасаде „Ганчжира“, рисунки эмблем и надписей» [СПбФ АРАН. Фонд № 177. Радлов Василий Васильевич. Оп. 3. Ед. хр. 44. 1911–1916. 21 л.]. На листе № 11, представляющем собой лист разлинованной бумаги размером 24,7–26,3 см, карандашом нарисован эскиз мантры из восьми слогов на санскрите. Мантра написана письмом ланджа. Надпись следующая: «om namoratnatrayāya». Перевод: «Кланяюсь пред тремя Драгоценностями».

На листе № 19, представляющем собой лист разлинованной бумаги размером 24,7–26,3 см, карандашом нарисован эскиз мантры на санскрите. Мантра написана письмом ланджа. Надпись следующая: om sarva buddha «bodhisat(t)va adhiṣṭhi(ā)na adhiṣṭhite swāhā//».

Перевод: «Ом пусть все Будды и бодхисаттвы благословят благословением сваха».

Эта надпись тоже не была обнаружена в храме.

Заключение

Остаются без ответа несколько вопросов. Кто является автором надписей на тибетском языке и санскрите? Надписи на тибетском, записанные квадратным письмом, кажутся довольно стандартными для оформления буддийского храма. Однако надписи на санскрите, записанные индийским письмом ланджа, необычны, как и само название храма. Возможно, что исполнителями были Осор Будаев, Гэлэг-Чжамцо Цэвэгийн или Ринчин Занхатов, но кто был их автором? Будаев, Цэвэгийн или Рерих? Возможно, что надписи были придуманы и переведены на санскрит кем-то еще из петербургских востоковедов? Сами надписи указывают на то, что их написал человек, знающий санскрит. Оформление надписей не оставляет сомнения, что мастер, делавший их, хорошо знал письмо ланджа. В частности, на хорошее знание письма ланджа исполнителем, несмотря на некоторые ошибки, указывает тот факт, что в санскритском тексте над входной дверью встречается знак *avaagraha* (санскр. avagraha), не встречавшийся автору в других текстах на ладжа.

Другой вопрос заключается в том, откуда текст надписей? Являются ли они оригинальными или это цитата? Во время консультации с Чадо Ринпоче, бывшим настоятелем монастырей Намгьял и Гьюто, Чадо Ринпоче отверг возможность принадлежности этих цитат к какому-либо каноническому буддийскому тексту, в том числе и к Калачакре. Также он высказал предположение, что сколотая надпись над входной дверью могла представлять собой названия храма, однако мы считаем, что это маловероятно.

Остатки надписи квадратным письмом, о которых говорилось выше, указывают на то, что прорисовки других надписей тоже существовали, но позднее были утеряны.

Остается надежда, что в будущем они все же найдутся.

Некоторые авторы пишут, что храм связан с Калачакрой. Прочтение надписей в дацане не дало подтверждений такому утверждению. Надписи в храме не дают повода отнести этот храм эксклюзивно к Калачакре. Будь это так, то в оформлении храма должны быть и другие элементы, указывающие на эту связь. На самом деле убранство храмов довольно равномерно. На посвящение храма тому или иному божеству обычно указывают росписи и статуи, размещаемые внутри храма.

Буддийский храм в Санкт-Петербурге до сих пор хранит множество тайн.

Источники

- СПбФ АРАН. Разряд IX. Оп. 2а. № 13 — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Разряд IX. Оп. 2а. № 13. «Планы неакадемических зданий (XIX–XX вв.)». 1909–1914. «Чертежи и эскизы к проекту Буддийской молельни в Ст. Деревне по Благовещенской ул., 11». 114 л.
- СПбФ АРАН. Фонд № 177. Радлов Василий Васильевич — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Фонд № 177. Радлов Василий Васильевич. Оп. 3. Ед. хр. 44. «Материалы Комитета по постройке буддийской молельни, среди них счета фирм, письмо технической части управления градоначальника о разрешении поместить на фасаде „Ганчжира“, рисунки эмблем и надписей». Крайние даты: 1911–1916. 21 л.

Sources

- St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS. Category IX. Ser. 2a. No. 13. [‘Plans of Non-Academic Buildings: 19th – 20th centuries’. 1909–1914. ‘Drawings and Sketches for the Building of a Buddhist Chapel: 11, Blagoveshchenskaya Str., St. Derevnya’]. 114 p. (In Russ.)
- St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS. Fond No. 177. Vasily V. Radlov. Ser. 3. It. 44. [‘Papers of the Buddhist Chapel Construction Committee, including Bills of Commercial Enterprises, a Letter by the Technical Commission of the Mayor’s Executive Office Approving the Installation of a ‘Ganchjir’, Pictures of Symbols and Inscriptions’. Years: 1911–1916]. 21 p. (In Russ.)

Литература

- Андреев 1992а — Андреев А. И. Буддийская святыня Петрограда / The Buddhist Shrine of Petrograd (русско-английское издание). Улан-Удэ: ЭкоАрт, 1992. 124 с.
- Андреев 1992б — Андреев А. И. Из истории Петербургского буддийского храма // Orient. Альманах. СПб.: Утпала, 1992. Вып. 1: Буддизм и Россия. С. 6–37.
- Андреев 1993 — Андреев А. И. Буддийские ламы из Старой Деревни // Невский архив: Ист.-краевед. сб. М.; СПб., 1993. [Вып. 1]. С. 314–349.
- Андреев 1995 — Андреев А. И. Об авторе проекта буддийского храма в Петербурге : [к биограф. архитектора Н. М. Березовского] // Краеведческие записки : исслед. и материалы. СПб.: Гос. музей истории С.-Петербурга, 1995. Вып. 3. С. 44–51.
- Андреев 2004 — Андреев А. И. Храм Будды в Северной столице. СПб.: Нартанг, 2004. 220 с.
- Андреев 2007 — Андреев А. И. Санкт-Петербургский дацан / St. Petersburg Datsan (русско-английское издание) / А. И. Андреев. СПб.: Нестор-история, 2007. 79 с.
- Андреев 2017 — Андреев А. И. Санкт-Петербургский буддийский храм в фотографиях В. А. Сансера (1920–1924). Из коллекции Института восточных рукописей РАН. СПб.: Изд-е А. А. Терентьева, 2017. 96 с.
- Асалханова 2016 — Асалханова Е. В. Дацан Гунзчойнэй в Санкт-Петербурге. Концепция и программа историко-художественной реконструкции живописного убранства (диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения). Саратов, 2016. 335 с.

- Бакаева 2005 — Бакаева Э. П. Санкт-Петербургский храм: Агван Доржиев и калмыки // Буддийская традиция: история и современность. Юбилейные чтения, посвященные 150-летию со дня рождения Агвана Лобсана Доржиева. Мат-лы конф. 25–24 ноября 2004 г. СПб., 2005. С. 46–56.
- Иванов 2014 — Иванов Д. В. Материалы о Петербургском буддийском храме, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Петербургский Буддийский храм, Государственный Музейный Фонд. // Тибетология в Санкт-Петербурге. Вып. 1. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 26–35.
- Личжун 1988 — Лю Личжун. Тибетское буддийское искусство / Zàng chuán fó jiào yì shù / 藏傳佛教藝術. Тяньцзинь: Изд-во Тяньцзиньского народного искусства. 1988.
- Минерт 1985 — Минерт Л. К. Буддийский храм в Петербурге // Рериховские чтения. 1984 год. Материалы конференции. Новосибирск: ГПНТБ, 1985. С. 332–344.
- Петров 1975 — Петров А. Н., Борисова Е. А. и др. Буддийский храм в Старой Деревне // Памятники архитектуры Ленинграда. Л.: Стройиздат, 1975–1976. С. 466–467.
- Пионтек 1972 — Пионтек Г. В. Самый северный памятник тибетского зодчества // История и культура Востока Азии. Т. 1: Центральная Азия и Тибет. Материалы к конференции. Новосибирск: Наука, Сиб. отд. 1972. С. 95–97.
- Поппе 1941 — Поппе Н. Н. Квадратная письменность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 166 с.
- Таратынова, Горюнов 1985 — Таратынова О. В., Горюнов В. С. Новое о творчестве архитектора Г. В. Барановского // Вопросы истории, теории и практики архитектуры. Межвузовский тематич. сб. трудов. Л.: Изд-во ЛИСИ, 1985. С. 83–88.
- Tenzin Gyatso 1985 — Tenzin Gyatso. Kalachakra Tantra rite of initiation for the stage of generation: a commentary on the text of Kaydrup-ge-lek-bel-sang-bo. London: Wisdom Publications, 1985. 519 p.
- Кончог Гьяцо 1993 — Кончог Гьяцо. Примеры письма ланджа и варту «Гирлянда из цветков утпала». Ланджоу: Ганьсуское народное изд-во / Lañ tsha dañ Wartu'i phyi mo utpala'i phreñ rgyan. 1993. 111 с. (dkon mchog rgya mtsho. Lañ tsha dañ Wartu'i phyi mo utpala'i phreñ rgyan. lan kru'u: kan su'u mi rigs dpe skrun khang. 1993. 111 p. (In Tibetan)).
- Патрул 2003 — Патрул Оргьен Джигме Чойкы Вангпо. Объяснение очертания Намчу Вангден, данное в «Белом Берилле»/ nam bcu'i thig bshad bai dkar nas gsungs pa. Ченду: Сычуаньское народное издательство// Т. 4. 2003. С. 436–440. (dpal sprul o rgyan 'jigs med chos kyi dbang po. nam bcu'i thig bshad bai dkar nas gsungs pa. Khreng tu'u: si khron mi rigs dpe skrun khang // Vol. 4. 2003. p. 436–440).
- Тропу Ценам 2004 — Тропу Ценам. Краткое объяснение изображения Намчу Вангден / nam bcu dbang ldan gyi ri mo'i ,grel bshad bsdus pa. Лхаса: Т. 8. 2004. С. 275В–276В. (khro ru tshe nam. nam bcu dbang ldan gyi ri mo'i ,grel bshad bsdus pa. Lhasa // Vol. 8. 2004. Pp. 275В–276В).
- Чойкы Дракпа 1999 — Чойкы Дракпа. Ритуал Бхагавана Нава-ушниши Сарвадургати-парिशодхана «Сноп, радующий океан»/ bcom ldan ,das ngan song yongs su sbyong ba gtsug tor dgu'i cho ga rgya mtsho dga' ba'i snye ma/ Кулхан: Институт Дрикунг Кагью. Т. 7. 1999. С. 9–168. (chos kyi grags pa. bcom ldan ,das ngan song yongs su sbyong ba gtsug tor dgu'i cho ga rgya mtsho dga' ba'i snye ma. Kulhan: Drikung Kagyu Institute. Vol. 7. 1999. 9–168).
- Kālacakra monogram 2014 — Kālacakra monogram [электронный ресурс] // The „one with ten powers“ (Монограмма Калачакры «Обладающий десятью силами»). URL: <http://www.kalachakra.org/namcu/namcu.htm> (дата обращения: 23.04.2019).
- Kālacakra monogram 2014 — Kālacakra monogram [электронный ресурс] // Generation process (Монограмма Калачакры «Процесс порождения»). URL: <http://www.kalachakra.org/namcu/namcu2.htm> (дата обращения: 23.04.2019).

References

- Andreyev A. I. [The Buddha's shrine in Russia's Northern capital]. St. Petersburg: Nartang, 2004. 220 p. (In Russ.)
- Andreyev A. I. Buddhist Lamas from Staraya Derevnaya. Nevskiy arkhiv. Coll. works in local history studies. Moscow; St. Petersburg, 1993. [Is. 1]. Pp. 314–349. (In Russ.)
- Andreyev A. I. Excerpts from the history of Petersburg Buddhist Temple. Orient. Almanac. St. Petersburg: Utpala, 1992. Is. 1: Buddhism and Russia. Pp. 6–37. (In Russ.)
- Andreyev A. I. St. Petersburg Datsan. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007. 79 p. (In Russ. and Eng.)
- Andreyev A. I. The Buddhist Shrine of Petrograd. Ulan-Ude: EcoArt, 1992. 124 p. (In Russ. and Eng.)
- Andreyev A. I. The Buddhist temple in Petersburg: a few words about the author of the building

- design [architect N. M. Berezovsky's biography revisited]. [Notes on Regional Studies]. Studies and related materials. St. Petersburg: Museum of the History of St. Petersburg, 1995. Is. 3. Pp. 44–51. (In Russ.)
- Andreyev A. I. The Saint-Petersburg Buddhist temple in the photographs by Vladimir A. Sansero (1920–1924). From the Collection of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. St. Petersburg: A. A. Terentiev, 2017. 96 p. (In Russ. and Eng.)
- Asalkhanova Ye. V. [Datsan Gunzechoinei in St. Petersburg: conceptual framework and program of history-and-art reconstruction of pictorial decoration]. A Cand.Sc. thesis. Saratov, 2016. 335 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. St. Petersburg temple: Agvan Dorzhiev and the Kalmyks. [The Buddhist Tradition: History and Contemporaneity]. Scholarly readings to commemorate the 150th anniversary of Agvan Lobsan Dorzhiev's birth. Conf. proc. (25–24 November 2004). St. Petersburg, 2005. Pp. 46–56. (In Russ.)
- Chokyi Drakpa. [The Sheaf Cheering the Ocean: the ritual of Bhagavan Nava-Ushnisha Sarvadurgati-Parishodhana]. Kulhan: Drikung Kagyu Institute, 1999. Vol. 7. Pp. 9–168. (In Tib.)
- Ivanov D. V. Materials about St. Petersburg Buddhist temple contained in the State Hermitage Museum. St. Petersburg Buddhist temple, State Museum Foundation. Tibetology in St. Petersburg. Is. 1. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2014. Pp. 26–35. (In Russ.)
- Kālacakra monogram. Generation Process. An Internet resource: <http://www.kalacakra.org/namcu/namcu2.htm> (accessed: 23 April 2019). (In Eng.)
- Kālacakra monogram. The One With Ten Powers. An Internet resource: <http://www.kalacakra.org/namcu/namcu.htm> (accessed: 23 April 2019). (In Eng.)
- Konchog Gyatso. [The Garland of Utpala Flowers: collected examples of Lantsa and Wartu scripts]. Lanzhou: Gansu People's Publ. House, 1993. 111 p. (In Tib.)
- Liu Lizhong. Buddhist art of the Tibetan plateau (/藏傳佛教藝術). Tianjin: Tianjin People's Art Publ., 1988. (In Chin.)
- Minert L. K. The Buddhist temple of St. Petersburg. Roerich Readings: 1984. Conf. proc. Novosibirsk: State Public Scientific and Technological Library, 1985. Pp. 332–344. (In Russ.)
- Patrul Orgyen Jigme Chokyi Wangpo. [Comments on Namchu Wangden from The White Beryl]. Chengdu: Sichuan People's Publ. House, 2003. Vol. 4. Pp. 436–440. (In Tib.)
- Petrov A. N., Borisova Ye. A. et al. The Buddhist temple in Staraya Derevnja. [Architectural Monuments of Leningrad]. Leningrad: Stroizdat, 1975–1976. Pp. 466–467. (In Russ.)
- Piontek G. V. A northernmost monument of Tibetan architecture. [History and Culture of East Asia]. Vol. 1: Central Asia and Tibet. Conf. proc. Novosibirsk: Nauka, 1972. Pp. 95–97. (In Russ.)
- Poppe N. N. [Square ('Phabs-pa) script]. Moscow; Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1941. 166 p. (In Russ.)
- Taratynova O. V., Goryunov V. S. Architect G. V. Baranovsky's works: some newly discovered details revisited. [Architecture: Questions of History, Theory and Practice]. Interuniv. coll. papers. Leningrad: Leningrad State Univ. of Architecture and Civil Engineering, 1985. Pp. 83–88. (In Russ.)
- Tenzin Gyatso 1985 — Tenzin Gyatso. Kalachakra Tantra rite of initiation for the stage of generation: a commentary on the text of Kaydrup-ge-lek-bel-sang-bo. London: Wisdom Publications, 1985. 519 p. (In Eng.)
- Troru Tsenam. [A brief explanation of Namchu Wangden]. Lhasa, 2004. Vol. 8. Pp. 275B–276B. (In Tib.)





Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 2, pp. 292–297, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-292-297
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 81'362.626

Местоимения как средство выражения связей слов в языках разных типов

Раиса Джавхаровна Урунова¹

¹ Казанский федеральный университет (д. 18, ул. Кремлевская, 420008 Казань, Российская Федерация)

доктор филологических наук, доцент

ORCID: 0000-0003-0630-8252. E-mail: urunova_rd@rambler.ru

Лилия Талгатовна Ягафарова²

² Университет управления «ТИСБИ» (д. 13, ул. Муштари, 420012 Казань, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, доцент

ORCID: 0000-0002-0130-9451. E-mail: yagafarovaliliya06@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Статья содержит сравнительный анализ грамматических процессов, которые произошли в разных языках, распространенных на одной территории. Сравнение осуществляется в аспекте использования местоимений как средства для образования в языке новых грамматических формантов. *Целью* статьи является изучение местоимения как класса, присутствующего в каждом языке и осуществляющего глобальные грамматические процессы, которые явились фундаментом для поздних процессов по корректировке языков разных типов. В данной работе рассматривается сущность вторичного родства языков, которому ученые незаслуженно уделяют недостаточно внимания. Оно появилось в результате длительного контакта народов друг с другом и, как следствие, взаимовлияния языков. Связующим звеном, оформляющим синтаксические отношения, являются местоимения, которые особенно сильно оказали влияние на грамматические единицы в тюркских и иранских языках, в частности при функционировании изафета. *Материалы.* Основой для рассмотрения данных процессов в нашей работе стали тюркские и иранские языки, изафетные конструкции которых проявляются в характере их семантического наполнения: в тюркских языках они связаны с категорией принадлежности, а в иранских — с определительной категорией. Если говорить о славянских и германских языках, то в них местоименные форманты, помимо представления отношений между словами, выражают грамматическую категорию определенности / неопределенности (в германских языках) и служат средством распознавания прилагательного с точки зрения грамматики (в восточнославянских языках). *Результаты.* На наш взгляд, имеет место взаимовлияние языков в результате территориальной близости и продолжительного контакта. Большое влияние на славянские языки, в частности на русский, оказали тюркские и финно-угорские языки, окружавшие их территориально, где акцент делался на частицы, используемые для связи и определения позиции знаменательных частей речи. Эти частицы, как известно, отсутствовали в древнем славянском языке, и их функцию выполняли местоимения. В результате мы приходим к выводу, что с точки зрения грамматических категорий языки, которые пребывали в длительном контакте, связаны с одними и теми же языковыми процессами.

Ключевые слова: местоимения, грамматический процесс, агглютинация, славянские языки, германские языки, иранские языки, тюркские языки, флексия, агглютинация, изафет, парадигма

Для цитирования: Урунова Р. Д., Ягафарова Л. Т. Местоимения как средство выражения связей слов в языках разных типов. *Oriental Studies*. 2019;(2):292-297. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-292-297.

UDC 81'362.626

Pronouns as a Means to Express Relations of Words in Different Types of Languages

Raisa D. Urunova¹

¹ Kazan Federal University (18, Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Associate Professor

ORCID: 0000-0003-0630-8252. E-mail: urunova_rd@rambler.ru

Liliya T. Yagafarova²

² University of Management «TISBI» (13, Mushtari St., Kazan 420012, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

ORCID: 0000-0002-0130-9451. E-mail: yagafarovaliliya06@mail.ru

Abstract. Introduction. The article contains a comparative analysis of grammatical processes that have occurred in different languages widespread in the same territory. The comparison is implemented in the aspect of using pronouns as a way of building new grammatical formants in the language. The main goal of the article is to study the pronoun as a class which exists in each language and carries out global grammatical processes, which became the basis for the later processes of correction of languages of different types. The paper considers the essence of secondary relationship of languages undeservedly paid little attention on behalf of researchers. It emerged as a result of the long-term contact of nations and, as a consequence, mutual influence of languages. The link to perform syntactic relations is constituted by pronouns that had particularly strong influence on the grammatical units in Turkic and Iranian languages, in particular, in functioning of *izafet*. **Materials.** The source basis for considering these processes in our research is Turkic and Iranian languages whose *izafet* structures are manifested in the character of their semantic content: a possessive category in Turkic languages and a definitive category in Iranian languages. In Slavic and Germanic languages, pronominal formants, in addition to representing the relationship between words, express the grammatical category of certainty / uncertainty (in Germanic languages) and serve as a means to recognize adjectives from the point of view of grammar (in East Slavic languages). **Results.** The paper concludes that the mutual influence of languages results from territorial proximity and long-term contact. Slavic languages, Russian in particular, had been exposed to great influences of Turkic and Finno-Ugric languages that surrounded them geographically, where the emphasis was laid on the particles used to communicate and determine the position of content words. These particles, as is known, were absent in the Old Slavic language, and their function was performed by pronouns. As a result, we come to the conclusion that from the viewpoint of grammatical categories languages that have been in long-term contact are connected with the same language processes.

Keywords: pronouns, grammatical processes, agglutination, Slavic languages, Germanic languages, Iranian languages, Turkic languages, flexion, agglutination, *izafet*, paradigm

For citation: Urunova R., Yagafarova L. Pronouns as a Means to Express Relations of Words in Different Types of Languages. *Oriental Studies*. 2019;(2):292-297. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-292-297.



Введение

Языки народов мира имеют разнообразную структуру, так как отличаются происхождением и развитием. Родственные языки схожи по лексическому составу, грамматическому строю, отличия неродственных языков заключаются в самой структуре и этапах их развития.

В языкознании различают первичное и вторичное родство языков. Первичное родство характерно для тех языков, у которых один праязык, т. е. одна основа для появления ряда языков одной семьи. Например, русский, болгарский, польский языки — родственные, так как восходят к одному языку — праславянскому, именно поэтому в их структуре есть общие черты [Касаткин и др. 1989: 157].

Вторичное же родство языков связано со схожестью признаков, которые приобретены в ходе долгого проживания народов на одной территории и, как следствие, длительного контакта.

Вместе с тем связь языков, которые функционируют в одном территориальном пространстве, является важнейшим инструментом, который определяет всю грамматическую систему данных языков. Это относится к родству как первичного, так и вторичного типов.

Совершенно естественно, что в результате эволюционного развития языка, длительное время контактирующие между собой, перенимают те или иные языковые свойства, приобретая однотипную модель языковой системы. Можно говорить также и о формировании общих закономерных условий, влияющих на мышление народа, которое лежит в основе становления ментальных стереотипов нации. Эти мыслительные категории отображаются в языке, что создает общую платформу для развития схожих грамматических форм.

Материалы

Исследования грамматических процессов некоторых евразийских языков показывают наличие общих грамматических признаков: 1) основная причина кардинальных изменений в грамматическом строе языков

в недостаточности средств для того, чтобы выразить и передать связи и отношения в синтаксических конструкциях; 2) местоименные конструкции как способ «актуализации связей между словами для создания устойчивости при построении синтаксических конструкций для выражения информации и трансформации в форманты новых языковых категорий» [Урунова 2011: 156].

В качестве примера можно говорить об образовании тюркских и иранских изафетных конструкций. Этот процесс способствует образованию новых системных отношений, регламентирующих организацию языка. Изафетная конструкция — словосочетание, построенное на основе подчинительной связи и состоящее из именных частей речи, при котором главное слово связано с зависимым при помощи изафета, т. е. соответствующего окончания.

Местоименная природа данных элементов повлияла особенно сильно на грамматику тюркских языков, где назначение изафета связано с наименованием предметов и явлений.

Определение и типы изафета

Термин «изафет» (*izafi terkip* или просто *izafet*) заимствован тюркологами из арабского языка, где им обозначались определительно-притяжательные конструкции [Тукмачева 2009].

Ученые Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева считают, что «изафет в тюркских языках появился за счет структурных особенностей. Изафет подчиняется общему закону порядка слов всех тюркских языков — „определение + определяемое“» [Серебренников, Гаджиева 1986: 261].

В основе изафетных конструкций лежат атрибутивные словосочетания, где средством связи выступает местоимение. В тюркских языках это указательное местоимение, обозначающее принадлежность к 3-му лицу — *ego*, *ee*, *ix*: турец.: *deniz kıyı-sı* (море + берег + его) — ‘морской берег’, *bellek kitab-ı* (память + книга + ee) — ‘книга памяти’, *arzular harita-sı* (желания + карта + ix) — ‘карта желаний’, *orman yol-u* (лес + дорога + его) — ‘лесная дорога’; узбек:

maktab sinf-i (школа + класс + ee) — ‘школьный класс’; shahar park-i (город + парк + его) — ‘городской парк’; yo’l belgi-si (дорога + знак + ee) — ‘дорожный знак’; башкир.: кала совет-ы (город + совет + его) — ‘городской совет’; ат спорт-ы (конь + спорт + его) — ‘конный спорт’.

Тюркский изафет используется в словосочетании с типом связи управления и приращения в тюркских языках для получения словосочетания с типом связи согласования в русском языке. В целом в тюркских языках функциональное пространство изафета имеет конкретную семантику и связь с указательным местоимением 3-го лица. Как отмечает М. А. Ахметов, «почти все категории тюркских языков, наряду с аффиксальными, имеют и безаффиксальные формы выражения, входя с первыми в сложные взаимоотношения как в функциональном, так и в историческом планах» [Ахметов 1982: 43].

Образование изафетных конструкций в тюркских языках проследим на примере словосочетаний в татарском языке.

В татарском языке для выражения отношения предмета к определенному лицу активно используются именные словосочетания. Ученый М. З. Закиев рассматривает татарские именные словосочетания на примере турецкого изафета [Закиев 1963].

Итак, в татарском языке, как и в турецком, выделяют 3 типа изафета:

I тип — безаффиксальный — определяет признак предмета, так как связан с конкретизацией одного предмета посредством другого, а именно с обозначением материала изготовления (*агач өй* ‘дом, сделанный из дерева’; *имән ишек* ‘дверь, сделанная из дуба’); происходит адъективация существительного;

II тип — аффиксальный — определяет предмет по какому-то постоянному признаку; при этом существительное-определение стоит в именительном падеже и остается без аффиксов, а другое существительное приобретает аффикс принадлежности 3-го лица (*ел азагы* ‘конец года’, *авыл хуҗалыгы* ‘сельское хозяйство’, *аучылык кәсебе* ‘охотничий промысел’). В данном случае изафет определяет родовое понятие и приближается по значению к разряду относительных прилагательных в русском

языке. Р. Х. Залакова указывает на важное условие изафета II типа — «соседство существительных друг с другом» [Залакова 2003: 129], поскольку выражается отношение соотнесенности;

III тип — аффиксальный — определяет отношение принадлежности; первое существительное имеет окончание родительного падежа, а второе приобретает притяжательный аффикс (*апаның эше* ‘дело сестры’, *аның тубы* ‘его мяч’).

В зависимости от характера сочетающихся существительных изафет может выражать категории соотнесенности, принадлежности, предметности.

Значимость изафета в тюркских языках, в частности татарском, проявляется в образовании новых слов: *ишек алды* (‘передняя часть двери’) — *ишегалды* (‘двор’); *карганың борыны* (‘нос вороны’) — *карга борын* (‘плоскогубцы’); *баканың яфрагы* (‘лист лягушки’) — *бака яфрагы* (‘подорожник’).

В иранских языках природа изафета имеет более абстрактный характер и может выражать отношения, связанные не только с принадлежностью, но и с любой определенной категорией (*mard-e āšeḡ* ‘влюбленный мужчина — мужчина, который влюблен’). Изафет в иранских языках, в частности в персидском, образуется путем «безударного грамматического показателя -e (после гласного -ye)» [Хасан-заде, Валипур 2014: 410].

Р. Хасан-заде указывает на разную природу изафета в персидском языке: «простое изафетное словосочетание состоит из двух слов: *kif-ebarādar* ‘портфель брата’. Сложное изафетное словосочетание образуется из сочетания трех, четырех и более слов: *dust-ebāvafā-yeman* ‘мой верный друг’; *sedā-yesorfe-yerimard* ‘звук кашля старика’ — изафетное словосочетание из трех компонентов: *xāne-yeqadimisāz-epedarbozorgeman* ‘дом моего дедушки старой постройки’ — словосочетание из четырех компонентов» [Хасан-заде, Валипур 2014: 410].

Говоря о языках индоевропейской семьи, в частности славянских и германских языках, можно выделить два класса имен — существительное и прилагательное. «Дифференциация имен в данных языках происходит в двух противоположных направлениях:

– германские языки лишаются окончаний, присущих именным формам, и имя существительное приобретает формант, основанный на указательных и неопределенных местоимениях в виде артиклей;

– восточнославянские языки сохраняют именные формы, не позволявшие по грамматическим признакам дифференцировать существительное от прилагательного; в связи с этим имена прилагательные были связаны с безличными местоимениями, осуществлявшими связь с определенными словами» [Урунова 2011: 155].

По сравнению с функционированием изафетных конструкций данные процессы связаны с образованием новых морфологических парадигм. В германских языках эти парадигмы имени существительного образуются за счет артиклей (*des Stadtrates* (нем.) — город + совет + его → городской совет), в славянских же языках это способствует появлению разных форм прилагательных (городской — городская — городское (рус.)).

Стоит отметить также, что в германских языках появившиеся местоименные элементы выражают не только категорию отношения между словами (как, например, в тюркских или иранских языках), но и категорию определенности / неопределенности. Местоимение в восточнославянских языках показывает уже имевшуюся в слове флексию, т. е. способствует различению имени прилагательного по грамматическим признакам.

Выводы

Описанные выше процессы позволяют судить о единой тенденции, которая заключается лишь в важности с позиции синтаксиса, т. е. структуры предложения. Мы не говорим об образовании новых грамматических категорий.

Важным является тот факт, что данные процессы имеют несопоставимую значимость для связи с разными частями речи: местоимение в восточнославянских языках связано со всеми самостоятельными частями речи, в германских языках — только с именем прилагательным, в иранских и тюркских же языках его использование оправдано в случае образования определенных конструкций.

Недостаточное внимание со стороны ученых ко вторичному родству языков, о котором упомянуто выше, привело к плохой осведомленности о влиянии данных процессов на русский язык. Ведь все произошедшие грамматические видоизменения в евразийских языках появились как логический процесс, а не случайность.

Данные преобразования носят глобальный масштаб, поскольку они связаны с изменениями основных грамматических классов. В основе всех этих процессов лежит тот факт, что для образования аффиксов используются местоимения, которые формируют грамматический строй любого языка. Класс местоимений является обязательным в любом языке и часто образует новые грамматические форманты. Такие однотипные грамматические преобразования происходят во всех языковых системах, распространенных в одном регионе, что и дало повод ученым считать их основой для процесса вторичного языкового родства.

В языках, находившихся долгое время в близком контакте, наблюдается влияние одних и тех же грамматических процессов, которые вызывают образование аналогичных свойств и элементов в грамматических системах, как, например, в славянских и тюркских языках, в частности в русском и башкирском. В агглютинативных тюркских языках, с которыми славянские флективные языки находились в длительном территориальном контакте, просодически выделялся конец слова, на котором находились агглютинативные частицы, являющиеся основными формантами грамматических категорий. Говоря о славянских языках, в качестве таких частиц используются окончания либо же близкие им по грамматическим функциям местоимения. Именно местоимения принимали участие в тех грамматических процессах, которые происходили в более поздний письменный период. Часто эти процессы оказывали влияние на грамматический тип языка.

Литература

Ахметов 1982 — *Ахметов М. А.* О картографии безаффиксальных средств выражения грамматических значений в диалектологических атласах тюркских языков // IX конферен-

- ция по диалектологии тюркских языков (Тезисы докладов и сообщений) / редкол.: Тенишев Э. Р., Ишбулатов Н. Х., Зайнуллин М. В. Уфа: [б. и.], 1982. С. 42–44.
- Закиев 1963 — *Закиев М. З.* Синтаксический строй татарского языка. Казань: Изд-во Казанского университета, 1963. 464 с.
- Залакова 2003 — *Залакова Р. Х.* Изафетные определения в татарском языке // Актуальные вопросы татарского языкознания. Вып. 2. Казань: Фикер, 2003. С. 128–132.
- Касаткин и др. 1989 — *Касаткин Л. Л., Крысин Л. П., Львов М. Р., Терехова Т. Г.* Русский язык. Учебник для студентов пед. интов по спец. № 2121 «Педагогика и методика нач. обучения». В 2 ч. Ч. I. М.: Просвещение, 1989. 287 с.
- Серебренников, Гаджиева 1986 — *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1986. 301 с.
- Тукмачева 2009 — *Тукмачева Л. Ф.* Изафет II типа в среднем диалекте татарского языка [электронный ресурс] // Филология и культура. Национальный дискурс в языке, литературе и истории. 2009. № 1(16). URL: <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/20148> (дата обращения: 29.01.2019).
- Урунова 2011 — *Урунова Р. Д.* Замечания о характере вторичного родства языков, распространенных в евразийском ареале // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1(8). С. 154–159.
- Хасан-заде, Валипур 2014 — *Хасан-заде Р., Валипур А.* К вопросу об изафетных конструкциях (существительное — существительное) в персидском языке // Молодой ученый. 2014. № 15. С. 410–412.
- References**
- Ahmetov M. A. Dialectological atlases of Turkic languages: the cartography of non-affixal means to express grammatical values revisited. [Dialectology of Turkic Languages: 9th Conference]. Report abs. Tenishev E. R. et al (eds.). Ufa, 1982. Pp. 42–44. (In Russ.)
- Hasan-zade R., Valipur A. Revisiting Izafet structures (noun — noun) in the Persian language. *Molodoy uchenyi*. 2014. No. 15. Pp. 410–412. (In Russ.)
- Kasatkin L. L. et al. [The Russian language. A textbook for students, spec. No. 2121 ‘Pedagogy and Methods of Primary Education’]. In 2 parts. P. 1. Moscow: Prosveshchenie, 1989. 287 p. (In Russ.)
- Serebrennikov B. A., Gadzhieva N. Z. [A comparative and historical grammar of Turkic languages]. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Nauka, 1986. 301 p. (In Russ.)
- Tukmacheva L. F. The izafet of type II in the middle dialect of the Tatar language. [Philology and culture: national discourse in language, literature and history]. 2009. No. 1(16). An Internet resource: <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/20148> (accessed: 29 January 2019). (In Russ.)
- Urunova R. D. Remarks on the nature of ‘secondary kinship’ of languages spoken in the Eurasian space. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2011. No. 1(8). Pp. 154–159. (In Russ.)
- Zakiev M. Z. [Syntactic structure of the Tatar language]. Kazan: Kazan State Univ., 1963. 464 p. (In Russ.)
- Zalakova R. Kh. Izafet definitions in the Tatar language. [Tatar linguistics: topical issues]. Is. 2. Kazan: Fiker, 2003. Pp. 128–132. (In Russ.)





Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 2, pp. 298–306, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-298-306
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.37

О лексико-семантической группе названий домашних животных в языке калмыцких законодательных памятников (XVII–XIX вв.)

Дарья Бадмаевна Гедеева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская
 Федерация)
 кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
 ORCID: 0000-0002-8735-9184. E-mail: dgedeeva@mail.ru

Аннотация. *Введение.* В данной статье мы рассматриваем названия домашних животных, встречающиеся в калмыцких законодательных памятниках XVII–XIX вв. В текстах уложений встречаются лексические единицы, обозначающие не только самих животных, но и возраст и пол. Названия животных употребляются во фрагментах, описывающих штрафы, назначаемые за различные преступления, а также когда речь идет о животных как объекте преступления. *Актуальность* исследования обусловлена неизученностью лексики таких интересных, информативно насыщенных исторических документов, как сборники законов, которыми руководствовались в прошлых столетиях калмыки. *Цели и задачи исследования* — выявить и описать названия домашних животных, встречающиеся в тексте правовых уложений. *Материалом* исследования послужили законодательные документы, которым пользовались калмыки в XVII–XIX вв. *Результаты.* Выявлены и описаны названия домашних животных, встречающиеся в калмыцких законодательных памятниках. Определено количественное соотношение употреблений в них названий животных. Показано, что градация штрафа зависела согласно монгольскому законодательству не только от тяжести преступления, но и от социального положения ответчика в обществе и, соответственно, от его материального достатка. Указанные уложения отражают не только уголовное, гражданское, военное и религиозное права калмыков, но и экономику общества того времени, а если сравнить между собой правовые уложения, относящиеся к разным периодам времени, то можно проследить его экономическое состояние в динамике. Так, если в памятнике XVII в. «Великое Уложение» указывался штраф размером в сотни и тысячи голов животных, то в памятнике XVIII в. «Духовные и светские законы» в штрафе указывается не количество животных, а только их возраст, поскольку к этому периоду штраф уже состоял только из одного животного. *Выводы.* Лексика, связанная с названиями домашних животных и встречающаяся в текстах правовых уложений, свидетельствует о том, что в исследуемый период калмыки разводили четыре вида скота: верблюдов, лошадей, крупный рогатый скот и овец. Фрагменты, описывающие размеры штрафов, свидетельствуют о постепенном сокращении поголовья скота у калмыков на территории России. Тексты уложений разных периодов показывают сохранение в практике судопроизводства традиции наказания уплатой штрафа скотом, но не лишением свободы.

Последнее наиболее болезненно воспринималось калмыками, не привыкшими к ограничению физической свободы.

Ключевые слова: законодательные памятники, названия домашних животных, животноводческая лексика, кража, штраф, наказание, четыре вида скота

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Гедеева Д. Б. О лексико-семантической группе названий домашних животных в языке калмыцких законодательных памятников (XVII–XIX вв.). *Oriental Studies*. 2019;(2):298-306. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-298-306.

UDC 811.512.37

Revisiting a Lexical-Semantic Group of Names of Livestock Species in Kalmyk Legislative Monuments: 17th to 19th Centuries

*Daria B. Gedeeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

ORCID: 0000-0002-8735-9184. E-mail: dgedeeva@mail.ru

Abstract. Introduction. The article examines names of livestock species traced in 17th–19th-century legislative monuments of the Kalmyks. The texts describe not only animals as such but also physiological conditions of theirs, such as age and sex. Names of livestock species are to be found within lexical clusters dealing with penalties (mulcts) for different crimes and misdeeds, including ones where animals acts as targets of crime. *Topicality* of the research is determined by the absence of studies dealing with vocabulary of such interesting informative historical documents as codes of laws used by Kalmyks for centuries. *Goal and objectives* of the research is to discover and describe names of domestic animals in texts of legal codes. Materials of the research are based on legal documents used by Kalmyks in the 17th to 19th centuries. *Findings.* The paper reveals names of domestic animals described in Kalmyk legal documents, defines a quantitative ratio of the usage of names of domestic animals. It shows that according to the Mongolian legal system the gradation of fines (penalties) had depended not only on gravity of offence but also on the social position of the defendant and also on his/her material wealth. The given statements reflect not only criminal, civil, military and religious rights of Kalmyks but also the economy of the society during that period; it is possible to trace the dynamics of the society's economic conditions if legal codes from different periods be compared. mentions penalties at the rate of hundreds and even thousands livestock units, and the 18th-century *Spiritual and Civil Laws* mention not numbers but just age of livestock to be paid since the penalty was equal to one livestock unit only. *Conclusion.* The vocabulary of domestic animals from the legal codes illustrates that Kalmyks bred four types of the livestock, namely: camels, horses, cattle, and sheep. The fragments describing sizes of fines reveal gradual reduction of the livestock in Kalmyk households in Russia. The texts of the legal codes from different periods show that the court practice maintained the tradition to punish offenders with the cattle fine and not with imprisonment. The latter was perceived most painfully by Kalmyks who were not used to being deprived of physical freedom. **Keywords:** legislative monuments, names of livestock species, theft, mulct, fine, penalty, four species of livestock

Acknowledgements: Research was performed within a government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (State Reg. No. АААА-А19-119011490036-1)

For citation: Gedeeva D. Revisiting a Lexical-Semantic Group of Names of Livestock Species in Kalmyk Legislative Monuments: 17th to 19th Centuries. *Oriental Studies*. 2019;(2):298-306. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-298-306.



Введение

Калмыки как кочевой народ традиционно разводили четыре вида скота: верблюдов, лошадей, коров и овец. Скот являлся для них не только средством пропитания, но и средством платежа и накопления. Как источник богатства он передавался по наследству, давался в приданое, распределялся между детьми. При правовых нарушениях он использовался также в виде штрафа.

Названия животных в языках народов мира представляют собой лексический пласт древнего происхождения, так как древнейшими видами хозяйства присваивающего типа являлись собирательство и охота. Названия домашних животных, связанные с общевидовыми названиями, восходят также к этапу освоения человеком одного из двух типов производящего хозяйства — скотоводства.

Лексика, обозначающая домашних животных, периодически изучается калмыковедами-лингвистами, но специальных работ, посвященных калмыцким названиям, практически нет. Она рассматривалась исследователями при изучении животноводческой лексики в монгольских языках, очень часто — в свете тюркско-монгольских языковых связей.

Так, в своей монографии, посвященной изучению истории калмыцкого языка, а также в отдельных своих статьях Ц.-Д. Номинханов приводит именные параллели, в частности названия домашних животных в монгольско-тюркских языках. [Номинханов 1959; 1975]. Э. Ч. Бардаевым в кандидатской диссертации, в которой исследуется лексика кочевого хозяйства монгольских народов, описаны названия домашних животных по полу, возрасту и масти. В своих дальнейших работах он также продолжал изучать происхождение, структуру и семантику указанной лексики [Бардаев 1976а; 1976б].

Лексика, связанная с названиями домашних животных, в разной степени нашла отражение в словарях [КРС 1977; Очир-Гарев 1990; Тодаева 2001; Манджикова 2002].

Г. Ц. Пюрбеев дает толкование названиям домашних животных в словаре традиционного быта калмыков [Пүрбэн 1996].

В. И. Рассадин обращается к скотоводческой лексике монгольских народов в связи с общими монгольско-тюркскими языковыми связями [Рассадин 2010], в отдельных работах ученый рассматривает в этом же аспекте номадную лексику калмыцкого языка [Рассадин 2011]. По мнению В. И. Рассадина, «лексика номадного скотоводства монгольских языков достаточно хорошо демонстрирует заимствование соответствующих тюркских терминов. Появление тюркизмов этого комплекса можно объяснить следующим образом. Часть протобулгарских племен (с самоназванием *огур* <...>) кочевали в глубокой древности в степях Центральной Азии и занимались молочным скотоводством. Будучи завоеваны монголами и включены в их этнический состав, огурские племена образовали среди них особую этническую группу, получившую смешанное название *огур монгол* (ср. современное х.-монг. *оор монгол* 'настоящий монгол'). Со временем они перешли на монгольский язык (по сути дела, на язык адстрата). При этом омонголенные огуры сохранили очень много элементов своего протобулгарского языка-субстрата, в том числе и свою номадную скотоводческую терминологию, и внесли их в усвоенный ими древний монгольский язык, который вследствие этого получил смешанный характер» [Рассадин 2010: 37].

Калмыцкой животноводческой лексике, в том числе названиям домашних животных, также посвящена В. Н. Манджиевой [Манджиева 2012], которая отмечает, что этот терминологический пласт составляет существенную часть словарного фонда калмыцкого языка и не различается по говорам [Манджиева 2012: 211], а также пишет: «Калмыки традиционно разводят пять видов скота (калм. *тави хошу мал*): лошадей, коров, верблюдов, овец и коз. Исследование лексики, относящейся к этим пяти видам скота, представляют особую ценность» [Манджиева 2002: 209]. Здесь автор, следующий монгольской традиции — среди монголов распространены пять видов скота — не прав: в отличие от родственных народов, калмыки, как отмечалось выше, разводили четыре вида скота и не включали в основное

понятие пятый вид скота, наличествующий среди других монгольских народов — коз [Калмыки 2010: 77, 332 и др.].

К сожалению, исследуемый нами пласт лексики не был объектом специальной работы, и информации употребления его в различных жанрах письменной литературы у нас нет. Такое изучение лексики могло бы дать интересный материал как лингвистам, так и исследователям, изучающим быт, хозяйство, материальную культуру калмыков. В этой связи нами рассмотрено употребление данной лексики в деловых документах прошлых столетий, в частности в правовых уложениях.

В данной статье нами поставлена **цель** — описать названия домашних животных, определить их место в языке калмыцких законодательных памятников XVII–XIX вв.

Основная часть

Материалом для исследования послужили правовые документы *yeke ca:ji* ‘Великое уложение’ (1640 г.)¹ [Их Цааз 1981], *šaḡin töröyün zarčim* ‘Духовные и светские законы’ (сер. XVIII в.)² [Голстунский 1880], *хоуор түмөн церигийүн зарчим* ‘Уложение 20-тысячного войска’ (1769 г.)³ [Гедее-

¹ Сборник законов, составленный в 1640 г. на съезде монгольских и ойратских князей и духовенства на территории Джунгарии. Съезд был собран для консолидации монгольских сил перед маньчжурской угрозой, для урегулирования общественных отношений при осуществлении правовых норм. На съезде присутствовали Хо-Орлюк с сыновьями, прибывшие из своих волжских кочевий [Златкин 1983].

² Свод законов (калмыцкое название: «*Шагжн төрин зарчим*») был составлен при калмыцком хане Дондук Даши (1690–1761). В продолжение общемонгольских традиций в правовой системе новые законы составлены с учетом экономических и политических условий, в которых пребывали калмыки на территории России в тот период. Калмыцкий текст законов опубликован К. Ф. Голстунским в его труде «Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши» [Голстунский 1880].

³ Свод законов, или своего рода воинский устав, написан для 20-тысячного калмыцкого войска, выступившего (в 1769 г.) в поход под командованием нойона Кирипа в составе рус-

ва 2003], «Зинзилинские постановления» (1822 г.)⁴ [Позднеев 1907].

Лингвистические исследования калмыцких текстов, относящихся к правовым вопросам и судопроизводству калмыков XVII–XIX вв., почти не проводятся. Можно лишь назвать ряд статей Д. Б. Гедеевой, посвященных правовой и бытовой лексике и некоторым грамматическим вопросам языка законодательных памятников [Гедеева 1997; 2012; 2013].

Имущественный вид наказания, связанный с главным источником богатства — скотом, являлся основным в правовой системе калмыков и детально прописан в законодательных документах. В этих текстах встречаются названия всех видов скота, которые традиционно разводили калмыки в своих кочевьях. Здесь они большей частью используются для обозначения состава штрафа, уплачиваемого виновником преступления.

Самый ранний из этих памятников *yeke ca:ji* ‘Великое Уложение’, созданный монгольскими и ойратскими князьями, отличается от последующих калмыцких памятников большим объемом и более обширным пластом исследуемой лексики.

Так, лексема *morin* ‘лошадь’ встрети-лась в тексте 73 раза, *хойин* ‘овца’ — 43, *теме:n* ‘верблюды’ — 33, *үкер* ‘корова’ — 8 раз. В этом же лексическом ряду стоит лексема *adoun* в значении ‘табун’, которая

ской армии во время русско-турецкой войны (1768–1774). Представляет собой свод правил поведения воинов во время военного похода и наказаний за их нарушения. Документ на калмыцком языке выявлен нами в Национальном архиве Республики Калмыкия и введен в научный в 2003 г. [Гедеева 2003]. Калмыцкое название документа: «*Хоёр түмн цергин зарчим*» ‘Уложение 20-тысячного войска’.

⁴ Зинзилинские постановления (свод калмыцких законов) были составлены в 1822 г. представителями калмыцкой знати по результатам их собрания, проходившего в урочище Зинзили. Название «Зинзилинские постановления» появилось благодаря А. М. Позднееву, которым он обозначил опубликованный фрагмент созданного Уложения на калмыцком языке в своем труде «Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ» [Позднеев 1907]. Нахождение оригинала текста неизвестно.

встретилась 15 раз. Лексема *adoun* встречается в тексте с числительными, передающими только большое количество лошадей, в то время как слово *morin* встречается без числительного или с числительным, означающим небольшое количество: *mingyan adoun* ‘тысячный табун’, *tabun zoun adoun* ‘табун в пятьсот [лошадей]’, *zoun adoun* ‘табун в сто [лошадей]’, *tabin adoun* ‘табун в пятьдесят [лошадей]’, *yučin adoun* ‘табун в тридцать [лошадей]’, *xorin adoun* ‘табун в двадцать [лошадей]’, но *dörbön köl mörin* ‘четыре головы лошади’⁵, *yurban mörin* ‘три лошади’, *хоуор mörin* ‘две лошади’, *хоуор köl mörin* ‘две головы лошади’⁶, *nige mörin* ‘одна лошадь’, *mörin* ‘лошадь’. Лексема *adoun* употребляется в некоторых случаях без числительного: *dayisun ayil talaĵi adou kö:ĵi abuqsani ken kümün aldoulxula ed mali xayaslaya* ‘кто упустит неприятеля, разорившего аил и угонявшего табун, у того забрать половину хозяйства’ [Их Цааз 1981: 126]. Лексема *morin*, видимо, используется в тех случаях, когда речь идет о количестве лошадей, не образующем табун, примерно меньше десяти.

В тексте встречаются не только названия самих животных, но и их возраст и пол животного: *унаĵин* ‘трехлетняя корова’, *da:yan* ‘двухлетний жеребенок’, *хурун* ‘ягненок’, *аĵирѳа* ‘жеребец’, *буура* ‘верблюд-производитель’, *буха* ‘бык’, *гүиін* ‘кобылица’.

Отдельного внимания требует лексема *bodo*, которая, согласно современным словарям, означает «крупный скот» [КРС 1977: 103]. В калмыцких законодательных памятниках, как и в современном языке, слово *bodo* означает ‘крупный скот’ и чаще упоминается в составе приданого невесты. Как отмечает С. П. Тюхтенева, проанализировавшая специально данный термин, «на протяжении многих столетий размер бодо менялся, что вполне объяснимо, имея в виду его характер всеобщего эквивалента (по аналогии с плавающими курсами национальных валют современности). Очевидно, что у разных народов тюрко-монгольского мира, проживавших в различных природно-климатических условиях, видовой состав скота и его количество существенно

отличались. Кроме того, в кухне у многих центральноазиатских кочевников баранина предпочтительнее мяса коз. Поэтому, вероятно, эквивалентом одного бодо было в разное время и у разных народов пять / шесть / семь овец или, в полтора-два раза больше, восемь / десять / четырнадцать коз. Неизменным был и остается сам принцип: бодо составляют несколько голов мелкого рогатого скота, более дешевого как с точки зрения товарности, так и воспроизводства (ягнята этого года рождения могут через год уже дать приплод), равноценные одной голове более ценного крупного рогатого скота, или одной голове транспортных животных — лошади [под седло] или верблюда [под выюк]. Дороже всего оценивался верблюд — судя по тому, что один верблюд приравнивался к двум бодо — как дольше всего воспроизводящееся животное» [Тюхтенева 2017: 133]. На наш взгляд, можно согласиться с исследователем в том, что *bodo* как обозначение крупного скота являлось в обычном праве, а затем и в законодательном (письменном) праве «экономическим» и «финансовым» термином, который условно обозначал «эквивалент», к которому в разные периоды приравнивалось определенное количество голов разных видов скота.

Вновь обращаясь к тексту письменного законодательного памятника, следует отметить, что названия животных встречаются в составе лексики, означающей не только наказания, но и объект преступления. Так, например, в тексте указаны штрафы за кражу некоторых животных, из чего можно узнать о градации ценности различных животных: *teme:ni yala arban tabun yesün.. aqta aĵirayin arban yesün.. güünei nayiman yesün.. üker da:yan xoyin yurbuulayin zuryan yesü abxu bolbo* ‘штраф за верблюда — 15 девятков, мерина или жеребца — 10 девятков, кобылицу — 8 девятков, за корову, двухгодовалого жеребенка и овцу — 6 девятков’ [Их Цааз 1981: 126]. Термин *yesün* ‘девятка’ означает единицу штрафа, состоящего из девяти животных. Кроме этой единицы, имеются еще *dolo:n* ‘долан’, *tabun* ‘пятерка’, *yurban* ‘тройка’. Наиболее употребительными являются *yesün* и *tabun*.

В значении общего понятия ‘скот, животное’ 54 раза употребляется лексема *mal: de:rme kümüni üzeĵi bayıĵi ese keleküle mali inu xayaslaya* ‘если кто-либо, увидев граби-

⁵ Букв. четыре ноги-лошадь. В монгольском языке у лексемы *köl* имеется также значение «поголовье» [БАРМС 2002: 121]. — прим. ред.

⁶ Букв. две ноги-лошадь. — прим. ред.

теля, не скажет об этом, то заберем у него половину скота' [Их Цааз 1981].

В значении 'скотина' дважды в одной статье «Великого Уложения» встретилась лексема *aduusun*.

Штрафы в данном уложении довольно крупные, что свидетельствует о многочисленности скота у монгольских народов того времени. Штраф за одно преступление обычно состоит из разных видов скота, имущества, а порой и людей: *dayisun-e:ce yeke noyod beye-be:r uduji duta:xula zoun xuyaq zoun teme: tabin örüke kümü mingyan adou abxu bolbo* 'если главные нойоны будут долго тянуться к месту сражения и не будут на нем сами присутствовать, то с них взять сто панцирей, сто верблюдов, пятьдесят семей, тысячу лошадей' [Их Цааз 1981].

Градация штрафа предполагалась по монгольскому законодательству не только по тяжести преступления, но и по социальному положению ответчика в обществе и, соответственно, по его материальному достатку. Так, например, о неприбытии войска на сражение с врагом в тексте документа сообщается следующее: *mongyol oyirodtu dayisun irebe:sü keke öq.. tere keke sonosçi bayiji zaxayin yeke noyod ese irebe:sü zoun xuyaq zoun teme: mingyan adou abxu.. bayu noyod ese irebe:sü arban xuyaq arban teme: zoun adou abxu bolbo* 'если к монголам и ойратам придет враг, следует сообщить. Если, услышав это сообщение, с пограничного края не придут главные нойоны, то с них взять сто панцирей, сто верблюдов, тысячу лошадей; если же не придут малые нойоны, то с них взять десять панцирей, десять верблюдов, сто лошадей' [Их Цааз 1981: 126].

Указанные уложения отражают не только уголовное, гражданское, военное и религиозное права калмыков, но и уровень хозяйства того времени, а если сравнить между собой правовые уложения, относящиеся к разным периодам времени, то можно проследить экономическое состояние калмыцкого общества в динамике. Уровень благосостояния общества можно определить по количественному и качественному составу штрафа. Так, штрафы в памятнике XVIII в. «Духовные и светские законы» свидетельствуют о количественном сокращении скота у калмыков в этот период по сравнению с предыдущим столетием. В штрафе указы-

вается не количество скота, как в раннем памятнике, а только возраст животного, поскольку штраф состоял уже только из одного животного: *dönön üker* 'четырёхлетняя корова', *γunan xoi* 'трехлетняя овца', *dönön mörin* 'четырёхлетняя лошадь', *γunan mörin* 'трехлетняя лошадь', *dönön teme:* 'четырёхлетний верблюд'.

В данном памятнике, написанном волжскими калмыками через сто лет после *yeke ca:ji* 'Великого Уложения', встречаются названия всех четырех видов скота, разводимых калмыками. Частотность употребления названий животных выглядит так: *teme:n* — 27, *mörin* — 27, *üker* — 5, *xoyin* — 6 раз. Общее слово *mal* 'скот' встретилось 14 раз. По одному разу встретились слова *aqta* 'мерин' и *adoun* 'табун'.

Об изменении штрафов в количественном составе свидетельствует, например, такая же статья о неприятеле, какая имеется и в 'Великом Уложении': *ali mordoxu cერიq zar kürüqse:r mordoxu kereqtei.. bolzo:ndo:n ese ireküne yoso:r ba:la.. noyon kümünei yesün.. sayidai dönön teme:n.. olondu taniqdaxu kümünei dönön möri.. olonki muuyai gunan üker* 'войско, готовое к походу, должно сразу выступить, как только получит приказ. Если же к сроку оно не прибывает, оштрафовать по закону. [Штраф] нойона — девятка, сайда — четырехлетний верблюд, известного в обществе человека — четырехлетняя лошадь, самого бедного человека — трехлетняя корова' [Голстунский 1880: 25]. Как видим, название животного встречается не с числительным, обозначающим его количество, как в предыдущем памятнике, а с прилагательным, передающим возраст животного, в основном трехлетнего *γunin* и четырехлетнего *dönön* возрастов.

В тексте встретилось слово *morin* в составе устойчивого выражения *mori üzekü* 'сходить в туалет' (в буквальном значении 'посмотреть свою лошадь'), которое относится к иносказательным выражениям, имеющим отношение к этикету кочевников.

В «Уложении 20-тысячного войска», созданном командованием калмыцкого войска во время военного похода в составе русской армии против турок в 1769 г., отражены преступления и правонарушения, обычно совершаемые воинами: дезертирство, кража, пьянство, нарушение приказа и т. д. Здесь, естественно, назначены нака-

зания, которые возможны в полевых условиях: *cokixu* 'бить', *milačixu* 'бить плеткой', *tamaɣa daraxu* 'ставить клеймо', а также денежный штраф *mönggö abxu* 'взять деньги'.

Текст военного уложения разбит на 9 статей. И единственная статья, в которой упоминаются названия животных — это третья, посвященная краже скота: *xalimaq oroso:so xuluyai keqsen küüni yala ca:ji zouna:sa ö:dö:n ünetei ed bolo:d morin üker xoyin yama:n ɣaxai tuyal işige xurɣun:edeni ali nigeyini xuluqči abuqsan küüni yalani : xalimaɣa:sa keqsen bolxuna mün üne:rni youmayini bosxoji ögö:d cerigiyin talaya:r talaxu : zasaqni yuči mila:či:d baroun xalxaduni kete tamaɣa daraxu* 'закон для человека, совершившего кражу у русских или калмыков, следующий: если украдет вещь или лошадь, корову, овцу, козу, свинью, теленка, козленка и ягненка, одно из перечисленных дороже ста монет, если при этом украл у калмыков, то восстановить по той же стоимости, оштрафовать по войсковому правилу, в наказание дать тридцать ударов, поставить тавро на правую щеку' [Гедеева 2003: 254].

Здесь упоминаются животные *morin* 'лошадь', *üker* 'корова', *xoyin* 'овца', *yama:n* 'коза', *ɣaxai* 'свинья', *tuyal* 'теленка', *işige* 'козленок', *xurɣun* 'ягненок'. Впервые упоминается *ɣaxai* 'свинья', животное, которое калмыками традиционно не разводилось. По всей вероятности, речь идет о краже у русских.

Законодательный памятник XIX в. «Зинзилинские постановления» до нас дошел в виде текста для чтения в «Калмыцкой хрестоматии для чтения в старших классах калмыцких народных школ» А. М. Позднеева. Текст на калмыцком языке представляет собой фрагмент уложения, без традиционного начала и конца, в которых обычно указываются авторы документа и его название [Позднеев 1907].

В тексте встретилось несколько названий животных. Все они употребляются для обозначения штрафов: *ɣunin teme:n* 'трехлетний верблюд', *dönön morin* 'четырёхлетняя лошадь', *ɣunin morin* 'трехлетняя лошадь', *ɣunin üker* 'трехлетняя корова', *dönön xoyin* 'четырёхлетняя овца'.

Названия домашних животных в текстах чаще всего употребляются в словосочетаниях с глаголом *av* 'возьми, заведи', *öq*

'отдай', *abxu bolbo* 'договорились забрать', *ökü bolbo* 'договорились отдать', *xaɣaslaɣu* 'забрать половину': *nige mori ab* 'забери одну лошадь', *nige üker ab* 'забери одну корову', *ɣunaɣi ab* 'забери трехлетнюю корову'. *ɣunan teme: öq* 'отдай трехлетнего верблюда', *xoyor teme:n tabun mori arban xoi abxu* 'забрать два верблюда, пять лошадей, десять овец', *köl moriyini abxu bolbo* 'договорились забрать одну лошадь', *zoun adou abxu bolbo* 'договорились забрать сто лошадей', *mal- inu xaɣaslaya* 'заберем половину скота'.

Выводы

Рассмотренная лексико-семантическая группа свидетельствует о том, что ее словарный состав был таким же, как и в современном языке. Лексическое окружение слов, семантика, структура исследуемых названий не изменились.

Письменные памятники права свидетельствуют о том, что в прежние столетия калмыками разводились четыре вида скота: верблюды, лошади, крупный рогатый скот и овцы. Однако происходило постепенное сокращение их поголовья.

Несмотря на влияние российской правовой системы на калмыцкое судопроизводство, калмыки сохраняли традицию наказания штрафом в виде уплаты скотом, не применяя наказание в виде ограничения физической свободы.

Литература

- Бардаев 1976а — Бардаев Э. Ч. О происхождении названий мелкого скота в языках монгольских народов // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. М.: Наука, 1976. С. 177–188.
- Бардаев 1976б — Бардаев Э. Ч. Номадная лексика монгольских народов (Названия домашних животных по полу, возрасту и масти): автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1976. 25 с.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 4. Х–Я / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 532 с.
- Гедеева 1997 — Гедеева Д. Б. Названия участников судебного процесса в калмыцких законодательных памятниках (XVII–XVIII вв.) // VII Междунар. конгресс монголоведов (г. Улан-Батор, август 1997 г.). Докл. рос. делег. М., 1997. С. 116–118.
- Гедеева 2003 — Гедеева Д. Б. «Уложение 20-тысячного войска» как источник по изуче-

- нию военного права калмыков XVIII в. // *Mongolica*. Vol. 13 (34). Ulaanbaatar, 2003. С. 250–255.
- Гедеева 2012 — *Гедеева Д. Б.* О падежных показателях в языке письменного памятника «Зинзилинские постановления» (XIX в.) // *Mongolian language and culture and their urgent problems*. Vol. II. Улаанбаатар, 2012. С. 292–295.
- Гедеева 2013 — *Гедеева Д. Б.* Форманты множественного числа в языке калмыцких законодательных памятников XVII–XIX вв. // *Монгольские языки: история и современность*. Мат-лы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 21–23 октября 2013 г.). СПб: Нестор-История, 2013. С. 41–43.
- Голстунский 1880 — *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1880. 16+144 с.
- Златкин 1964 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука; ГРВЛ, 1983. 333 с.
- Их Цааз 1981 — *Их Цааз* «Великое уложение». Памятник монгольского феодального права XVII в. (ойратский текст, транслитерация сводного ойратского текста, реконструированный монгольский текст и его транслитерация, перевод, введение и комментарий С. Д. Дылыкова). М.: Наука, 1981. 147 с.
- Калмыки 2010 — *Калмыки* / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. 568 с.
- Манджиева 2012 — *Манджиева В. Н.* Комплекс животноводческой лексики калмыцкого языка // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2012. № 6 (16). С. 209–211.
- Манджикова 2002 — *Манджикова Б. Б.* Толковый словарь калмыцкого языка (пособие для учащихся). Элиста: КИГИ РАН, 2002. 86 с.
- Номинханов 1959 — *Номинханов Ц.-Д.* Термины животноводства в тюркских и монгольских языках // *Труды сектора востоковедения*. Алма-Ата, 1959. Т. 1. С. 87–116.
- Номинханов 1975 — *Номинханов Ц.-Д.* Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. 324 с.
- Очир-Гаряев 1990 — *Очир-Гаряев В. Э.* Калмыцко-русский и русско-калмыцкий терминологический словарь (Агрономия). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 85 с.
- Позднеев 1907 — *Позднеев А. М.* Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ, составленная А. Позднеевым. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1907. 195 с.
- Пүрбэн 1996 — *Пүрбэн Г. Ц.* Хальмгудын заңшалта бээцин тээлвр толь (= Толковый словарь традиционного быта калмыков). Элст: Хальмг дегтр харһач, 1996. 175 с.
- Рассадин 2011 — *Рассадин В. И.* Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2011. № 8. С. 83–90.
- Рассадин 2010 — *Рассадин В. И.* Комплекс лексики калмыцкого скотоводства монгольских языков в свете тюркско-монгольских языковых связей // *Урало-алтайские исследования*. 2010. № 1 (2). С. 32–38.
- Тодаева 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 494 с.
- Тюхтенева 2017 — *Тюхтенева С. П.* Одна черточка — одна сотня: к вопросу о способах подсчета скота у тюрко-монгольских народов // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2017. № 5. С. 130–140.

References

- Bardaev E. Ch. Names of small livestock species in Mongolic languages: origins revisited. [The modern Kalmyk language: questions of grammar and lexicology]. Moscow: Vost. Lit., Nauka, 1976. Pp. 177–188. (In Russ.)
- Bardaev E. Ch. [Nomadic vocabulary of Mongolic peoples: names of domestic animals by sex, age and coat color]. A Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1976. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. Terms to denote trial participants discovered in Kalmyk legislative monuments (17th – 18th cc.). [7th International Congress of Mongolists]. Reports of Russian scientists (Ulaanbaatar, August 1997). Moscow, 1997. Pp. 116–118. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. The Code of 20-Thousand Troops as a source on the 17th-century military laws of the Kalmyks. *Mongolica*. Vol. 13 (34). Ulaanbaatar, 2003. Pp. 250–255. (In Mong.)
- Gedeeva D. B. The language of the 19th-century written monument ‘Zinzilinskie Decrees’: case markers revisited. Volume II. *Mongolian Language and Culture and Their Urgent Problems*. Ulaanbaatar, 2012. Pp. 292–295. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. Plural formants in the language of 17th–19th-century Kalmyk legislative monuments. [Mongolic Languages: History and Contemporaneity]. Conf. proc. (St. Petersburg,

- 21-23 October 2013). St. Petersburg: Nestor-Historia, 2013. Pp. 41-43. (In Russ.)
- Golstunsky K. F. [The Oirat-Mongol laws of 1640 supplemented with Galdan Hong Tayiji's edicts and Donduk Dashi Khan's laws for Volga Kalmyks]. St. Petersburg: Imp. Acad. of Sc., 1880. 16+144 p. (In Russ.)
- Zlatkin I. Ya. [A history of the Dzungar Khanate (1635–1758)]. Moscow: Vost. Lit., 1983. 333 p. (In Eng.)
- [The Great Code of Laws: a 17th-century monument of Mongol feudal law]. S. D. Dylykov (Oirat text, translit., etc.). Moscow: Nauka, 1981. 147 p. (In Mong., Oir., Russ.)
- [The Kalmyks]. E. P. Bakaeva, N. L. Zhukovskaya (eds.). Moscow: Nauka, 2010. 568 p. (In Russ.)
- Mandzhieva V. N. The complex of cattle-breeding vocabulary of the Kalmyk language. Historical and Social-Educational Idea. 2012. No. 6 (16). Pp. 209–211. (In Russ.)
- Mandzhikova B. B. [An explanatory dictionary of the Kalmyk language (for students)]. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2002. 86 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nominkhanov Ts.-D. Livestock-breeding terms in Turkic and Mongolic languages. [Transactions of the Sector for Oriental Studies]. Almaty, 1959. Vol. 1. (In Russ.)
- Nominkhanov Ts.-D. [Studies in the history of the Kalmyk language: related materials]. Moscow: Nauka, Vost. Lit., 1975. 324 p. (In Russ.)
- Ochir-Garyaev V. E. [A Kalmyk-Russian and Russian-Kalmyk terminological dictionary: agronomical science]. Elista: Kalm. Book Publ., 1990. 85 p. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. [A Kalmyk literature reader for senior pupils of Kalmyk public schools comp. by A. Pozdneev]. 2nd ed., rev. and suppl. St. Petersburg: Imp. Acad. of Sc., 1907. 195 p. (In Kalm.)
- Pürbän G. Ts. [Traditional lifestyles of the Kalmyks: an explanatory dictionary]. Elista: Kalm. Book Publ., 1996. 175 p. (In Kalm.)
- Rassadin V. I. Nomadic lexis of Kalmyk language in comparison with Turkish-Meshetin language. The Buryat State University Bulletin. Is. 8. 'Oriental Studies'. Ulan-Ude. 2011. Pp. 83–90. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Nomad cattle-breeding vocabulary in Mongolian languages in the light of Turko-Mongolian linguistic relationship. Ural-Altaic Studies. 2010. No. 1 (2). Pp. 32–38. (In Russ.)
- The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary (BAMRS). In 4 vol. Edit. by A. Luvsandendev, G. Ts. Pyurbeev, Ts. Tsedendamba. Moscow, Academia Publ., 2002. Vol. 4. 532 p. (In Russ. and Mong.)
- Todayeva B. Kh. [A dictionary of the Xinjiang Oirat language]. Elista: Kalm. Book Publ., 2001. 494 p. (In Oir. And Russ.)
- Tyukhteneva S. P. One hyphen — one hundred: revisiting the issue of livestock count among the Turko-Mongolian peoples. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies). 2017. No. 5. Pp. 130–140. (In Russ.)





Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 2, pp. 307–319, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-307-319
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.821

Народные социально-бытовые байты у башкир: особенности композиции и художественно-эстетическое своеобразие

*Нэркэс Ахметовна Хуббитдинова¹,
 Гульнар Вилдановна Юлдыбаева²,
 Гульнара Хависовна Абдрафикова³,
 Ахат Губаевич Салихов⁴,
 Гульназ Салимьяновна Ханова⁵*

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
 ORCID: 0000-0003-3719-6978. E-mail: narkas08@mail.ru

² Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
 ORCID: 0000-0002-4973-2267. E-mail: nargul1976@list.ru

³ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
 ORCID: 0000-0002-9144-0348. E-mail: gulnara1273@bk.ru

⁴ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 ORCID: 0000-0002-7994-4711. E-mail: ahatsalikhov@mail.ru

⁵ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 аспирант
 ORCID: 0000-0001-8650-2770. E-mail: tuzgul@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Зародившийся на стыке фольклора и литературы жанр *байт* в башкирском фольклоре возник на основе стихотворной формы *бейт*, который в поэзии народов Ближнего и Среднего Востока означает двуступище в разных жанрах классической поэзии. В башкирском и татарском фольклоре *байт* служит определением жанра национальной поэзии, в котором повествуется об исторических или бытовых происшествиях трагического или остродраматического характера. Башкирские народные байты делятся на военно-исторические и социально-бытовые. *Цель.* В статье исследуются некоторые башкирские социально-бытовые байты как жанр, находящийся между устной и книжной литературой, и их отличительные черты с точки зрения композиции и художественно-эстетического разнообразия. *Материалы.* При рассмотрении данной проблемы в основу исследования легли документы фольклорных научных экспедиций, организованных в разные годы, которые затем вошли в том «Байт» мно-

готовного свода «Башкирское народное творчество» (Уфа, 1978, на башк. яз.; 2004, на рус. яз.), а более позднего периода — в сборники материалов экспедиций. Среди всего материала авторы выделяют интересующий их жанровый вид баитов — социально-бытовые, которые в национальной фольклористике не изучены в достаточной степени. Об этом свидетельствует отсутствие публикаций, прежде всего монографий. Авторы статьи делают попытку восполнить этот пробел, привлекая найденные фольклорные материалы. Для объективности выводов и более выпуклой демонстрации художественного своеобразия башкирских народных социально-бытовых баитов авторы также обращаются к трудам татарских исследователей и ссылаются на некоторые их высказывания. *Результаты.* В результате проделанной работы авторы статьи установили яркие отличительные художественно-эстетические, идейно-тематические, художественно-функциональные качества и своеобразие социально-бытовых баитов. В отличие от баитов других жанровых видов (социально-исторических баитов с их разновидностями) для них в особенности характерны эпитеты, образные сравнения, параллелизмы и уменьшительно-ласкательные формы в обращениях, наличие зачина, концовки и т. д. Также было выявлено сходство социально-бытовых баитов с идейно-тематическими особенностями эпиграфики, надгробных записей. Обнаруженные татарскими исследователями эти сходства во многом характерны и для башкирского народного творчества.

Ключевые слова: баиты, башкирский фольклор, башкирская литература, социально-бытовые баиты, художественно-эстетическое своеобразие, эпитеты, сравнения

Для цитирования: Хуббитдинова Н. А., Юлдыбаева Г. В., Абдрафикова Г. Х., Салихов А. Г., Ханова Г. С. Народные социально-бытовые баиты у башкир: особенности композиции и художественно-эстетическое своеобразие. *Oriental Studies*. 2019;(2):307-319. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-307-319.

UDC 398.821

Folk Social and Household *Baits* of the Bashkirs: Features of Composition and Artistic-Aesthetic Originality

*Narkas A. Khubbitdinova*¹,

*Gulnar V. Yuldybaeva*²,

*Gulnara Kh. Abdrafikova*³,

*Akhat G. Salikhov*⁴,

*Gulnaz S. Khanova*⁵

¹ Institute of History, Language and Literature — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Prospekt Oktyabrya, Ufa 450054, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Research Associate

ORCID: 0000-0003-3719-6978. E-mail: narkas08@mail.ru

² Institute of History, Language and Literature — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Prospekt Oktyabrya, Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

ORCID: 0000-0002-4973-2267. E-mail: nargul1976@list.ru

³ Institute of History, Language and Literature — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Prospekt Oktyabrya, Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

ORCID: 0000-0002-9144-0348. E-mail: gulnara1273@bk.ru

⁴ Institute of History, Language and Literature — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (71, Prospekt Oktyabrya, Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

ORCID: 0000-0002-7994-4711. E-mail: ahatsalihov@mail.ru

⁵ Institute of History, Language and Literature — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Prospekt Oktyabrya, Ufa 450054, Russian Federation)

Postgraduate Student

ORCID: 0000-0001-8650-2770. E-mail: tuzgul@mail.ru

Abstract. *Introduction.* Having emerged at the intersection of folklore and literature the *bait* genre in Bashkir folklore appeared on the basis of the poetical form *beit*, which denotes a distich in different genres of classical poetry in the Near and Middle East. In Bashkir and Tatar folklore, the *bait* is a genre which narrates historic or every day incidents of tragic or highly dramatic character. Bashkir folk *bait*s are divided into military-historic and socio-domestic ones. *Goals.* The purpose of the article is to explore some Bashkir social and domestic *bait*s as a genre at the intersection of oral and written literatures, and to reveal their artistic features and peculiarities in composition. To facilitate this, the paper seeks resolve to a number of tasks, such as to identify compositional characteristics of the *bait*s of this type, indicate their variability, motivational series, historical roots of the compositional characteristics, examine the structure of the *bait*s, as well as highlight their artistic and aesthetic diversity. *Materials* for research are documents of folklore research expeditions organized at various periods and subsequently published in the volume ‘*Bait*’ of the multivolume series ‘Bashkir Folk Art’, and some later ones were included into the collected publications of folklore expedition materials. The paper outlines the materials on social and everyday *bait*s contained in the ‘*Bait*’ volume, since the genre is understudied. The absence of publications and monographs proves this. The authors make an attempt to fill the gap with the help of discovered folklore materials. To guarantee an objective conclusion and to demonstrate artistic originality of Bashkir folk social and domestic *bait*s more accurately the paper also makes references to works by Tatar scholars. *Results.* The article delineates vivid distinctive artistic and aesthetic, ideological and thematic, artistic and functional features and originality of social and domestic *bait*s. Unlike *bait*s of other genre types (social and historical *bait*s of various sorts), the *bait*s under consideration are characterized by epithets, similes, parallel constructions and diminutive forms in the addressing, beginning, final parts, etc. It was also revealed that social and domestic *bait*s are ideologically and thematically similar to epitaphs. Those similar features discovered by Tatar researchers are largely inherent to Bashkir folklore too.

Keywords: *bait*s, Bashkir folklore, Bashkir literature, social and everyday *bait*s, artistic and aesthetic peculiarities, epithets, comparisons

For citation: Khubbitdinova N., Yuldybaeva G., Abdrafikova G., Salikhov A., Khanova G. Folk Social and Household *Bait*s of the Bashkirs: Features of Composition and Artistic-Aesthetic Originality. *Oriental Studies*. 2019;(2):307-319. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-307-319.



Введение

Изучение жанра байт является актуальным направлением в области как фольклора, так и литературы. Зародившись на стыке двух форм художественного мышления — народного творчества и литературы, он получил широкое распространение не только среди башкир, но и татар. В средневековой восточной поэзии «бейтами» назывались двустишия, в которых обязательно должна быть выражена законченная мысль [КЛЭ 1962: 498].

Вначале бейт был стихотворной формой в составе многих средневековых традиционных жанров, таких как газель¹,

¹ Газель — моноримический жанр поэзии. В лирических стихотворениях рифмуются два полустишия первого бейта, причём затем та же рифма (монорим) сохраняется во всех вторых полустишиях каждого последующего бейта по типу «аа, ба, са, да» и т. д.

касыда², рубаи³, месневи⁴. В тюркских литературах Урало-Поволжья, в том числе и в башкирской, и в татарской, также и в устном народном творчестве, как утверждает М. Х. Надергулов, на основе этой стихотворной формы позднее сформировался отдельный поэтический жанр под названием «байт» [Надергулов 2017: 47].

² Касыда — моноримический жанр поэзии. Стихотворения имеют хвалебный характер, а также могут быть сатирическими, элегическими и религиозными; состоят из 20–200 бейтов. Схема рифмовки в касыда: аа, ба, ва, га...

³ Рубаи — жанр поэзии, в стихотворениях выражаются лирические переживания и философские размышления. Стихотворения обычно состоят из логически и интонационно завершённых, афористичных 4-стиший.

⁴ Месневи — поэтический жанр, в произведениях которого строфа состоит из двух рифмующихся стихов по типу: аа, бб, вв.

В своих изысканиях, не углубляясь в историю зарождения и развития данного жанра, ограничимся лишь следующим высказыванием. Письменные байты своим зарождением обязаны творчеству шакирдов⁵, их мугаллимов — учителей, которые хорошо ориентировались в восточной арабо-персидской поэзии. Из рукописных версий байты могли распространиться и в устной форме, передаваясь из уст в уста, дополняясь и обновляясь художественно. Не исключено, что байты сочиняли сэзны — народные сказители. Как пишут башкирские исследователи А. Н. Киреев, А. И. Харисов, К. А. Ахмедьянов, Г. С. Кунафин и другие, байт как жанр, возможно, сформировался в башкирской литературной мысли XVII–XVIII вв. [цит. по: Искандарова 2016: 304].

Цель и задачи исследования

Цель данной статьи — вычленив среди байтов социально-бытовые виды и попытаться раскрыть их художественные особенности и своеобразие. Для достижения данной цели необходимо установить композиционное своеобразие байтов определенного вида, выявить их вариативность, мотивный ряд, исторические корни композиционного своеобразия, рассмотреть структуру байтов, а также охарактеризовать их художественно-эстетическое многообразие.

Тематическая классификация байтов

Впервые в 1978 г. М. М. Сагитов и Г. Б. Хусаинов классифицируют материал байтов по тематике на две группы: социально-исторические и социально-бытовые, которые имеют свои подгруппы. Социально-исторические подразделяются на байты об отдельных исторических личностях, о Крестьянской войне 1773–1775 гг., об Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе, о родном крае и земле, о русско-турецкой, русско-японской, русско-германской войнах. Социально-бытовые посвящены судьбам мужчин и женщин, жизни и смерти человека [БНТ 1978: 9]. Авторы упоминают байты мифологического, обрядового, сатирически-юмористического характера,

но не выделяют их в качестве отдельной подгруппы, считая их маловажными, делая упор на байты, связанные с судьбой народа, с историческими и социальными событиями родного края [Хусаинов, Сагитов 1978; БНТ 1978: 9].

В издании, вышедшем в 2004 г., авторы Б. С. Баимов и Г. Б. Хусаинов, опираясь на тематическую классификацию М. М. Сагитова и Г. Б. Хусаинова, выдвинули новые тематические группы [БНТ 2004: 8]. К разделу о военно-исторических байтах были добавлены байты о царской солдатчине, о каторжанах, о Гражданской, Великой Отечественной и Афганской войнах. При этом байты о родном крае и земле были включены в социально-бытовые байты. Сюда же добавлена группа байтов о родителях и детях, о женской доле, делах житейских, судьбах людей, а также сатирические и юмористические, мифологические байты [БНТ 2004: 8].

Композиция изложения сюжета башкирских байтов, по мнению известного музыковеда Г. С. Галиной, имеет несколько вариантов. В первом варианте сюжет развивается последовательно, основываясь на фабульности [Галина 2006: 86]. Фабульной форме изложения присущи хронологичность и логическая причинно-временная связь. Зачастую такую схему изложения имеют байты военно-исторической тематики. Например, в байтах «Война с японцами» («Япондар менән һуғыш»), «Байт войны» («Һуғыш бәйте») в хронологической последовательности описаны события из солдатской жизни [Галина 2006: 86]. Как пишут Г. Б. Хусаинов, Б. С. Баимов: «Байтсе, верный традициям жанра, обычно начинает свой рассказ с сообщения о том, когда произошло событие или кто его сочинил <...>. Далее идет последовательное описание того, где был солдат, что видел и пережил. При этом, опять же, следуя традициям жанра, байтсе поименно называет своих товарищей-сослуживцев и конкретные названия местностей, где они бывали и воевали» [БНТ 2004: 21].

Более развернутую фабулу имеет «Байт девушки-содержанки» («Асырау кыз бәйте»). В байте описывается судьба девушки, которую еще маленькой девочкой отец после смерти жены, сетуя на бедную жизнь,

⁵ Шакирды — обычно студенты медресе или аналогичного мусульманского учебного заведения. Шакирды изучали основы ислама и арабскую графику, религиозно-схоластические дисциплины и каллиграфию.

отдал в богатую семью содержанкой. Но годы шли, и девочка выросла, став молодой девушкой, и на нее обращает внимание хозяин дома, который, обесчестив ее, отправил обратно домой, где она вышла замуж за бедняка [Галина 2006: 86].

Баит девушки-содержанки условно можно разделить на три части: в первой части повествуется о бедности отца, который остался без жены, вторая часть о жизни девушки в доме бая, третья часть — возвращение девушки обратно в деревню.

Второй вариант изложения составляет непоследовательность сюжета в сочетании с лирическими отступлениями в виде монолога. К таким баитам, имеющим социально-бытовую тематику, относятся «Баит девушки, проданной за богатство» («Малға һатылған кыз бәйете»), «Баит утонувшей Гайши» («Һыуға баткан Ғәйшә бәйете»), «Баит шахтера» («Шахтер бәйете»), «Баит Ягафар шакрида» («Йәғәфәр шәкерт бәйете») и т. д. [Галина 2006: 86; БНТ 2004: 280–365].

В этих баитах повествование ведется от имени пострадавшего, попавшего в беду, несчастного человека или же от человека, рано ушедшего из жизни по причине каких-либо обстоятельств. Если в баитах военно-исторической тематики монолог служит для описания значительных для того времени исторических событий, то в социально-бытовых баитах чаще всего описательный монолог служит для отображения пережитых лирическим героем событий и тяжелой доли незащищенной социальной прослойки населения.

К третьему варианту относятся баиты, не имеющие стройной сюжетной линии, без видимого сюжета [Галина 2006: 86].

Баитам присущи мотивы внезапно-го горя, несчастных случаев, в результате сложившегося сюжета художественно раскрываются чувства и переживания героя. Имеются традиционные элементы, так называемое поэтическое клише, которые часто встречаются внутри текста. Например, мотив разлуки в «Баите Сак-Сук»⁶:

Аклы күлмәкте туя кеймәнем
Ғәзиз әсәйзе туя күрмәнем.

⁶ Здесь и далее перевод баитов осуществлен Г. С. Хановой, если не оговорено иное.

Белую рубашку вдоволь не носил,
Дорогой мамы вдоволь не нагляделся.
(«Баит Сак-Сук»).

Быйыл теккән тунымды
һис тә кейеп йөрәмәнем,
Ике ғәзиз бәбкәйемде
күзем туя күрмәнем.
[БНТ 1978: 286].

Шубу, сшитую недавно,
вдоволь поносить не мог,
На детей своих родимых
наглядеться я не мог
(«Баит Фахретдина»)
[БНТ 2004: 364].

Татарский исследователь Ф. В. Ахметова обнаружила схожие черты в поэтике баита и эпитафических текстов. Так, в своей вступительной статье к тому «Баиты» академической серии «Татарское народное творчество» ученый пишет, что в надмогильных камнях VI–X вв. тюркских племен, живших около реки Енисей, как и в баитах, слова текста излагаются от первого лица. Повествуется, в частности, о том, как умерший сожалеет о том, что еще не насытился жизнью [ТНТ 1983: 7]. Например:

Мин муйыныма бау һалдым,
Якты донъянан туйманым,
Үгәй ананан туйзым [НА УФИЦ РАН Ф. 3.
Оп. 2. Ед. хр. 584. Т. II. Л. 240].

Положила на шею веревку,
Не насытилась я жизнью,
А насытилась мачехой.
(«Баит Хабибы»)

Якты донъяны күреп туйманым,
Күреп туйманым, мәңге тормамын
[НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 584.
Т. II. Л. 147].

В этом мире не насытился я жизнью,
Его сладостью живой не наслаждался.
(«Баит о смерти»)
[БНТ-2004: 366]

После он перечисляет, что оставил после себя: родственников, скот, ковры, золото и т. д. Высказывает заветы живым и утешает их по-своему, просит быть стойкими

[ТНТ 1983: 7]. Данный эпитафический текст напоминает орхоно-енисейские эпитафии, установленные в честь выдающихся полководцев древнетюркских народов, например, надмогильный камень Культегина. В них также представлены в поэтической форме описание жизни и героической деятельности усопшего, сожаления о его смерти и т. д., а также приводятся его напутствия и завещания своему народу от первого лица.

Такие же примеры можно увидеть и в баите «Мухаммадия», в котором есть обращение от имени первого лица к своей жене («Эй, хэләлем...»), а также просьба сотворить за него молитву [Салихов 2003: 21–22].

Каршы тауға менгәндән һун,
Мин караным кай(ы)рылып.
Балаларым, туғандарым,
Калды минән ай(ы)рылып.

Поднявшись на гору, стоящую передо мной,
Обернувшись, посмотрел.
Мои дети и родные
Остались, разлучившись со мной.
[Салихов 2003: 23].

По словам исследователя Ф. В. Ахметовой, в этих надмогильных камнях, как и в баитах, чаще всего встречается слово *аерылдым* ('разлучился') [ТНТ 1983: 7]. При рассмотрении башкирских баитов только в одном из них используется слово *айырылдым* ('разлучился') («Баит Фахретдина»):

Иртән тороп тышка сыкһам,
коштар оса киблаға;
Ике ғәзиз бәбкәймән
айырылдым донъяла
[БНТ 1978: 286].

По утра гляжу я:
птицы улетают далеко,
Ах, с детьми я разлучился,
будет деткам нелегко.
[БНТ 2004: 364].

Повествование в баитах от имени умершего человека, возможно, связано с древними представлениями людей о двойственности человека, согласно которым человеческая душа может существовать отдельно от тела и говорить [Галина 2006: 87].

По представлениям башкир, душа — вечная, живая, а тело является временным пристанищем и когда-нибудь будет лежать под землей [БНТ 1995: 45]. Иногда старшее поколение, чувствуя приближение своей смерти, просило кого-нибудь из близких сочиненные им баиты-мунаджаты⁷ исполнить перед его бездыханным телом: *Мин үлгәс, мәйетем эргәһендә көйләрһең* ('После смерти напой над моим бездыханным телом') [БНТ 1995: 46].

Баиты, в которых умерший обращается к своим родным и близким, можно считать традиционными.

Кроме того, в поэтическом репертуаре башкир имеются баиты, в которых повествование ведется от третьего лица: «Семь девушек», «Баит о суфиях», «Баит зимы», «Баит пятерых», «Баит Халима-мугаллима» и т. д. Чаще всего от третьего лица могли выступать родственники умершего.

От третьего лица повествование ведется также в баитах о родном крае. И это неслучайно, поскольку подобное повествование дает возможность передать внутренний мир и переживания нескольких людей или целого народа, который поднимается на борьбу за свободу земли и против гнета захватчиков и царских колонистов.

Зачастую в социально-бытовых баитах встречается сочетание повествования от третьего лица с монологами: «Баит просвещенной девушки», «Баит Гайши», «Баит о Лаухиде», «Баит о Махикамал» и т. д. Для примера можно привести «Баит Миннизуфара». Произведение начинается с традиционного зачина «Бисмиллахи ва биллахи» («Бисмиллахи вә биллаһи»), после чего автор баита рассказывает о предчувствии смерти Миннизуфара.

Далее следует монолог героя, где передается его тоска по родным. Затем монолог прерывается и начинается повествование от третьего лица, где автор, возможно, родители Миннизуфара, рассказывают, что они хотели обеспечить детям светлое, богатое будущее, но государство забрало себе все их имущество, и им пришлось переехать в старый заброшенный дом деда. В конце

⁷ Мунаджаты — лирические стихи или напевы, размышления. Обычно темой мунаджатов является разлука, трагические события в жизни человека или народа, жизнь и смерть, мотивы из Корана.

баита продолжается монолог погибшего, где лирический герой рассказывает, что его ударила молния. Здесь выражены традиционные раздумья, связанные с разлукой с близкими, и заветы, обращенные к ним, а также думы о внезапной смерти:

Кызыл сатин күлдәгемде,
Бер зә генә кеймәнем;
Бәхилләшкән булыр инем,
Үлеремде белмәнем

Красную сатиновую рубашку
Ни разу не надевал.
Попрощался бы,
Да не знал, что умру.

(«Баит Миннизуфара»)

[НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 32. Ед. хр. 34. Л. 105].

Этот баит — яркий пример непоследовательности сюжета, который сочетается с лирическими отступлениями в виде монолога погибшего парня.

Встречаются баиты, в которых композиция выстроена в форме диалога. Например, «Баит переписи», «Баит о Карагай-Узяке», «Баит девушки-содержанки», «Печальная женщина», «Баит рыбака Тимербая».

В «Баите рыбака Тимербая» приведен диалог старика Тимербая со смертью. Разговор героя со смертью, использование риторических обращений и вопросов придают произведению драматичность, напоминая слушателям, что никто не избежит своей участи:

Низер өтөп алды тәнде,
тукта, мин һузамыным?
Ғазраил канлы кулдарын миңә
тип һузамыным?
Әжәл хәтһез якынлаша, тукта,
әжәл, ашыкма!
Курылды тән, һурылды йән,
хәл бирһәңсе сак кына
[Жемчужины 2008: 206]..

Что-то опалило тело, я в воде?
Ангел смерти мне протягивает руку?
Смерть приблизилась ко мне,
 подожди, не торопись!
Съезжилось тело, улетает душа,
дай мне пожить хоть чуть-чуть
(«Баит рыбака Тимербая»).

Диалог в баите усиливает эмоциональность и динамичность произведения, остроту происходящих событий. Слушатель погружается в чувства и эмоции главного героя, задумывается о вопросах бытия, предается философским размышлениям о бренности этого мира и т. д.

Одной из отличительных черт баитов как поэтического жанра, созданного на национальной почве, являются имеющиеся в нем традиционные художественные элементы, определяющие природу жанра. Таковым, к примеру, является наличие у некоторых образцов традиционного зачина, который чаще всего выступает как типичная эпическая формула [Урманче 2002: 155].

При анализе баитов, опубликованных в томе «Баиты» академической серии «Башкирское народное творчество» [БНТ 2004], выяснилось, что традиционный зачин характерен для некоторых баитов о женской доле («Баит о Лаухиде»), о судьбах людских («Баит Фахретдина»), сатирической и юмористической тематики («Баит о собаке», «Баит пятерых»). Относящиеся к тематической группе «баиты о родителях и детях, дела житейские, о родном крае» не имеют традиционного зачина.

Формирование зачина и концовки в баитах, по утверждению Г. С. Галиной, является результатом влияния литературно-письменных традиций [Галина 2006: 89].

Г. Б. Хусаинов и Б. С. Баимов исследовали два вида традиционного зачина, встречающиеся в башкирских баитах [БНТ 1978: 16–17].

Первый вид начинается словом «Бисмиллахи» («Бисмиллаһи») — основополагающей для мусульман фразы: «Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного» [Галина 2006: 89].

Второй тип зачина связан с указанием даты описываемого события, как правило, войны. Традиционной считается и концовка баитов [Галина 2006: 90]. Как пишет исследователь, традиционные концовки, в которых сообщается адрес и имя автора, сформировались в военных баитах, в период Первой мировой войны, и в дальнейшем получили развитие во время Великой Отечественной войны.

По мнению исследователя, указание в конце произведения адреса и имени автора является традицией не только эпистоляр-

ного жанра, оно говорит о претворении в байтах традиции восточной классической поэзии, где упоминание в последнем бейте поэтического имени является обязательным условием в газелях [Галина 2006: 90].

Татарский исследователь Ф. И. Урманче, рассматривая татарские народные байты, выделяет следующие эпические формулы: во-первых, байты с указанием даты случившегося события [Урманче 2002: 199]. Например, *Тарих йите йөздә кәлдә Тимур Болгарга* 'В семисотых годах (хиджры) пришел Тимур в Булгар' («Казан бәете» — «Байт Казани») [ТНТ 1983: 25]. По мнению ученого, такие зачины являются одной из исконных форм, восходящих к традициям древнетюркской письменности, а также перекликаются с начальными строками многих произведений и жанров народного эпоса [Урманче 2002: 155]. Но, в отличие от тюркских и монгольских эпосов «Манас», «Джангар» и др., где говорится о времени мифическом, в байтах время является конкретно-историческим явлением [Урманче 2002: 155]. Во-вторых, к эпическим формулам относятся традиционные зачины байтов, с некоторой религиозной окраской, обозначающей начало какого-либо обрядового действия [Урманче 2002: 155]. Например:

Бисмиллаһи вә биллаһи,
житте корбан гаеде;
Без әйтәбез, сез тыңлагыз —
Габдрахман мулла бәете. [ТНТ 1983: 131].

Бисмиллаһи, ва билляһи,
наступил курбан гаит;
Мы расскажем, вы послушайте
о мулле Габдрахмана байт.
(«Байт мурлы Габдрахмана»)

Такой тип зачина, по мнению ученого, также связан с очень древними эпическими традициями [Урманче 2002: 156].

К третьему виду традиционных зачинов, считает Ф. И. Урманче, можно отнести байты, где указанные ранее эпические формулы используются вместе, тем самым создавая сложный — двойной — зачин. Например:

Бисмиллаһи вә биллаһи,
уқыдык корбан гаетен.
Без әйтәбез, сез тыңлагыз
Тукай шагыйрь бәетен.

Тугыз йөз унөч елда,
апрель икесендә
Тукай мескен вафат булган
Клякчин больницасында.

С именем аллаха мы помолились
по случаю праздника курбан.
Мы сказываем, вы слушайте
байт поэта Тукая.
В девятьсот тринадцатом году,
второго апреля
Несчастный Тукай скончался
в больнице Кляккина.
(«Байт поэта Тукая»)
[Урманче 2002: 156].

Подобная формула наблюдается и в башкирских байтах. Однако в данном случае, не слишком углубляясь в историю древних эпических памятников, к традициям которых, как утверждает Ф. Урманче, возможно, восходят подобные байты, скажем лишь то, что на традицию написания байта, построение его структуры с зачином и концовкой могли повлиять все те же письма. К слову сказать, в подобных поэтических письмах, которые могут перемежаться короткими такмаками⁸, сперва воздается хвала всевышнему, затем идет опрос родни, оставшихся дома, о здоровье и их быте, далее описываются происходящие события, свидетелем которых автор является, и, наконец, концовка с благопожеланиями и упоминанием своего имени. Концовка тоже может иметь форму такмака.

Проводя анализ традиционных эпических формул, присущих башкирским народным социально-бытовым байтам, мы выделили несколько видов зачинов.

К первому виду зачинов относятся байты, которые начинаются со слов:

Бисмиллаһи вә биллаһи,
етте корбан ғәйете,
Без әйтәбез, һез тыңлагыз —
...⁹ бәйетен

Бисмилла ва биллаһи...
наступил Курбан-гаит.
Вы послушайте —
расскажем мы про ... байт.

⁸ Такмак — жанр башкирского и татарского музыкально-поэтического фольклора.

⁹ Там, где проставлено многоточие, вставляется имя человека, о котором будет идти речь в байте.

Слово *бисмиллах* проникло в башкирскую среду вместе с исламом. В священной книге Коран этой фразой начинаются все суры, кроме девятой. Другие старинные религиозные книги также насыщены подобными выражениями [Галина 2006: 90]. Магическое слово, которое, по поверьям народа, имеет колоссальную силу, употреблялось и продолжает употребляться перед началом любого дела. Возможно, неслучайно слово *бисмиллах* встречается и в начале других фольклорных произведений башкирского народа, таких как хамак¹⁰, мунаджат.

Зачин, начинающийся со слова *бисмиллаһи*, по мнению известного музыковед Г. С. Галиной, встречается в баитах об Отечественной войне 1812 г. [Галина 2006: 89]. По ее мнению, традиция религиозных песнопений, молитв и мунаджатов проникла в светский жанр баита и закрепилась в народном сознании в виде краткой поэтической формулы — зачина [Галина 2006: 90]. Данный зачин с некоторыми изменениями распространился и среди социально-бытовых баитов. Например:

«Бисмилла» тип язайым
был бәйеттең башына [БНТ-1978: 285].

Этот свой баит начну с благословенья
«бисмиллы»
(«Баит Фахретдина») [БНТ 2004: 363].

«Бисмилла(һи) тип (итеп) башлауым
(башланым, башлайым) был бәйеттең
баштарын»

«Бисмилла» я пишу в начале баита
(«Баит о собаке», «Баит о восьмилетней
девочке», «Баит о Касиме» и т. д.).

Татарский ученый Ф. И. Урманче считает, что зачин башкирских баитов со словом *бисмилла* является традиционным формальным приемом. Но баиты с такими зачинами встречаются и у татарского народа («Баит Барязи», «Баит о переселении на новые земли», «Баит Галимы, вступившей на песок», «Баит Хадисы» и т. д.)

¹⁰ Хамак — в башкирском фольклоре стиль исполнения произведений. Различают хамаки напевные (повторяемость звуков одной высоты), собственно-речитативные (без мелодий), напевно-речитативные (синтез мелодики и сказа).

В башкирских баитах своеобразно могут быть оформлены и известные зачины с некоторой религиозной окраской:

Эй, йәмәғәт, беләһеғезме,
етте корбан ғәйете
[БНТ 1978: 75].

Вот, друзья мои, наступил
праздник наш курбан-гаит.
(«Баит Акмуллы», «Баит раскаяния») [БНТ 2004: 303].

В социально-бытовых баитах второго вида зачина указывается дата случившихся событий, а в некоторых баитах в начале автор дает топонимическое обозначение местности, в котором происходят действия («Баит Ягафар шакирда», Баит Гайши, Баит о сестре, «Баит о Сабитулле» и т. д.). Например:

Март айының ун икеһе көнө
Иртүк барған шишмә һыуына.
Кире кайтып кәрмәсләрен белһә,
Васыят әйтер ине барыһына
[НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 945.
Л. 266].

В марте двенадцатого числа
С утра пошла к роднику за водой.
Если б знала, что не придет домой,
Сказала бы заветы.
(«Баит о сестре»).

По нашим исследованиям, ареал распространения в баитах поэтических клише может оставаться в пределах района. Например, в баитах «Баит Ахсана», «Баит Веры», записанных в 1997 г. в селе Староабзано и в деревне Чулпан Благоварского района Республики Башкортостан, имеются такие одинаковые строки, которые идут в зачине баита:

Һигезенсе июль көнө
Ниңәлер эсем бошто.
Бараһым да килмәй ине —
Шәйех барырға кушты
[НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 1020.
Л. 34].

Восьмого числа
Почему-то было тоскливо.
Не хотелось идти,
Да шейх попросил

(«Баит Ахсана»).

Етенсе июль көндө
Ниңәлер эсем бошто,
Бараһым да килмәй ине,
Флур барырға кушты ¹¹

Седьмого июля
Почему-то стало тоскливо,
Не хотела идти,
Флюр попросил
(«Баит Веры»).

Формулу «зачин — дата какой-либо трагедии, смерти», написанную стихами, можно найти и в эпитафических памятниках, относящихся к периоду Волжской Булгарии или Казанского ханства. В качестве примера Ф. И. Урманче приводит тексты надгробий из булгарских времен. Ученый пишет: «Почти буквальное совпадение эпических формул, распространенных в баитах, с двустипиями в эпитафиях наводит на мысль о том, что оформились такие выражения в далеком прошлом, на основе сочинения стихов для надмогильных камней и впоследствии, вероятно, перешли в баиты» [Урманче 2002: 29].

Зачин с использованием слова *бисмилла* или более развернутый тип зачинов сакрального содержания с формулой «Бисмиллаһи вә биллаһи, етте корбан ғәйете» в советское время в башкирских баитах почти не использовались, или исследователи вырезали их из текста по понятным причинам. Имеются лишь несколько баитов, которые начинаются со слова «бисмилла». Например, в «Баите Хабибы Арслановой», написанном в виде поэмы, в третьей части появляются слова «Бисмиллаһи ва биллаһи, На носу Курбан-Гаит» [БНТ 2004: 272], а также в баите «О тринадцати партизанах» зачин использован в начале произведения. В баите «Из аула ушли, до Берлина дошли» к слову *бисмилла* наблюдается формальное, неприязненное отношение:

Начинаем свой баит мы
Безо всякой «бисмиллы» [БНТ 2004: 234].

Баиты, описывая события, так сказать, в режиме реального времени, поэтически

¹¹ Записано в 1997 г. Г. Р. Хусаиновой в с. Староабзаново Благоварского района РБ от Х. А. Гардановой (1938).

передавая весь драматизм судьбы лирического героя, богаты художественными деталями, описывающими природу, пение птиц или шум ветра и т. д. Они позволяют усилить передачу эмоционального состояния героя, помогают передать его душевные переживания.

В башкирских народных баитах флора, окружающая природа описывается в процессе, в динамике, ее описание образно передает чувства и переживания лирического героя. Это чаще всего можно обнаружить в художественных параллелях:

Күллек ялан киң ялан,
үкерә ел сағында.
Низәр әйтеп йөрөнө икән
йәнен биргән сағында
[БНТ 1978: 286].

Вся озерная долина завывает на ветру,
Что шептал он перед тем, как сказать:
«Сейчас умру»
(«Баит Фархетдина») [БНТ 2004: 364].

Ағас башы ана икән,
Ботактары бала икән.
Айырылыузар харап икән,
Йөрәктәрзе яра икән...
[БНТ 1978: 326].

Ствол древесный — это мама,
Дети — ветви на стволе.
Расставанье — это рана,
Что пылает на земле
(«Баит матери»)
[БНТ 2004: 284].

В башкирских баитах из поэтических тропов активно применяются сравнения. Образное сравнение в баитах привлекается в основном для характеристики действия, состояния или явлений. В социально-бытовых баитах используются сравнения, которые образуются при помощи союза *кеүек* (дословно 'как').

Например:

Төрмәлә мин ултырам
Сак-Сук кеүек зарланып.
(«Төрмәгә эләгү»)

В тюрьме я сижу
Как Сак и Сук тоскуя.
(«Баит попадания в тюрьму»)

(Паспортные данные отсутствуют)

Анализ текстов социально-бытовых баитов показал, что образами сравнения в основном выступают представители растительного мира или же неоодушевленные предметы: *патефон кеуек* ‘как патефон’, *сәскә кеуек* ‘как цветок’, *бешкән алма кеуек* ‘как спелое яблоко’ и т. д. Например:

Бер туғандар өсәү инек,
Сәскә кеуек үстек алланьп.
(Ағайым бәйете) [НА УФИЦ РАН. Ф. 3.
Оп. 32. Ед. хр. 34].

Нас было трое — родных,
Росли, как цветы
(«Баит брата»).

Использование сравнений в баитах придает произведениям грустный, эллигический тон.

В баитах распространено использование эпитета *ғәзиз* (‘дорогой (-ая)’). Например: *ғәзиз әсәйем* (‘дорогая мама’), *ғәзиз балакайым* (‘лихая головушка’), *ғәзиз гүмерем* (‘дорогая жизнь’) и др. Как пишет Г. С. Галина, отдельно взятое слово *ғәзиз* (‘прекрасный, ценный, дорогой’) в сочетании с конкретными существительными приобретает роль художественного определения и очень широко распространено в башкирском фольклоре [Галина 2006: 97]. Традиционно эпитет *ғәзиз* (‘дорогой, прекрасный’) встречается и в лирических песнях.

Реже в социально-бытовых баитах можно встретить метафорические эпитеты, способствующие подчеркиванию, усилению эмоциональной окраски образа или окружающего мира, обобщенной картины (*алтын тәхет* ‘золотая клетка’, *алтын оя* ‘золотое гнездо’, *алтын ай* ‘золотая луна’, *кара болот* ‘черная туча’, *якты йөз* ‘светлое лицо’, *кара урман* ‘темный лес’).

Алтын тәхет эсенән
Осоп сыкты ике кош...
[БНТ1978: 288]

Из золотой клетки
Улетели два птенца...
(Баит семи девушек)

Мендәрәмә нур һибеп торзо
Минең *алтын айым*.

[БНТ 1978: 282]

Озарила подушку лучами
Моя золотая луна.
(«Баит зиндана»)

В социально-бытовых баитах можно встретить эпитеты с усилительной частицей. Например:

Кап-кара кан алды уның ике күзен,
Дуракланып һөйләне һаман һүзен,
Айыуға барып һөжүм кылып имди.
[БНТ 1978: 273]

Черно-чернушей кровью залились
(его) глаза,
Как дурак, продолжал говорить свое,
На охоту пойти, на медведя, говорит.
(«Баит медведя»).

Эпитеты, характеризующие внешний облик человека, в отличие от лирических песен, в социально-бытовых баитах используются не так часто. Например:

Туғайзарза, болондарза
Кар һыузары ирейзер.
Тал сыбыктай зифа буйым
Һыу төбөндә серейзер.
[НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 68.
Л. 156].

На лугах, полянах
Талая вода бежит.
Как ива, стройное мое тело
Под водой гниёт, лежит.
(«Баит Гайши»)

Очень часто в баитах бытового характера можно встретить использование уменьшительного аффикса — уменьшительно-ласкательную форму: *инәкәйем* ‘маменька’, *атакайым* ‘папенька’, *әсәкәйем* ‘матушка’. Например:

Киленкәйем, кызкайым,
Йәш инек, сабийкайым
Ғүмерзәрәң булды кыска
Әй, бәләкәй бәбкәйем.
Эх, бәләкәй бәбкәйем.
(Шәмсиәбану карсык бәйете)
[Жемчужины 2008: 215].

Невестушка, доченька,

Молоды были, мое дитя.
Жизнь твоя была коротка,
Эй, маленькая моя,
Эх, маленькая моя.
(«Баит старухи Шамсиябану»).

Как видим, поэтический повтор, встречающийся в приведенном в качестве примера «Баите старухи Шамсиябану», используется для экспрессии, наращивания передаваемого чувства скорби, тоски женщины об ушедшей из жизни невестки, усиливает драматичность баита.

Во время археографических, фольклорных экспедиций в районы Республики Башкортостан и сопредельные регионы сотрудники Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН до сих пор выявляют мунаджаты и баиты, сохранившиеся у населения в письменной и устной формах. «Достаточно большое количество их встречается в виде арабографичных рукописей и книг. Некоторая часть из них написана на кириллице. Встречаются арабографичные безымянные стихотворные произведения, записанные в середине XX в. Наблюдается распространение списков старинных баитов и мунаджатов, переписанных на современную кириллическую графику. Как показывает практика, баиты и мунаджаты чаще

исполняются женщинами, и, как отмечают жительницы сел и деревень, исполнению мунаджатов и баитов они учатся друг у друга» [Абдрафикова, Искандарова, Салихов 2017: 196].

Заключение

Основой композиции в баитах является сюжет, который с течением времени претерпевает изменения, дополнения, что приводит к формированию и распространению его вариантов. Одной из подобных отличительных черт в поэтике баитов является наличие или отсутствие зачина или концовки, их многообразие. В результате анализа как башкирского, так и татарского баитов авторы пришли к выводу о наличии трех видов традиционных зачинов. Баиты, зародившись на стыке фольклора и литературы, вобрали в себя традиции этих двух художественных форм. В художественно-эстетическом, идейно-тематическом отношении им присущи эпитеты, образные сравнения, параллелизмы и уменьшительно-ласкательные формы в обращениях. Если, с одной стороны, им присущи традиции народных протяжных песен, то, с другой стороны, им также свойственно личностное начало, изображение сугубо личных драматических, порой трагических событий в режиме реального времени.

Источники

НА УФИЦ РАН — Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Sources

Scientific Archive of the Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences.

Литература

- Абдрафикова, Искандарова, Салихов 2017 — Абдрафикова Г. Х., Искандарова С. А., Салихов А. Г. Отражение мусульманской культуры в баитах и мунажатах Южного Урала // Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века: мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Мир печати, 2017. С. 193–197.
- БНТ 1978 — Башкирское народное творчество. Баиты. Т. 11. Уфа: Башкирк. кн. изд-во, 1978. 397 с.
- БНТ 2004 — Башкирское народное творчество. Баиты. Т. 11. Уфа: Башкирк. кн. изд-во, 2004. 424 с.

- БНТ 1995 — Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор. Т. I. Уфа: Китап, 1995. 560 с.
- Галина 2006 — Галина Г. С. Башкирские баиты и мунажаты: тематика, поэтика, мелодика. Уфа: БИРО, 2006. 186 с.
- Жемчужины 2008 — Жемчужины земли давлекановской / сост. Хакимьянова А. М., Мухаметгалин Р. Г. Уфа: Деловая династия, 2008. 323 с.
- Искандарова 2016 — Искандарова С. А. Арабо-персидские традиции стихосложения в башкирских баитах // Духовная культура и гуманитарные науки в Башкортостане и России: история и современность. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: БашГУ, 2016. 616 с.
- КЛЭ 1962 — Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. Т. 1. Аарне-Гаврилов. М.: Советская энциклопедия, 1962. 1088 с.
- Надергулов 2017 — Надергулов М. Х. Башкирские баиты: проблемы жанровой характе-

- ристики // Проблемы востоковедения. 2017. № 3 (77). С. 47–52.
- Хусаинов, Сагитов 1978 — *Хусаинов Г.Б., Сагитов М.М.* Башкирские байты / Вопросы башкирской фольклористики. Уфа: Башкиргиздат, 1978. С.24-48.
- Салихов 2003 — *Салихов А. Г.* Забытые страницы истории. Уфа: Гилем, 2003. 140 с.
- ТНТ 1983 — Татарское народное творчество. Байты. Казань: Татар. книж. изд-во, 1983. 350 с.
- Урманче 2002 — *Урманче Ф. И.* Лиро-эпос татар Среднего Поволжья: основные проблемы изучения байтов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 256 с.
- [Tatar folk art. Baits]. Kazan: Tatar Book Publ., 1983. 350 p. (In Tat. and Russ.)
- Abdrafikova G. Kh., Iskandarova S. A., Salikhov A. G. Projections of Muslim culture in the baits and munazhats of the Southern Urals. [Ideals and Values of Islam in the Educational Space of the 21st Century: 10th Conference]. Conf. proc. Ufa: Mir Pechati, 2017. Pp. 193–197. (In Russ.)
- Galina G. S. [Bashkir baits and munazhats: themes, poetics, melodies]. Ufa: BIRO, 2006. 186 p. (In Russ.)
- Iskandarova S. A. Arab-Persian poetic traditions in Bashkir baits. [Spiritual Culture and the Humanities in Bashkortostan and Russia: Past and Present]. Conf. proc. Ufa: Bashkir State Univ., 2016. 616 p. (In Russ.)
- Khusainov G. B., Sagitov M. M. Bashkir baits. [Issues of Bashkir folklore studies]. Ufa: Bashkir Book Publ., 1978. Pp. 24-48. (In Russ.)
- Nadergulov M. Kh. Bashkir baits: problems of genre characteristics. The Problems of Oriental Studies. Ufa, 2017. No. 3 (77). Pp. 47–52. (In Russ.)
- Salikhov A. G. [The Forgotten Pages of History]. Ufa: Gilem, 2003. 140 p. (In Russ.)
- Urmanche F. I. [The lyrical epos of the Middle-Volga Tatars. Baits: the main research problems]. Kazan: Tatar Book Publ., 2002. 256 p. (In Russ.)

References

- [A brief literary encyclopedia]. A. A. Surkov (ed.). Vol. 1. Aarne-Gavrilov. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1962. 1088 p. (In Russ.)
- [Bashkir folk art. Baits]. Vol. 11. Ufa: Bashkir Book Publ., 1978. 397 p. (In Bash. and Russ.)
- [Bashkir folk art. Baits]. Vol. 11. Ufa: Bashkir Book Publ., 2004. 424 p. (In Bash. and Russ.)
- [Bashkir folk art. Ritual folklore]. Vol I. Ufa: Kitap, 1995. 560 p. (In Bash. and Russ.)
- [Pearls of Davlekanovo Lands]. Khakimyanova A. M., Mukhametgalin R. G. (comps.). Ufa: Delovaya Dinastiya, 2008. 323 p. (In Russ.)





Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 2, pp. 320–333, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-320-333
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 821.512.37+82–144

Поэтика баллады в калмыцкой поэзии XX в. (Д. Кугультинов, М. Хонинов)

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
 ORCID ID: 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

Аннотация. *Введение.* Развитие советской калмыцкой поэзии в 1930-е гг. сопровождалось освоением новых жанров, в том числе заимствованных из русской советской литературы. Одним из таких жанров стала литературная баллада, которая, не имея аналогов в калмыцком фольклоре, ориентировалась на традицию русской советской баллады, активно осваивалась поэтами в 1960–1970-е гг., а в 1980-е гг. наметилось снижение авторского внимания к этому жанру. Актуальность исследования определена малоизученностью калмыцкой баллады прошлого века. Проблемность обусловлена выяснением места этого жанра в истории калмыцкой литературы, выявлением круга авторов баллады. *Цель.* Изучение общей эволюции калмыцкой баллады не входит в задачи статьи, которая ограничена рассмотрением поэтики репрезентативных баллад Д. Кугультинова и М. Хонинова для определения состава и функционирования этого жанра в поэзии этих авторов в 1960–1980-е гг. *Методы.* Сравнительно-сопоставительный метод позволяет определить авторские стратегии поэтов в области избранного ими жанра баллады, а также роль переводчиков в интерпретации оригинального текста для русскоязычного читателя. *Результаты.* В калмыцкой поэзии советского периода литературная баллада не стала ведущим жанром, несмотря на обращение к ней — эпизодическое или постоянное — ряда поэтов в разные периоды их творчества — Г. Дабаева, Б. Дорджиева, М. Нармаева, Л. Инджиева, Б. Сангаджиевой, А. Балакаева, В. Нурова. Среди баллад особо выделяются три баллады Д. Кугультинова (1970–1980-е гг.), более десяти баллад М. Хонинова (1960–1970-е гг.). Несмотря на то, что самим Д. Кугультиновым баллады не маркированы, эти стихи сохраняют признаки жанра как со стороны формы, так и со стороны содержания, носят лиро-эпический характер, фило-софичны и дидактичны в тематическом ракурсе: борьба добра и зла, морально-нравственные конфликты, сила художественного слова. Военная баллада М. Хонинова опирается на традицию русской военной баллады с ее героикой, патриотизмом, жертвенностью, темой исторической памяти, автобиографизмом. При этом оба поэта сохраняют особенности калмыцкой версификации, в основном анафоры (единоначатия). Балладный стих в поэзии двух поэтов прошлого века не имел строгой связи с определенным метром, строфикой и рифмовкой, но включал обязательную анафору, что подтверждают примеры стихотворений обоих поэтов. Заметна роль переводчиков в актуализации жанрового потенциала калмыцких авторов. *Выводы.* Изучение калмыцкой баллады прошлого века позволяет выявить заимствованный жанр в истории калмыцкой литературы, его генезис, состав и функционирование в 1960–1980-е гг.,

соотношение формы и содержания, национальный вектор на примере избранных авторов.

Ключевые слова: калмыцкая баллада, Давид Кугультинов, Михаил Хонинов, перевод, Великая Отечественная война, традиция

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Поэтика баллады в калмыцкой поэзии XX в. (Д. Кугультинов, М. Хонинов). *Oriental Studies*. 2019;(2):320-333. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-320-333.

UDC 821.512.37+82–144

20th-Century Kalmyk Poetry: Poetics of the Ballad (a Case Study of Works by D. Kugultinov and M. Khoninov)

*Rimma M. Khaninova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand.Sc. (Philology), Leading Research Associate

ORCID ID: 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

Abstract. Introduction. The 1930s development of Soviet Kalmyk poetry was characterized by the introduction of new genres, including ones borrowed from Soviet Russian literature. The literary ballad proved one of those genres: it had no analogues within Kalmyk folklore and, thus, was patterned after the Soviet Russian ballad tradition, having been actively turned to by domestic poets in the 1960s-1970s (followed by a decline in the 1980s). The study is currently topical enough since the 20th-century Kalmyk ballad is still understudied, and aims to identify the role of the genre in the history of Kalmyk literature, delineating the circle of authors to have used the genre. **Goals.** The article does not seek to investigate the general evolutionary line of the Kalmyk ballad, being limited to insights into poetics of most representative works by D. Kugultinov and M. Khoninov for the determination of the structure and functioning features of the genre in the authors' poetry throughout the 1960s to 1980s. **Methods:** The comparative method makes it possible to trace the authors' strategies and examine the translators' role in respective Russian-language interpretations of original texts. **Results.** Despite episodic or constant interest towards the genre displayed by a number of poets in different periods and stages, including G. Davaev, B. Dordzhiev, M. Narmaev, L. Indzhiev, B. Sangadzieva, A. Balakaev, V. Nurov, — the literary ballad never became a leading genre in Soviet Kalmyk poetry. The most remarkable works are three ballads by D. Kugultinov (1970s–1980s) and ten ballads by M. Khoninov (1960s–1970s). Although D. Kugultinov did not identify those ballads as such, the poems still retain definite features of the genre both in terms of form and contents, being essentially lyrical and epic, thematically philosophical and didactic: the fight of good and evil, moral conflicts, the power of artistic declamation. Military ballads of M. Khoninov rest on the tradition of the Russian military ballad with respective heroism, patriotism, self-sacrifice, historical memory and autobiographical nature. Meanwhile, both poets stick to the Kalmyk versification patterns characterized by wide use of anaphora. The ballad verse patterns of theirs have no strict ties to any certain metrical line, stanza or rhyme system — but definitely include anaphora which is evident from examples of poems by both poets. The translators played a significant role in actualizing the genre potential of the Kalmyk authors. **Conclusions.** The insight into the 20th-century Kalmyk ballad makes it possible to identify the borrowed genre in the history of Kalmyk literature, tracing its genesis, structure and functioning features in the 1960s-1980s, with due regard of form and content, the national vector as exemplified by the works selected.

Keywords: Kalmyk ballad, David Kugultinov, Mikhail Khoninov, translation, Great Patriotic War, tradition

Acknowledgment: The study was conducted within the framework of the state subsidy — the project 'Oral and Written Heritage of the Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (Reg. No. АААА-А19-119011490036-1).

For citation: Khaninova R. 20th-Century Kalmyk Poetry: Poetics of the Ballad (a Case Study of Works by D. Kugultinov and M. Khoninov). *Oriental Studies*. 2019;(2):320-333. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-320-333.



Введение

Один из древних лиро-эпических жанров, распространенный в фольклоре и литературе Европы и России, до сих пор полемически обозначен в современном литературоведении. Исследователи жанра баллады установили, что этим термином обозначают иногда далекие друг от друга явления: твердые формы прованской лирики со сквозной системой рифмовки; произведения, близкие к народным историческим и любовным песням; тяготеющие к поэмам сочинения русских и европейских романтиков XVIII–XIX вв.; современные, динамично развивающиеся формы [Травников, Ольшевская 2006: 3]. В истории русской баллады ученые выделяют два периода: фольклорный и литературный, при этом фольклорные и литературные жанры в XVII–XX вв. активно взаимодействовали.

Генезис калмыцкой баллады не связан с национальным фольклором, в котором отсутствовал подобный жанр. Появление литературной баллады в калмыцкой поэзии 1930-х гг., начиная с «Баллады о будущем» 'Хөөтин баллад' (1936) Г. Даваева, обусловлено влиянием русской советской баллады [Ханинова 2019: 194–206].

Баллада, будучи заимствованным жанром в калмыцкой поэзии, не была распространенным явлением в советском периоде. Внимание литературоведов к калмыцкой балладе было эпизодическим в общем изучении, например, поэзии отдельного автора [Килганова 1971: 101–113] или калмыцкой поэзии военных лет [Мусова 1977: 82–98] на материале русских переводов произведений М. Хонинова («Баллада о портрете») и Л. Инджиева («Наводчик Бригада»).

Несмотря на то, что в творчестве калмыцких поэтов — Г. Даваева, Б. Дорджиева, Л. Инджиева, М. Нармаева, М. Хонинова, Д. Кугультинова, Б. Сангаджиевой, А. Балакаева, В. Нурова — баллада представлена единичными или несколькими образцами, объектом и предметом исследования она стала сравнительно недавно.

В статьях Р. М. Ханиновой изучена поэтика «Баллады о жалости» ('Зөргиг зүркнднь суулдг болхнь...', 1976) Михаила Хонинова в аспекте новации и фольклорных традиций [Ханинова 2015: 118–125; Ханинова 2016: 403–407], поэтика баллады о войне в поэзии фронтовиков — Басанга Дорджиева («Тоһруна туск баллад» ('Баллада о журавлях', 1943), Морхаджи Нармаева («„Тигрлэ“ һар бэрлдлһн» ('Рукопашная с «Тигром»', 1987), Лиджи Инджиева («Булгин туск баллад» ('Баллада о роднике', 1987), Михаила Хонинова («Зургин туск баллад» ('Баллада о портрете', 1969); «Зөргиг зүркнднь суулдг болхнь...» ('Если б в сердца пересаживать отвагу', 1976) [Ханинова 2019: 194–206].

Для калмыцкой баллады прошлого столетия характерны политическая и социальная направленность, ориентация на традиции русской советской баллады героического типа, отсутствуют же такие виды, как любовная баллада, баллада-пародия, рок-баллада [Ханинова 2019: 194], семейная баллада, бардовская баллада.

Поскольку для истории калмыцкой литературы не были свойственны сентименталистское, романтическое, модернистские и авангардные направления и течения, постольку в ней нет соответствующих им баллад. Калмыцкая баллада прошлого века разрабатывалась в русле тенденции литературы социалистического реализма советской эпохи. «Советская баллада — это сюжетное стихотворение на современную тему, выдержанное преимущественно в остром ритме» [Квятковский 1966: 56].

Выявлено несколько способов дефиниции калмыцкой баллады: 1) включение в название термина «баллада» по-русски с усечением окончания: «баллад», 2) включение такого термина только в подзаголовке, 3) без указания жанра, 4) включение термина «баллада» в русском переводе названия оригинального текста, даже если жанр не обозначен самим автором [Ханинова 2019: 195–196].

Основная часть

Исходя из современного понимания гибридности литературного жанра баллады, совмещающего лирическое, эпическое (повествовательная фабула) и драматическое (диалогические реплики персонажей) начала [Магомедова 2008: 26], обратимся к репрезентативным балладам Давида Кугультинова и Михаила Хонинова в сравнительно-сопоставительном плане для выявления состава и изучения поэтики таких произведений.

В поэзии Д. Кугультинова нет стихотворений, в названии или подзаголовке которых был бы обозначен искомый жанр. Четыре произведения манифестированы его переводчиками как «баллада» в названии или подзаголовке: «Баллада диких тюльпанов», «Баллада истребителя тьмы», «Баллада чистой совести» в переводе Михаила Дудина [Кугультинов 1980: 134–136], «Сон в замке (баллада)» [Кугультинов 1975: 14] в переводе Юлии Нейман. Эти тексты созданы автором в 1970–1980-е гг. Рассмотрим, насколько соизмеримы стратегии автора и переводчиков в этом плане.

Первое стихотворение в оригинале не имеет прямого названия, его первая строка: «Хавр гүргүдэн орад...», буквально «Весна в разгаре...», в дудинском переводе — «Баллада диких тюльпанов». Собственно фабульной основы, характерной для баллады, здесь нет. Радостная картина прекрасной разноцветными тюльпанами весенней степи в первой строфе сменяется в дальнейших строфах авторской печалью при виде того, как улыбающиеся люди (взрослые и молодежь), будто одержав победу, несут по городу охапки цветов, бросают их потом домашнему скоту. Без этих цветов, которые тогда останутся только в поэтических строках, степь опустеет. Отсюда риторические фигуры в тексте, в основном вопросительные формы: «Балһснд, тежэл кехэр / Бэрсн малдан тедн, / Хотлань семрхэр цецгүд / Ховдгяж таслсн болхв?» [Кугультинов 1982б: 151]. В смысловом переводе: «Неужели горожане рвут цветы, чтобы скормить домашнему скоту?». «Аль һахад өгдг / Авъятыгд немр кехэр / Мана теегт нээхлж / Мандлсн кеермж хорасм-би?» [Кугультинов 1982б: 151]. В смысловом переводе: «Неужели для того, чтобы дать свинье такой корм, нашей прекрасной

степи нужно вредить?». В заключительной строфе звучит призыв поэта: «Буйн болтха, үүрмүд, / Болһаж теегэн хэлэһит, / Үйнрт үлдх сээх / Үмтэж бичэ хорәһит!» [Кугультинов 1982б: 152]. В смысловом переводе: «Ради бога, друзья, будьте осторожны, сохраните степь. Чтобы оставить для молодежи эту красоту, не рвите, не вредите!». В переводе Дудина: «Друзья, родства живые нити / Ищите в мире красоты. / И, как любовь свою, храните / Тюльпаны — дикие цветы» [Кугультинов 1988а: 247]. Это стихотворение не отвечает формальным признакам жанра баллады. По структуре оригинальный текст состоит из четырех неравномерных строф (40 строк), с использованием анафоры преимущественно парного вида, без определенной рифмовки и конечной рифмы, разностопный ямб. В русском переводе — пять неравномерных строф (40 строк) без риторических фигур, с перекрестной рифмовкой, чередованием мужской и женской рифм, четырехстопный ямб.

«Баллада истребителя тьмы» Д. Кугультинова, названная так в дудинском переводе, в оригинале именована «Харңһу идэч» (1980), буквально «Пожирающий темноты». По-калмыцки глаголы *идх* — ‘есть, кушать; съедать, пожирать’, *күдх* — ‘истреблять, уничтожать’, существительные *харңһу* — ‘темнота, потемки, мрак’ [КРС 1977: 264, 321, 580], *истребитель* — ‘хог таслач’ [ЯИК 2003: 153].

Данный сюжет основан на сновидении лирического субъекта. Перевод ленинградского поэта не передал адекватно эту сюжетную линию сновидения героя, затрудняя определение баллады, придавая повествованию монологический ракурс. «Харңһу идэч», впервые опубликованный в газете [Көглтин Д. 1980в: 4], состоит из 87 строк, не разделенных на строфы, с парной и сплошной анафорой, без строгой рифмовки и конечной рифмы, без определенного размера. В русском переводе — 80 строк, двустопный с парной рифмовкой и мужской рифмой, пятистопный ямб.

По композиции — это путешествие лирического субъекта вместе с водителем на машине по степной дороге ночной порой. Путешествие, дорога, ночь — устойчивые формальные балладные элементы. Вначале темнота вокруг светящихся фар мчащейся

машины создает в воображении пассажира метафизическую картину борьбы света и тьмы, добра и зла, придавая его размышлениям философский характер, актуализируя морально-нравственный аспект, присущие поэзии калмыцкого автора. «Харлж өмн күрисн / Харңһу сөөһин уужмиг, / Хот, харһнсн күн, / Ховдгар үмкжэх мет, / Мана адһж хурдлсн / Машина чичрсн герл, / Чилхэснь ээж, амнурн / Чикж ханлго хорана» [Көглтин Д. 1980г: 77]. В смысловом переводе: «Дрожащий свет спешащей машины, боясь потухнуть, ненасытно поглощает ртом встающую преградой впереди степную темноту». Ср. в переводе: «Ночная даль чернеет без конца, / Нет у нее ни формы, ни лица. // Свет желтых фар машины на лету / Захватывает с хода темноту, // Неумолимо движется вперед, / И рвет пространство ненасытный рот. // Перед машиной беспокойный мрак, / Отодвигаясь, пьтится, как рак» [Кугультинов 1988б: 242]. Хозяин ночи словно простирает волосатые руки к водителю и пассажиру, угрожая бедой. Глаза лирического субъекта сами собой закрываются от страха, и он погружается в глубокий сон, воображая себя машиной, свои глаза — фарами, свои ноги — колесами. Так в обычную историю дорожного путешествия входит в форме сновидения фантастический элемент, традиционный для классической баллады. Образ темноты приобретает ускользающие от определения признаки, а лирический субъект преобразается то в орла, то в волка, то в волну, то в ветер, чтобы поймать и связать тьму, где бы она ни была, поглотить ее без остатка.

Этот мотив перевоплощения, свойственный фантастической коллизии балладного жанра, близкий фольклору, демонстрирует мощь и разум человека в борьбе с извечным врагом. В конце стихотворения этот сон «истребителя тьмы» внезапно обрывается радостная песня об Элисте водителя при виде приближающегося города, и лирический субъект, вздрогнув, просыпается. «Эрг дора энкр / Элст цээж падрв. / Серсн бийм агчмд / Сээхн эн сарулыг / Харңһу хораж би / Хальмгтан үүдэсн болв. „Менд, герл!“ — гиж, / Маасхлзж байрлад хээкрв» [Көглтин Д. 1980г: 78]. В смысловом переводе: «В низине засветилась огнями любимая Элиста. После того, как

проснулся, мне показалось, что эту красоту я, уничтожив темноту, возродил для калмыков. „Здравствуй, свет!“ — улыбаясь, радуясь, крикнул я». У М. Дудина: «И мысль моя открыта и чиста, / И в эту мысль приходит: „Элиста!“ / И возникает вдруг передо мной / В сиянье света мой очаг родной, / Как будто я его судьбе в ответ / Принес животворящий свет, / Во сне дорожном темный негатив / Извечной жизни жадно проглотив, / Грядущему и прошлому вослед / Кричу я, улыбаясь: „Здравствуй, свет!“» [Кугультинов 1988б: 243]. В переложении переводчика — это путешествие одного человека, вероятно для того, чтобы акцентировать сюжет-поединок истребителя тьмы, это философская концепция конфликта добра и зла. Для поэта, на наш взгляд, важнее единение человека с человеком в борьбе со злом, поэтому рядом с ним в машине водитель, один из тех, за кого сражается лирический субъект, один из тех, кто присоединится к этой войне. Антитеза ночной и дневной жизни усиливает балладную модель текста, но в ней одномирие, характерное для советской баллады, определяется сновидческим вектором. Здесь нет конкретизации сезонного времени и топонимического пространства, нет имен персонажей, диалогическая реплика лирического субъекта несет интертекстуальную отсылку к пушкинскому призыву («Да здравствует солнце!»).

В «Седклин диилвр» (буквально «Победа мысли/души», 1980), опубликованном вначале в газете [Көглтин Д. 1980а: 4], основу сюжета-поединка составил реальный эпизод из спортивной жизни. По-калмыцки «совесть» — ‘эрүн седкл’, «чистая совесть» — ‘цевр эрүн седкл’ [ЯИК 2003: 423]. В дудинском переводе — это «Баллада чистой совести». Переводчик обозначил жанр и уточнил доминирующий мотив: в боксерском поединке на ринге самым участникам понятнее, кто является победителем, а кому помогли судьи-арбитры, чемпионский авторитет.

Спустя пять лет после этой истории калмыцкий поэт обратился к спортивной теме, шире — к морально-этическим критериям не только в спорте, но и в жизни. Фамилия главного героя в тексте названа. Это украинский боксер в наилегчайшем весе, неоднократный чемпион СССР

и Европы, бронзовый призер чемпионата мира Владислав Засыпко. Тогда, в полуфинале VI Спартакиады народов СССР в Ташкенте в 1975 г., он, по сути, проиграл бой московскому боксеру Надырову, но судьи отдали по очкам предпочтение В. Засыпко, который в финальном поединке с другим боксером стал чемпионом. После окончания соревнования победитель через тренера Надырова передал свою золотую медаль полуфинальному сопернику, сразу уехавшему из Ташкента после поражения [Засыпко 2012].

Бабан Надыров в интервью журналу «Московский бокс» действительно не признал тогдашнего поражения и, несмотря на то, что получил от соперника золотую медаль, не успокоился, пока не победил его, став чемпионом страны 1976 г. «Как о человеке я могу о нём сказать только хорошее — скромный, честный и порядочный», — охарактеризовал он товарища по спорту [Надыров 2016].

Д. Кугультинов в своей балладе намеренно ушел от фактических деталей, от конкретизации времени, места и события: якобы эта передача золотой медали произошла во время соревнования на ринге, и зал восторженно поддержал волю чемпиона. «Нартын чемпион Алиг / Нокаутар Засыпко диилвчн, / Нег күүншн иигж / Ниргж зал босж, / Бахтж альхан ташад / Байрлж шуугшго билә! / Седклин диилврәс / жирһл / Сарулдсн болж медгдлә» [Көглтин Д. 1980б: 79]. В смысловом переводе: «Если бы Засыпко нокаутировал бы самого чемпиона мира Али, зал, как один, аплодируя, не так шумно радовался бы тогда. А от победы совести жизнь стала как бы светлее».

В русском переводе нет сопоставления с американским боксером: «Потом восторг взрывает стадион, / Когда в середине на почетном круге / Своей медалью гордый чемпион / Соперника венчает по заслуге. // Как будто это праздник всех людей / Расходится и веселей, и шире. / И от победы Совесть светлей / И благородней делается в мире» [Кугультинов 1988б: 245]. Переводчик понятие совести выделяет заглавной буквой, шрифтом актуализируя необычный поступок спортсмена.

Структурно баллада включает 22 катрена, с парной и сплошной анафорой, но без

строгой рифмовки и рифмы, разностопный ямб. В переводе объем в два раза меньше: 11 катренов, пятистопный ямб. Здесь нет экспозиции: сразу звучит гонг, начинается поединок, венчающий финал золотой медалью. В оригинале трехчастная композиция. В первой части дана характеристика боксера: маленький рост, легкий вес. По ходу повествования выяснится величие духа спортсмена. Во второй части подробно показан поединок, сомнения главного героя в заслуженной победе во время полуфинала соревнования, несмотря на то, что он понимает: «Сүл берлдән биш!», то есть это не последний в его жизни поединок. В третьей части — торжество справедливости и совести, когда золотая медаль передается чемпионом сопернику: он снимает с себя награду и молча вешает на шею побежденному им человеку. Поэт, во-первых, хотел показать мгновенное решение боксера, во-вторых, продемонстрировать всенародное единение спортсменов и болельщиков, триумф добра и совести. В такой истории смещаются хронологические границы спортивного эпизода, поскольку это был не финальный, а полуфинальный этап, и золотая медаль не могла появиться на ринге в тот момент.

Художественный вымысел автора становится допущением к необыкновенному событию, маркирующему балладный элемент произведения. Поэт сравнил боксерскую тактику украинца с полетом весенней бабочки: «Хаврин эрвәкә мет / Халәд нисж эргнә» [Көглтин Д. 1980б: 78], таким образом, усилив коннотации красоты, легкости, мастерства. В стихотворении указаны исторические персонажи: Мохаммед Али, Владислав Засыпко, при этом отсутствует имя Бабана Надырова.

В стихотворении «Зүүдн» («Сон», 1974) Д. Кугультинов обратился к иному материалу — к своим зарубежным путешествиям, в данном случае в Словакию. С «Балладой истребителя тьмы» «Зүүдн» сближается структурным элементом сновидения лирического субъекта. Переводчица Ю. Нейман эту связь с европейской балладой рыцарского типа подчеркнула в названии «Сон в замке», в подзаголовке (баллада), в упоминании короля Артура и рыцарей Круглого стола, хотя поэтом книги на рыцарскую тему не названы.

Оригинал состоит из трех неравномерных строф (99 строк), с неупорядоченной анафорой, рифмовкой и рифмой, разноstopный амфибрахий, перевод — из 19 строф, в основном четверостиший и двух двустиший (95 строк), с перекрестной рифмовкой, чередованием мужской и женской рифм, четырехstopный амфибрахий.

В оригинале композиция включает три части: во вступлении лирический субъект летом поселился в писательском доме отдыха, расположенном в старинном замке словацкого села Будмериц. В русском переводе такой подробной экспозиции нет, как и уточнения, что это графский замок. Поэт рад: единственный калмык, удостоенный такого временного пребывания. Чужое жилье, замок, воспоминания о рыцарских книгах, лунная ночь, одиночество подготавливают грядущий сон героя.

Завязка начинается с описания топота чьих-то ног, открытия двери и появления вдруг призрака-рыцаря с искрящимися глазами в комнате гостя. Встреча мертвого и живого, диалог между призраком и человеком присущ фантастической балладе, вспомним, например, английскую балладу Вальтера Скотта «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» [Скотт 1981: 253–264]. Но в калмыцкой балладе сновидческий дискурс в основной части наполняется неожиданным содержанием. На грозный вопрос хозяина в доспехах, кто тут, зачем сюда явился, гость, подумав, что на своей родине он ретировался бы, здесь же, решив, что в чужой стране лучше умереть, чем опозориться, в свою очередь спросил: а кто без спроса вошел сюда? Ср. упрощенный в психологическом плане этот эпизод в русском переводе: «Меня прошибает холодный пот. Кого мне судьба послала?» [Кугультинов 1988г: 173]. Для усиления таинственности и опасности момента переводчик придумал агрессивные действия призрака (поднял копье, выставил щит, назвал постояльца призраком), показал реакцию человека (закипел от злости).

Услышав чужой голос, рыцарь внезапно изменил свое поведение: грозный тон исчез, он задрожал, как ветка, упал на колени, голос ослаб. «Өмд күн бээжлмт! / Гемим тэвтн!» [Кугультинов 1982а: 105]. В смысловом переводе: «Оказывается, вы — живой человек! Прошу прощения!». Увидев льющиеся по полу рыцарские слезы (гипер-

бола), постоялец попросил его подняться с колен, уточнив: он — не король, а писатель. Это известие еще больше напугало пришельца, объяснившего литератору силу «волшебного слова» перед силой казни и пожаловавшегося на то, что мертвые беззащитны перед живыми на их суде, правом или неправом, над ними.

Писателю тяжело общаться с пришельцем из иного мира, не зная, как остановить эту необычную беседу. «Алц болж төгэлц / Энд-тендэн хэлэж / Һанцхарн бээсэн медүв» [Кугультинов 1982а: 106]. В смысловом переводе: «Странно себя чувствуя, оглянулся кругом, понял, что нахожусь один». Переводчик мотивировал исчезновение призрака классической причиной: ночь — время таких пришельцев из потустороннего мира, утром они покидают этот мир, границы между мирами закрываются и открываются в определенное время: «Рассвет разгорался. Исчезла тень» [Кугультинов 1988г: 174]. Автор же никак не объяснил, почему исчез рыцарь, отчего прервался сон его лирического героя.

Любопытно, что в этой балладе призраки боятся людей. Согласно переводчику, рыцарь потом молит писателя молчать о нем, боясь суда над собою. Судя по переводу, получается, что сновидец-автор не выполнил эту просьбу, написав свою балладу. «Сон в замке», по Нейман, заканчивается тем, что проснувшийся человек вспоминает сон, и целый день ему было чего-то стыдно. Зыбкая граница между жизнью и сновидением в тексте углублена переводчиком: тень «во сне приснилась, как видно. / Конечно, приснилась...» [Кугультинов 1988г: 174]. Сначала предположение, затем утверждение, что все случившееся — только сон и не более. Автор же закончил иначе: «Хэрү унттлан эн / Соньн зүүднэ тускар / Бишлһэл кежәһэд би, / Учр угаһар ичв» [Кугультинов 1982а: 106]. В смысловом переводе: «Перед тем, как вновь заснуть, я как бы в созерцании вспоминал странный этот сон, и без всякой причины устыдился». По Кугультинову, такая недоговоренность о беспричинном стыде — своего рода обращение к другому, расширение коммуникационного поля в диалоге автора с читателем. Моральный императив, восходящий к древнегреческому изречению Хилона: «О мертвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды», трак-

туется до сих пор по-разному. Одна из интерпретаций — не злословить об ушедших в иной мир. Видимо, в таком контексте она присутствует в этой калмыцкой балладе.

В поэзии Михаила Хонинова балладе отведено значительное место. Это стихи, написанные в жанре баллады, с указанием в заглавии: «Зургин туск баллад» ('Баллада о портрете', 1969) [Хоньна М. 1969а: 4], «Кличевин туск баллад» ('Баллада о Кличеве', 1969) [Хоньна М. 1969б: 4], «Белоруссин ө-шуһу модна туск баллад» ('Баллада белорусских лесов', 1970) [Хоньна М. 1970: 4–5], «Үүлнэ туск баллад» ('Баллада о тучах', 1971) [Хоньна М. 1971: 60–63].

Это поэмы, обозначенные автором как баллады, например: «Салькнла бээр бэрлдсн баллада» ('Баллада о битве с ветром', 1967) [Хоньна М. 1967: 3–4], «Хальмг күүкнэ туск баллад» ('Баллада о калмычке', 1979) [Хоньна М. 1979: 4], пример синтеза жанров в его творчестве.

Среди хониновских стихотворений есть, как у Д. Кугультинова, маркированные переводчиками, например: «Баллада о пулеметчике» (1965), «Баллада о недокуренной сигарке» (1966), «Степная баллада» (1972), «Не хватает их (баллада)» (1976), «О птице, раненной в бою (баллада)» (1977), «Баллада о жалости» (1978).

«Баллада о портрете» рассмотрена в статьях З. Килгановой [Килганова 1971: 109–110], Р. Ханиновой [Ханинова 2019: 201–202]. Экфрасис в этой партизанской балладе связан с темой Ленина, героический сюжет перекликается с сюжетом «Баллады о синем пакете» Н. Тихонова. В авторской рукописи «Зэргиг зүркнднь суулһдг болхнь...» 'Если б в сердца пересаживать отвагу' есть подзаголовок «баллада». Сюжет-испытание в этой военной балладе [Хоньна М. 1978: 4] изучен в аспекте калмыцких фольклорных традиций Р. Ханиновой [Ханинова 2015: 118–125; Ханинова 2016: 403–407]. Основная тема большинства баллад поэта, фронтовика и партизана, — Великая Отечественная война, в основном они рассмотрены в настоящей статье.

Одна из ранних баллад — «Күцц эс тагдсн цигарк» ('Баллада о недокуренной сигарке', 1966) — посвящена легендарному калмыцкому полководцу Оке Ивановичу Городовикову, герою Гражданской войны. Она состоит из 15 неравномерных строф

(139 строк), с парной и сплошной анафорой, нестрога выдержанной рифмовкой, в основном перекрестной, мужской рифмой, шестистопный ямб. В русском переводе — это единый текст, с частичной «лесенкой» (136 строк), в основном с перекрестной рифмовкой, чередованием мужской и женской рифмы, хорей, отвечающий плясовому ритму. Композиционно баллада делится на три части. Во вступлении характеристика главного героя дана в эпической традиции «Джангара»: «Мана Ока Городовиковин һарнь / Мел Саврин һаршц күнд, / Арвн хурһнь альхндан үүмлдхлэрн / Атхж авсан тэвдго чаңһ» [Хоньна М. 1966: 3]. То есть автор сравнил его с тяжелоруким богатырем Саваром, который не упустит из своих рук ничего, если возьмет.

Сюжет стихотворения определен участием красного командира в Гражданской войне против Польши в 1920 г. Тогда после победы он прикурил сигарку, сделав ее из предложенной красноармейцами махорки, и предложил ее по кругу. Недокулив, командир, как потомок Джангара, отвалил большой валун, на котором сидел, положил сигарку, закрыл тем же камнем, обещав докурить ее.

Вернулся Ока с дивизией в Прибугский край по зову братьев-белорусов, вновь после победы добрался до знакомого валуна, достал из-под него половину недокуренной сигарки, закурил ее через двадцать лет. Описание кавалерийских атак, героизм красных бойцов, их гибель за свободу братских народов раскрывают героический сюжет, а сигарка, пролежавшая под огромным камнем и докуренная через двадцать лет, привносит в балладу элемент фантастического допущения, чуда.

Факт общего курения сигарки командиром и его конниками становится маркером боевого братства, своеобразной трубкой мира. Враги трудового народа Украины и Белоруссии автором названы польскими панами, а также ненасытными чертями («ховдг бирмс»), акцентируя в балладе политическую борьбу двух миров как борьбу добра и зла, чистой и нечистой силы, интерпретируя сюжетную коллизию двоemiрия.

Автор закончил балладу, актуализировав эпические традиции героизма, упомянул богатыря Хонгора: «Хонһрин ач — революцин салдс / Халхан дахулж сахлан мошкв»

[Хоньна М. 1966: 3]. В смысловом переводе: «Внуки Хонгора — солдаты революции закрутили усы». В переводе Николая Поливина: «Поклонился валуну / За такое чудо. / Дым махорочный глотнул — / Курится не худо!.. / Улыбается Ока — / Хороша примета: / Край Прибугский навека / С Родиной Советов!» [Хонинов 1972: 73–74]. Историческая рефлексия автора отразила дух того времени; новейшая история же корректирована распадом СССР, отразившегося в судьбе указанного региона.

Диалогическая составляющая текста — беседы командира с бойцами о борьбе за свободу, дружеское общение за кузовом сигарки. Исторический вектор баллады определил ее топонимическое пространство: Европа, Польша, Украина, Белоруссия, Пинск, Балтийское море, Буг.

Фольклоризм произведения обусловлен обращением автора к родному эпосу: страна Бумба, легендарный конь Аранзал, богатыри Джангар, Хонгор, Савар, показ героической преемственности поколений.

В «Балладу о белорусских лесах» («Белоруссин ө-шуһу модна туск баллад») М. Хонинов ввел мотив военной хитрости: один партизан смог обмануть в лесу фашистский взвод, захватить в плен и доставить в штаб. Автор подчеркнул необычность случая, что подтверждает балладный признак произведения: «Белорусск ө-шуһу моднд, / өңгрсн дээнд / Басл туульла эдл инэдтэ, / Аальта йовдл үзгдлэ» [Хоньна М. 1970: 4]. В смысловом переводе: «В белорусских лесах прошлой войной бывало много сказочно смешного, странные случаи видали». Сюжет-поединок имеет характер воспоминания: «Теегин хальмг көвүнд / Тедн взводарн бэргдснднь инэнэв» [Хоньна М. 1970: 5]. В смысловом переводе: «Смеюсь [вспоминая], как взвод был захвачен степным калмыцким юношей». В переводе Анисима Кронгауза: «О, если он знал бы, / Что их приволок / Кочующий снайпер, / Кочевник стрелок, / Двадцатидвухлетний / Простой паренек» [Хонинов 1970: 44].

Баллада структурирована «лесенкой», с парной и сплошной анафорой, в основном с парной рифмовкой, с включением диалогических реплик (80 строк), разноstopный хорей. В русском переводе — четыре неравномерных строфы с перекрестной рифмовкой (79 строк), двухstopный амфибрахий.

Определенная неточность переводчика связана с определением национальности партизана: в начале текста — это белорусский паренек, в конце — уже кочевник-стрелок, то есть калмык.

«Үүлнэ туск баллад» («Баллада о тучах») также построена как воспоминание автора о прошедшей войне, поэтому и переводчиком-фронтовиком Марком Максимовым в русское название произведения введено оценочно-эмоциональное определение «гневные»: «Баллада о гневных тучах».

Вначале поэт рисует пейзажную картину: тучи, сгущаясь, плачут, молча кочуют по небу. Он объясняет безмолвность туч тем, что они ранены, во время гитлеровской войны были расстреляны. Поэтому они стали просить у ветра костыли, чтобы перемещаться поверху, а земля им ответила, что не хватит для этого деревьев. Когда же тучи попросили ветра найти им врача, земля ответила им, что его и тут не хватает.

Основной прием в балладе — олицетворение. Вся природа, таким образом, вступает в диалог. В русском переводе, наоборот, раненые тучи обращаются к войне, просят дать им бинты, она же им отвечает, что нет столько снега, чтобы всех забинтовать, когда же тучи просят у войны и у дороги костыли, война отвечает, что нет столько деревьев, чтобы всем хватило костылей.

Поэт задается риторическим вопросом, кто поможет бездомным тучам? Тучи вместе с партизанами воевали против врагов, принимая удар на себя. У Максимова тучи вызывают к земле за помощью, чтобы она дала им солдата. И тогда наступила победа.

Автор вводит современный материал в произведение, напоминая о военных конфликтах, перечисляя «горячие точки» на планете: Камбоджа, Египет, Вьетнам. Тучи вновь ранены, они слепнут, ненавидят войну. Лирический субъект обращается с призывом к агрессорам: «Эй, үүл / бичэ хатн! / Кү алачнр, / тован автн!..» [Хоньна М. 1971: 63]. В смысловом переводе: «Эй, не стреляйте в тучи! Убийцы людей, уберите оружие!». В ответ прогремел гром. И лирический герой сжал кулаки. Гром, связанный с тучами, как бы выразил своим грохотом готовность помочь людям в борьбе со злом. Эта мысль в сжатом русском переводе отдана тучам. В своем монологе они отвечают лирическому герою, что их памяти нет по-

коя с той войны: «Но опять внизу под нами / Кое-где чадит земля. / То — забыв про сорок пятый, / Про истории урок, / Ходит факельщик проклятый / С новым факелом тревог» [Хонинов 1977: 120].

У Максимова в кольцевой композиции — от мирной картины дорог и полей, где потом вновь по тревоге собираются тучи, до утверждения туч («Мы, как память о Победе, / Носим по небу грозу») — активизирована тема исторической памяти. Образ грозы становится символом набата, колокола, призыва к защите мира. Диалогическая доминанта баллады проецирована на диалог с читателем. В оригинале 132 строки построены «лесенкой», с парной, перекрестной, сплошной анафорой, с нестрогой рифмовкой, двухстопный хорей; в сокращенном русском переводе — 18 неравномерных строф (90 строк), трехстопный хорей.

Та же тема исторической памяти, мотивированной личной памятью о погибших на войне товарищах, отразилась в балладе «Туршулын хаалһд йова» («Продолжают идти дорогой разведчиков») в переводе фронтовика Александра Николаева: «Не хватает их».

Сюжет построен на авторском воспоминании об одном эпизоде, когда три партизана отправились на разведку и не вернулись. В экспозиции поэт обозначил время и место основных событий. «Дөчн һурвдг жил / догшн үвлин сөөһэр, / даалһврта керг күцэхэр / һурвн көвүдин туршул / Гомель тал һарла» [Хоньна М. 1976: 5]. В смысловом переводе: «В сорок четвертом году, морозной зимней ночью, чтобы выполнить задание, к Гомелю отправилась разведка из трех парней». Во второй строфе дан своего рода метатекст: «Эн һурвна нерн / эн шүлгим төрулв. / Турсунов, Ковшырка, Суворов — тедн дүүвр насарн / туршулын хаалһд йова» [Хоньна М. 1976: 5]. В смысловом переводе: «Имена этих трех и создали это стихотворение. Турсунов, Ковшырка и Суворов так и продолжают молодыми идти дорогой разведчиков». Размышляя об этом, поэт говорит о том, что не хоронили их, они просто ушли. Столько времени прошло, человек мог бы уже прийти, ожидание душу сжигает. Риторическими вопросами автор пытается понять, что случилось: попали разведчики в засаду, поэтому и вестей нет, или, не выполнив задания,

они так и ходят в поисках новой возможности. Он сравнивает себя с матерью, всегда ждущей сына, ушедшего на войну, при каждом теперь полученном письме у него возникает надежда. Он вспоминает, как услышал от соседнего отряда Грицана, что трое его разведчиков на четвертые сутки переправились через трясины. Значит, они могли взорвать поезд. Тогда как командир роты он вызвал командира взвода Журавлева и спросил, явились ли ребята. Тот ответил, что, вероятно, они уже соединились с частями Красной Армии, более ничего неизвестно.

Возвращаясь в сегодняшний день, автор поясняет, что ночной порой, создавая стихи, когда ветер стукнет в дверь, вглядывается в окно, не вернулись ли товарищи. И заканчивает балладу кольцевой композицией, повторив вторую строфу. В стихотворении перечислены конкретные фамилии боевых побратимов. В русском же переводе две фамилии (Турсунов, Суворов) из четырех (Турсунов, Ковшырка, Суворов, Журавлев) заменены иными, но тоже реальными: пулеметчик Козлов, разведчик Прокопенко. И в этой интерпретации, несмотря на то, что известно о гибели троих разведчиков, лирический субъект думает о том, как ему не хватает их. Николаев ввел публицистический мотив: «<...> я по ночам стихи шепчу / и ручкой, / словно автоматом, / прицельно в грудь войны строчу. // Умри, война!» [Хонинов 1974: 60].

Оригинальный текст включает 14 строф из пятистиший, организованных разными видами анафоры (сплошная, парная, тройная), свободной рифмовкой и рифмой, диалогическими репликами, риторическими фигурами, разностопный ямб. По сравнению с переводом (тоже разностопный ямб) оригинал отличается лиризацией повествования, перефразированием калмыцкой пословицы о том, что похороненный не возвращается, а ушедший приходит.

Выводы

Из четырех изученных нами произведений Д. Кугультинова первое не отвечает жанру баллады. Несмотря на то, что сам автор не указал жанр, переводчики атрибутировали три его произведения как балладу. «Баллада истребителя тьмы», «Баллада чистой совести», «Сон в замке» написаны на морально-этические, нравственно-фи-

лософские темы. В двух из них мотивы путешествия и сновидения привносят фантастический элемент, раскрывают философскую концепцию борьбы добра и зла, показывают встречу мертвого и живого, переходы через границу потустороннего и посюстороннего миров, средневековый рыцарский антураж. Обращение автора к современности с помощью спортивной истории вводит в текст исторические лица, способствуя актуализации примеров из настоящей жизни. В трех стихотворениях о тюльпанах, истребителе тьмы и сне в замке есть калмыцкий вектор (степной ландшафт, персонажи-калмыки, автобиографизм), тексты балладного жанра динамичны, сюжетны, конфликтны.

В поэзии М. Хонинова балладный жанр транслирован автором как на малую форму (стихотворение), так и на среднюю форму (поэма-баллада). Для его военной баллады показательны автобиографизм, историзм,

фольклоризм, лиро-эпический характер, тема исторической памяти, сюжет-поединок, сюжет-испытание, героический мотив и фантастический компонент. Балладный стих в поэзии двух поэтов прошлого века не имел строгой связи с определенным метром, строфикой и рифмовкой, но включал обязательную анафору, что подтверждают примеры стихотворений обоих поэтов.

Другие хониновские баллады обращены к миру животных — поединку двух верблюдов-вожаков за власть («Степная баллада»), защите матерью-птицей своих птенцов от змеи («О птице, раненной в бою»). Исторический сюжет с опорой на фольклорные мотивы трансформирован в поэме «Баллада о калмычке», экологический сюжет — в поэме «Баллада о битве с ветром». Эта тема взаимодействия человека с миром природы, сохранения гармонического баланса — другое направление в балладном творчестве поэта, требующее дальнейшего изучения.

Источники

- Кугультинов 1980 — Кугультинов Д. Баллада диких тюльпанов. Баллада истребителя тьмы. Баллада чистой совести // Нева. 1980. № 4. С. 134–136.
- Кугультинов 1988а — Кугультинов Д. Баллада диких тюльпанов // Кугультинов Д. Н. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. Стихотворения, поэмы 1976–1986. Пер. с калм. М.: Худ. лит., 1988. С. 246–247.
- Кугультинов 1988б — Кугультинов Д. Баллада истребителя тьмы // Кугультинов Д. Н. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. Стихотворения, поэмы 1976–1986. Пер. с калм. М.: Худ. лит., 1988. С. 242–243.
- Кугультинов 1988в — Кугультинов Д. Баллада чистой совести // Кугультинов Д. Н. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. Стихотворения, поэмы 1976–1986. Пер. с калм. М.: Худ. лит., 1988. С. 244–245.
- Кугультинов 1988г — Кугультинов Д. Сон в замке // Кугультинов Д. Н. Собр. соч. В 3-х т. Т. 2. Стихотворения, поэмы / пер. с калм. М.: Худ. лит., 1988. С. 173–175.
- Кугультинов 1982а — Кугультинов Д. Зүүдн // Кугультинов Д. Н. Собр. соч. В 3 т. Т. 3. Стихи и поэмы. На калм. яз. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 104–106.
- Кугультинов 1982б — Кугультинов Д. «Хавр гүргүдэн орад...» // Кугультинов Д. Н. Собр. соч. В 3 т. Т. 3. Стихи и поэмы. На калм. яз. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 151–152.
- Кугультинов 1975 — Кугультинов Д. Сон в замке // Литературная Россия. 1975. 10 января. С. 14.
- Көглтин Д. 1980а — Көглтин Д. Седклин дилвр // Хальмг үнн. 1980. Апрель 2. Х. 4.
- Көглтин Д. 1980б — Көглтин Д. Седклин дилвр // Теегин герл. 1980. № 3. Х. 78–79.
- Көглтин Д. 1980в — Көглтин Д. Харһу идэч // Хальмг үнн. 1980. Апрель 2. Х. 4.
- Көглтин Д. 1980г — Көглтин Д. Харһу идэч // Теегин герл. 1980. № 3. Х. 77–78.
- Скотт 1981 — Скотт В. Замок Смальгольм, или Иванов вечер // Английская поэзия в русских переводах (XIV–XIX века). Сборник / сост. М. П. Алексеев, В. В. Захаров, Б. Б. Томашевский. На англ. и русс. яз. М.: Прогресс, 1981. С. 253–264.
- Хонинов 1970а — Хонинов М. Баллада белорусских лесов // Хонинов М. В. Битва с ветром: стихи и поэма. М.: Сов. писатель, 1970. С. 42–44.
- Хонинов 1977 — Хонинов М. Баллада о гневных тучах // Хонинов М. В. Подкова: стихи и поэма. М.: Современник, 1977. С. 118–121.
- Хонинов 1972 — Хонинов М. Баллада о недокуренной сигарке // Хонинов М. В. Все начинается с дороги: стихи и поэма. М.: Современник, 1972. С. 70–74.

- Хонинов 1974 — *Хонинов М.* Не хватает их // Хонинов М. В. Орлы над степью: стихи. М.: Сов. писатель, 1974. С. 58–61.
- Хоньна М. 1970б — *Хоньна М.* Белоруссин ө-шуһу модна туск баллад // Теегин герл. 1970. № 2. X. 4–5.
- Хоньна М. 1978 — *Хоньна М.* Зөргиг зүркнд суулһдг болхнь... // Хальмг үнн. 1978. Октябрин 26. X. 4.
- Хоньна М. 1969а — *Хоньна М.* Зургин туск баллад // Хальмг үнн. 1969. Июлин 16. X. 4.
- Хоньна М. 1969б — *Хоньна М.* Кличевин туск баллад // Теегин герл. 1969. № 4. X. 98–99.
- Хоньна М. 1966 — *Хоньна М.* Күцц эс татгден цигарк // Хальмг үнн. 1966. Мартын 26. X. 3.
- Хоньна М. 1967 — *Хоньна М.* Салькнла бээр бәрлдсн баллада // Хальмг үнн. 1967. Июлин 30. X. 3–4.
- Хоньна М. 1976 — *Хоньна М.* Туршулын хаалһд йова // Хоньна М. Шүлг мини, делгр: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1976. X. 5–8.
- Хоньна М. 1971 — *Хоньна М.* Үүлнэ туск баллад // Хоньна М. Эрэсэн теңгр дор: шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1971. X. 60–63.
- Хоньна М. 1979 — *Хоньна М.* Хальмг күүкнэ туск баллад // Хальмг үнн. 1979. Апрельн 20. X. 4; Апрельн 26. X. 4; Апрельн 27. X. 4.

Sources

- Khonina M. If Only Could We Transplant the Bravery into Hearts Khal'mg ünn. 1978. October, 26. P. 4. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of Belarusian Forests. Teegin gerl. 1970. No. 2. Pp. 4–5. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of Klichev. Teegin gerl. 1969. No. 4. Pp. 98–99. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of The Cigarette That Was Never Smoked till. Khal'mg ünn. 1966. March, 26. P. 3. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of the Kalmyk Woman. Khal'mg ünn. 1979. April, 20. P. 4; April, 26. P. 4; April, 27. P. 4. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of the Portrait. Khal'mg ünn. 1969. July, 16. P. 4. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of the Struggle against Wind. Khal'mg ünn. 1967. July, 30. Pp. 3–4. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of Thunderclouds. [Under Russia's Sky]. Poems. Elista: Kalm. Book Publ., 1971. Pp. 60–63. (In Kalm.)
- Khonina M. Those Who Follow the Path of Reconnaissance Scouts. [My Poem, My Path]. Poems. Elista: Kalm. Book Publ., 1976. Pp. 5–8. (In Kalm.)
- Khoninov M. The Ballad of Belarusian Forests. [Fighting the Wind]. Poems. Moscow: Sov. Pisatel', 1970. Pp. 42–44. (In Russ.)
- Khoninov M. The Ballad of The Cigarette That Was Never Smoked till. [It All Begins with the Road]. Poems. Moscow: Sovremennik, 1972. Pp. 70–74. (In Russ.)
- Khoninov M. The Ballad of Wrathful Clouds. [The Horseshoe]. Moscow: Sovremennik, 1977. Pp. 118–121. (In Russ.)
- Khoninov M. I Miss Them. [Eagles over the Steppe]. Poems. Moscow: Sov. Pisatel', 1974. Pp. 58–61. (In Russ.)
- Kugultinov D. At the Height of Spring [Collected works]. In 3 vols. Vol. 3. Poems. Elista: Kalm. Book Publ., 1982. Pp. 151–152. (In Kalm.)
- Kugultinov D. The Ballad of Clear Conscience. [Collected works]. In 3 vols. Vol. 3. Poems of 1976–1986. Transl. from Kalm. Moscow: Khudozh. Lit., 1988. Pp. 244–245. (In Russ.)
- Kugultinov D. The Ballad of the Darkness Extinguisher. [Collected works]. In 3 vols. Vol. 3. Poems of 1976–1986. Transl. from Kalm. Moscow: Khudozh. Lit., 1988. Pp. 242–243. (In Russ.)
- Kugultinov D. The Ballad of Wild Tulips. [Collected works]. In 3 vols. Vol. 3. Poems of 1976–1986. Transl. from Kalmyk. Moscow: Khudozh. Lit., 1988. Pp. 246–247. (In Russ.)
- Kugultinov D. The Ballad of Wild Tulips. The Ballad of the Darkness Extinguisher. The Ballad of Clear Conscience. Neva. 1980. No. 4. Pp. 134–136. (In Russ.)
- Kugultinov D. The Dream. [Collected works]. In 3 vols. Vol. 3. Poems. Elista: Kalm. Book Publ., 1982. Pp. 104–106. (In Kalm.)
- Kugultinov D. A Dream in the Castle. [Collected works]. In 3 vols. Vol. 2. Poems. Transl. from Kalm. Moscow: Khudozh. Lit., 1988. Pp. 173–175. (In Russ.)
- Kugultinov D. A Dream in the Castle. Literaturnaya Rossiya. 1975. January, 10. P. 14. (In Russ.)
- Kögltin D. The Darkness Extinguisher. Teegin gerl. 1980. No. 3. Pp. 77–78. (In Kalm.)
- Kögltin D. The Darkness Extinguisher. Khal'mg ünn. 1980. April, 2. P. 3. (In Kalm.)
- Kögltin D. The Victory of Soul. Khal'mg ünn. 1980. April, 2. P. 3. (In Kalm.)
- Kögltin D. The Victory of Soul. Teegin gerl. 1980. No. 3. Pp. 78–79. (In Kalm.)
- Scott V. Smaylhome Castle, or on the Eve of St. John. [English poetry in Russian translations (14th–19th cc.)]. Coll. works. M. P. Alekseev, V. V. Zakharov, B. B. Tomashevsky (comps.). Moscow: Progress, 1981. Pp. 253–264. (In Russ. and Eng.)

Литература

- Квятковский 1966 — *Квятковский А. П.* Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 376 с.
- Килганова 1971 — *Килганова З.* В атаку поднимался первым (о поэзии Михаила Хонинова) // *Килганова З. И. Поэты и время.* Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. С. 101–113.
- КРС 1977 — *Калмыцко-русский словарь.* 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Магомедова 2008 — *Магомедова Д. М.* Баллада // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий* / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008. С. 26–27.
- Мусова 1977 — *Мусова Н. Н.* Патриотические мотивы в калмыцкой поэзии военных лет // *Национальные традиции и генезис социалистического реализма в калмыцкой литературе.* Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 82–98.
- Травников, Ольшевская 2006 — *Травников С. Н., Ольшевская Л. А.* «И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет...» (Фольклорные и литературные истоки русской классической баллады) // *Русская баллада. История и теория жанра.* Сб. научных статей. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2006. С. 3–33.
- Ханинова 2015 — *Ханинова Р. М.* «Баллада о жалости» М. Хонинова в аспекте фольклорных традиций // XII Сургучевские чтения. Литература и журналистика в пламени войны: от Первой мировой до Великой Победы. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. С. 118–125.
- Ханинова 2016 — *Ханинова Р. М.* Баллада М. Хонинова о войне: фольклорные традиции и новации // *Кочевые народы юга России: исторический опыт и современность.* Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2016. С. 403–407.
- Ханинова 2019 — *Ханинова Р. М.* Баллада о войне в калмыцкой поэзии XX века // *Новый филологический вестник.* 2019. № 1. С. 194–206. DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00014.
- Засыпко 2012 — *Владислав Засыпко.* Баллада о чистой совести [электронный ресурс] // 19.06.2012 г. URL: <http://justboxing.net/legendy-boksa/vladislav-zasytko-ballada-o-chistoj-sovesti.html> (дата обращения: 18.04.2019).
- Надыров 2016 — *Бабан Надыров:* «Мастерство было, а вот удачи...» [электронный ресурс] // *Московский бокс,* 25.11.2016 г. URL: <http://moskvavringe.ru/boks-v-moskve-chempioni-moskvi-istoria-boksa-v-moskve/693-baban-nadyrov-masterstvo-bylo-a-vot-udachi.html> (дата обращения: 18.04.2019).
- moskvi-istoria-boksa-v-moskve/693-baban-nadyrov-masterstvo-bylo-a-vot-udachi.html (дата обращения: 18.04.2019)
- ЯИК 2003 — Я изучаю калмыцкий. Малый русско-калмыцкий словарь / Сост. И. К. Илишкин, Б. Д. Муниев, В. Д. Бадмаева, О. М. Шургучинова. На рус. и калм. яз. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 512 с.

References

- [I Study Kalmyk: a concise Russian-Kalmyk dictionary]. I. K. Ilishkin, B. D. Muniev, V. D. Badmaeva, O. M. Shurguchinova (comps.). Elista: Kalm. Book Publ., 2003. 512 p. (In Kalm. and Russ.)
- [Kalmyk-Russian dictionary]. 26 000 entries. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Khaninova R. M. M. Khoninov's war ballads: folklore traditions and innovations. [Nomadic peoples of South Russia: historical experiences and contemporaneity]. Elista: Dzhangar, 2016. Pp. 403–407. (In Russ.)
- Khaninova R. M. The Ballad of Ruth by M. Khoninov: a perspective from folklore traditions. [12th Surguchev Readings. Literature and Journalism in the Heat of War: from WWI to the Great Victory]. Stavropol: North Caucasus Federal Univ., 2015. Pp. 118–125. (In Russ.)
- Khaninova R. M. The war ballad in 20th-century Kalmyk poetry. The New Philological Bulletin. 2019. No. 1. Pp. 194–206 (DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00014). (In Russ.)
- Kilganova Z. He Who Was the First to Attack (revisiting Mikhail Khoninov's poetry). [Poets and Time]. Elista: Kalm. Book Publ., 1971. Pp. 101–113. (In Russ.)
- Kvyatkovsky A. P. [Poetic dictionary]. Moscow: Sov. Entsiklopediya, 1966. 376 p. (In Russ.)
- Magomedova D. M. Ballad. [Poetics: a glossary of actual terms and concepts]. N. D. Tamarchenko (ed.). Moscow: Kulagina Publ., Intrada, 2008. Pp. 26–27. (In Russ.)
- Musova N. N. Patriotic motifs in Kalmyk poetry of the war period. [National traditions and genesis of Socialist realism in Kalmyk literature]. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1977. Pp. 82–98. (In Russ.)
- Nadyrov, Baban. ['There Was Mastery, But When It Came to Good Luck ...']. An Internet resource: <http://moskvavringe.ru/boks-v-moskve-chempioni-moskvi-istoria-boksa-v-moskve/693-baban-nadyrov-masterstvo-bylo-a-vot-udachi.html> (accessed: 18 April 2019). (In Russ.)

- Travnikov S. N., Olshevskaya L. A. 'Surrounded by Fatal Flames, One Can Escape No Fate of His ...' (folklore and literary sources of the Russian classical ballad). [The Russian ballad: history and theory of the genre]. Coll. articles. Moscow, 2006. Pp. 3–33. (In Russ.)
- Zasytko, Vladislav. [The Ballad of Clear Conscience]. An Internet resource: <http://justboxing.net/legendy-boksa/vladislav-zasytko-ballada-o-chistoj-sovesti.html> (accessed: 18 April 2019). (In Russ.)





Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 2, pp. 334–336, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-334-336
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

Терентьев В. И.¹ Рец.: Цыпилова С. С. Женский вопрос в государственной политике Монголии (1924–2000-е гг.). Улан-Удэ: Изд-во ФГБОУ ВО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова», 2015. 181 с.

¹ Улан-Баторский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (д. 131, пр-т Мира, 210351 Улан-Батор, Монголия).

кандидат исторических наук, преподаватель

ORCID: 0000-0003-1258-6865. E-mail: vlad33@bk.ru

Terentyev V¹. Book Review: Tsypilova S. S. *Zhenskiy vopros v gosudarstvennoy politike Mongolii (1924–2000-e gg.)* [Women's Issue in the State Policy of Mongolia (1924–2000s)]. Ulan-Ude: Philippov Buryat State Academy of Agriculture, 2015. 181 p.

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Ulaanbaatar Branch (131, Pr. Mira, Ulaanbaatar 210351, Mongolia).

Cand. Sc. (History), Lecturer

ORCID: 0000-0003-1258-6865. E-mail: vlad33@bk.ru

Современная Монголия в массовом представлении воспринимается как страна кочевников, сохраняющая патриархально-традиционный уклад и высокую социальную роль мужчин.

Сегодня подобный взгляд требует активного пересмотра, поскольку половина населения проживает в столице, городская молодежь недостаточно знакома с реальным кочевым бытом и не желает связывать свою жизнь с разведением скота, а роль женщины, инициативно меняющей представление о себе как о типичной хранительнице очага и домохозяйке, трансформируется.

Попытку такой переоценки понимания роли и места женщины в истории Монголии XX – нач. XXI в. предприняла бурятская исследовательница С. С. Цыпилова. В рецензируемой монографии, опубликованной на основе материалов диссертационного исследования, анализируется государственная политика в отношении женщин Монголии с

периода возникновения МНР до современности. Фактически работа состоит из двух глав, содержащих в себе по три раздела, введения, заключения, глоссария, приложения и списка литературы.

Во введении рассматривается историография вопроса и обосновывается новизна заявляемой темы. Своеобразным украшением текста могла бы стать трактовка авторского понимания словосочетания «женский вопрос», неоднократно встречающегося на страницах книги [Цыпилова 2015: 13, 53, 67 и др.].

Первая глава описывает государственное участие в изменении положения женщин в монгольском обществе социалистического периода. В первом ее разделе рассматриваются социально-экономические и культурные аспекты. Демонстрируется процесс создания и разветвления системы образовательных учреждений. Отмечается рост грамотности и образованности среди

монгольских женщин, активная политика государства по защите интересов детей и матерей. Особое внимание привлекает практика введения налога на бездетность с целью повышения рождаемости в стране. В результате социалистических преобразований монгольская женщина перестала быть просто женой и матерью, «она получила права на участие в экономической, политической и других сферах жизни общества» [Цыпилова 2015: 37].

В повествовании раздела встречается кажущееся противоречие: «в традиционном монгольском обществе женщины находились в подчиненном положении <...>, в семейной жизни монгольская женщина пользовалась относительной свободой» [Цыпилова 2015: 9–10], хотя далее опять же упоминаются возможное физическое насилие и допускаемое многоженство без указания конкретных ссылок и возможных примеров. Во-первых, хотелось бы уточнить: многоженство практиковалось редко, преимущественно в княжеских зажиточных семьях, бедняки (преобладающее большинство) были моногамны [Народы МНР 1965: 765; Дугарова, Дымбрылова 2017: 120–121].

Возможные вступления во второй брак среди массы скотоводов случались с целью деторождения. Несмотря на то, что в летописях и в историографии приводятся обширные сведения о полигамии, общество, по мнению исследователей, не всегда одобряло это. Причем, если хан или князь и обзаводился несколькими женами, то они не могли проживать вместе. Без приведенных поправок у читателя складывается впечатление о повсеместном распространении многоженства в традиционном монгольском социуме. Подобных комментариев требует тезис о домашнем насилии в отношении женщин. Здесь, по-моему, стоит видеть конкретные бытовые причины данного негативного явления, присущему в определенных ситуациях любому обществу.

Во-вторых, автор, вероятно, сам не обратил внимания на синтезированное им противоречие «свободно-закрепощенной» женщины, которое как раз и говорит о сложности «гендерной» интерпретации монгольского общества, которое, на первый взгляд, кажется сугубо патриархальным. При более детальном изучении страны открываются иные роли женщины.

Следующий раздел первой главы описывает конституционный процесс получения женщиной МНР широких прав и свобод. Анализируются статьи Семейного кодекса и отмечается заимствование опыта СССР. В заключительном разделе главы характеризуется участие женщин в общественно-политической и государственной жизни страны. В этой деятельности важную роль сыграли Монгольский революционный союз молодежи, Комитет монгольских женщин и женсоветы. Приводятся подробные цифры по количеству женщин среди депутатов Великого народного хурала, которые в 1981 г. составляли 27,3 % от 370 человек [Цыпилова 2015: 59].

Тем не менее, несмотря на позитивную оценку социалистических решений «женского вопроса», автор констатирует: поскольку «женщины были отстранены от реального участия в процессе принятия решений <...>, в рамках государственной политики [они являлись] не объектом, а субъектом» [Цыпилова 2015: 72].

Во второй главе дается оценка государственной политике и положению женщины в современном монгольском обществе. В первом разделе обрисовываются основные проблемы женщин переходного периода: рост смертности, аборт, уменьшение числа учреждений здравоохранения, безработица, бедность, домашнее насилие, понижение уровня медицинских знаний у населения и общее падение уровня образованности. Несмотря на указанную С. С. Цыпиловой тенденцию «к выравниванию соотношения девушек и юношей в вузах» [Цыпилова 2015: 81], в 2018–2019 уч.г. из 157 625 студентов первых насчитывалось 64 073, вторых — 93 552 [Статистическая информация 2018–2019]. Такая разница сохраняется последние десять лет. К моменту выхода монографии пропорции были примерно такие же: из 178 295 обучающихся насчитывалось 102 520 девушек [Статистическая информация 2014–2015].

Во втором разделе анализируются права женщин, закрепленные в современном монгольском законодательстве: Конституции, Законе о пенсиях, Законе о труде, Гражданском Кодексе, Законе о семье, Законе о борьбе с насилием в семье и т. д. Отмечается вектор на пересмотр всей законодательной базы на предмет выявления гендерной

дискриминации, подробно рассматриваются рабочие права женщин и критикуется новое для Монголии криминальное явление — торговля людьми.

Последний раздел посвящен политике государства по обеспечению равенства женщин, проводимой на основании правительственной программы, принятой в марте 1996 г., специальной Национальной программы по гендерному равенству, Национальной программы по правам человека и ряда других документов.

Особый интерес вызывает противоречивая практика квотирования мест, предоставляемых женщинам в партиях и в Великом государственном хурале (в идеале — 30 %). Такой подход не всегда одобряется самими парламентариями: доля женщин-депутатов составляет примерно 4 %. По справедливому замечанию автора, при социализме дела в этом направлении обстояли лучше, и часть заседавших в хурале женщин равнялась 23–25 % [Цыпилова 2015: 118].

В заключении книги автор подводит итоги исследования, частично дублируя

выводы по главам и разделам монографии. Глоссарий содержит специальную терминологию по вопросам гендера. В качестве приложения опубликованы разнообразные статистические материалы, не привязанные к основному тексту работы. Несмотря на то, что они во многом иллюстрируют отдельные страницы книги, приложения фактически существуют автономно от содержания монографии. Отдельно стоит отметить «портреты монгольских женщин» и, в частности, краткие биографические справки по женщинам — членам монгольского парламента — сведения, малодоступные для большинства русскоязычных читателей.

Монография поднимает важную, особенно для современной Монголии, тему гендерного равенства. Публикации монгольских социологов по данному направлению подтверждают актуальность подобных исследований. Историческая работа С. С. Цыпиловой будет прекрасной основой для дальнейшего изучения гендерных проблем современного монгольского общества.

Литература

- Дугарова, Дымбрылова 2017 — Дугарова С. Ж., Дымбрылова И. Е. Генезис монгольского частного права // *Wschodni o europejskie Czasopismo Naukowe*. 2017. № 2–1 (18). С. 119–123.
- Народы МНР 1965 — Народы МНР // Народы Восточной Азии. М.; Л.: Наука, 1965. С. 697–788.
- Статистическая информация 2014–2015 — Статистическая информация по высшему образованию за 2014–2015 уч. г. [электронный ресурс] // Министерство образования, культуры, науки и спорта Монголии. 4 июня 2018 г. URL: <https://mecss.gov.mn/news/725/> (дата обращения: 10.03.2019 г.).
- Статистическая информация 2018–2019 — Статистическая информация по высшему образованию за 2018–2019 уч. г. [электронный ресурс] // Министерство образования, культуры, науки и спорта Монголии. 4 марта 2019 г. URL: <https://mecss.gov.mn/news/1388/> (дата обращения: 10.03.2019 г.).
- Цыпилова 2015 — Цыпилова С. С. Женский вопрос в государственной политике Монголии

(1924–2000-е гг.). Улан-Удэ: Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова, 2015. 181 с.

References

- [Statistical information: higher education in the 2014–2015 academic year]. An Internet resource: <https://mecss.gov.mn/news/725/> (accessed: 10 March 2019). (In Mong.)
- [Statistical information: higher education in the 2018–2019 academic year]. An Internet resource: <https://mecss.gov.mn/news/1388/> (accessed: 10 March 2019). (In Mong.)
- Dugarova S. Zh., Dymbrylova I. E. Genesis of Mongolian private law. *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe*. 2017. No. 2-1 (18). Pp. 119–123 (In Russ.)
- Peoples of the MPR. [East Asian Peoples]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. Pp. 697–788. (In Russ.)
- Tsypilova S. S. [The women's issue in Mongolia's state policies (1924–2000s)]. Ulan-Ude: V. R. Filippov Buryat State Academy of Agriculture, 2015. 181 p. (In Russ.)



НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES
(Вестник КИГИ РАН)

2019. № 2

Главный редактор: В. В. Куканова

Дата выхода: 31.05.2019.
Формат бумаги 60х84¹/₈. Усл. печ. л. 20,46.
Свободная цена. Подписной индекс 10236.
Тираж 100 экз. Заказ 06-19.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

